

Один из самых популярных детективных сериалов в мире

Красношейка

Ю НЕСБЁ

ЗЛО ПРИХОДИТ ИЗ ПРОШЛОГО

Красношейка
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Красношейка
Часть первая. Из праха
Эпизод 1. Переезд возле моста Алнабрю, 1 нояб-ря 1999 года
Эпизод 2. Осло, вторник, 5 октября 1999 года
Эпизод 3. Улица Карл-Юханс-гате, 5 октября 1999 года
Эпизод 4. МИД Норвегии, Виктория-Террасе, 5 октября 1999 года
Эпизод 5. Дворцовый парк, 5 октября 1999 года
Эпизод 6. Полицейский участок, Грёнланн, 10 октября 1999 года
Эпизод 7. Кабинет Мёллера, 10 октября 1999 года
Эпизод 8. Железнодорожный переезд у моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года
Часть вторая. Бытие
Эпизод 9. 1942 год
Эпизод 10. Окрестности Ленинграда, 31 декабря 1942 года
Эпизод 11. Окрестности Ленинграда, 1 января

1943 года
Эпизод 12. Окрестности Ленинграда, 2 января 1943 года
Эпизод 13. Окрестности Ленинграда, 3 января 1943 года
Эпизод 14. МИД Норвегии, 4 ноября 1999 года
Эпизод 15. Санктхансхёуген, 4 ноября 1999 года
Эпизод 16. Гостиница «Рэдиссон САС», площадь Хольбергс-пласс, 5 ноября 1999 года
Эпизод 17. Полицейский участок, 5 ноября 1999 года
Эпизод 18. Дворцовый парк, 10 ноября 1999 года
Эпизод 19. Пиццерия «У Герберта», площадь Юнгсторгет, 12 ноября 1999 года
Эпизод 20. Пиццерия «У Герберта», 15 ноября 1999 года
Эпизод 21. Окрестности Ленинграда, 17 января 1944 года
Эпизод 22. Приемная доктора Буера, 22 декабря 1999 года
Часть третья. Урия
Эпизод 23. Госпиталь Рудольфа II, Вена, 7 июня 1944 года
Эпизод 24. Стадион Бишлет, канун нового 1999 года
Эпизод 25. Госпиталь Рудольфа II, Вена, 8 июня

1944 года
Эпизод 26. СБП, полицейский участок, 21 февраля 2000 года
Эпизод 27. Линц, 9 июня 1944 года
Эпизод 28. Сильян, фюльке Телемарк, 22 февраля 2000 года
Эпизод 29. Госпиталь Рудольфа II, Вена, 23 июня 1944 года
Эпизод 30. Полицейский участок, 24 февраля 2000 года
Эпизод 31. Летний дом семьи Ланг, Вена, 25 июня 1944 года
Эпизод 32. Йоханнесбург, 28 февраля 2000 года
Эпизод 33. Лайнцер-Тиргартен, Вена, 27 июня 1944 года
Эпизод 34. Вена, 28 июня 1944 года
Часть четвертая. Чистилище
Эпизод 35. Грузовой порт в Бьёрвике, 29 февраля 2000 года
Эпизод 36. Улица Ирисвейен, 1 марта 2000 года
Эпизод 37. Отель «Континенталь», второй этаж, 1 марта 2000 года
Эпизод 38. Тренажерный центр «САТС», Ила, 2 марта 2000 года
Эпизод 39. Бутик «House of Singles», улица Хегдехёугсвейен, 2 марта 2000 года

Эпизод 40. Холменколлен, 3 марта 2000 года
Эпизод 41. Улица Вибес-гате, Майорстуа, 3 марта 2000 года
Эпизод 42. СБП, 3 марта 2000 года
Эпизод 43. «САТС», 3 марта 2000 года
Эпизод 44. Кабинет Харри, 6 марта 2000 года
Эпизод 45. Согн, 6 марта 2000 года
Эпизод 46. Драммен, 7 марта 2000 года
Эпизод 47. Кабинет Эллен, 7 марта 2000 года
Эпизод 48. Бар «Молва», Гренсен, 7 марта 2000 года
Эпизод 49. Кинотеатр «Гимле», Бюгдёй-алле, 7 марта 2000 года
Эпизод 50. Осло, 8 марта 2000 года
Эпизод 51. Гамбург, 30 июня 1944 года
Часть пятая. Семь дней
Эпизод 52. Улица Енс-Бьелькес-гате, 9 марта 2000 года
Эпизод 53. Улица Енс-Бьелькес-гате, 10 марта 2000 года
Эпизод 54. Улица Енс-Бьелькес-гате, 13 марта 2000 года
Эпизод 55. Улица Енс-Бьелькес-гате, 14 марта 2000 года
Эпизод 56. Улица Енс-Бьелькес-гате, 15 марта 2000 года

Эпизод 57. Улица Енс-Бьелькес-гате, 16 марта 2000 года
Эпизод 58. Улица Енс-Бьелькес-гате, 17 марта 2000 года
Часть шестая. Вирсавия
Эпизод 59. Кабинет Мёллера, 24 апреля 2000 года
Эпизод 60. МИД Норвегии, 27 апреля 2000 года
Эпизод 61. Полицейский участок, 27 апреля 2000 года
Эпизод 62. СБП, 2 мая 2000 года
Эпизод 63. Улица Крукливейен, Бьерке, 2 мая 2000 года
Эпизод 64. Улица Крукливейен, 2 мая 2000 года
Эпизод 65. Ресторан «Шрёдер», 2 мая 2000 года
Эпизод 66. Ресторан «Диннер», 5 мая 2000 года
Эпизод 67. Квартира Халворсена, 6 мая 2000 года
Эпизод 68. Улица Вибес-гате, 8 мая 2000
Эпизод 69. Улица Ирисвейен, 8 мая 2000 года
Эпизод 70. Особняк Браннхёуга, Нурберг, 9 мая 2000 года
Эпизод 71. Поезд «Фредрикстад – Халден», 10 мая 2000 года
Эпизод 72. Нурберг и отель «Континенталь», 10 мая 2000 года

Эпизод 73. Клиппан, Швеция, 11 мая 2000 года
Часть седьмая. В черной мантии
Эпизод 74. Главный государственный госпиталь, 11 мая, 2000 года
Эпизод 75. Кабинет Мёллера, 12 мая 2000 года
Эпизод 76. Улица Ирисвейен, 12 мая 2000 года
Эпизод 77. Старый кабинет, 12 мая 2000 года
Эпизод 78. Улица Ирисвейен, 12 мая 2000 года
Эпизод 79. Полицейский участок, 12 мая 2000 года
Эпизод 80. Улица Парквейен, Ураниенборг, 12 мая 2000 года
Эпизод 81. Пиццерия «У Герберта», 12 мая 2000 года
Эпизод 82. Склон Холменколлена, 12 мая 2000 года
Эпизод 83. Квартира Харри, 12 мая 2000 года
Эпизод 84. Крепость Акерсхус, 13 мая 2000 года
Часть восьмая. Откровение
Эпизод 85. Вена, 14 мая 2000 года
Эпизод 86. Дворцовый парк, 14 мая 2000 года
Эпизод 87. Вена, 14 мая 2000 года
Эпизод 88. Улица Терессе-гате, 15 мая 2000 года
Эпизод 89. Грёнланслейр, 16 мая 2000 года
Эпизод 90. Полицейский участок, 16 мая 2000 года

Эпизод 91. Улица Ирисвейен, Осло, 16 мая 2000 года
Эпизод 92. Улица Холменколлвейен, 16 мая 2000 года
Эпизод 93. Улица Холменколлвейен, 17 мая 2000 года
Часть девятая. Судный день
Эпизод 94. Осло, 17 мая 2000 года
Эпизод 95. Окрестности Ленинграда, 12 декабря 1942 года
Эпизод 96. Окрестности Ленинграда, ночь на 1 января 1943 года
Эпизод 97. Окрестности Ленинграда, 3 января 1943 года
Эпизод 98. Лазарет на участке «Север», окрестности Ленинграда, 17 января 1944 года
Эпизод 99. Венский лес, 29 мая 1944 года
Эпизод 100. Вена, 29 июня 1944 года
Эпизод 101. Гамбург, 30 июня 1944 года
Эпизод 102. Нурмарка, 12 июля 1944 года
Эпизод 103. Осло, 13 мая 1945 года
Эпизод 104. Осло, 27 августа 1945 года
Эпизод 105. Ресторан «Шрёдер», 23 сентября 1948 года
Эпизод 106. Осло, 3 августа 1950 года
Эпизод 107. Главный государственный госпи-

таль, 1956 года
Эпизод 108. Главный государственный госпиталь, 12 марта 1967 года
Эпизод 109. Осло, 7 октября 1999 года
Эпизод 110. Осло, 16 октября 1999 года
Эпизод 111. Осло, 15 ноября 1999 года
Эпизод 112. Осло, 6 февраля 2000 года
Эпизод 113. Осло, 17 мая 2000 года
Эпизод 114. Осло, 17 мая 2000 года
Эпизод 115. Гостиница «Рэдиссон САС», 17 мая 2000 года
Часть десятая. И воскреснут
Эпизод 116. Уллеволская больница, 19 мая 2000 года
Эпизод 117. Полицейский участок, 19 мая 2000 года
Эпизод 118. Ресторан «Шрёдер», 1 июня 2000 года

Аннотация

В полицию Осло поступила информация о нелегальном приобретении редкого и очень страшного оружия – винтовки Мерклина с оптическим прицелом, запрещенной к продаже немецкими властями. Возможно, экземпляр был куплен коллекционером, однако шестое чувство подсказывает детективу Харри Холе: покупателя нужно найти как можно скорее. Поиски приводят к событиям Второй мировой, когда Норвегии пришлось выбирать между двумя угрозами XX века: красной и коричневой чумой. Однако расследование заходит в тупик, а в деле появляется все больше трупов…

Ю Несбё
Красношейка

Но мало-помалу она набралась храбрости, подлетела прямо к страдальцу и вырвала клювом один из шипов, вонзившихся в его чело. В это время на ее шейку упала капля крови распятого. Она быстро растеклась и окрасила собой все нежные перышки на шейке и грудке птички. Распятый открыл глаза и шепнул Красношейке: «В награду за свое милосердие ты получила то, о чем мечтало твое племя с самого дня сотворения мира».

Сельма Лагерлёф, «Легенды о Христе»

Часть первая
Из праха

Эпизод 1
Переезд возле моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года

Серая птичка то пропадала, то вновь появлялась в поле зрения Харри. Он барабанил пальцами по рулю. Как медленно тянется время. Вчера кто-то по телевизору рассказывал, как медленно может тянуться время. Сейчас оно как раз такое. Словно в новогоднюю ночь перед тем, как пробьет двенадцать. Или на электрическом стуле — перед тем, как повернется рубильник.

Он забарабанил сильнее.

Их машина стояла на открытой площадке за билетной кассой на переезде. Эллен сделала автомагнитолу чуть громче. В голосе репортера слышалась благоговейная торжественность:

— Самолет приземлился пятьдесят минут назад, и ровно в шесть часов тридцать восемь минут президент ступил на норвежскую землю. Его приветствовал председатель коммуны Евнакер. Здесь, в Осло, прекрасная осенняя погода, замечательный норвежский фон для этих переговоров. Давайте еще раз послушаем, что сказал прези-

дент журналистам полчаса назад.

Это повторяли уже в третий раз. Харри снова представил себе вопящую толпу журналистов, лезущих за заграждение. А по другую сторону заграждения — людей в сером, которые не давали себе особого труда скрывать, что они секретные агенты, лишь пожимая плечами в ответ на вопросы. Эти сканируют взглядом толпу, в десятый раз проверяют, держится ли в ухе динамик, — снова оглядывают толпу — поправляют черные очки — сканируют толпу — на пару секунд задерживаются взглядом на фотографе со слишком длинным объективом камеры — продолжают сканировать — в сотый раз проверяют динамик в ухе… Кто-то произносит приветствие по-английски, тишина, потрескивает микрофон.

– *First let me say I'm delighted to be here…*[1] — в четвертый раз сказал президент с явственным хрипловатым американским выговором.

— Я читала, один известный американский психолог выявил у президента раздвоение личности, — сказала Эллен.

— Раздвоение личности?

— Раздвоение личности. Как в истории про док-

---

[1] Примечания: 1

Во-первых, разрешите мне выразить свою радость по поводу того, что я здесь… (*англ.*)

тора Джекилла и мистера Хайда. Этот психолог пишет, что обычная сущность президента ничего не подозревала о том, что вторая его сущность, похотливое животное, вступала в половые отношения со всеми этими женщинами. И поэтому Верховный суд не может судить его за то, что он лгал об этом под присягой.

— Кошмар, — отозвался Харри, бросив взгляд на пролетающий над ними вертолет.

По радио кто-то спрашивал по-английски с норвежским акцентом:

— Господин президент, это ваш первый визит в Норвегию за второй президентский срок. Что вы чувствуете?

Пауза.

— Очень приятно побывать здесь снова. Но я считаю гораздо более важным то, что здесь могут встретиться глава государства Израиль и лидер палестинского народа. Это ключ к…

— Запомнился ли вам первый визит сюда, господин президент?

— Конечно. Я надеюсь, что на сегодняшних переговорах мы сможем…

— Каково значение Осло и Норвегии для дела мира во всем мире, господин президент?

— Норвегия сыграла важную роль.

Голос без норвежского акцента:

— Господин президент, вы считаете, что реально добиться конкретных результатов?

Здесь запись прерывалась, дальше продолжал голос из студии:

— Итак, вы слышали. Президент считает, что Норвегия играет решающую роль для… э-э-э… достижения мира на Ближнем Востоке. В данный момент президент направляется в…

Харри тяжело вздохнул и выключил радио.

— Что происходит со страной, Эллен?

Девушка пожала плечами.

«Проходят пункт двадцать семь», — послышалось из рации на приборной панели.

Он посмотрел на Эллен:

— На постах все в порядке?

Она кивнула.

— Значит, все, как и раньше, — сказал он.

Она подняла глаза к небу. Он сказал это уже раз пятьдесят с тех пор, как кортеж выехал из Гардермуена. Оттуда, где стояла их машина, было видно пустое шоссе, тянущееся от переезда к северу, на Трустерюд и Фурусет. Сигнальная лампочка на крыше лениво вращалась. Харри опустил стекло и протянул руку, чтобы смахнуть блекло-желтый лист, попавший под стеклоочиститель.

— Смотри, красношейка, — сказала Эллен и показала куда-то. — Редкая птичка для поздней осени.

— Где?

— Там. На крыше кассы.

Харри высунулся в переднее окно:

— Да? Значит, это красношейка?

— Ну да, красношейка, или малиновка. Хотя, думаю, ты не отличил бы ее от снегиря, верно?

— Верно. — Харри заслонил глаза от солнца. Зрение, что ли, падает?

— Красношейка — редкая птица, — сказала Эллен, завинчивая пробку термоса.

— Не сомневаюсь, — сказал Харри.

— Девяносто процентов улетают на юг, но есть такие, которые рискуют остаться.

— Вроде *этой?*

Снова голос по рации:

«Центр, я шестьдесят второй. Неизвестный автомобиль стоит у дороги в ста метрах от поворота на Лёренскуг».

Ответ Центра — низкий голос, картавый бергенский выговор:

— Подождите, шестьдесят второй. Проверяем.

Тишина.

— А туалеты вы проверили? — спросил Харри,

кивая на автозаправку «ESSO».

— Да. На заправке никого нет, даже персонала. Только начальник. Его мы заперли в конторе.

— Билетные кассы тоже?

— Проверили. Успокойся, Харри, все ключевые пункты в порядке. Ну так вот, те, которые остаются, надеются на теплую зиму, понимаешь? Иногда все обходится благополучно, но если они ошибутся — они погибнут. Так почему бы не улететь на юг, на всякий случай, наверное, думаешь ты. Может, им просто лень улетать?

В зеркале Харри видел охранников с обеих сторон железнодорожного моста. В черном, при шлемах и автоматах «МП-5» на груди. Даже отсюда в их жестах была заметна напряженность.

— Штука в том, что если зима будет теплой, они успеют выбрать лучшее место для гнезда прежде, чем другие вернутся домой, — рассказывала Эллен, пытаясь запихнуть термос в и без того битком набитую сумку. — Осознанный риск, понимаешь? Проиграл вчистую или взял джек-пот. Ты сам решаешь. Рисковать или нет. Рискнешь — и можешь однажды ночью окоченеть на ветке, свалиться на землю и не оттаять до весны. А побоишься — и останешься без квартиры, когда вернешься. Такие же вечные дилеммы, с которы-

ми мы то и дело сталкиваемся.

— Ты надела бронежилет?

Эллен не ответила. Она посмотрела на шоссе и тихо покачала головой.

— Да или нет?

Вместо ответа она постучала костяшками пальцев по груди.

— Облегченный, что ли?

Она кивнула.

— Черт побери, Эллен! Я приказал надеть бронежилеты, а не майки с Микки-Маусом!

— Ты знаешь, что здесь носят секретные агенты?

— Дай угадаю. Облегченные бронежилеты?

— Точно.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Дай угадаю. Секретный агент?

— Точно.

Она рассмеялась. Он тоже усмехнулся. Снова затрещала рация:

«Шестьдесят второй, я Центр. Служба безопасности говорит, что это их автомобиль стоит у поворота на Лёренскуг».

«Я шестьдесят второй. Вас понял».

— Вот видишь, — сказал Харри и с досадой хлопнул по рулю. — Никакой слаженности. Дей-

ствуют кто во что горазд. Почему там торчит их машина, а мы об этом не знаем? А?

— Проверяют, как мы работаем, — сказала Эллен.

— Так, как *они* нас проинструктировали.

— От тебя все равно мало что зависит. Так что перестань жаловаться, — сказала она, — и перестань барабанить по рулю.

Пальцы Харри послушно сжались в кулак. Он тяжело вздохнул:

— Да, да, да…

Он проверил, на месте ли табельный револьвер, шестизарядный «смит-вессон» 38-го калибра. На поясе еще две запасные обоймы, по шесть патронов в каждой. Он похлопал по револьверу и вспомнил, что у него истекает лицензия на ношение оружия. Пожалуй, зрение правда портится, ведь зимой после окончания курсов он не сдал зачет по стрельбе. В общем-то, ничего особенного, но с ним такое впервые, и это крайне неприятно. Конечно, ему проще взять и пересдать, а некоторые сдавали стрельбу по четыре, пять раз, но Харри под тем или иным предлогом с этим тянул.

Снова треск в рации: «Пункт двадцать восемь пройден».

— Это был предпоследний пункт в округе Румерике, — сказал Харри. — Следующий пункт будет Карихёуген, а дальше — наши.

— Почему бы им не делать как раньше: просто говорить, где находится кортеж? Кто только придумал эти дурацкие номера? — недовольно протянула Эллен.

— Угадай.

— Секретные агенты! — ответили оба хором и рассмеялись.

«Пункт двадцать девять пройден».

Харри взглянул на часы:

— Итак, они будут здесь через три минуты. Я настраиваю рацию на полицейский округ Осло. Проверь все еще раз.

Рация засвистела, заверещала, но Эллен закрыла глаза и сосредоточенно вслушивалась в череду поступающих подтверждений. Потом сняла наушники.

— Все на месте, все работает.

— Спасибо. Надень шлем.

— Да? Ты думаешь, нужно?

— Ты слышала, что я сказал?!

— Сам надень свой шлем!

— Он слишком маленький.

Другой голос: «Пункт один пройден».

— Черт, иногда ты ведешь себя как полный… непрофессионал. — Эллен надела шлем, застегнула ремень под подбородком и посмотрела в зеркало.

— Да, я тоже тебя люблю, — ответил Харри, рассматривая дорогу в бинокль. — Я их вижу.

На вершине холма что-то сверкнуло. Харри увидел только первый автомобиль в колонне, но он знал состав кортежа: шесть мотоциклов со специально обученными полицейскими из норвежского эскортного отделения, два норвежских автомобиля эскорта, автомобиль норвежской службы безопасности, два автомобиля американской службы безопасности типа «кадиллак», в одном из которых президент. В каком — никто не знает. Или, может, он сидит в обоих, думал Харри. Один для Джекилла, другой для Хайда. А за ними — автомобили побольше: «скорая помощь», «Связь» и несколько автомобилей секретной службы.

— Порядок. — Харри медленно водил биноклем из стороны в сторону. Воздух над асфальтом дрожал даже в это прохладное ноябрьское утро.

Эллен уже различала очертания первого автомобиля. Через полминуты они уже будут на переезде, и работа будет наполовину сделана, а

когда эти же автомобили через два дня проедут переезд в обратном направлении, они с Харри смогут вернуться к своей обычной полицейской работе. Она предпочитала иметь дело с трупами в отделе убийств, а не вставать в три часа ночи и сидеть в холодном «вольво» вместе с раздраженным Харри, которого явно тяготила возложенная на него ответственность.

В машине тихо, если не считать сопения Харри. Эллен проверила, горят ли индикаторы раций. Колонна приближалась к подножию холма. Эллен решила, что после работы пойдет в «Жажду» и напьется. Она там заметила парня — черные локоны, карие глаза и взгляд такой… опасный. Худощав. Интеллектуал, богема. Возможно…

— Какого чер…

Харри уже схватил микрофон:

— Человек в третьем слева окне билетной кассы. Кто-нибудь может сказать, кто он?

В ответ — только потрескивающее молчание рации. Эллен скользила взглядом вдоль ряда билетных касс. Вот он! Она увидела мужскую спину сквозь темное стекло окошка кассира — всего в сорока-пятидесяти метрах от них. Против света четко прорисовывался его профиль. Над плечом выдавался ствол с прицелом.

— Оружие! — закричала Эллен. — У него пулемет!

— Черт! — Харри ногой открыл дверь и, оттолкнувшись обеими руками, выпрыгнул из машины. Эллен смотрела в бинокль на автоколонну. Оставалось всего несколько сот метров. Харри снова заглянул в машину, в руках у него уже был револьвер.

— Это не может быть кто-то из наших. Но, возможно, он из секретной службы, — сказал он. — Свяжись с Центром.

— Харри…

— Я сказал! Посигналишь мне, если это кто-то из их ребят.

Харри кинулся к билетной кассе, к этой спине в плаще. Кажется, у него автомат «узи». Сырой утренний воздух огнем обжигал легкие.

— Полиция! — кричал Харри. — Police!

Никакой реакции. Толстые стекла хорошо защищают помещение от уличного шума. Теперь незнакомец повернул голову в сторону кортежа, и Харри увидел темные очки «Рэй Бэн». Секретная служба. Или тот, кто хочет выглядеть как агент секретной службы.

Оставалось двадцать метров.

Как он попал внутрь, в запертую кассу, если

он не секретный агент? Черт! Харри уже слышал приближение мотоциклов. Бежать дальше или не бежать?

Он снял пистолет с предохранителя и стал прицеливаться, все еще надеясь, что автомобильный гудок разрежет тишину этого чудесного утра на одинокой дороге, в этом месте, от которого Харри хотелось бы быть как можно дальше. Инструкция была ясна, но он не мог отогнать от себя мысли:

«Облегченный бронежилет. Никакой слаженности. Стреляй, это не твоя вина. А может, у него есть семья?»

Кортеж быстро приближался, он был уже перед билетной кассой. Через две секунды «кадиллаки» поравняются с ней. Краем левого глаза он заметил движение: маленькая птичка взлетела с крыши.

«*Делать ставку или не делать… вечные дилеммы*».

Он подумал про низкий вырез бронежилета и прицелился на полдюйма ниже. Все утонуло в реве мотоциклов.

Эпизод 2
Осло, вторник, 5 октября 1999 года

— Да, это так. Это и есть великое предательство, — сказал гладко выбритый мужчина и посмотрел в рукопись. Голова, брови, мускулистые предплечья и даже могучие руки, вцепившиеся в трибуну, — все было чисто выбрито. — После тысяча девятьсот сорок пятого власть перешла в руки врагов национал-социализма. Они развивали и внедряли в жизнь свои демократические и экономические принципы. В результате ни дня на земле не проходит без кровопролития. Даже здесь, в Европе, мы пережили войну и геноцид. А в странах третьего мира голодают и умирают миллионы, и Европе грозит массовая иммиграция, а значит, хаос, нужда и борьба за выживание.

Он замолчал и обвел взглядом аудиторию. В помещении было совершенно тихо. Только кто-то на скамье позади осторожно похлопал. Когда мужчина продолжил свою пламенную речь, под микрофоном замигала красная лампочка — это означало: звуки записываются на магнитофон с искажением.

— Уже не за горами счастливая беззаботная жизнь и тот день, когда мы сможем гордиться собой и нашим обществом. Война, экономическая или экологическая катастрофа — и вся эта система законов и правил, которые превращали самых отважных в простых потребителей, немедленно рухнет. Однажды великое предательство уже случилось девятого апреля сорокового года, когда наши так называемые лидеры нации сбежали от врагов, чтобы спасти свою шкуру. И прихватили с собой золотой запас, чтобы обеспечить себе жизнь в лондонских люксах. Теперь враг снова здесь. И те, кто должен защищать наши интересы, снова предают нас. Они разрешают врагам строить мечети посреди наших городов, они разрешают им грабить наших стариков и смешивать свою грязную кровь с нашей. И наш долг как норвежцев — защитить свою расу и уничтожить предателей.

Он перевернул страницу, но в президиуме кашлянули, он остановился и поднял глаза.

— Спасибо, думаю, мы услышали достаточно, — сказал судья и посмотрел поверх очков. — Есть ли у обвинения вопросы к подсудимому?

Косые солнечные лучи, проникая в зал 17-го городского суда Осло, создавали над бритой го-

ловой иллюзию нимба. На подсудимом была белая рубашка и узкий галстук, который ему, судя по всему, посоветовал надеть его адвокат, Юхан Крон, что сидел сейчас откинувшись назад и нервно вертел в пальцах ручку. Крону все это очень не нравилось. Ему не нравилось направление, в каком стали задаваться каверзные вопросы обвинения, не нравилось, как откровенно его подзащитный Сверре Ульсен говорил о своей программе, и то, что Ульсен посчитал нужным закатать рукава рубашки и теперь члены суда могли видеть татуировку в виде паутины на обоих его локтях и несколько свастик вокруг левого предплечья. На правом было вытатуировано переплетение древнескандинавских символов и слово «ВАЛЬКИРИЯ» — черными готическими буквами. Так называлась одна из неонацистских банд, орудовавших поблизости от Сетеркрюсса в Нурстранне.

Но больше всего Юхана Крона раздражало то, что за всем этим чувствовался какой-то подвох, он только не понимал какой.

Обвинитель, невысокий человек по имени Герман Грот, мизинцем пододвинул к себе микрофон. На мизинце красовалось кольцо с эмблемой коллегии адвокатов.

— Только пара уточняющих вопросов, господин судья, — попросил он голосом тихим и вкрадчивым. Лампочка под микрофоном стала зеленой. — Значит, когда третьего января в девять часов вы вошли в «Деннис-кебаб» на улице Дроннингенс-гате, у вас имелось явное намерение исполнить свой долг, о котором вы говорите, и защитить нашу расу.

Юхан Крон бросился к микрофону:

— Мой подзащитный уже сказал, что возникла ссора между ним и хозяином-вьетнамцем. — Красная лампочка. — Его спровоцировали, — сказал Крон. — И я считаю, что подобные намеки совершенно беспочвенны.

Грот прикрыл глаза.

— Ульсен, если верно то, что говорит ваш защитник, значит, бейсбольная бита оказалась у вас с собой совершенно случайно?

— Для самообороны, — оборвал его Крон и отчаянно взмахнул руками. — Господин судья, мой подзащитный уже отвечал на эти вопросы.

Судья в задумчивости тер шею, разглядывая адвоката. Юхан Крон-младший был восходящей звездой и многообещающим юристом, ничуть не хуже Юхана Крона-старшего. И, видимо, поэтому судья наконец вынужден был признать:

— Я согласен с защитником. Я думаю, что, если у обвинения вопросов больше нет, нам стоит продолжить.

Грот удивленно вытаращил глаза. Потом кивнул и устало поднял со стола газету.

— Вот выпуск «Дагбладет» за двадцать пятое января. В интервью на восьмой странице один из сообщников обвиняемого говорит…

— Протестую… — начал Крон.

Грот устало вздохнул:

— Хорошо, скажу иначе: человек, выражающий расистскую точку зрения.

Судья кивнул и одновременно бросил предостерегающий взгляд на Крона.

Грот продолжал:

— Этот человек, комментируя налет на «Деннис-кебаб», сказал, что нам нужно больше таких расистов, как Сверре Ульсен, чтобы отвоевать Норвегию. В интервью слово «расист» используется как одобрительное и даже хвалебное. А вы сами, подсудимый, считаете себя расистом?

— Да, я расист, — ответил Ульсен до того, как Крон успел хоть что-то сказать. — В том смысле, как я это понимаю.

— А как вы это понимаете? — улыбнулся Грот.

Крон сжал кулаки под столом и посмотрел на

президиум — на судью и двух его помощников по обеим сторонам от него. От этих троих будет зависеть судьба его подзащитного в ближайшие годы и его личная карьера в ближайшие месяцы. Два обычных представителя народа, приглашенных просто для создания духа правосудия. «Куклы в буклях» — вот как их всегда называли, но, возможно, они вовсе и не были «куклами». Справа от судьи сидел молодой человек в дешевой практичной рабочей одежде, который редко отваживался поднять глаза. Полноватая девушка слева от судьи, по-видимому, лишь притворялась, что следит за происходящим; она сидела с гордо поднятой головой, так что сидящим в зале был хорошо виден уже наметившийся двойной подбородок. Среднестатистические норвежцы. Что они знают о таких, как Сверре Ульсен? Что они хотели бы знать?

Все свидетели видели, как Сверре Ульсен вошел в забегаловку с битой под мышкой и после недолгой перебранки ударил ею по голове хозяина заведения Хо Дая, сорокалетнего вьетнамца, приехавшего в Норвегию в качестве беженца в 1978 году. Ударил так сильно, что Хо Дай больше не поднялся. Когда Ульсен начал говорить, Крон уже успел обдумать свой следующий протест.

— Расизм, — по слогам прочитал Ульсен, разобравшись в своих записях, — есть вечная борьба против наследственных заболеваний, дегенерации и геноцида, а также надежда на более здоровое общество с более высоким уровнем жизни. Смешение рас — одна из форм двустороннего геноцида. В мире, где решено восстановить генофонды, чтобы защитить малейшую букашку, полным ходом идет смешение и разрушение человеческих рас с тысячелетней историей. В одной из статей известного журнала «Американ физиолоджист» за семьдесят второй год пятьдесят американских и европейских ученых выступили против замалчивания данных наследственности.

Ульсен замолчал, окинул зал 17 взглядом и поднял вверх указательный палец. Теперь он стоял лицом к прокурору, и Крон мог видеть татуировку «Sieg Heil» между затылком и шеей — немой крик и своеобразное причудливое несоответствие холодной высокопарности всех этих фраз. Последовало молчание, по шуму в коридоре Крон понял, что в зале 18 объявили обеденный перерыв. Секунды шли. Крон вспомнил, что где-то читал о том, что Адольф Гитлер во время массовых митингов растягивал свои картинные

паузы до трех минут. Когда Ульсен продолжил свою речь, он отстукивал пальцем такт, будто хотел вбить каждое слово и предложение в слушателей:

— Те из вас, кто пытается отрицать борьбу рас, — либо слепцы, либо предатели.

Он отпил из стакана, стоявшего перед ним.

Прокурор воспользовался этой паузой и задал очередной вопрос:

— По-вашему, в этой борьбе вы и ваши сообщники, часть которых находится сейчас в зале, единственные, кто имеет право нападать в этой борьбе?

Послышалось мычание присутствующих в зале бритоголовых.

— Мы не нападаем, мы обороняемся, — ответил Ульсен. — Это право и обязанность всех рас.

Кто-то из присутствующих прокричал что-то Ульсену, и он продолжал с улыбкой:

— И в чужих расах можно найти национал-социалистов с расовыми убеждениями.

Одобрительный смех и аплодисменты присутствующих. Судья попросил тишины и вопросительно посмотрел на прокурора.

— Это все, — сказал Грот.

— Есть ли у защиты какие-нибудь вопросы?

Крон покачал головой.

— Тогда попрошу ввести первого свидетеля обвинения.

Прокурор кивнул приставу, тот открыл заднюю дверь, высунулся в нее и что-то сказал. За дверью скрипнул стул, дверь широко открылась, и вошел крепкого вида мужчина. Крон отметил тесноватый в плечах пиджак, черные кожаные штаны и такого же цвета высокие сапоги. Бритая голова. Судя по стройной фигуре атлета — лет тридцать. Но красноватые белки глаз и тонкие лиловые жилки на бледном лице делали его старше лет на двадцать.

— Офицер полиции Харри Холе? — спросил судья, когда свидетель занял свое место.

— Да.

— Вы хотите, чтобы ваш адрес остался…

— В тайне. — Холе показал большим пальцем через плечо. — Они уже пытались наведаться ко мне домой.

Снова недовольные выкрики.

— Холе, вы уже давали показания? И присягу?

— Да.

Крон замотал головой, как резиновая собачка, какими некоторые водители украшают свои машины, и начал лихорадочно копаться в до-

кументах.

— Итак, Холе, вы работаете следователем в отделе убийств, — начал Грот. — Почему к вам попало это дело?

— Потому что мы допустили ошибку.

— Простите?

— Мы не думали, что Хо Дай выживет. Обычно это не удается тем, у кого проломлен череп и выбита часть его содержимого.

Крон видел, как лица членов суда растягивает непроизвольная ухмылка. Но это еще ничего не значит. Он отыскал бумагу с именами помощников судьи. Вот там и была… ошибка.

Эпизод 3
Улица Карл-Юханс-гате, 5 октября 1999 года

«Ты умрешь».

Эти слова звенели в ушах старика, пока он шел по лестнице, а потом стоял, ослепленный ярким осенним солнцем. Его зрачки медленно сужались, а он стоял, вцепившись в перила, и глубоко дышал. Он слышал какофонию машин, трамваев, пищащих светофоров. И голоса — возбужденные радостные голоса людей, пробегающих мимо звонко стуча каблуками. И музыку — слышал ли он раньше столько музыки? Но ничто не могло заглушить звенящих слов: «Ты умрешь».

Как часто он стоял здесь, на лестнице у входа в приемную доктора Буера? Два раза в год, в течение сорока лет, то есть восемьдесят. Восемьдесят обычных дней, точно таких же, как этот. И никогда раньше он не обращал внимания на людей на улицах, на то, как они радуются жизни, как они хотят жить. Стоял октябрь, но погода была майская. В этот день все было убийственно спокойно. Может, он преувеличивает? Он слышал ее

голос, видел, как от солнца к нему устремляется ее силуэт, различал черты ее лица, тонущие в торжественно-ярком свете.

«Ты умрешь».

Бесконечная белизна вновь обрела цвет и превратилась в Карл-Юханс-гате. Он спустился по ступенькам лестницы, остановился, посмотрел направо, потом налево, словно не зная, куда теперь идти, и погрузился в размышления. Вдруг он вздрогнул, будто кто-то разбудил его, и пошел в сторону Королевского дворца — шаткой походкой, глядя под ноги, сгорбившись в ставшем великоватым шерстяном пальто.

— Опухоль увеличилась, — сказал доктор Буер.

— Ладно, — ответил он тогда, посмотрел на Буера и подумал, что в медицинском училище, наверное, учат снимать очки, когда нужно сказать что-то серьезное или когда близорукому врачу не хочется видеть глаза пациента. Теперь, когда у него начали появляться залысины, доктор стал походить на своего отца, доктора Конрада Буера, а мешки под глазами придавали ему такое же вечно огорченное выражение.

— То есть? — спросил он так, как не спрашивал вот уже пятьдесят лет: тихим, хриплым, дрожащим голосом — голосом, исполненным

смертельного страха.

— Да, это вопрос…

— Бросьте, доктор. Я и раньше смотрел смерти в глаза.

Он перевел дух, выбирая слова, которые придали бы его голосу уверенности, по крайней мере, чтобы ее мог услышать доктор Буер. Чтобы он сам мог ее услышать.

Доктор водил взглядом по скатерти, по старому паркету, смотрел в мутное окно, лишь бы не встретиться взглядом со стариком. Он снова и снова протирал стекла очков.

— Я понимаю, почему…

— Вы ничего не понимаете, доктор. — Старик вдруг услышал свой собственный смех, короткий и сухой. — Не принимайте это близко к сердцу, Буер, но я вас уверяю: вы ничего не понимаете.

Он увидел, что Буер смутился, и в тот же миг услышал, как капает кран над раковиной в дальнем конце комнаты — звук, вернувший ему ощущения юности.

Буер надел очки, взял лист бумаги, будто там были написаны слова, которые он должен был сказать, откашлялся и произнес:

— Ты умрешь.

Старик предпочел бы услышать: «Вы умрете».

Он остановился возле какой-то компании и услышал звуки гитары и песню. Песню, которая старше их всех. А он слышал ее раньше — четверть века назад, но для него это словно вчера. И так бывало со всем: чем раньше что-то было, тем отчетливее и ближе оно теперь казалось. Сейчас он мог вспомнить то, о чем не вспоминал многие годы, а может, не вспоминал никогда. То, о чем он писал в своих дневниках со времен войны, теперь возникало перед ним, будто кадры из фильма, стоило ему лишь закрыть глаза.

«Во всяком случае, год у вас есть».

Одна весна и одно лето. Он мог различить каждый золотой лист на деревьях Студенческого парка, словно на нем были новые очки, сильнее прежних. Те же деревья стояли здесь в сорок пятом. А может, нет? Тогда они не были так отчетливо видны. Все тогда было будто в дымке. Улыбающиеся лица, безумные лица, крики, которые тогда едва долетали до него, неприкрытая дверь автомобиля… Может, тогда у него на глазах были слезы, потому что, когда он вспоминал флаги, с которыми люди бежали по тротуарам, они представлялись ему расплывчатыми красными пятнами. Люди кричали: *«Наследник вернулся!»*

Он обошел вокруг Дворца и увидел группу лю-

дей, пришедших посмотреть на смену караула. Со стороны бледно-желтого фасада слышалось эхо команд, клацанье винтовок и чеканный стук сапог. Гудели видеокамеры, он услышал несколько слов по-немецки. Молодая японская парочка стояла в обнимку и с легкой усмешкой смотрела это представление.

Он закрыл глаза и попытался почувствовать запах военной формы и ружейного масла. Вздор, это совсем не похоже на запах войны, который ему так знаком!

Он снова открыл глаза. Что они понимали, мальчики в черной униформе, парадные фигуры социалистической монархии, когда исполняли все эти церемонии. Они были слишком наивны, чтобы понять, и слишком молоды, чтобы прочувствовать все это. Он вспомнил тот день и тех норвежских ребят в военной форме, или, как они тогда говорили, в «шведской униформе». Тогда это напоминало ему игру в солдатики. Они не знали, зачем нужна форма, и еще меньше представляли себе, как обращаться с военнопленными. Пугливые и жестокие, с цигарками во рту, в лихо надетых набекрень фуражках, вцепившись в недавно выданные винтовки, они пытались преодолеть страх, молотя прикладами

в спины арестантам.

«Нацистская сволочь», — говорили они при каждом ударе, будто в оправдание собственным грехам.

Он с наслаждением вдохнул теплый осенний воздух, но тут же почувствовал боль. Он покачнулся и сделал шаг назад. Отек легких. Через двенадцать месяцев самое позднее у него начнется отек легких. А это, говорят, самое страшное.

«Ты умрешь».

Он зашелся кашлем, таким жутким, что те, кто был рядом с ним, отшатнулись.

Эпизод 4
МИД Норвегии, Виктория-Террасе, 5 октября 1999 года

Главный советник Министерства иностранных дел Бернт Браннхёуг стремительно шел по коридору. Полминуты назад он вышел из кабинета, а через сорок пять секунд должен быть в совещательной комнате. Он играл мускулами плеч, сознавая, как они выпирают под пиджаком, ощущая, как натягивается материя. Вот она, Latissimus dorsi — спинная мышца, развитая у лыжников. В свои шестьдесят Бернт выглядел не старше пятидесяти. Не то чтобы он был вечно занят своей внешностью — просто следил за собой. Это не слишком сложно: каждый день выполнять физические упражнения, которые ему даже нравились, зимой проводить пару часов в солярии и регулярно выщипывать седые волоски из кустистых бровей.

— Привет, Лиза! — бросил он, пробегая мимо ксерокса. Молодая практикантка вздрогнула от неожиданности и успела лишь слабо улыбнуться ему вслед, но он уже исчез за очередным поворо-

том коридора.

Лиза недавно получила диплом юриста. С ее отцом Браннхёуг когда-то учился в школе. Лиза работает здесь всего три недели. Отныне пусть знает, что главный советник МИДа, самый большой начальник в этом учреждении, знает ее в лицо. И он, конечно, сможет ей помочь. При случае.

Уже подлетая к двери, Браннхёуг услышал гул голосов. Он посмотрел на часы. 75 секунд. Затем вошел, мгновенно окинул взглядом совещательную комнату и отметил, что присутствуют представители всех заинтересованных инстанций.

— Ага, вы, значит, и есть Бьярне Мёллер? — Он широко улыбнулся и через стол протянул руку высокому тощему мужчине, сидевшему рядом с Анной Стёрксен, начальником полицейского участка.

— Мёллер, вы ведь НОП? Я слышал, вы участвуете в горнолыжной эстафете на Холменколленской трассе?

Это была одна из уловок Браннхёуга. Так он составлял первое впечатление о новых знакомых. То, чего не давало ни одно резюме. Ему особенно нравились такие вопросы и профессиональные

сокращения, вроде НОП — начальник отделения полиции.

Браннхёуг сел, подмигнул своему старому другу Курту Мейрику, начальнику Службы безопасности полиции, и принялся рассматривать других людей за столом.

Еще никто не знал, кому же будет поручено общее руководство, так как теоретически представители всех инстанций — управления делами премьер-министра, полицейского округа Осло, Службы разведки Министерства обороны, сил быстрого развертывания и собственно Министерства иностранных дел — находились в равных условиях. Совещание было организовано по инициативе УДСПМ — управделами премьера, но ни у кого не было сомнений, что ответственность за операцию будет возложена на руководство полицейского округа Осло во главе с Анной Стёрксен и Службу безопасности Курта Мейрика. А статс-секретарь из управления делами сидел с таким видом, будто сам не прочь порулить.

Браннхёуг закрыл глаза и стал слушать.

Обмен любезностями прекратился, гул голосов постепенно утих. На секунду воцарилась тишина. Но потом началось шуршание бумаги, щелканье ручек — все начальники, как водится, явились

со своими личными референтами, на случай, если после встречи придется свалить вину друг на друга. Кто-то откашлялся, но, во-первых, этот звук послышался не из того угла комнаты, а во-вторых, перед выступлением откашливаются не так. Наконец кто-то сделал глубокий вдох и приготовился говорить.

— Давайте начнем, — сказал Бернт Браннхёуг и открыл глаза.

Все взгляды устремились на него. Каждый раз одно и то же. Приоткрытый рот статс-секретаря, кривая улыбка госпожи Стёрксен, означающая, что ее обладательница знает всю подоплеку происходящего, а у остальных — пустые лица, устремленные на него, и в них — ни тени подозрения, что все уже давно решено.

— Я рад приветствовать вас на первом заседании координационного совета. Наша задача — обеспечить безопасность четырех самых значимых людей на планете во время их пребывания в Норвегии.

Послышались сдержанные смешки.

— Первого ноября, в понедельник, в страну приезжают лидер ООП Ясир Арафат, израильский премьер Эхуд Барак, премьер-министр Российской Федерации Владимир Путин, и — самое

главное! — в шесть пятнадцать, ровно через пятьдесят девять дней, в столичном аэропорту Гардермуен приземлится самолет с американским президентом на борту.

Браннхёуг быстро переводил взгляд с одного лица на другое. И наконец остановил его на своем новом знакомом, Бьярне Мёллере.

— Что, прямо скажем, не такая уж государственная тайна, — добавил он и так добродушно рассмеялся, что Мёллер тут же забыл всю свою нервозность и тоже засмеялся. Браннхёуг широко улыбнулся, демонстрируя свои крепкие зубы, ставшие еще белее после очередного посещения стоматолога.

— Мы не знаем точно, сколько человек приедет, — продолжал Браннхёуг. — В Австралии у президента было две тысячи человек сопровождения, в Копенгагене — тысяча семьсот.

Послышался ропот.

— Но, судя по моему опыту, можно сделать предположение, что, скорее всего, будет человек семьсот.

Говоря это, Браннхёуг знал, что его «предположение» вскоре подтвердится, так как несколько раньше ему по факсу прислали список из свыше 712 желающих приехать.

— Кто-то, быть может, подумает: зачем президенту столько народа для всего лишь двухдневного саммита. Семьсот, если мои расчеты верны, — именно столько человек было с императором Фридрихом Третьим, когда он в тысяча четыреста шестьдесят восьмом году поехал объяснять Папе Римскому, кто в мире хозяин.

Снова смех. Браннхёуг подмигнул Анне Стёрксен: эту фразу он вычитал в газете «Афтенпостен».

Затем всплеснул руками:

— Я думаю, не нужно объяснять, как это мало — два месяца. И это означает, что нам следует проводить координационные собрания ежедневно в десять часов в этой комнате. И пока эти четверо ребят на нашей ответственности, забудьте про все остальное! Никаких отпусков и отгулов! Никакие болезни не будут вам оправданием. Есть вопросы или можно продолжать?

— Но мы полагаем… — начал статс-секретарь.

— Депрессии в том числе, — оборвал его Браннхёуг.

Бьярне Мёллер невольно расхохотался.

— Но мы… — снова начал статс-секретарь.

— Пожалуйста, Мейрик, — вдруг повысил голос Браннхёуг.

— А?

Шеф СБП Курт Мейрик поднял свою блестящую бритую голову и посмотрел на Браннхёуга.

— Вы ведь хотели рассказать нам о том, как СБП оценивает возможную опасность? — спросил Браннхёуг.

— А, это, — сказал Мейрик. — У нас есть с собой копии.

Мейрик был из Тромсё и говорил на характерно непоследовательной смеси родного диалекта и бук-мола[2]. Он кивнул женщине, сидящей рядом с ним. Браннхёуг тоже посмотрел на нее. Без сомнения, не накрашена, короткие темные волосы небрежно пострижены и сколоты нелепой заколкой. А ее синий шерстяной костюм поистине вызывал тоску. Но хотя она чересчур серьезно хмурила лоб, как это часто делают сотрудники-женщины, боясь, что иначе их не воспримут всерьез, Браннхёугу все это даже нравилось. У нее были нежные карие глаза, а высокие скулы придавали ей аристократический, почти ненорвежский вид. Он видел ее и раньше, но тогда у нее была другая прическа. Как же ее звали, кажется, что-то библейское — Рахиль? Ракель? Может, она

[2] Примечания: 2

Бук мол — норвежский «книжный язык», на основе датского (в отличие от лансмола, основанного на диалектах). (*Прим. перев.*)

недавно развелась, тогда ее нынешняя прическа вполне объяснима. Она наклонилась к портфелю, который стоял между ней и Мейриком, и взгляд Браннхёуга непроизвольно скользнул по ее блузке, но та была застегнута под горло, и ничего интересного увидеть не удалось. Интересно, ее дети уже ходят в школу? Может, пригласить ее на ужин в какой-нибудь отель в центре?

— Я думаю, будет достаточно короткого устного резюме, — произносит он.

— Хорошо.

— Я только хотел бы сказать прежде… — начал статс-секретарь.

— Может, дадим Мейрику закончить, а потом ты будешь говорить, сколько тебе угодно, Бьёрн?

Браннхёуг впервые назвал статс-секретаря на “ты”.

— СБП считает, что угроза покушения или иного членовредительства наличествует, — сказал Мейрик.

Браннхёуг улыбнулся. Уголком глаза он заметил, что то же самое сделала и Анна Стёрксен. Шустрая девица, превосходно сдала экзамен по праву, незапятнанный бюрократический послужной список. Может, стоит как-нибудь пригласить ее с мужем к себе на обед? Браннхёуг

с женой жили в просторной бревенчатой вилле, у границы с Нурбергом. Только лыжи надел — и начинай прогулку. Бернт Браннхёуг любил свою виллу. Но его жене она казалась чересчур мрачной, старое темное дерево ее угнетало, и лес вокруг ей вовсе не нравился. Да, пригласить на обед! Старые бревна и форель, которую он сам наловит. Это будет правильный сигнал!

— Позвольте вам напомнить, что четыре американских президента погибли от рук убийцы. Авраам Линкольн в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, Джон Гарфилд в тысяча восемьсот восемьдесят первом, Джон Кеннеди в шестьдесят третьем и э-э… — Мейрик повернулся к женщине с высокими скулами и по ее губам прочел забытое имя. — Ну да, Мак-Кинли. В э-э…

— Девятьсот первом, — добродушно улыбнулся Браннхёуг и взглянул на часы.

— Точно. Но на протяжении американской истории были и другие покушения. На Гарри Трумэна, Джеральда Форда и Рональда Рейгана во время президентства также устраивались серьезные покушения.

Браннхёуг кашлянул:

— Вы забываете, что в нынешнего президента несколько лет назад стреляли. Или, по крайней

мере, обстреляли его дом.

— Это верно. Но мы не рассматриваем подобные инциденты. Их очень много. Я позволю себе сказать, что за последние лет двадцать на каждого американского президента было совершено по дюжине покушений, а то и больше, просто пресса об этом не очень-то распространялась.

— А почему? — Начальнику отделения полиции Бьярне Мёллеру показалось, что он задал этот вопрос про себя, и он очень удивился, услышав собственный голос. Он сглотнул, заметив, что все внимательно смотрят на Мейрика, ожидая ответа, но помочь ничем не мог и беспомощно посмотрел на Браннхёуга. Советник утешительно подмигнул ему.

— Ну, как вам известно, обычно о раскрытии покушений не трубят, — сказал Мейрик и снял очки. Они были похожи на очки инспектора Деррика из фильма, очки-хамелеоны, такие очень любят рекламировать в каталогах. — К тому же, как известно, покушения почти так же заразны, как самоубийства. Кроме того, мы, сыщики, не любим рассказывать о наших методах.

— Какие охранные мероприятия планируются? — прервал его статс-секретарь.

Женщина с высокими скулами протянула Мей-

рику листок. Тот надел очки и начал читать:

— В четверг прибудут восемь сотрудников спецслужб, и мы начнем прочесывать отели, изучать маршрут поездки, проверять на благонадежность тех, кто будет непосредственно рядом с президентом, и инструктировать наших полицейских. Я думаю, что дополнительно мы привлечем людей из Румерике, Аскера и Берума.

— Для чего? — спросил статс-секретарь.

— Преимущественно для охраны. Американского посольства, гостиницы, где будет жить сопровождение, автопарк…

— Короче говоря, всех, кроме президента?

— Этим будет заниматься непосредственно СБП. И спецслужбы.

— Что-то мне не верится, что вам хочется заниматься охраной, Курт, — ухмыльнулся Браннхёуг.

При этих словах Курт Мейрик натужно улыбнулся. В 1998 году, во время совещания министров экономики в Осло, СБП отказалась выставлять охрану, ссылаясь на то, что, по их данным, «риск был минимален». На второй день конференции управление по делам иностранцев обратило внимание МИДа на то, что один из норвежцев, утвержденный СБП на должность шофера для

хорватской делегации, — боснийский мусульманин. Он приехал в Норвегию в 70-х и получил норвежское гражданство, но в 1993 году его родители и четверо братьев и сестер погибли из-за резни, устроенной хорватами в Мостаре, в Боснии-Герцеговине. В его квартире при обыске нашли две ручные гранаты и написанное им письмо самоубийцы. Конечно, журналисты об этом не пронюхали, но последовала такая головомойка, что дальнейшая карьера Курта Мейрика висела на волоске, и если бы не Бернт Браннхёуг… Дело замяли после того, как парень, который занимался непосредственным утверждением персонала, написал рапорт об отставке. Браннхёуг уже и не помнил, как звали того молодого полицейского, но сотрудничество с Мейриком с тех пор шло со скрипом.

— Бьёрн! — Браннхёуг хлопнул в ладоши. — Теперь нам всем ужасно интересно, что ты хотел поведать миру. Валяй!

Браннхёуг скользнул взглядом по лицу соседки Мейрика. Мгновенно — но успел заметить, что та смотрит на него. Точнее, в его направлении. Однако взгляд ее был безразличным и отсутствующим. Вот бы поймать этот взгляд, разглядеть, что в нем таится! И эта мысль уносила его все

дальше и дальше. Кажется, ее зовут Ракель?

Эпизод 5
Дворцовый парк, 5 октября 1999 года

— Ты умер?

Старик открыл глаза и увидел над собой очертания головы, но лица невозможно было различить из-за ослепительного светового ореола.

«Ты умер?» — повторил чистый, мелодичный голос.

Он не отвечал, потому что не понимал, наяву все это или во сне. Или, как предполагал обладатель голоса, он и вправду умер.

— Как тебя зовут?

Теперь голова исчезла, и вместо нее он видел кроны деревьев и голубое небо. Это сон. Как в стихотворении: «Сзади обнаженный лес весенний, а над ними бомбовозы вражьи»[3] Нурдала Грига. О короле, который бежит в Англию. Глаза снова привыкли к свету, и он вспомнил, что упал на траву в Дворцовом парке, чтобы немного отдохнуть. Должно быть, он заснул. Рядом на корточках сидел маленький мальчик и из-под черной челки смотрел на него своими карими глазами.

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду стихотворение Н.Грига «Король» *(пер. Ю.Вронского).*

— Меня зовут Али, — сказал малыш.

Пакистанец? У мальчика был примечательный курносый нос.

— Али значит «Бог», — добавил малыш. — А что значит твое имя?

— Меня зовут Даниель, — улыбнулся старик. — Это библейское имя. Оно значит: «Бог мне судья».

Малыш посмотрел на него:

— Значит, ты Даниель?

— Да, — сказал старик.

Мальчик все глядел на него, и старик почувствовал себя неловко. Может, мальчик решил, что он бездомный, раз лежит здесь, на солнцепеке, в одежде, укутавшись шерстяным пиджаком, как пледом.

— А где твоя мама? — спросил он, чтобы избежать этого пристального взгляда.

— Вон там. — Малыш повернулся и показал пальцем.

Две крепкие темноволосые женщины сидели поодаль. Вокруг них, смеясь, возились четыре карапуза.

— Значит, я буду тебя судить, — сказал мальчик.

— Что?

— Али — это Бог, ведь так? А Бог судит Даниеля. А меня зовут Али, а тебя зовут…

Старик протянул руку и ухватил Али за нос. Мальчик весело взвизгнул. Женщины повернулись к ним, одна уже собралась встать, и он отпустил малыша.

— Твоя мама, Али. — Старик кивнул в сторону женщины, которая уже шла к ним.

— Мамочка! — радостно закричал малыш. — Смотри, я судья! Я буду судить дядю.

Женщина прокричала ему что-то на урду. Старик улыбнулся ей, но женщина даже не взглянула на него. Она пристально смотрела на сына, и тот в конце концов послушно пошел к ней. Когда они уходили, она оглянулась, но казалось, не хотела замечать старика, будто он был невидимкой. Ему захотелось объяснить ей, что он не бродяга, что он был одним из строителей общества. Что когда-то он уходил на Восток, готовый сделать для мира все, хотя все, что он мог сделать, — это уступить другим место, бросить свое призвание и махнуть на все рукой. Но он не стал этого говорить. Он очень устал и хотел домой. Отдыхать — и больше ничего. Теперь за все должны платить другие.

Уходя, он не услышал, как мальчик его окликнул.

Эпизод 6
Полицейский участок, Грёнланн, 10 октября 1999 года

Кто-то с грохотом вошел в комнату. Эллен Йельтен подняла глаза:

— Доброе утро, Харри.

— Черт!

Харри пнул мусорное ведро, стоящее у его письменного стола, так, что оно ударилось о стену рядом со стулом Эллен и покатилось по полу, разбрасывая по линолеуму содержимое: неудачный черновик рапорта (убийство в Экеберге), пустую пачку из-под сигарет («Кэмел», с наклейкой «Tax free»), зеленую упаковку от йогурта «Доброе утро», газету «Дагсависен», старый билет в кино (на фильм «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»), старый кассовый чек, банановую кожуру, журнал о музыке («МОДЖО», № 69 за февраль 1999 г. с группой «Куин» на обложке), бутылку колы (пластиковую, 0,5 л) и желтый стикер с телефонным номером, по которому он в свое время собирался позвонить.

Эллен оторвала взгляд от своего компьютера и рассматривала мусор на полу.

— Ты читаешь «МОДЖО», Харри? — спросила она.

— Черт! — повторил Харри, сорвал с себя пиджак и швырнул его через всю комнату в двадцать квадратных метров, которую он делил с Эллен Йельтен. Пиджак попал в вешалку, но свалился на пол.

— Что случилось? — спросила Эллен и, протянув руку, подхватила падающую вешалку.

— Вот что я нашел в почтовом ящике. — Харри потряс в воздухе документом.

— Похоже на приговор.

— В точку.

— То самое дело с «Деннис-кебаб»?

— Точно.

— Ну?

— Сверре Ульсену дали по полной — три с половиной года.

— Йес! Тогда ты должен радоваться.

— Я радовался около минуты. Пока не прочитал это.

Харри достал факс.

— Ну и?

— Когда Крон получил свою копию приговора сегодня утром, он в ответ предупредил нас, что собирается подать апелляцию из-за нарушений в

судебной процедуре.

Лицо Эллен скривилось.

— Н-да.

— Он хочет полного пересмотра дела. Ты не поверишь, но этот подонок Крон потребовал повторного принятия присяги.

— Это на каких же основаниях?

Харри остановился у окна.

— Члены суда должны принимать присягу только один раз, когда их избирают. Но это должно произойти в зале суда до того, как начнется слушание. Крон заметил, что одна из присяжных — новенькая, а по оплошности судьи она не успела поклясться в зале суда.

— Это называется «принести присягу».

— Вот-вот. И по протоколу оказывается, что судья уладил все это дело и дама принесла присягу в задней комнате как раз перед началом слушания. Судья сослался на нехватку времени и какие-то новые правила.

Харри скомкал факс и бросил его. Бумажный комок прочертил в воздухе длинную дугу, но полметра не долетел до мусорной корзины Эллен.

— И что в итоге? — спросила Эллен и ногой отфутболила факс в направлении стола Харри.

— Весь процесс будет признан недействитель-

ным, а Сверре Ульсен будет на свободе еще по меньшей мере полтора года, пока не организуют следующее слушание. И вдобавок, наказание будет куда мягче, с учетом того, что время ожидания — это сильная психологическая травма для обвиняемого, и все такое в этом духе. А учитывая, что Сверре Ульсен уже восемь месяцев отсидел в КПЗ, его вообще можно считать свободным человеком.

Харри рассказывал это не Эллен — она и так знала все подробности дела. Он рассказывал это собственному отражению в окне, произнося слова как можно громче и слушая, насколько убедительнее они становятся. Он обхватил обеими руками вспотевшую лысую макушку, где до недавнего времени торчал аккуратный ежик. Да, у него действительно были причины сбрить последние волосы: на прошлой неделе его снова узнали на улице. Парень в черной вязаной шапочке, кроссовках «Найк» и таких широких штанах, что мотня болталась между колен, оторвался от компании гогочущих юнцов, подошел к нему и поинтересовался у Харри, не он ли «типа Брюс Уиллис из Австралии». Три — целых три! — года прошло с тех пор, как на газетных передовицах печатали его фотографии, а сам он валял дурака в

телевизионных ток-шоу, рассказывая о серийном убийце, которого убил в перестрелке в Сиднее. Харри тотчас же пошел в парикмахерскую. Эллен посоветовала побриться наголо.

— А знаешь, что самое плохое? Ведь я могу поклясться, что этот чертов адвокат знал обо всем еще до вынесения приговора и мог бы сразу сказать, что присяга должна быть немедленно аннулирована. Нет же — он просто сидел, потирал руки и ждал!

Эллен пожала плечами:

— Бывает. Умелая работа защитника. Правосудие требует жертв. Будь стойким, Харри!

Это было сказано не без сарказма, но, в общем, разумно.

Харри прислонился лбом к прохладному стеклу. Еще один теплый октябрьский день. Интересно, где эта Эллен, молодая сотрудница с бледным, кукольным смазливым личиком, маленьким ротиком и круглыми глазками, нахваталась такого цинизма. Девочка из мещанской семьи, единственный ребенок, которому всегда во всем потакали и даже послали учиться в швейцарский пансион. Кто знает, может, со временем она станет еще циничней.

Харри запрокинул голову и выдохнул. Потом

расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Еще, еще, — громким шепотом сказала Эллен и негромко похлопала в ладоши, изображая одобрительные аплодисменты.

— У неонацистов он проходит под кличкой Бэтмен.

— Ясное дело. Бейсбольная бита по-английски — «бэт».

— Да не нацист — адвокат.

— Ух ты! Уже интереснее. Означает ли это, что он красив, богат и окончательно рехнулся, что у него рельефная мускулатура на животе и крутая тачка?

Харри рассмеялся:

— Тебе бы вести собственное ток-шоу, Эллен. Его так зовут, потому что он всегда выигрывает дело, когда берется защищать кого-нибудь из них. К тому же он женат.

— У него есть хотя бы один минус?

— Да, он постоянно норовит подложить нам свинью, — ответил Харри, наливая себе чашку натурального кофе. Эллен привезла в контору кофеварку еще года два назад, когда только-только устроилась на работу. Вся беда была в том, что Харри из-за этого уже не мог пить прежнюю растворимую бурду.

— Он метит в Верховный суд? — спросила она.

— Ему и сорока не стукнет, а он уже будет там заседать.

— Тысячу крон — не будет!

— Принято.

Они рассмеялись и чокнулись бумажными стаканчиками.

— Я возьму этот вот выпуск «МОДЖО», не возражаешь? — спросила она.

— Там на развороте — десять худших фотографий Фредди Меркюри. Голый торс, набедренная повязка и улыбка до ушей. Полный набор. Забирай!

— А мне нравится Фредди Меркюри. Нравился.

— Я и не говорил, что мне он не нравится.

Синее в крапинку вертящееся кресло, которое испокон веков было установлено на нижнем уровне, вдруг протестующе заскрипело, едва Харри попытался откинуться на спинку. Он сорвал приклеенный на его телефон желтый стикер с надписью рукой Эллен.

— Что это такое?

— А ты сам не видишь? Тебя спрашивал Мёллер.

Харри рысцой устремился по коридору, предвкушая, как шеф будет поджимать губы и озабо-

ченно хмурить брови, когда узнает, что Сверре Ульсен снова на свободе.

Молодая розовощекая девушка у ксерокса торопливо улыбнулась, когда он пробегал мимо копировальной комнаты. Харри не улыбнулся ей в ответ. Вероятно, какая-нибудь новая сотрудница. Аромат ее духов был приторным и тяжелым и только раздражал его. Он посмотрел на секундную стрелку часов.

Итак, теперь его раздражают духи. Что с ним, собственно, происходит? Эллен как-то сказала, что ему не хватает простых потребностей, которые помогают расслабиться нормальным людям. После возвращения из Бангкока он так надолго залег на дно, что потерял всякую надежду когда-нибудь подняться. Все кругом было холодным и мрачным, все одинаково давило. Будто он и в самом деле давным-давно лежит под водой. Кругом была гробовая тишина. Когда люди говорили с ним, слова, как пузыри воздуха, вырывались у них изо рта и уносились вверх. Вот что такое тонуть, думал он и ждал. Но ничего не происходило. Пустота, и все. И больше ничего. Но он справился.

Благодаря Эллен.

Она появилась в его жизни в первые же неде-

ли по его возвращении. Каждый вечер, когда в конце рабочего дня он собирал свои вещи и шел домой, она следила, чтобы он не заглядывал в пивную, приказывала ему не нервничать, если он опаздывал, решала, годен он сегодня к работе или нет. Пару раз отсылала его домой, угрожая, что иначе не будет с ним разговаривать. На это уходило время, но Харри особенно некуда было торопиться. И как-то в пятницу она с удовлетворением отметила, что Харри не брал в рот ни капли уже целую неделю.

Под конец он прямо спросил, зачем ей, девушке с блестящим юридическим образованием и не менее блестящими перспективами, надевать себе на шею такое ярмо. Разве ей не понятно, что ее карьере это никак не поможет? Или она не может найти себе более преуспевающих друзей?

Она серьезно посмотрела на него и ответила, что она делает это, исключительно чтобы паразитировать на его опыте, и что он самый лучший следователь в отделе убийств. Глупость, конечно, но ему было очень лестно услышать это. К тому же Эллен переполнял такой энтузиазм, такие амбиции, что поневоле прислушаешься к ней. Последние полгода у Харри даже стало что-то получаться. Кое-что даже чертовски здорово. Как

в деле со Сверре Ульсеном.

Вот уже перед ним дверь кабинета Мёллера. Харри на ходу кивнул какому-то полицейскому в форме, но тот сделал вид, что не заметил его.

Харри подумал, что если бы он участвовал в передаче «Последний герой», то его плохую карму заметили бы в первый же день и отправили бы домой на первом же заседании совета племени. Заседание совета? Господи, он уже думает терминами этих идиотских программ на ТВ-3. Вот во что превращаешься, если каждый день просиживаешь перед телевизором пять часов. Но это лучше, чем напиваться в «Шрёдере».

Он два раза постучал в дверь. Прямо в табличку: Бьярне Мёллер, НОП.

— Войдите.

Харри посмотрел на часы. Семьдесят пять секунд.

Эпизод 7
Кабинет Мёллера, 10 октября 1999 года

Начальник отделения полиции Бьярне Мёллер скорее лежал, чем сидел в кресле, и его длинные ноги торчали из-под стола. Руки заложены за голову, между правым плечом и ухом зажат телефон. Великолепный пример того, что матерые следователи называют «долгий разговор». Коротко постриженные волосы делали его похожим на колобка и Кевина Костнера в фильме «Телохранитель». Мёллер «Телохранителя» не смотрел. Он не был в кино пятнадцать лет. Потому что судьба дала ему повышенное чувство ответственности, чересчур короткие сутки, а в придачу еще двух детей и жену, которым никогда его до конца не понять.

— …Так мы и скажем. — Мёллер положил трубку и посмотрел на Харри поверх горы документов, переполненных пепельниц и бумажных стаканчиков, усеявших стол в художественном беспорядке. Логическим центром этого хаоса была фотография двух мальчиков в боевой рас-

краске индейцев.

— Стало быть, ты пришел, Харри.

— Стало быть, я пришел, шеф.

— Я тут был в Министерстве иностранных дел, на встрече, посвященной саммиту, который пройдет здесь, в Осло, в ноябре. Прилетает американский президент… В общем, ты и сам читаешь газеты. Кофе, Харри?

Мёллер встал, в два гигантских шага дошел до архивного шкафа, где на кипе бумаг балансировали кофейные чашки, и мягко откашлялся.

— Спасибо, шеф, но я…

Слишком поздно. Харри пришлось взять горячую чашку.

— Я с нетерпением жду гостей из Службы безопасности, с которыми, я уверен, у нас установятся дружеские отношения, едва мы узнаем друг друга поближе.

Мёллер говорил это без иронии. Это было одно из тех качеств, которые Харри ценил в своем начальнике.

Мёллер сел по-другому — теперь его колени упирались в стол. Харри откинулся назад, чтобы достать из кармана брюк смятую пачку сигарет «Кэмел», и вопросительно посмотрел на Мёллера. Тот кивнул и подвинул к нему одну из перепол-

ненных пепельниц.

— На меня возлагается ответственность за безопасность подъездов к Гардермуену. Ведь кроме президента приезжает еще Барак…

— Барак?

— Эхуд Барак. Премьер-министр Израиля.

— Ага. Значит, в Осло намечаются очередные знаменательные переговоры?

Мёллер недоверчиво посмотрела на синее облачко дыма, которое поднималось к потолку.

— Только не рассказывай мне, что ты ничего об этом не знаешь, Харри, а то я все больше за тебя волнуюсь. Ведь эта новость вот уже неделю не сходит с газетных передовиц.

Харри пожал плечами:

— Плохо работают распространители газет. Это из-за них я пребываю в информационном вакууме. Особенно что касается общественной жизни. — Харри сделал осторожный глоток, но кофе был слишком горячим, и он отставил чашку подальше. — И любовных скандалов.

— Вот как? — Мёллер посмотрел на Харри так, что по выражению его лица невозможно было определить, понравилась ли ему эта последняя фраза или нет. — Ясно. По-твоему, это круто, если мужчине за тридцать, он знает биографию всех

участников игры «Последний герой», но не может назвать ни одного члена правительства. Не говоря уже о президенте Израиля.

— Премьер-министре.

— Ты хоть понимаешь, о чем я говорю?

Мёллер подавил смешок. Хотя не засмеяться было очень трудно. Как, впрочем, было трудно не полюбить этого чудаковатого парня с большими ушами, которые торчали на лысом черепе, как два ярких бабочкиных крыла. Даже несмотря на то что Харри доставлял Мёллеру больше проблем, чем все остальные. Но хотя Мёллер стал начальником отделения полиции совсем недавно, первую заповедь чиновника с карьерными устремлениями он уже усвоил. Заповедь гласила: «Не оголи тыла своего». Поэтому, когда Мёллер откашливался перед тем, как задать очередной волнующий его вопрос, он сначала хмурил брови, чтобы показать Харри, что волнуется за него по профессиональным причинам, а никак не личным.

— Харри, я слышал, ты все торчишь в «Шрёдере»?

— Меньше прежнего, шеф. Я смотрю там телевизор. Там замечательный экран.

— Но ты там сидишь?

— Им бы не понравилось, если бы я стоял.

— Ладно, проехали. Ты по-прежнему выпиваешь?

— Минимально.

— Что значит минимально?

— Если бы я пил меньше, меня бы просто выкинули из ресторана.

На этот раз Мёллер не удержался и рассмеялся.

— Мне нужны три офицера связи, — наконец сказал он. — Чтобы управлять работой десятка сотрудников различных полицейских округов фюльке[4] Акерсхус. Плюс пара кадетов выпускного курса Полицейской академии. И я решил, что самыми подходящими будут Том Волер…

Волер. Расист, мешок с дерьмом и неприкрытый карьерист, который скоро покажет себя во всей красе. Харри был наслышан о методах работы Волера, демонстрирующих все пороки, которые молва приписывает полицейским, плюс еще парочку. Кроме одного: Волер, к сожалению, был отнюдь не дурак. Как следователь он достиг столь потрясающих результатов, что даже Харри пришлось признать, что Волер действительно заслужил повышение.

---

[4] Примечания: 4

Фюльке — графство, административная единица Норвегии. (*Прим. перев.*)

— …И Вебер…

— Этот старый брюзга?

— …И ты, Харри.

– *Say again*?[5]

— Ты все расслышал.

Лицо Харри перекосилось.

— Есть возражения? — спросил Мёллер.

— Конечно.

— Но почему? Это же такое почетное задание, Харри. Такое доверие.

— Неужели? — Харри загасил сигарету и с силой раздавил ее в пепельнице. — А по-моему, это очередная попытка реабилитировать меня.

— Что ты имеешь в виду? — Бьярне Мёллера задело это замечание.

— Да, я знаю, вы не послушались умных советов и снова решили потащить меня в пекло после Бангкока. Я искренне благодарен вам за это. Но кем вы меня делаете на этот раз? Офицером связи? Это звучит как попытка убедить сомневающихся, что вы правы, а они — нет. Что Холе — восходящая звезда, что ему можно поручить ответственное дело и все такое.

— И что?

---

[5] Примечания: 5

Здесь: не понял? (*англ.*)

Бьярне Мёллер снова сел в позу «долгого разговора».

— И что? — передразнил Харри. — Если все это объясняется таким вот образом, выходит, я снова просто пешка?

Мёллер удрученно вздохнул:

— Все мы пешки, Харри. Все давно расписано. И твоя роль не хуже прочих. Постарайся, Харри, сделай милость — и мне и себе. Неужели это так сложно, черт возьми?

— Вот только я чувствую себя как лошадь на скачках. А я терпеть не могу всю эту чертову ответственность.

Харри взял в рот сигарету, но так и не зажег ее. Конечно, спасибо Мёллеру за эту услугу, но вдруг он провалит это задание — об этом Мёллер подумал? Офицер связи. Конечно, он уже давно не выпивал, но ему по-прежнему нужно все время следить за собой и осторожно проживать каждый день. Какого хрена, а разве за этим он пошел в следователи — чтобы избегать ответственности за людей? И за самого себя? Харри сжал зубами фильтр сигареты.

Из коридора донесся разговор — вроде бы возле автомата с кофе. Кажется, говорил Волер. Потом — звонкий женский смех. Должно быть, новая

сотрудница.

— Черт, — сказал Харри. Че-орт — в два слога, на каждый из которых сигарета подпрыгивала у него во рту.

Мёллер, который во время раздумий Харри сидел с закрытыми глазами, теперь приоткрыл их:

— Я могу расценивать это как согласие?

Харри встал и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

Эпизод 8
Железнодорожный переезд у моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года

Серая птица то пропадала, то вновь появлялась в поле зрения Харри. Поверх мушки «смит-вессона» 38-го калибра он смотрел на неподвижную спину за стеклом. Палец лежал на курке. Вчера кто-то по телевизору рассказывал о том, как медленно может тянуться время.

«*Гудок, Эллен. Нажми на чертов гудок, это же агент Секретной службы*».

Время тянулось медленно. Как в новогоднюю ночь перед тем, как пробьет двенадцать.

Первый мотоцикл поравнялся с билетной кассой, а краешком глаза Харри все еще видел красношейку, превратившуюся в маленькое пятнышко. Время на электрическом стуле перед поворотом рубильника.

Харри до отказа надавил на курок. Раз, другой, третий.

И время рванулось и помчалось до боли стремительно. Темное стекло на мгновение побелело и посыпалось на асфальт дождем осколков, и

Харри успел увидеть исчезающую за окном руку. А потом послышался шелестящий шум дорогих американских автомобилей — и умолк.

Харри смотрел на окошко кассы. Желтые листья, поднятые кортежем, все еще кружили в воздухе и падали на грязную серую траву. Он смотрел на окошко кассы. Снова стало тихо, и на какое-то мгновение он подумал, что находится на самом обычном в Норвегии переезде, что вокруг — самый обычный осенний день, что там, вдалеке, — самая обычная станция техобслуживания. И даже в воздухе пахло обычной утренней прохладой, отсыревшей листвой и выхлопными газами. И это потрясло его: может, ничего и не было?

Он все смотрел на окошко кассы, как вдруг тревожный, настойчивый гудок «вольво» за его спиной распилил день надвое…

Часть вторая
Бытие

Эпизод 9
1942 год

Огни вспыхивали в сером ночном небе, и оно было похоже на грязную парусину палатки, растянутую над этой бесчувственной голой землей. Может, русские начали наступление или просто делают вид, что начали его, — сейчас это нельзя было знать наверняка. Гюдбранн лежал на краю окопа, поджав ноги под себя, сжимая обеими руками винтовку, и, прислушиваясь к далеким, приглушенным раскатам, глядел на затухающие вспышки. Он знал, что ему с его куриной слепотой не стоит смотреть на эти вспышки, иначе можно не заметить русских снайперов, ползущих по снегу нейтральной полосы. Но он и так их не видел ни разу, только стрелял по чужой команде. Как сейчас.

— Вон он лежит!

Это был Даниель Гюдесон, единственный городской парень во всем отряде. Остальные были из мест, названия которых кончались на «-даль» — «долина». Одни долины — широкие, другие — глубокие, тенистые и безлюдные, совсем как

родные места Гюдбранна. Но не Даниель! Не Даниель Гюдесон, с его высоким, чистым лбом, сверкающими голубыми глазами и белозубой улыбкой. Он был из очага прогресса.

— Шестьдесят градусов левее куста, — скомандовал Даниель.

Куста? Но ведь здесь, на изрытой бомбами земле, не было никакого куста. Нет, похоже, он там был, потому что другие выстрелили. Щелчок, выстрел, свист. Каждая пятая пуля летела, как светлячок, по параболе. След трассирующей пули. Пуля летела в темноту, но потом как будто уставала, потому что скорость быстро снижалась, и пуля мягко падала на землю. Так это, по крайней мере, выглядело. Гюдбранн подумал, что такими медленными пулями невозможно кого-нибудь убить.

— Ушел! — с досадой и ненавистью бросил кто-то. Синдре Фёуке. Его лицо почти сливалось с камуфлированной формой, узкие темные глаза вглядывались во мрак. Он был с отдаленного хутора, откуда-то из верховьев долины Гюдбрансдаль, по всей видимости, из темного уголка, куда редко заглядывало солнце, поскольку он был очень бледен. Гюдбранн не знал, почему Синдре пошел на фронт, но слышал, что его родители

и оба брата состояли в партии «Национального объединения»[6], ходили по округе с повязкой на рукаве и доносили на тех, в ком подозревали «йоссингов»[7]. Даниель говаривал, что однажды они сами отведают кнута и натерпятся от доносчиков и всех, кто извлекает из войны выгоду.

— Ну уж нет, — ответил Даниель и прислонился щекой к прикладу винтовки. — Ни один большевистский дьявол не улизнет отсюда.

— Он знает, что мы его увидели, — сказал Синдре, — и залег в траншею.

— Ну уж нет, — повторил Даниель и прицелился.

Гюдбранн смотрел в эту серовато-белую тьму. Белый снег, белая камуфляжная форма, белые вспышки. Небо озарилось снова. По насту забегали тени. Гюдбранн снова посмотрел вверх. Красное и белое свечение над горизонтом сопровождалось далекими раскатами орудий. Ненатурально, как в кино, — если не считать тридцатиградусного мороза, и они были здесь

---

[6] Примечания: 6

Профашистская партия в Норвегии в годы Второй мировой войны. (*Прим. перев.*)

[7] Примечания: 7

«Йоссингами» норвежские фашисты стали называть участников движения Сопротивления после столкновения в Йоссинг-фьорде в январе 1940 г. (*Прим. перев.*)

одни, без надежды на подкрепление. Может, действительно на этот раз началось наступление?

— Ты слишком долго возишься, Гюдесон, он давно ушел. — Синдре сплюнул в снег.

— Ну уж нет, — повторял Даниель все тише и тише, все пытаясь прицелиться. И вскоре уже из его рта не выходило ни облачка пара.

Вдруг — громкий визжащий свист, крик: «Побережись!» — и Гюдбранн упал на обмерзлое дно окопа, закрыв голову руками. Земля содрогнулась. Градом посыпались бурые, обледеневшие комья земли. Один из них ударился о шлем Гюдбранна и упал прямо перед его лицом. Он продолжал лежать и только когда решил, что все прошло, рискнул подняться. Было тихо, шел снег, его лицо мгновенно покрылось вуалью мягких снежинок. Говорят, никогда не слышишь ту гранату, от которой погибнешь, но Гюдбранн навидался достаточно, чтобы знать, что это не так. Вспышка озарила окоп, и он увидел бледные лица других солдат и их тени, которые в этом мятущемся свете будто ползли к нему по стенам окопа. Но где Даниель? Даниель!

— Даниель!

— Я его прихлопнул, — сказал Даниель, он все еще лежал на краю окопа.

Гюдбранн не верил собственным ушам.

— Что ты сказал?

Даниель сполз в окоп и отряхнул с себя снег и комья земли. Он широко осклабился.

— Чтобы ни одному русскому черту неповадно было стрелять по нашим. Я отомстил за Турмода, — и, чтобы не поскользнуться, уперся каблуками в край окопа.

— Ни хрена! — закричал Синдре. — Ни хрена ты не мог попасть в него, Гюдесон. Я видел, как русский исчез в той траншее.

Взгляд его маленьких глаз перебегал с одного товарища на другого, будто вопрошая, верят ли они в похвальбу Даниеля.

— Верно, — сказал Даниель. — Но через два часа рассвет, и он подумал, что ему пора вылезать оттуда.

— Вот именно, и он поторопился с этим, — поспешил сказать Гюдбранн. — И вылез с другой стороны. Так, Даниель?

— Так или не так, — ухмыльнулся Даниель. — Все равно я его пришиб.

Синдре зашипел:

— А сейчас ты захлопнешь свою болтливую пасть, Гюдесон.

Даниель пожал плечами, проверил зарядник и

взял новую пригоршню патронов. Потом развернулся, вскинул винтовку на плечо, уперся носком сапога в обледенелую стену траншеи и в один прыжок вновь оказался на брустверe окопа.

— Подай мне свою лопату, Гюдбранн.

Даниель взял лопату и встал в полный рост. Его фигура в белой зимней униформе четко вырисовывалась на фоне черного неба и вспышки, которая, словно нимбом, окружила его голову.

«Как ангел», — подумал Гюдбранн.

— Эй, ты! Какого черта?! — закричал Эдвард Мускен, командир отделения, человек уравновешенный, что редко повышал голос на «стариков» вроде Даниеля, Синдре или Гюдбранна. Доставалось в основном новичкам, когда те делали ошибки. И его окрикам многие из них были обязаны жизнью. А сейчас Эдвард Мускен смотрел на Даниеля широко раскрытым единственным глазом, который он никогда не закрывал. Даже когда спал — Гюдбранн был этому свидетелем.

— Вернись в укрытие, Гюдесон! — крикнул командир.

Но Даниель только улыбнулся, и через мгновение его уже не было, и какую-то крошечную долю секунды был виден лишь пар его дыхания. Потом вспышка за горизонтом погасла, и снова

стало темно.

— Гюдесон! — крикнул Эдвард и полез на бруствер. — Черт!

— Ты его видишь? — спросил Гюдбранн.

— Бежит к колее.

— Зачем этому придурку понадобилась лопата? — спросил Синдре и посмотрел на Гюдбранна.

— Не знаю, — ответил Гюдбранн. — Может, он будет рубить ею колючую проволоку.

— Какого лешего ему рубить колючую проволоку?

— Не знаю. — Гюдбранну не нравился пристальный взгляд Синдре — напоминал ему о другом крестьянском парне, который был здесь прежде. Тот под конец свихнулся, помочился в ботинки в ночь перед дежурством, и потом ему пришлось отрезать на ногах все пальцы. Но зато он теперь дома, в Норвегии, так что, может, он и не был сумасшедшим. Во всяком случае, у него был такой же испытующий взгляд.

— Может, он хочет пробраться на ничейную полосу, — сказал Гюдбранн.

– *Что* за колючей проволокой, я знаю. Я спрашиваю, что он там забыл.

— Может, он получил по башке гранатой, —

сказал Халлгрим Дале, — и от этого сдурел?

Халлгриму Дале, самому молодому в отделении, было всего восемнадцать лет. Никто точно не знал, что заставило его записаться в солдаты. Жажда приключений, считал Гюдбранн. Дале заявлял, что восхищается Гитлером, но на деле ничего не понимал в политике. Даниель склонялся к мысли, что Дале сделал подружке ребеночка и сбежал, чтобы не жениться.

— Если русский жив, то Гюдесон не пройдет и пятидесяти метров, как схлопочет пулю, — сказал Эдвард Мускен.

— Даниель застрелил его, — прошептал Гюдбранн.

— В таком случае Гюдесона застрелит кто-нибудь еще. — Эдвард сунул руку под куртку и выудил из нагрудного кармана тонкую сигарету. — Этой ночью их там полным-полно.

Осторожно держа спичку, он чиркнул ею по сырому коробку. Со второй попытки сера вспыхнула, Эдвард зажег сигарету, один раз затянулся и передал ее дальше, не сказав ни слова. Каждый делал осторожную затяжку и быстро передавал сигарету соседу. Никто не разговаривал, казалось, все погружены в собственные мысли. Но Гюдбранн знал, что все, как и он, прислушиваются.

Десять минут прошли в полной тишине.

— Наверное, сейчас будут бомбить озеро с самолетов, — бросил Халлгрим Дале.

Все они слышали про русских, которые якобы бегут из Ленинграда по ладожскому льду. Но хуже того: целый лед Ладоги означал, что генерал Жуков может наладить снабжение окруженного города.

— Они-то там, наверное, посреди улицы от голода в обмороки падают. — Дале кивнул на восток.

Но Гюдбранн слышал все это уже много раз с тех пор, как его направили сюда год назад, а эти русские все еще лежат тут и стреляют в тебя, стоит только высунуть голову из окопа. Прошлой зимой они толпами шли к окопам, подняв руки за голову, русские дезертиры, которые решили, что с них хватит, и посчитали за лучшее перебежать на другую сторону в обмен на кусок хлеба и чуточку тепла. Но между появлениями дезертиров были большие перерывы, а те двое бедолаг-перебежчиков со впалыми глазами, которых Гюдбранн видел на прошлой неделе, недоверчиво смотрели на них, таких же тощих и измотанных солдат.

— Двадцать минут. Он не возвращается, — сказал Синдре. — Он сдох. Он мертвый, как гнилая селедка.

— Заткнись! — Гюдбранн шагнул к Синдре, который сразу же выпрямился. Но хотя Синдре и был по меньшей мере на голову выше, было ясно, что ему вовсе не хочется драки. Он хорошо помнил, как несколько месяцев назад Гюдбранн убил русского. Кто тогда мог поверить, что в добром, осмотрительном Гюдбранне может быть столько бешенства? Русский незаметно проскользнул в их окоп через два секрета и перебил всех, кто спал в ближайших укрытиях. В одном — голландцев, в другом — австралийцев, до того, как добрался до их блиндажа. Их отделение спасли вши.

Вши у них были повсюду, но в особенности там, где тепло: под мышками, внизу живота, под коленками. Гюдбранн, лежавший ближе всех к выходу, не мог заснуть, оттого что ноги у него болели от так называемых «вшивых ран», открытых ран с пятак размером, усеянных по краям опившимися паразитами. Гюдбранн выхватил штык в тщетной попытке соскрести гадов, когда в дверях показался русский, который еще миг — и всех их перестрелял бы. Гюдбранн увидел только его силуэт, но сразу понял, что это враг, едва различив очертания поднятой винтовки Мосина. И одним этим тупым штыком Гюдбранн так искромсал русского, что, когда они вытаски-

вали тело наверх, крови в нем уже не было.

— Успокойтесь, парни, — сказал Эдвард и оттащил Гюдбранна в сторону. — Тебе бы поспать маленько, Гюдбранн, тебя уже час как пора сменить.

— Я пойду поищу его, — сказал Гюдбранн.

— Никуда ты не пойдешь!

— Нет, я…

— Это приказ! — Эдвард схватил его за плечо. Гюдбранн попытался было вырваться, но командир держал его крепко.

Гюдбранн заговорил высоким, дрожащим от волнения голосом:

— А вдруг он ранен?! А вдруг он просто застрял в колючей проволоке?!

Эдвард похлопал его по плечу.

— Скоро рассвет, — сказал он. — Тогда мы все и узнаем.

Он взглянул на других солдат, в молчании наблюдавших за происходящим. Парни снова начали переминаться с ноги на ногу и бормотать что-то друг другу. Гюдбранн видел, как Эдвард подошел к Халлгриму Дале и что-то прошептал ему на ухо. Дале выслушал его и исподлобья покосился на Гюдбранна. Гюдбранн прекрасно понимал, что это значило. Приказание не спус-

кать с него глаз. Как-то прошел слух, что они с Даниелем больше, чем просто хорошие друзья. И этим нельзя было гордиться. Мускен тогда прямо спросил их: правда ли, что они решили дезертировать вместе? Конечно, они сказали «нет», а вот теперь Мускен решил, что Даниель воспользовался возможностью улизнуть! А теперь по плану Гюдбранн пойдет «искать» товарища, и они перейдут на ту сторону вместе. Гюдбранна разбирал смех. Разумеется, приятно было бы окунуться в далекие мечты о еде, тепле и женщинах — о чем вещал над золотистым полем боя льстивый голос из русских громкоговорителей. Но *верить* в это?

— Могу поспорить, что он не вернется, — заявил Синдре. — На три суточных пайка, ну как?

Гюдбранн вытянул руки по швам, проверяя, на месте ли штык.

– *Nicht schissen, bitte*![8]

Гюдбранн обернулся — с бруствера ему улыбался человек в русской солдатской ушанке, его лицо было перепачкано кровью. Потом этот человек с легкостью лыжника перемахнул через бруствер и приземлился на лед окопа.

— Даниель! — закричал Гюдбранн.

---

[8] Примечания: 8
Не стреляйте, пожалуйста! (*нем.*)

— Хей! — сказал Даниель и приподнял ушанку. — Добрий ветшер!

Остальные стояли как обмороженные и смотрели на них.

— Слушай, Эдвард, — громко сказал Даниель. — Тебе бы не мешало поработать над нашими голландцами. У них там между караулами метров пятьдесят, не меньше.

Эдвард, как и остальные, стоял молча как зачарованный.

— Ты похоронил русского, Даниель? — Лицо Гюдбранна горело от волнения.

— Похоронил его? — переспросил Даниель. — Да я даже прочел молитву и спел за упокой. А вы разве не слышали? Я уверен, было слышно аж на той стороне.

С этими словами он запрыгнул на бруствер, сел, поднял руки в небо и запел глубоким, задушевным голосом:

— Велик Господь…

Тут все расхохотались, Даниель и сам смеялся до слез.

— Ты дьявол, Даниель! — сказал Дале.

— Нет, теперь я не Даниель. Зовите меня… — Даниель снял русскую ушанку и прочитал на обратной стороне подкладки, — …Урией. Черт,

он тоже умел писать. Да, да, хотя он был и большевик. — Он снова спрыгнул с бруствера и посмотрел на товарищей. — Надеюсь, никто не против обычного еврейского имени?

На какую-то секунду воцарилась тишина, потом все утонуло в хохоте. Друзья стали наперебой хлопать Урию по спине.

Эпизод 10
Окрестности Ленинграда, 31 декабря 1942 года

На пулеметной позиции было холодно. Гюдбранн надел на себя все, что было из одежды, и все равно стучал зубами и не чувствовал пальцев рук и ног. Больше всего мерзли ноги. Он накрутил новые портянки, но это не слишком помогало.

Он пристально смотрел в пустоту. В этот вечер «Ивана» что-то не было слышно. Может, он справляет Новый год? Может, ест что-то вкусное. Баранину с капустой. Или сосиски. Гюдбранн, конечно, знал, что у русских нет мяса, но никак не мог избавиться от мыслей о еде. У них у самих не было ничего, кроме всегдашнего хлеба и чечевичной похлебки. Хлеб уже давно покрылся плесенью, но они к этому привыкли. А когда он так проплесневел, что стал разваливаться на куски, они стали кидать эти куски в похлебку.

— Все равно на Рождество нам дали сосиски, — сказал Гюдбранн.

— Тссс! — шикнул Даниель.

— Сегодня там никого нет, Даниель. Они сидят

и едят котлеты из оленины. С брусникой и таким жирным, сочным соусом. И картошкой.

— Не заводи снова свою шарманку про еду. Сиди тихо и смотри, если ты что-нибудь видишь.

— Но я ничего не вижу, Даниель. Ничего.

Они вместе присели и вжали головы в плечи. На Даниеле была та самая русская ушанка. Стальной шлем с эмблемой войск СС лежал рядом. И Гюдбранн знал зачем. Шлем имел такую форму, что под его края постоянно залетал леденящий снег, к тому же с жутким свистом, который был особенно невыносим во время дежурства.

— Что у тебя с глазами? — спросил Даниель.

— Ничего. Я просто иногда плохо вижу в темноте.

— И все?

— И не различаю некоторые цвета.

— Что значит «некоторые»?

— Красный и зеленый. Я не вижу между ними разницы, они у меня сливаются. Я, например, не мог увидеть ни ягодки, когда мы по воскресеньям ходили в лес за брусникой для жаркого.

— Хватит о еде, слышишь?!

Они сидели молча. Где-то вдалеке послышалась пулеметная очередь. Термометр показывал минус двадцать пять. Прошлой зимой несколько

дней подряд держалось минус сорок пять. Гюдбранн утешал себя тем, что в такой холод хоть не заедали вши, что ему не захочется чесаться, пока не кончится его смена и он не вернется в койку под шерстяное одеяло. Но эти твари переносили холод лучше, чем он. Однажды он ради интереса оставил нижнюю рубашку на снегу в мороз, и она пролежала так трое суток. Когда он потом взял ее снова и занес внутрь, она была сплошной ледышкой. Но стоило ему подержать ее над печкой, как она снова закишела этими ползучими гадами, и Гюдбранн с отвращением бросил ее в огонь.

Даниель кашлянул:

— Хм, а как вы ели это жаркое по воскресеньям?

Гюдбранн не заставил себя долго упрашивать:

— Сперва отец резал жаркое, чинно, как священник, а мы, молодые, сидели вокруг и смотрели. Потом мать клала каждому на тарелку по два куска и поливала их таким коричневым соусом, до того жирным, что ей приходилось нет-нет да перемешивать его, чтобы он совсем не застыл. А еще было много свежей, хрустящей брюссельской капусты. Ты бы надел шлем, Даниель. Что, если тебе на голову упадет осколок гранаты?

— А если целая упадет? Продолжай.

Гюдбранн закрыл глаза и расплылся в улыбке:

— На сладкое у нас было пюре из чернослива. Или американское шоколадное печенье с орехами. Но это не всегда. Их мать прихватила с собой из Бруклина.

Даниель сплюнул в снег. Обычно зимнее дежурство длилось один час, но сейчас Синдре Фёуке и Халлгрим Дале лежали в лихорадке, так что Эдвард Мускен, командир отделения, решил увеличить время до двух часов, пока оба не вернутся в строй.

Даниель положил руку Гюдбранну на плечо:

— Ты ведь скучаешь по дому? По своей матери?

Гюдбранн засмеялся и тоже сплюнул в снег, туда же, куда и Даниель, и посмотрел в небо, на замерзшие звезды. В снегу что-то зашуршало, Даниель поднял голову.

— Лиса, — коротко сказал он.

Невероятно, но даже здесь, где каждый квадратный метр был изрыт бомбежками, а мины лежали плотнее, чем камни на мостовой Карл-Юханс-гате, оставались животные. Немного, но они уже видели и зайцев и лисиц. И пару хорьков. Конечно, они пытались их подстрелить — в котел пошло бы все. Но после того, как одного

немца убили, когда тот побежал за подстреленным зайцем, командование решило, что русские специально пускают зайцев перед их окопами, чтобы выманить их на ничейную полосу. Можно подумать, русские по доброй воле выпустят хоть зайца!

Гюдбранн облизнул потрескавшиеся губы и посмотрел на часы. Еще час до смены караула. Наверное, Синдре напихал табаку себе в прямую кишку, чтобы у него подскочила температура. С него станется.

— А почему вы уехали из Штатов? — спросил Даниель.

— Крах на бирже. Отца уволили из судостроительной компании.

— Вот видишь, — сказал Даниель. — Таков капитализм. Бедняки вкалывают, как сявки, а богачи — жиреют, и не важно, идет экономика на подъем или на спад.

— Прямо как сейчас.

— Так было до этих пор, но скоро грядут перемены. Когда мы выиграем войну, Гитлер еще удивит народы. И твоему отцу больше не будет грозить безработица. Ты тоже должен вступить в «Национальное объединение». Должен.

— Ты что, правда веришь во все это?

— А ты нет?

Гюдбранну не хотелось перечить Даниелю. Он пожал плечами, но Даниель повторил вопрос.

— Конечно верю, — ответил Гюдбранн. — Но я сейчас больше думаю о Норвегии. Мы не должны пустить большевиков к нам в страну. Если они придут, нам опять придется уехать в Америку.

— В капиталистическую страну? — Голос Даниеля зазвучал еще более едко. — Чтобы видеть, как демократией заправляют богачи, и быть игрушкой в руках судьбы и коррумпированных чиновников?

— Это лучше, чем при коммунизме.

— Демократии исчерпали себя, Гюдбранн. Ты только взгляни на Европу. Англия и Франция, они уже катились к чертям задолго до того, как началась война, со всей их безработицей и эксплуататорством. В Европе есть только две сильные личности, которые могут остановить ее падение в хаос, и это Гитлер и Сталин. Вот из чего мы можем выбирать. Братский народ или варвары. И почему-то почти никто не понял, каким счастьем для нас стало то, что немцы пришли к нам раньше, чем мясники Сталина.

Гюдбранн кивнул. Ведь Даниель говорит это не просто так, у него же есть какое-то основание так

говорить. И с такой убежденностью.

И тут раздался дикий грохот. Небо перед ними стало ослепительно белым, холм вздрогнул, и за вспышкой они увидели бурую землю и снег, которые, казалось, сами собой поднимались в воздух оттуда, где взрывались гранаты.

Гюдбранн уже лежал на дне окопа, обхватив голову руками, но все кончилось так же быстро, как и началось.

Он взглянул вверх, и там, на краю окопа, за пулеметом лежал Даниель и хохотал.

— Что ты делаешь? — закричал Гюдбранн. — Включи сирену, пусть все проснутся!

Но Даниель засмеялся еще громче.

— Дружище! — От смеха на его глазах проступили слезы. — С Новым годом!

Даниель показал на часы, и Гюдбранн все понял. Конечно, Даниель все это время ждал, когда русские дадут новогодний салют, а сейчас он сунул руку в снежную насыпь перед пулеметом и достал из снега бутылку с остатками коричневой жидкости.

— Бренди! — закричал он и с победным видом помахал бутылкой в воздухе. — Я берег его три месяца. Держи.

Гюдбранн уже поднялся с земли и теперь сидел

и смеялся вместе с Даниелем.

— Ты первый! — сказал Гюдбранн.

— Уверен?

— Конечно уверен, дружище, ты же его сберег. Но не выпивай все!

Даниель ударил по крышке так, что она слетела, и поднял бутылку.

— На Ленинград, весной мы выпьем с тобой в Зимнем дворце! — провозгласил он и снял с себя ушанку. — А летом мы будем дома, мы будем героями нашей любимой Норвегии!

Он приложил горлышко бутылки ко рту и откинул голову назад. Темная жидкость булькала и пританцовывала. В стекле отражался свет далеких вспышек. Годы спустя Гюдбранн понял, что блики на стекле выдали их русскому снайперу. В следующее мгновение Гюдбранн услышал громкий свист, и бутылка лопнула в руках Даниеля. Посыпался дождь из бренди и осколков стекла, Гюдбранн машинально закрыл глаза. Он почувствовал что-то мокрое у себя на лице, оно стекало вниз по щекам, и он непроизвольно высунул язык и слизнул пару капель. Он почти не почувствовал никакого вкуса, только спирт и еще что-то — что-то сладкое с привкусом металла. Вязкое, должно быть, от холода, — подумал

Гюдбранн и снова открыл глаза. На краю окопа Даниеля видно не было. Он, верно, упал за пулеметом, когда понял, что нас заметили, — подумал Гюдбранн, но сердце его забилось тревожно.

— Даниель!

Нет ответа.

— Даниель!

Гюдбранн вскочил на ноги и подполз к брустверу. Даниель лежал на спине. Под головой у него была пулеметная лента, на лице — русская ушанка. Снег был обрызган кровью и бренди. Гюдбранн осторожно поднял шапку. Даниель широко открытыми глазами смотрел в звездное небо. А посредине лба зияла большая черная дыра. Гюдбранн продолжал ощущать тот сладковатый металлический вкус во рту и почувствовал, что его тошнит.

— Даниель, — только и прошептал он пересохшими губами.

Гюдбранн подумал, что Даниель похож теперь на мальчишку, который собрался лепить снеговика, но вдруг лег и заснул в снегу. Всхлипнув, Гюдбранн кинулся к сирене и завертел ручку. И в небо, где гасли вспышки, понесся пронзительный, жалобный вой.

«*Так не должно было случиться*», — вот и все,

что думал Гюдбранн в эту минуту.

Уууууууу-ууууууу!..

Прибежали Эдвард и остальные и встали за его спиной. Кто-то прокричал его имя, но Гюдбранн не слышал, он лишь крутил и крутил ручку. Наконец Эдвард подошел и схватился за нее. Гюдбранн разжал руку и, не оборачиваясь, продолжал стоять и смотреть на край окопа и небо над ним, а на щеках у него замерзали слезы. Вой сирены становился все тише и тише.

— Так не должно было случиться, — прошептал он.

Эпизод 11
Окрестности Ленинграда, 1 января 1943 года

Когда Даниеля оттаскивали, его лицо уже успело покрыться инеем: под носом, в уголках глаз и рта. Иногда убитых просто оставляли на морозе, чтобы они окоченели — так было проще их уносить. Но Даниель лежал поперек дороги, мешая тому, кто должен был сменить пулеметный расчет. Поэтому двое солдат оттащили его в сторону и положили на два пустых ящика из-под боеприпасов, отложенных для костра. Халлгрим Дале повязал мешок ему на голову, чтобы не видеть маску смерти с этой ужасной улыбкой. Эдвард уже связался с теми, кто занимался братскими могилами на участке «Север», и объяснил, где лежит Даниель. Ему обещали этой же ночью прислать двух солдат похоронной команды. По приказу командира отделения больной Синдре покинул постель, чтобы остаток смены дежурить вместе с Гюдбранном. И перво-наперво им нужно было очистить испачканный пулемет.

— Кёльн разбомбили в порошок, — сказал

Синдре.

Они лежали бок о бок на краю окопа, в узкой яме, откуда им было хорошо видно ничейную полосу. Гюдбранн вдруг осознал, до чего ему неприятно находиться так близко к Синдре.

— И Сталинград — к чертям, — продолжал Синдре.

От холода Гюдбранн ничего не чувствовал: его голова и тело стали будто ватными, все происходящее вокруг уже не имело к нему никакого отношения. Единственное, что еще регистрировало сознание, — это обжигающий руки заледенелый металл и то, что пальцы никак не хотят слушаться. Он попробовал снова. Рядом на снегу, на шерстяном одеяле, уже лежали ложа и спусковой механизм пулемета, а вот с затвором было хуже. В Зеннхайме их учили брать друг у друга детали пулемета и собирать их с завязанными глазами. В Зеннхайме, в прекрасном, теплом немецком Эльзасе. Теперь все было не так, и он не чувствовал, что делают его пальцы.

— Ты слышишь? — говорил Синдре. — Русские придут и убьют нас. Как они убили Гюдесона.

Гюдбранн помнил немца, капитана вермахта, которого очень позабавил Синдре, когда сказал ему, что родом из далекого хутора под названием

Тотен.

– *Toten? Wieim Totenreich*?[9] — смеялся капитан.

Наконец крышка затвора подалась.

— Черт! — Голос Гюдбранна дрожал. — Здесь везде кровь, от нее тут все намертво смерзлось!

Он снял рукавицы, взял масленку с ружейным маслом и прижал ее к затвору. Из-за холода желтоватая жидкость стала вязкой и густой, но он знал, что маслом можно растворить кровь. Он закапывал его себе в ухо, когда у него бывал отит.

Синдре вдруг прислонился к Гюдбранну и начал ковыряться ногтем в патроне.

— Вот те на! — Он посмотрел на Гюдбранна и оскалил свои гнилые зубы. Его бледное небритое лицо было так близко, что Гюдбранн почувствовал отвратительный гнилостный запах, впрочем, все они здесь так пахнут. Синдре поднес палец к лицу. — Кто бы мог подумать, что у этого Даниеля столько мозгов, а?

Гюдбранн отвернулся.

Синдре с интересом рассматривал кончик пальца:

— Но он их не особо использовал. А то бы той ночью он не вернулся назад с ничейной полосы.

---

[9] Примечания: 9

Тотен? Вроде царства мертвых? (*нем.*) «Toten» — начальная часть немецких слов, означающая «мертвец, покойник». (*Прим. перев.*)

Я слышал, вы хотели дать деру. Ну да, вы же были это… хорошими друзьями.

Сначала Гюдбранн не расслышал: слова будто доносились издалека. Но, когда их отзвуки достигли его, он внезапно ощутил, как по телу снова разливается тепло.

— Немцы и не думают дать нам отступить, — продолжал Синдре. — Мы здесь все передохнем, все до последнего черта. Нет, вам надо было драпать. Большевики, по крайней мере, обошлись бы не так, как Гитлер, с такими парнями, как ты и Даниель. В смысле, с такими хорошими друзьями.

Гюдбранн не отвечал. Тепло уже достигло кончиков пальцев.

— Мы решили удрать туда этой ночью, — сказал Синдре. — Халлгрим Дале и я. Пока не поздно.

Он извернулся в снегу и посмотрел на Гюдбранна.

— Чего ты боишься, Юхансен? — сказал он и снова оскалился. — На кой, по-твоему, мы сказались больными?

Гюдбранн сжал пальцы ног в сапогах. Теперь он их уже практически чувствовал. Стало тепло и хорошо. Но вместе с этим ощущалось еще кое-что.

— Ты с нами, Юхансен? — спросил Синдре.

Вши! Да, ему стало тепло, но он не чувствовал вшей! Прекратился даже свист ветра под каской.

— Так это ты распускал те слухи, — сказал Гюдбранн.

— Чего? Какие еще слухи?

— Мы с Даниелем говорили о том, чтобы уехать в Америку, а не бежать к русским. И не сейчас, а когда война *закончится*.

Синдре пожал плечами, посмотрел на часы и поднялся на колени.

— Попробуй только, я пристрелю тебя, — сказал Гюдбранн.

— Из чего? — спросил Синдре и кивнул на детали пулемета, разложенные на одеяле.

Их винтовки были в укрытии, и они оба прекрасно понимали, что, прежде чем Гюдбранн успеет сбегать туда и обратно, Синдре будет уже далеко.

— Оставайся тут, Юхансен, и подыхай, если охота. Передавай привет Дале и скажи, что пришла его очередь.

Гюдбранн сунул руку под куртку и достал штык. Свет луны сверкнул на потускневшем стальном лезвии. Синдре покачал головой:

— Парни вроде вас с Гюдесоном — фантазеры. Убери нож, пойдем лучше со мной. Сейчас рус-

ским по озеру подвезут провизию. Свежее мясо.

— Я не предатель, — ответил Гюдбранн.

Синдре встал.

— Если ты попытаешься заколоть меня штыком, голландцы на посту прослушивания услышат нас и поднимут тревогу. Подумай башкой. Кому из нас они скорее поверят, что он пытался предотвратить побег другого? Тебе, о ком уже ходят слухи, что ты намылился удрать, или мне, члену партии?

— Сядь обратно, Синдре Фёуке.

Синдре рассмеялся:

— Дрянной из тебя убийца, Гюдбранн. Ну, я побежал. Дай отбежать метров на пятьдесят, а уж потом поднимай тревогу, и всем будет хорошо.

Они посмотрели друг на друга. Между ними начали падать пушистые хлопья снега. Синдре ухмыльнулся:

— Снегопад и лунный свет одновременно — редкое зрелище, а?

Эпизод 12
Окрестности Ленинграда, 2 января 1943 года

Окоп, в котором стояли четыре человека, находился в двух километрах севернее их участка фронта, как раз там, где траншея поворачивала назад и почти делала петлю. Человек с капитанскими знаками различия стоял перед Гюдбранном, переминаясь с ноги на ногу. Был снегопад, и на фуражке у капитана уже лежал приличный слой снега. Эдвард Мускен стоял рядом с капитаном и смотрел на Гюдбранна одним широко открытым глазом, другой опять был наполовину прикрыт.

– *So,* — сказал капитан. — *Er ist hinüber zu den Russen geflohen*?[10]

– *Ja*[11], — повторил Гюдбранн.

– *Warum*?[12]

---

[10] Примечания: 10
Итак, значит, он бежал на ту сторону к русским? (*нем.*)

[11] Примечания: 11
Да (*нем.*).

[12] Примечания: 12
Почему? (*нем.*)

– *Das weiss ich nicht*[13].

Капитан посмотрел в небо, цыкнул зубами и топнул ногой. Потом кивнул Эдварду и, буркнув что-то роттенфюреру, немецкому ефрейтору, бывшему при нем, попрощался. Снег захрустел у них под ногами.

— Вот так вот, — сказал Эдвард. Он по-прежнему смотрел на Гюдбранна.

— Да-а, — протянул Гюдбранн.

— Расследовать тут особо нечего.

— Да уж.

— Но кто бы мог подумать! — Его открытый глаз продолжал пристально и неподвижно смотреть на Гюдбранна.

— Тут постоянно дезертируют, — сказал Гюдбранн. — Если бы они расследовали каждый случай…

— Я говорю, кто бы мог подумать такое о Синдре! О том, что он выкинет что-нибудь подобное.

— Нет, но ты же видишь, — сказал Гюдбранн.

— Да, не слишком замысловато. Вот так встал и убежал.

— Конечно.

— Потом, с пулеметом промашка вышла. — Го-

---

[13] Примечания: 13
Я не знаю (*нем.*).

лос Эдварда был полон холодной насмешки.

— Да.

— И ты даже не смог докричаться до голландцев.

— Я кричал, но было уже слишком поздно. Было темно.

— Была луна, — сказал Эдвард.

Они посмотрели друг на друга.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Эдвард.

— Нет.

— Нет, знаешь, по тебе же видать. За что, Гюдбранн?

— Я не убивал его, — взгляд Гюдбранна был прикован к огромному глазу Эдварда. — Я пытался отговорить его. Но он даже слушать меня не стал. Просто убежал. Что я мог поделать?

Они стояли, наклонившись друг к другу, тяжело дыша, и пар от их дыхания тут же уносил ветер.

— Я помню, когда в последний раз ты так выглядел, Гюдбранн. Той ночью, когда ты убил того русского у нас в блиндаже.

Гюдбранн пожал плечами. Эдвард положил ему на плечо руку в обледеневшей рукавице:

— Послушай. Синдре не был хорошим солдатом. Пожалуй, даже хорошим человеком. Но мы-то приличные люди, нам надо пытаться при всем

при этом соблюдать какие-то нормы и ценности, понимаешь?

— Теперь мне можно идти?

Эдвард посмотрел на Гюдбранна. Слухи о том, что Гитлер одерживает победу далеко не на всех направлениях, стали доходить и сюда. Соответственно, увеличилось и число норвежских добровольцев, и на смену Даниелю и Синдре пришли двое мальчишек из Тюнсета. Все время новые, молодые лица. Кто-то запоминался, кого-то быстро забывали, когда он погибал. Даниеля Эдвард запомнит, он знал это наверняка. Точно так же, как и то, что очень скоро лицо Синдре сотрется из его памяти. Сотрется…. Через несколько дней Эдварду-младшему исполнится два годика… Эту мысль он не стал додумывать.

— Да, ступай, — ответил он. — И береги голову.

— Конечно, — сказал Гюдбранн. — Даже спину согну.

— Помнишь, как говорил Даниель? — спросил Эдвард со странной улыбкой. — Если мы будем тут ходить согнувшись, то вернемся в Норвегию горбатыми.

Вдали раздался трескучий хохот пулемета.

Эпизод 13
Окрестности Ленинграда, 3 января 1943 года

Гюдбранн внезапно проснулся. В темноте он несколько раз сморгнул, но увидел лишь очертания досок кровати над собой. Пахло сырым деревом и землей. Он что, опять кричал во сне? Другие парни говорили, что больше не просыпаются от его криков. Он лежал, чувствуя, как постепенно успокаивается пульс. Он почесал бок: вши, наверное, никогда не спят!

Его разбудил тот же самый сон: он и сейчас еще чувствовал лапы на груди, видел в темноте желтые глаза, белые зубы хищника, с которых стекали кровь и слюна. И слышал, как кто-то тяжело дышит, будто перепуганный насмерть. Кто — он или зверь? Такой уж был этот сон: он спал, каждый раз просыпался и не мог пошевелиться. Зверь уже готовился перегрызть ему глотку, когда треск пулемета снаружи разбудил его, и он успел лишь увидеть, как зверь поднялся с одеяла и отпрыгнул к земляной стене блиндажа, но пули разорвали его в клочья. И он осел на пол, превра-

тившись в кровавую, бесформенную, меховую массу. Хорек. А в дверной проем вошел человек: он шагнул из темноты в тонкую полоску лунного света, настолько тонкую, что она освещала лишь половину его лица. Но нынешней ночью в этом сне что-то изменилось. Дуло винтовки, как всегда, дымилось, человек, как обычно, улыбался, но посреди лба у него зияла огромная, черная воронка. Так что когда он поворачивался к Гюдбранну, сквозь дырку в голове виднелась луна.

Едва Гюдбранн почувствовал, что из открытой двери тянет холодом, он повернул голову и оцепенел, увидев у входа черный силуэт. Неужели он все еще спит? Силуэт шагнул внутрь, но было слишком темно, и Гюдбранн не мог разглядеть, кто это.

Вдруг фигура остановилась.

— Ты не спишь, Гюдбранн? — Голос был громкий и отчетливый. Говорил Эдвард Мускен. С соседних коек послышалось недовольное бормотание. Эдвард подошел вплотную к постели Гюдбранна. — Поднимайся, — сказал он.

Гюдбранн вздохнул:

— У тебя там ошибка в графике. Я только отдежурил. Сейчас должен Дале…

— Его вернули.

— Чего?

— Дале только что пришел и разбудил меня. Даниеля вернули.

— Что ты такое говоришь?

Гюдбранн видел в темноте только белесое дыхание Эдварда. Он свесил ноги с кровати и достал сапоги из-под одеяла. Он обычно клал их туда, когда спал, чтобы мокрые подошвы не обледенели. Надев куртку, которой укрывался поверх тонкого шерстяного одеяла, он встал и вышел вслед за Эдвардом. Звезды подмигивали им с высоты, но на востоке ночное небо начинало светлеть. Если не считать доносившихся откуда-то всхлипываний, вокруг было очень тихо.

— Голландские новобранцы, — объяснил Эдвард. — Только вчера прибыли, а сейчас вернулись со своей первой вылазки на ничейную полосу.

Дале стоял посреди окопа в какой-то странной позе: голова — набок, руки — растопырены. Шарф он повязал под подбородком, а исхудалое лицо и полуприкрытые, запавшие глаза делали его похожим на бездомного бродягу.

— Дале! — крикнул Эдвард. Тот очнулся. — Покажи-ка нам.

Дале шел впереди. Гюдбранн почувствовал, что

сердце застучало быстрее. Мороз кусал щеки, но не мог заморозить то горячее, какое-то нереальное ощущение, оставшееся от сна. Траншея была настолько узкой, что приходилось идти друг за другом, и он чувствовал на своей спине взгляд Эдварда.

— Тут, — показал Дале.

Ветер хрипло завывал под шлемом. На ящиках с боеприпасами лежал мертвец. Руки и ноги торчали в разные стороны. Снег, который намело в окоп, белым одеялом лежал на униформе. Вокруг головы был повязан мешок.

— Дьявольщина просто. — Дале тряхнул головой и начал переминаться с ноги на ногу.

Эдвард молчал. Гюдбранн знал, что он ждет, что скажет он, Гюдбранн.

— Почему похоронщики не унесли его? — спросил наконец Гюдбранн.

— Они его *унесли*, — сказал Эдвард. — Они приходили вчера вечером.

— А зачем тогда они принесли его обратно? — Гюдбранн заметил, что Эдвард пристально смотрит на него.

— В штабе никто не приказывал приносить его обратно.

— Может быть, недоразумение? — спросил

Гюдбранн.

— Может быть. — Эдвард достал из кармана тонкую недокуренную сигарету, отвернулся от ветра и осторожно зажег ее. Сделав пару затяжек, он послал ее по кругу и продолжал: — Те, кто уносил его, утверждают, что его положили в братскую могилу на участке «Север».

— Раз так, его должны были закопать?

Эдвард покачал головой:

— Их не закапывают сразу, их сначала сжигают. А сжигают днем, чтобы ночью русские не увидели огонь. К тому же ночью эти новые братские могилы открыты и не охраняются. Кто-то, верно, вытащил оттуда Даниеля ночью.

— Дьявольщина просто, — повторил Дале, взял сигарету и жадно затянулся.

— Так, значит, они сжигают трупы? — спросил Гюдбранн. — Зачем, в такой холод?

— Я знаю, — сказал Дале. — Из-за мерзлоты. Когда весной температура резко повышается, земля оттаивает и мертвецы вылезают из земли. — Он нехотя отдал сигарету. — Прошлой зимой мы похоронили Форпенеса прямо за линией обороны. А весной снова наткнулись на него. А может, лисы выкопали. Вот так вот.

— Вопрос-то не в этом, — сказал Эдвард. — Как

Даниель попал сюда?

Гюдбранн пожал плечами.

— В прошлый раз дозор нес ты, Гюдбранн. — Эдвард закрыл один глаз, а другим, своим циклоповым глазом, уставился на него. Гюдбранн глубоко затянулся, медля с ответом. Дале закашлялся.

— Я четыре раза проходил мимо этого места, — ответил Гюдбранн, отдавая сигарету. — Но его тогда здесь еще не было.

— Эти следы идут поверх последних следов сапог. А ты говоришь, что проходил мимо этого места четыре раза…

— Какого черта, Эдвард! Ты и сам видишь, что Даниель лежит там! — оборвал его Гюдбранн. — Разумеется, кто-то приволок его сюда, и, скорее всего, на салазках. Но если ты послушаешь, что я тебе говорю, то поймешь, что этот кто-то притащился сюда уже *после* того, как я был здесь в последний раз.

Эдвард ничего не ответил, вместо этого он с явным раздражением выдернул оставшийся окурок сигареты из поджатых губ Дале и с сожалением посмотрел на мокрые отметины на папиросной бумаге. Дале снял с языка приставший табак и исподлобья посмотрел на него.

— Ну скажи мне ради бога, для чего мне делать

что-нибудь подобное? — спросил Гюдбранн. — И как бы я умудрился утащить труп с участка «Север» и притащить его сюда, да еще так, чтоб меня не заметили караульные?

— Ты мог идти через ничейную полосу.

Гюдбранн скептически покачал головой:

— Эдвард, ты думаешь, я больной? На кой мне труп Даниеля?

Эдвард еще два раза затянулся сигаретой, бросил окурок на землю и наступил на него сапогом. Он делал так всегда, хотя не знал зачем, — просто видеть не мог догорающие окурки. Снег заскрипел, будто застонал, когда Мускен поворачивал пятку.

— Нет, я не думаю, что ты приволок Даниеля сюда, — сказал Эдвард. — Потому что я не думаю, что это Даниель.

При этих словах Дале и Гюдбранн вздрогнули.

— Ну конечно, это Даниель, — сказал Гюдбранн.

— Или кто-то с таким же телосложением, — сказал Эдвард. — И такими же нашивками на форме.

— Мешок… — начал Дале.

— Ага, значит, ты видишь, что это не тот мешок, да? — с издевкой спросил Эдвард, но посмотрел

при этом на Гюдбранна.

— Это Даниель. — Гюдбранн сглотнул. — Я узнал его сапоги.

— И ты предлагаешь нам попросить похоронную команду просто взять и снова унести его? — спросил Эдвард. — Даже не рассмотрев его поближе. На это ты и рассчитывал, не так ли?

— Иди ты к черту, Эдвард!

— После этого случая я не уверен, кто из нас двоих к нему раньше отправится, Гюдбранн. Сними с него мешок, Дале.

Дале недоуменно уставился на товарищей, глядевших друг на друга, будто два быка.

— Ты слышал?! — крикнул Эдвард. — Разрежь мешок!

— Я бы лучше не стал этого…

— Это приказ. Давай!

Дале продолжал колебаться, в нерешительности переводя взгляд с одного на другого. Потом он посмотрел на окоченевшую фигуру на ящиках с боеприпасами, пожал плечами, расстегнул камуфляжную куртку и сунул под нее руку.

— Погоди! — сказал Эдвард. — Попроси Гюдбранна одолжить тебе штык.

Теперь Дале окончательно растерялся. Он вопросительно посмотрел на Гюдбранна, но тот

покачал головой.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Эдвард, по-прежнему стоя лицом к Гюдбранну. — По уставу положено носить штык, а он у тебя сегодня, что ли, не при себе?

Гюдбранн молчал.

— Ты же управляешься с этим штыком как заправский убийца, Гюдбранн, не мог же ты просто-напросто потерять его, а?

Гюдбранн по-прежнему молчал.

— Похоже на то. Ну да ладно, доставай свой, Дале.

Больше всего Гюдбранну сейчас хотелось вырвать этот огромный, буравящий глаз из глазницы командира. Как он был похож на ту крысу роттенфюрера! Крысу, с крысиными глазами и крысиными мозгами. Неужели он ничего не понимает?

Сзади был слышен треск — трещит разрезаемая штыком мешковина — и тяжелое дыхание Дале. Они обернулись одновременно. Там, в красных лучах нового дня, отвратительно ухмыляясь, на них смотрело бледное лицо с третьим черным, зияющим глазом посреди лба. Это был Даниель, без всякого сомнения.

Эпизод 14
МИД Норвегии, 4 ноября 1999 года

Бернт Браннхёуг взглянул на часы и нахмурил лоб. Восемьдесят две секунды, он на семь секунд отстал от графика. Итак, он перешагнул порог зала заседаний, пропел бодрое северное «добрыйдень» и улыбнулся своей знаменитой белоснежной улыбкой четырем лицам, повернувшимся ему навстречу.

С одной стороны стола сидел Курт Мейрик из СБП и Ракель — у нее была та же нелепая заколка, претенциозный костюм и строгое выражение лица. Его поразило, что костюм выглядел дороговато для секретаря. Он по-прежнему полагался на свою интуицию, которая говорила ему, что она разведена, но, возможно, она была раньше замужем за состоятельным человеком. Или у нее богатые родители? То, что она вдруг снова появилась здесь, на заседании, которое, как предупредил в прошлый раз Браннхёуг, должно проходить в строжайшей секретности, указывало на то, что в СБП она занимала более значимое положение, чем ему показалось на первый взгляд.

Надо разузнать о ней побольше.

С другой стороны стола сидела Анна Стёрксен вместе с этим длинным, тощим начальником отделения полиции. Как бишь его? Сначала он потратил больше восьмидесяти секунд на путь до зала заседаний, а теперь не может вспомнить имя — неужели стареет?

У него раньше и мыслей таких не появлялось, все началось прошлым вечером, а вот теперь опять! В тот раз он пригласил Лизу, молодую практикантку, на то, что он называл «сверхурочным обедом». Потом он пригласил ее на бокал вина в отель «Континенталь», где для работников МИДа была забронирована комната для встреч, требующих особой секретности. Лизу долго просить не пришлось, она была амбициозной девушкой. Но сеанс не удался. Стареет? Нет, случайность, а может, лишний бокал вина, но не старость. Браннхёуг прогнал эту мысль обратно в подсознание и сел.

— Благодарю вас за то, что вы все так быстро откликнулись и пришли сюда, — начал он. — Разумеется, незачем лишний раз подчеркивать конфиденциальный характер этой встречи, но я считаю нужным все же сделать это, так как, возможно, не у всех присутствующих здесь доста-

точно опыта в подобного рода делах.

Он скользнул взглядом по всем, кроме Ракели, тем самым намекая, что последнее замечание относилось именно к ней. Потом повернулся к Анне Стёрксен:

— Ну, как там этот ваш человек?

Начальник полиции посмотрела на него с легким недоумением.

— Этот ваш *полицейский*? — поспешил исправиться Браннхёуг. — Кажется, его зовут Холе?

Она кивнула Мёллеру, которому пришлось пару раз откашляться, прежде чем начать говорить.

— Вообще, все вроде как в порядке. То есть он, конечно, испытал потрясение. Но… да, — он пожал плечами, будто показывая, что ничего более существенного к сказанному не прибавишь.

Браннхёуг поднял недавно начесанную бровь:

— Я надеюсь, из-за этого его потрясения не произойдет утечка информации?

— Ну, — сказал Мёллер. Боковым зрением он увидел, как начальник полиции быстро повернулась к нему. — Я бы не стал так думать. Он понимает всю деликатность дела. И конечно, его проинструктировали по поводу неразглашения.

— То же самое касается и других сотрудников

полиции, которые тогда были там, — поспешила добавить Анна Стёрксен.

— Тогда будем надеяться, что все под контролем, — сказал Браннхёуг. — А теперь позвольте мне сообщить вам последние новости касательно этой ситуации. Я только что говорил по этому поводу с американским послом и думаю, что могу с уверенностью сказать: мы сошлись во мнениях по поводу самых главных пунктов по этому трагическому делу.

Он окинул взглядом всех присутствующих. Те смотрели на него в напряженном ожидании, — ждали, что скажет им он, Бернт Браннхёуг. От прежнего уныния не осталось и следа.

— Посол сказал мне, что состояние того агента Службы безопасности американского президента, которого ваш человек, — он кивнул Мёллеру и начальнику полиции, — подстрелил у переезда, стабильное и сейчас не вызывает никаких опасений за его жизнь. У него поврежден позвоночник, есть внутреннее кровотечение, но его спас бронежилет. Сожалею, что нам не удалось выяснить это раньше, но по понятным причинам обмен информацией по данному вопросу сведен к минимуму. Допустимы лишь необходимые разъяснения в пределах узкого круга вовлечен-

ных лиц.

— А где он? — задал вопрос НОП.

— А это вам вовсе незачем знать, Мёллер.

Он посмотрел на Мёллера, тот изменился в лице. На секунду в комнате повисла гнетущая тишина. Всегда неприятно, когда кому-то приходится напоминать, что тебе не следует знать больше, чем требуется для работы. Браннхёуг улыбнулся и сочувственно развел руками, будто хотел сказать: «Я понимаю, вам любопытно, но такова жизнь». Мёллер кивнул и уставился в стол.

— О'кей, — сказал Браннхёуг. — Я могу только добавить, что после операции его перевезут самолетом в госпиталь в Германии.

— Ясно. — Мёллер почесал затылок. — Э-э…

Браннхёуг молчал.

— Я имею в виду, ведь хорошо было бы, если бы Холе узнал об этом? В смысле, что секретный агент выжил. Это сделало бы положение… э-э… легче для него.

Браннхёуг посмотрел на Мёллера. Не совсем понятно, к чему тот клонит.

— Было бы хорошо, — согласился он.

— А о чем вы там сошлись во мнениях с американским послом? — вдруг спросила Ракель.

— Я как раз собираюсь к этому перейти, — по-

спешно ответил Браннхёуг. Это действительно был следующий пункт, но ему не нравилось, когда его так обрывают. — Но прежде я хотел бы отметить оперативность Мёллера и полиции Осло. Если верить отчетам, агента доставили в больницу за каких-то двенадцать минут.

— Холе и его коллега, Эллен Йельтен, отвезли его в акерскую поликлинику, — сказала Анна Стёрксен.

— Они сработали на удивление быстро, — заметил Браннхёуг. — Это мнение разделяет и американский посол.

Мёллер и Стёрксен обменялись взглядами.

— Посол также переговорил со Службой охраны президента: американская сторона не будет возбуждать уголовного дела. Разумеется.

— Разумеется, — согласился Мёллер.

— Мы также сошлись во мнении о том, что вина в основном лежит на американской стороне. Этот агент вообще не должен был находиться в билетной кассе. То есть он должен был — но об этом, разумеется, нужно было сообщить норвежскому офицеру связи. Норвежский полицейский, который держал пост на том участке, куда проник этот агент, и который должен был — простите, мог — передать об этом офицеру связи, вел себя

в соответствии с тем, что агент предъявил ему удостоверение. В приказе сказано, что секретные агенты имеют доступ ко всем участкам безопасности, поэтому полицейский не счел нужным сообщать об этом дальше по цепочке. Сейчас мы видим, что ему все же *следовало* это сделать.

Он посмотрел на Анну Стёрксен — она не выказала никаких возражений.

— Хорошая новость заключается в том, что, судя по всему, инцидент не повлек за собой никаких серьезных последствий. Между тем я собрал вас не для того, чтобы обсуждать, что мы должны делать, если события пойдут по наилучшему сценарию. Это немногим лучше, чем сидеть сложа руки. Поэтому давайте отвлечемся от наилучшего сценария. Потому что наивно было бы полагать, что об этом досадном случае не узнают — рано или поздно.

Он рубил ладонями воздух, будто разбивая предложения на удобоваримые куски.

— Кроме двадцати человек в СБП, МИДе и координационной группе, об этом деле знают также около пятнадцати полицейских, которые были свидетелями происшедшего у переезда. Я не хочу говорить ничего плохого о них — они, конечно, соблюдают свои обязательства по неразглашению.

В общем. Но они простые полицейские, у них нет опыта поддержания той степени секретности, которая требуется в данном случае. Кроме того, в курсе этого происшествия сотрудники Главного госпиталя, Службы воздушного сообщения, компании «Фьеллиньен» и отеля «Плаза» — и все они в той или иной степени могли что-то заподозрить. У нас также нет никакой гарантии, что никто не наблюдал за кортежем в подзорную трубу из окна какого-нибудь расположенного поблизости здания. Достаточно кому-нибудь из тех, кто хоть как-то со всем этим связан, сказать хоть слово, и…

Он надул щеки и с шумом выдохнул, изображая взрыв.

За столом стало тихо, потом Мёллер откашлялся:

— А почему это так… э-э… опасно, если все всплывет наружу?

Браннхёуг кивнул, будто показывая, что это не самый идиотский вопрос, который он слышал в своей жизни, но Мёллера это сразу же убедило в обратном.

— Соединенные Штаты Америки для нас — несколько больше, чем просто союзник, — начал Браннхёуг с едва заметной улыбкой. Он сказал это

с такой интонацией, с какой иностранцам объясняют, что в Норвегии правит король, а столица называется Осло. — В 1920 году Норвегия была одной из беднейших стран Европы. Такой бы она, очевидно, и оставалась, если бы не помощь США. Забудьте всю болтовню, которую мы слышим от политиков. Эмиграция, помощь по плану Маршалла, Элвис и финансирование всей этой авантюры с нефтью сделали Норвегию, пожалуй, самой проамериканской страной в мире. Каждый из здесь присутствующих долго работал, чтобы достичь нынешних карьерных высот. Но если случится, что кто-нибудь из наших политиков узнает, что кто-то из людей в этой комнате допустил, чтобы жизнь американского президента подвергалась опасности…

Оставшаяся часть предложения повисла в воздухе, а сам Браннхёуг окинул взглядом стол.

— К счастью для нас, — добавил он, — американцы считают, что лучше признать ошибку какого-нибудь своего секретного агента, чем невозможность в целом сотрудничать с одним из своих ближайших союзников.

— Это значит, — сказала Ракель, не отрывая взгляда от блокнота, лежащего перед ней на столе, — что нам вовсе не нужно искать норвежского

козла отпущения.

Она подняла глаза и посмотрела прямо на Браннхёуга:

— Напротив, нам нужно найти норвежского героя. Не так ли?

Браннхёуг посмотрел на нее с удивлением и интересом одновременно. С удивлением — потому что она так быстро поняла, что ему нужно, а с интересом — потому что ему стало абсолютно ясно, что уж с ней-то нужно считаться.

— Верно. Когда вся эта история о том, как норвежский полицейский пристрелил секретного агента, выйдет наружу, у нас уже должна быть готова своя версия, — сказал Браннхёуг. — И по этой версии, с нашей стороны не было допущено ничего предосудительного, наш офицер связи действовал по инструкции, а вся вина лежит на агенте службы охраны. Эта версия устроит как нас, так и американцев. Наша задача — в том, чтобы заставить журналистов поверить в это все. И в связи с этим…

— …нам нужен герой, — закончила Анна Стёрксен. Она кивнула в знак того, что теперь и она понимает, о чем речь.

— Пардон, — подал голос Мёллер. — Я тут, получается, единственный, кто не понимает, в чем

штука.

— Ваш полицейский проявил недюжинную сноровку, когда президенту угрожала потенциальная опасность, — сказал Браннхёуг. — Ведь если бы тот человек в билетной кассе хотел совершить покушение, по инструкции следовало броситься спасать президента. Что и было сделано. И то, что тот человек, как выяснилось, вовсе не собирался стрелять в президента, дела не меняет.

— Разумно, — сказала Анна Стёрксен — В подобных ситуациях прежде всего нужно соблюдать инструкцию.

Мейрик ничего не ответил, но согласно кивнул.

— Хорошо, — продолжал Браннхёуг. — «Штука» — как вы выразились, Бьярне, — состоит в том, чтобы убедить прессу, наше руководство и всех, кто связан с этим делом, что мы ни на секунду не сомневаемся в том, что наш офицер связи поступил правильно. «Штука» в том, что мы уже сейчас должны вести себя так, будто он совершил подвиг.

Браннхёуг посмотрел на Мёллера — тот был в замешательстве.

— Не представить его к награде немедленно

— значит уже наполовину признать, что ему не следовало стрелять, а соответственно признать и то, что вся система безопасности дала сбой во время визита президента.

Присутствующие закивали.

— Ergo[14], — сказал Браннхёуг. Он любил это словечко. Оно было похожим на мощное оружие, почти непобедимое. Когда он произносил его, ему казалось, что его устами сама логика говорит: «Из этого следует…»

— Ergo, мы должны дать ему медаль? — снова встряла Ракель.

Браннхёуг почувствовал раздражение. Она так сказала «медаль», как будто они сейчас занимались тем, что писали сценарий комедии, где только приветствовались всевозможные забавные предложения. Его план — комедия?!

— Нет, — тихо и решительно ответил он. — Не медаль. Медали и прочие награды такого рода достаются слишком легко, это недостаточно надежный выход. — Он откинулся на спинку стула, заложив руки за голову. — Давайте повысим парня в должности. Назначим его инспектором.

Последовала долгая пауза.

---

[14] Примечания: 14
Следовательно (*лат.*).

— Инспектором? — Бьярне Мёллер по-прежнему недоверчиво смотрел на Браннхёуга. — За то, что он подстрелил секретного агента?

— Может быть, это звучит немного странно, но подумайте хорошенько.

— Это… — Мёллер моргнул, и выглядело это так, будто он хотел сказать длинную речь, но передумал и решил промолчать.

— Может, не стоит наделять его всеми полномочиями инспектора, — услышал Браннхёуг голос начальника полиции. Она говорила осторожно, тщательно подбирая слова. Будто вдевает нитку в иголку, подумал Браннхёуг.

— Мы и об этом подумали, Анна, — ответил он с легким ударением на имени. В первый раз он обратился к ней не по фамилии. Одна из ее бровей слабо шевельнулась, но иных выражений недовольства он не заметил. — Проблема в том, что если все коллеги этого вашего меткого полицейского узнают об этом назначении, а потом о том, что эта должность просто номинальная, легче нам не будет. То есть мы постоянно будем на взводе. Едва они заподозрят неладное, сразу же поползут слухи, и, конечно, все будет выглядеть, будто мы просто пытаемся скрыть, что мы — вы — этот полицейский — крепко влипли. Другими

словами, мы должны дать ему такую должность, чтобы быть на сто процентов уверенными в том, что никто не будет знать наверняка, чем он, собственно, занимается. Иначе говоря: повышение вместе с переводом в закрытое от других место.

— Закрытое место. Никто не будет знать наверняка… — криво улыбнулась Ракель. — Звучит так, будто вы решили посадить его в клетку, Браннхёуг.

— А что скажешь ты, Курт? — спросил Браннхёуг.

Курт Мейрик почесал за ухом и тихо засмеялся.

— А что? — сказал он. — Уж место инспектората мы ему небось подыщем.

Браннхёуг кивнул:

— Было бы очень хорошо.

— Ну, надо же помогать друг другу, когда можно.

— Замечательно, — широко улыбнулся Браннхёуг и посмотрел на настенные часы, давая понять, что встреча окончена. Заскрипели стулья.

Эпизод 15
Санктхансхёуген, 4 ноября 1999 года

«Tonight we're gonna party like it's nineteen ninety-nine!»[15]

Эллен бросила взгляд на Тома Волера, который только что поставил кассету и включил звук так громко, что на басах панель дрожала. А пронзительный фальцет певца просто резал уши.

— Не мешает? — спросил Том, пытаясь перекричать музыку. Эллен не хотелось его обижать, и она только кивнула. Она не то чтобы боялась нечаянно обидеть Тома Волера, просто ей не хотелось с ним конфликтовать попусту. Хотелось надеяться, что скоро тандем «Том Волер — Эллен Йельтен» распадется. Во всяком случае, шеф Бьярне Мёллер сказал, что это носит временный характер. Все знали, что к весне Том получит очередное повышение и станет инспектором.

— Пидор нигер! — прокричал Том. — И поет соответственно.

Эллен не ответила. Шел такой сильный дождь, что, несмотря на включенные дворники, на ло-

---

[15] Примечания: 15
Устроим себе сегодня вечеринку в духе 1999! (*англ.*)

бовом стекле патрульной машины все равно лежала пелена воды, отчего очертания домов по улице Уллеволсвейен расплывались, словно мираж. Сегодня с утра Мёллер послал Тома и Эллен разыскать Харри. Они приходили к нему домой на Софиес-гате и выяснили, что в квартире его нет. Или он не захотел им открыть. Или не смог. Этого Эллен боялась больше всего. Она смотрела, как люди бегут туда-сюда по тротуару. Их фигуры тоже казались причудливыми, искаженными, как в кривом зеркале.

— Давай налево и здесь остановись, — сказала она. — Ты можешь подождать меня в машине.

— С удовольствием, — сказал Волер. — Терпеть не могу алкашей.

Она искоса посмотрела на него, но по выражению лица нельзя было понять, кого он имеет в виду: утренних посетителей ресторана «Шрёдер» в общем или Харри в частности. Он остановился у автобусной остановки, так что, когда Эллен выходила, она заметила, что через дорогу уже построили кафе-бар. А может, он давно уже там был, просто она не замечала. На табуретах вдоль больших окон сидели молодые люди в свитерах с высокими воротниками и читали иностранные журналы или просто смотрели на дождь, держа

в руках белые кофейные чашки и, наверное, размышляя, ту ли они подобрали мебель, тот ли выбрали институт, того ли человека любят, в тот ли клуб ходят, в том ли городе Европы живут.

В дверях «Шрёдера» она столкнулась с мужчиной в толстом вязаном свитере. Алкоголь успел уже обесцветить когда-то голубые глаза, ладони были огромные, как сковороды, и черные от грязи. Когда он, шатаясь, проходил мимо, Эллен обдало сладковатым запахом пота и перегара. Внутри ресторана была спокойная утренняя атмосфера. Заняты только четыре столика. Эллен бывала здесь раньше, очень давно, но, как видно, с той поры ничего не изменилось. На стенах висели пейзажи старого Осло, и это, вместе с коричневыми стенами и стеклянным потолком, придавало заведению некоторое сходство с английским пабом. Откровенно говоря, очень небольшую. Диваны и дешевые пластиковые столы делали его больше похожим на курительную комнату на пассажирском пароходе. В конце зала, опершись на стойку, стояла официантка и курила, без всякого интереса разглядывая Эллен. В самом дальнем углу, у окна, сидел понурый Харри. Перед ним стоял пустой поллитровый пивной бокал.

— Привет, — сказала Эллен и села напротив.

Харри посмотрел на нее и кивнул. Будто все это время сидел и ждал ее. Потом снова опустил голову.

— Мы все пытались тебя найти. Заходили к тебе домой.

— Я был дома? — спокойно и без улыбки спросил он.

— Не знаю. Ты сейчас дома, Харри? — Она кивнула на бокал.

Он пожал плечами.

— Он выживет, — заметила она.

— Я слышал. Мёллер опять оставил мне сообщение на автоответчик. — Речь у Харри была на удивление внятная. — Он, правда, не сказал, насколько опасна рана. Там ведь множество нервов вроде бы?

Он склонил голову набок, Эллен молчала.

— Может, он просто останется паралитиком. — Харри щелкнул по пустому бокалу. — Сколь![16]

— Твой больничный будет готов завтра, — сказала Эллен. — И мы снова ждем тебя на работе.

Он быстро поднял голову:

— А я на больничном?

Эллен бросила на стол тонкую пластиковую

---

[16] Примечания: 16

«Сколь!» — самый простой и распространенный в Норвегии тост: «Выпьем!» (*Прим. перев.*)

папку. Изнутри выглядывал краешек розовой бумаги.

— Я говорила с Мёллером. И доктором Эуне. Возьми себе копию этого больничного листа. Мёллер говорит, что после того как застрелишь кого-нибудь на работе, требуется несколько дней, чтобы прийти в себя. Просто приходи завтра.

Он отвернулся и посмотрел на окно с цветными рифлеными стеклами. Должно быть, это в целях осторожности: чтобы посетителей нельзя было увидеть с улицы. В отличие от кафе-бара напротив, подумала Эллен.

— Ну? Ты придешь? — спросила она.

— Знаешь… — Он посмотрел на нее тем затуманенным взглядом, которым глядел каждое утро после возвращения из Бангкока. — Я бы не стал загадывать.

— Все равно приходи. Тебя ждет парочка прикольных сюрпризов.

— Сюрпризов? — Харри мягко рассмеялся. — И что же это, хотел бы я знать? Досрочный выход на пенсию? Почетная отставка? Или президент хочет наградить меня орденом Пурпурного Сердца?

Он поднял голову, и на этот раз Эллен заметила, что глаза у него налились кровью. Она вздохнула

и повернулась к окну. За рифлеными стеклами скользили бесформенные автомобили, как в каком-то психоделическом фильме.

— Зачем ты себя изводишь, Харри? Ты знаешь — и я знаю — и все знают, что ты не виноват! Даже в Службе безопасности согласились, что это по их вине нас не проинформировали. И что мы — что ты все сделал правильно.

Харри ответил тихо, не глядя на нее:

— Ты думаешь, его семья скажет то же самое, когда он приедет домой в инвалидном кресле?

— О господи, Харри! — повысила голос Эллен. Уголком глаза она видела, что официантка за стойкой разглядывает их все с большим интересом. Наверное, в ожидании крупной ссоры. — Всегда есть кто-то, кому не повезло, кто оказался крайним. Харри, это так, и в этом нет ничьей вины. Ты знаешь, что ежегодно гибнет шестьдесят процентов лесных зверушек? Шестьдесят процентов! Харри, да если остановиться и начать об этом думать, то, прежде чем до чего-то додумаешься, сам угодишь в эти шестьдесят процентов!

Харри не отвечал, просто сидел и кивал головой, глядя на клетчатую скатерть, кое-где прожженную сигаретами.

— Я буду себя потом ненавидеть за то, что я

сказала это, Гарри, но ты сделал бы мне большое личное одолжение, если бы завтра пришел на работу. Только попробуй мне перечить, и я перестану с тобой разговаривать. Ты будешь бояться дыхнуть на меня. Понял?

Харри ткнул мизинцем в одну из черных дырок на скатерти. Потом подвинул стакан на другую. Эллен ждала.

— Там, в машине, что ли, Волер сидит? — спросил Харри.

Эллен кивнула. Она прекрасно знала, как эти двое не любят друг друга. Ее посетила идея, и, немного поколебавшись, Эллен решила попытать счастья:

— Вообще-то он поспорил на две сотни, что ты не появишься.

Харри снова мягко рассмеялся. Потом снова поднял голову и, подперев ее руками, посмотрел на Эллен.

— Не умеешь ты врать, Эллен. Но спасибо, что хоть пытаешься.

— А ну тебя к черту.

Она сделала вдох, чтобы что-то еще сказать, но передумала. Посмотрела на Харри долгим взглядом, затем опять глубоко вздохнула:

— Ладно. Вообще-то это должен был тебе ска-

зать Мёллер, но скажу я. Тебя хотят сделать инспектором СБП.

Харри расхохотался. Его смех был громким, как рев «кадиллака».

— О'кей, немного тренировки, и врать ты, пожалуй, научишься.

— Но это правда!

— Это бред. — Его взгляд снова стал блуждать по окну.

— Почему? Ты у нас один из лучших следователей, ты уже проявил себя чертовски способным полицейским, ты изучал право, ты…

— Я говорю, это бред. Даже если кому-то в голову вдруг придет такая идиотская идея.

— Но почему?

— По очень простой причине. Разве шестьдесят процентов этих — как их там, этих птичек? — Он отодвинул скатерть со стаканом на край стола.

— Они называются завирушки, — сказала она.

— Вот-вот. От чего они там дохнут?

— От голода. Хищников. Мороза. Изможденья. Кто-то, может, разбивается о стекло. Все возможно.

— О'кей. Но я готов спорить на что угодно — никому из них не стрелял в спину норвежский полицейский, у которого нет лицензии на ноше-

ние оружия, потому что он не сдал стрельбы. А такого полицейского надо судить и посадить в одно местечко на срок от года до трех. Не сильно смахивает на повышение по службе, а?

Он поднял бокал и со стуком поставил его на стол рядом с краем скатерти.

— Какие стрельбы? — невозмутимо спросила Эллен.

Он пристально посмотрел на нее. В ответ она поглядела на него абсолютно честными глазами.

— Что-что? — переспросил он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Харри.

— Ты прекрасно знаешь, что…

— Я прекрасно знаю, что в этом году ты проходил стрельбы. Это знает и Мёллер. Он даже ездил сегодня узнавать это у инструктора по стрельбе. Они все сверили и выяснили, что ты показал превосходные результаты. Знаешь ли, в СБП не назначали бы человека инспектором, если он застрелил секретного агента, не имея при себе лицензии.

Она широко улыбнулась Харри. Тот от удивления даже немного протрезвел.

— Но у меня нет никакой лицензии!

— Да нет, ты ее просто куда-то подевал. Но она найдется, Харри, обязательно найдется!

— Нет, ты послушай, я…

Он внезапно замолчал и посмотрел на пластиковую папку перед собой. Эллен поднялась.

— Ну что, увидимся завтра в девять, инспектор?

У Харри хватило сил только молча кивнуть в ответ.

Эпизод 16
Гостиница «Рэдиссон САС», площадь Хольбергс-пласс, 5 ноября 1999 года

У Бетти Андресен были светлые кудрявые волосы, как у Долли Партон[17], похожие на парик. Это не был парик, и вообще волосами все сходство с Долли Партон и ограничивалось. Бетти Андресен была высокой и стройной, и, когда она улыбалась, как сейчас, ее верхняя губа слегка приподнималась, чуть-чуть обнажая зубы. Сейчас эта улыбка адресовалась пожилому мужчине по другую сторону стойки в холле гостиницы «Рэдиссон САС» на Хольбергс-пласс. Собственно стойки — в привычном понимании этого слова — не было; это был один из нескольких многофункциональных «островков», оснащенный мониторами, что позволяло обслуживать нескольких посетителей одновременно.

— Мы рады вас приветствовать этим утром, — сказала Бетти Андресен. В школе гостиничного сервиса их учили акцентировать время суток,

---

[17] Примечания: 17

Долли Партон (р. 1946) — американская актриса и певица в стиле кантри, ставшая в 1980-х эстрадной звездой. (*Прим. перев.*)

здороваясь с клиентами. Соответственно еще час назад она говорила: «этим ранним утром», через час будет говорить — «в этот полдень», через шесть часов — «в этот вечер», а еще через два часа — «этим поздним вечером». А потом поедет домой, в двухкомнатную квартиру на Турсхов, мечтая о том, чтобы было кому сказать: «Спокойной ночи».

— Я бы хотел посмотреть номер, и чем выше этажом, тем лучше.

Бетти Андресен перевела взгляд на мокрое пальто посетителя. На улице лило как из ведра. С полей его шляпы свисала дрожащая капля.

— Хотите *посмотреть?*

Бетти Андресен продолжала улыбаться. Она научилась неукоснительно придерживаться принципа, что всех нужно считать гостями до тех пор, пока не доказано обратное. Но так же хорошо она понимала и то, что сейчас перед ней стоял типичный представитель вида «старик-который-приехал-в-столицу-и-хочет-насладиться-видом-из-окна-гостиницы-и-не-платить-за-это». Они постоянно появлялись здесь, особенно летом. И не только для того, чтобы полюбоваться видом. Как-то раз одна дама попросила показать ей номер люкс на 22-м этаже, чтобы потом описывать

его, рассказывая подругам о том, где она жила. Она даже предложила Бетти пятьдесят крон за то, чтобы та занесла ее в гостевую книгу в качестве подтверждения рассказа.

— Номер на одного или на двоих? — спросила Бетти. — Для курящих или нет?

Тут большинство обычно начинает нервничать.

— Это не так важно, — сказал старик. — Главное — это вид. Я бы хотел, чтобы окна выходили на юго-запад.

— Да, тогда вам будет виден весь город.

— Именно так. Так какой номер у вас самый лучший?

— Самый лучший — естественно, люкс, но подождите, пожалуйста, я посмотрю, нет ли у нас свободного номера подешевле.

Она пощелкала по клавиатуре, ожидая, пока он заглотнет приманку. Много времени на это не потребовалось.

— Я бы хотел посмотреть этот номер.

Конечно, ты бы хотел, подумала она. Она посмотрела на старика. Бетти Андресен не любила спорить. И если самое заветное желание старика — полюбоваться видом из окна гостиницы «САС» — не стоит ему в этом отказывать.

— Пойдемте посмотрим, — сказала она и улыбнулась самой очаровательной своей улыбкой, которую обычно берегла для постоянных гостей.

— Должно быть, вы приехали в Осло по чьему-то приглашению? — вежливо, безо всякого интереса спросила она, заходя в лифт.

— Нет, — ответил старик. У него были седые кустистые брови, такие же, как у ее отца.

Бетти нажала на кнопку, двери плавно закрылись, и лифт понесся вверх. Бетти никак не могла привыкнуть к этому, ей казалось, что ее засасывает в небо. Потом двери плавно раскрылись, и она по привычке немного подождала, будто собиралась войти в новый, непохожий мир, как та сказочная девочка, которую смерч занес в волшебную страну. Но мир всякий раз оказывался старым и самым обычным. Они шли по коридору, оклеенному обоями под цвет ковра и дорогих нудных картин на стенах. Она вставила ключ в замочную скважину и любезно открыла дверь старику, который прошел мимо с выражением лица, в котором она прочла предвкушение.

— Площадь номера люкс составляет сто пять квадратных метров, — сказала Бетти. — В номере

две спальни, в каждой стоит кровать king-size[18], и две ванные комнаты, в каждой имеется джакузи и проведен телефон.

Она вошла в гостиную, где старик уже стоял и глядел в окно.

— Мебель с авторским знаком датского дизайнера Поула Хенриксена, — сказала она, проводя рукой по тонкой стеклянной крышке стола. — Может, вы хотите осмотреть ванные?

Старик не ответил. Он все еще не снял свою мокрую шляпу, и в этой тишине было слышно, как с нее на паркет вишневого дерева падают капли. Бетти встала рядом с ним. Отсюда им было видно все, что заслуживает хоть какого-то внимания: ратуша, Национальный театр, Королевский дворец, здание стортинга[19] и крепость Акерсхус. Под ними был Дворцовый парк, где деревья тянулись в стальное небо, растопырив свои черные скрюченные пальцы.

— Вам лучше было бы прийти сюда весенним днем, — сказала Бетти.

Старик повернул голову и непонимающе посмотрел на нее, и вдруг до нее дошло, что именно

---

[18] Примечания: 18
Здесь: широкая двуспальная (*англ.*).

[19] Примечания: 19
Стортинг — парламент Норвегии. *(Прим. перев.)*

она сказала. Ей еще не хватало добавить: «Раз уж ты пришел сюда, только чтобы посмотреть в окно».

Она улыбнулась так мило, как только смогла.

— Когда трава зеленая и на деревьях в Дворцовом парке распустятся листья. Это очень красиво.

Он смотрел на нее, но казалось, что его мысли где-то далеко.

— Это верно, — наконец сказал он. — На деревьях листья, об этом я не подумал. — Он указал на окно: — Это можно открыть?

— Только чуть-чуть, — сказала Бетти, радуясь возможности сменить тему разговора. — Поверните вон ту ручку.

— Почему только чуть-чуть?

— Чтобы ни у кого не возникло разных глупых мыслей.

— Глупых мыслей?

Она мельком посмотрела на него. Что, у этого старика уже совсем плохо с головой?

— Выпрыгнуть из окна, — объяснила она. — Совершить самоубийство. Ведь многие несчастные люди…

Она сделала движение рукой, показывая, что именно делают несчастные люди.

— Значит, по-вашему, это глупая мысль? — Старик потер подбородок. Ей показалось или она увидела в его морщинах намек на улыбку? — Даже если человек несчастен?

— Да, — уверенно сказала Бетти. — Во всяком случае, у нас в гостинице. И в мое дежурство.

— «В мое дежурство», — усмехнулся старик. — Это хорошо, Бетти Андресен.

При звуке своего имени она вздрогнула. Он, разумеется, видел у нее на груди значок администратора. Значит, во всяком случае, со зрением у него нет проблем: ее имя было написано настолько же маленькими буквами, насколько крупными — слово «АДМИНИСТРАТОР». Она демонстративно посмотрела на часы.

— Да, — продолжал он. — У тебя ведь полно других дел, кроме того, чтобы показывать вид из окна.

— Да, дел достаточно, — ответила она.

— Я беру его, — сказал он.

— Простите?

— Я беру этот номер. Не на эту ночь, но…

— Вы берете номер?

— Да. Его же можно снять, не так ли?

— Э-э, да, но… он слишком дорогой.

— Я охотно заплачу вперед.

Старик вынул из внутреннего кармана бумажник и достал из него кучу банкнот.

— Нет, нет, я не в этом смысле. Просто он стоит семь тысяч крон за одну ночь. Хотите лучше посмотреть…

— Мне нравится этот номер, — сказал старик. — Пересчитай их на всякий случай, будь так добра.

Бетти посмотрела на тысячные банкноты, которые он ей протягивал.

— Вы можете оплатить все, когда приедете, — сказала она, — э-э, а когда вас…

— Как ты и советуешь, Бетти. Одним весенним днем.

— Хорошо. Какая-нибудь конкретная дата?

— Разумеется.

Эпизод 17
Полицейский участок, 5 ноября 1999 года

Бьярне Мёллер вздохнул и выглянул в окно. Мысли улетали куда-то прочь — в последнее время он стал замечать это за собой все чаще. Дождь перестал, но небо по-прежнему нависало над зданием полиции участка Грёнланн низким свинцовым сводом. На улице по бурому, безжизненному газону ковыляла собака. В Бергене одно место НОП было вакантным. Срок заявки истекал на следующей неделе. Он слышал от одного тамошнего коллеги, что в Бергене обычно за всю осень дождь идет всего лишь два раза. С сентября по ноябрь и с ноября до Нового года. Вечно они преувеличивают, эти бергенцы. Он там бывал сам, и город ему понравился. Там, в отличие от Осло, нет ни намека на политику, и сам город маленький. Мёллеру нравилось все маленькое.

— А? — Он повернулся и увидел безнадежный взгляд Харри.

— Вы хотели объяснить мне, что я должен счесть за благо, что меня переводят.

— А?

— Это ваши слова, шеф.

— А, да. Да. Мы должны свыкнуться с тем, что не всегда будем плыть одним и тем же течением, жить одной рутиной. Мы живем, а значит, развиваемся. И идем дальше.

— Дальше и дальше. СБП — аж тремя этажами выше в этом здании.

— Нет, дальше не в этом смысле. Шеф СБП, Мейрик, считает, что ты идеально подошел бы на ту должность, которую тебе там приготовили.

— А нельзя об этой должности рассказать как-нибудь попонятнее?

— Не задумывайся над этим, Харри.

— Ну да, конечно, а могу я задуматься над тем, почему вообще там, в СБП, решили, что я им нужен? Я что, похож на шпиона?

— Нет-нет.

— Нет?

— Я хотел сказать, да. То есть не да, но… почему нет?

— Почему нет?

Мёллер с силой почесал затылок. Его лицо побагровело от злости.

— Черт, Харри, мы предлагаем тебе место инспектора, зарплату в пять раз больше, никаких

ночных дежурств и капельку уважения от наших сопляков. Что тебя не устраивает, Харри?

— Я люблю ночные дежурства.

— Никто их не любит!

— А почему бы не сделать меня инспектором здесь?

— Харри! Окажи мне услугу и просто скажи «да».

Харри повертел в руках бумажный стаканчик.

— Шеф, — сказал он. — Сколько мы уже знаем друг друга?

Мёллер предупреждающе поднял указательный палец.

— Не надо. Вот только не начинай: «Мы прошли вместе через огонь и воду…»

— Семь лет. И семь лет я допрашиваю людей, вероятно, самых тупых в этом городе, но все равно никто из них не врал мне хуже, чем вы. Я, наверное, дурак, но у меня еще осталась пара серых клеточек в голове, и они работают на всю катушку. И они подсказывают мне, что послужной список к этому повышению никакого отношения не имеет. А еще вдруг оказывается, что в этом году на стрельбах я показал лучший результат во всем отделе! И сделал это, угрохав агента Секретной службы. И не надо ничего говорить, шеф!

Мёллер, который как раз открыл рот, резко захлопнул его и демонстративно скрестил руки на груди. Харри продолжал:

— Я понимаю, что не вы все это придумали. И хотя я не вижу картину целиком, у меня достаточно фантазии, чтобы кое о чем догадаться. И если я прав, это означает, что мои личные карьерные пожелания — дело второстепенное. Так что ответьте мне всего на один вопрос. У меня есть выбор?

Мёллер моргал не переставая. Он снова подумал о Бергене. О зиме без снега. О прогулках всей семьей по склонам Флёйен по воскресеньям. Вот где хорошо растить детей! Самое страшное там — добродушные выходки местных сорванцов; и никакой организованной преступности, никаких четырнадцатилетних наркоманов. Бергенское полицейское управление. Ну да.

— Нет, — ответил он.

— Отлично, — сказал Харри. — Я и не надеялся. — Он скомкал бумажный стаканчик и прицелился в мусорную корзину. — Значит, вы говорите, зарплата выше в пять раз?

— И собственный кабинет.

— Наверное, хорошо отгороженный от других. — Он бросил комок плавным, заученным

движением руки. — А плата за сверхурочную работу?

— При такой зарплате? Нет, Харри.

— Значит, буду уходить домой в четыре. — Бумажный стаканчик упал на пол в полуметре от корзины.

— Замечательно, — сказал Мёллер с еле заметной улыбкой.

Эпизод 18
Дворцовый парк, 10 ноября 1999 года

Был ясный и холодный вечер. Первое, что бросилось в глаза старику, когда он вышел из метро, было то, как много еще народу на улице. Он всегда считал, что центр города пустеет к вечеру, но под неоновыми огнями улицы Карла-Юхана сновали такси, а туда-сюда по тротуарам ходили прохожие. Он стоял у перехода, ожидая, пока появится зеленый человечек на светофоре, а рядом гоготала компания чернявых подростков, что-то выкрикивая на своем чудно́м языке. Наверно, из Пакистана. Или, может, из Саудовской Аравии. Но его мысли оборвались — на светофоре загорелся зеленый, и он решительно зашагал через дорогу и дальше — на подъем, в сторону освещенного фасада Королевского дворца. Даже и здесь были люди, большей частью молодые, они шли бог весть куда и откуда. Он остановился передохнуть на подъеме возле статуи Карла-Юхана[20],

---

[20] Примечания: 20

Карл XIV Юхан (Бернадот) — король Швеции и Норвегии (1814–1844), в правление которого в этих странах был мир и процветание. (*Прим. перев.*)

который сидел на своей лошади и мечтательно смотрел вниз, на стортинг и державу, которую он возвел, как и дворец позади себя.

Дождя не было уже больше недели, сухая листва зашелестела у старика под ногами, когда он повернул направо и пошел между деревьями парка. Он запрокинул голову и посмотрел наверх: голые ветки отчетливо вырисовывались на фоне звездного неба. Он вдруг вспомнил детский стишок:

Вяз, береза, тополь, дуб,
В черной мантии бледный труп.

Он подумал о том, что лучше бы этот вечер был безлунным. С другой стороны, сейчас было легко найти то, что он ищет: старый дуб, к которому он прислонился головой в тот день, когда ему сказали, что жизнь его подходит к концу. Он смотрел на его ствол, поднимая глаза выше и выше, до самой кроны. Сколько ему может быть лет? Двести? Триста? Может, он вырос еще до того, как Карл-Юхан взошел на норвежский трон. Но все равно: всякой жизни приходит конец. И его жизни, и жизни дерева, и даже жизням королей. Он встал за деревом, так чтобы его не было видно с дорожки, и сбросил на землю рюкзак. Потом сел на корточки, открыл рюкзак и достал

его содержимое. Три пузырька раствора гербицида, который продавец в магазине «Мир железа» называл «Раундап», и ветеринарный шприц с огромной иглой, которым он разжился в аптеке «Сфинкс». Он сказал, что шприц ему нужен на кухне, чтобы впрыскивать жир в мясо, но это было лишне, потому что провизор лишь безразлично посмотрел на него и наверняка забыл это еще до того, как он вышел из аптеки.

Старик еще раз быстро огляделся по сторонам, проткнул длинной иглой пробку одной бутылки и, потянув за ручку, набрал полный шприц блестящей жидкости. Он ощупал рукой кору дерева и, найдя в ней трещину, воткнул туда иглу. Это было не так-то легко, как он думал, потребовалось немало усилий, чтобы вогнать иглу в твердую древесину, он должен был дойти до камбия, до внутренностей дерева, его жизненных органов. Он еще сильнее нажал на шприц. Игла задрожала. Черт! Ее нельзя сломать, другой у него не было. Игла мало-помалу ушла внутрь, но через пару сантиметров уперлась. Несмотря на холод, он вспотел. Он снова схватился за шприц, чтобы навалиться на него с новой силой, но вдруг услышал шуршание листьев на дорожке. Он выпустил шприц. Шорох приближался. Он закрыл глаза

и затаил дыхание. Когда он снова их открыл, то успел заметить, как в кустах, за которыми открывался обзор Фредрикс-гате, пропали две фигуры. Он выдохнул и снова вцепился в шприц. Пусть будет так: или пан, или пропал, — думал он, наваливаясь изо всех сил. Он уже ждал, что иголка хрустнет и сломается, но она вошла глубже. Старик вытер пот с лица. Дальше будет легче.

За десять минут он успел впрыснуть два пузырька этого раствора и уже готов был впрыснуть третий, когда услышал рядом голоса. Две фигуры вышли из-за кустов, и он подумал, что это, должно быть, те самые, которых он видел.

— Эй! — услышал он мужской голос.

Старик инстинктивно вскочил на ноги и встал перед деревом так, что длинные полы пальто закрывали шприц, по-прежнему торчавший в стволе. В следующее мгновение его ослепил свет. Он выставил вперед руки.

— Убери этот фонарь, Том, — послышался женский голос.

Свет ушел в сторону, и старик увидел, как между деревьями в парке заплясали тени.

Двое подошли к нему совсем близко, и одна из них, женщина чуть старше тридцати, с правильными, но самыми обычными чертами лица,

выставила ему в лицо свое удостоверение так близко, что даже при тусклом лунном свете он мог различить ее фотографию, на которой она была, несомненно, моложе, чем сейчас, и с очень серьезным выражением лица. И имя. Эллен какая-то.

— Полиция, — сказала она. — Извините, если испугали вас.

— Что ты делаешь здесь в полночь, папаша? — спросил мужчина. Он, как и напарница, был в гражданском, из-под черной вязаной шапочки на старика пристально смотрели холодные синие глаза.

— Я просто прогуливаюсь, — ответил старик, надеясь, что они не заметят, что его голос дрожит.

— Вот как, — сказал тот, которого звали Томом. — За деревом в парке, в длинном пальто. Знаешь, как это у нас называется?

— Замолчи, Том, — оборвала его женщина. — Еще раз извините, — обратилась она к старику. — Несколько часов назад здесь в парке было совершено нападение. Избили мальчика. Может, вы что-нибудь видели или слышали?

— Я сам только что пришел сюда, — сказал старик, стараясь смотреть только на женщину,

чтобы не встречаться с испытующим взглядом мужчины. — Я ничего не видел. Только ковш Большой Медведицы. — Он показал на небо. — Я очень сожалею. Он сильно пострадал?

— Довольно-таки. Простите за беспокойство, — улыбнулась она. — Приятного вечера.

Они пропали в темноте, и старик закрыл глаза и прислонился к дереву спиной. В следующее мгновение он вздрогнул оттого, что кто-то вцепился ему в плечо и тяжело задышал ему в ухо. Потом послышался голос того молодого человека:

— Если я еще раз поймаю тебя с поличным, ты у меня получишь. Понял? Как же я вас всех ненавижу.

Он отпустил его плечо и пропал.

Старик бессильно опустился на землю. Он чувствовал, как сырость проникает сквозь одежду. А из головы все не шел голос, повторявший снова и снова все тот же стишок:

Вяз, береза, тополь, дуб,
В черной мантии бледный труп.

Эпизод 19
Пиццерия «У Герберта», площадь Юнгсторгет, 12 ноября 1999 года

Сверре Ульсен зашел внутрь, кивнул парням за столиком в углу, взял за стойкой стакан пива и пошел с ним к столику. Не к тому, что стоял в углу, а к собственному столику. Уже больше года у него здесь был собственный столик, с тех пор, как он поколотил того узкоглазого в «Денис-кебаб». Он рано приходил, когда еще никого не было, но публика постепенно заполняла эту пиццерию на углу улицы Торггата и площади Юнгсторгет. Сегодня был как раз день уплаты старых долгов. Он кивнул парням в углу. Среди них было и трое из тех, кто составлял твердое ядро, но с ними он уже сто лет не разговаривал. Они стали членами новой партии — «Национальный альянс», и с ними у него, так сказать, внутренние расхождения в идеологии. Он знал их еще со времен «Молодежи Партии Отечества», в известной степени они патриоты, но могут переметнутся к ренегатам. Рой Квинсет, с безупречно выбритой головой, как всегда, надел свои потрепанные узкие штаны,

сапоги и белую футболку с красно-бело-синей эмблемой «Национального альянса». А вот Халле — новенький. Он покрасил волосы в черный цвет и прилизал чуб. Но, конечно, больше всего должны были провоцировать народ усы — черная, аккуратно постриженная полосочка, точь-в-точь как у фюрера. Вместо широких галифе и сапог он носил зеленые камуфляжные штаны. Грегерсен был единственным, кто выглядел как обычный парень: короткая куртка, козлиная бородка и темные очки на лбу. Из этих трех он был, без сомнения, самым элегантным.

Сверре стал разглядывать и других посетителей. Девушка и парень запихивали в себя пиццу. Он раньше их не видел, но на шпиков не похожи. И на журналистов тоже. Может, они из «Монитора»?[21] Зимой он разоблачил одного парня оттуда, типчика с бегающими глазками, который что-то сюда зачастил, играл в брис с ребятами и заводил с ними разговоры. Сверре почуял неладное, они вытащили парня на улицу и сорвали с него свитер. У него на животе был прикреплен диктофон и микрофон. Он сознался, что из «Монитора», еще до того, как дошло до

[21] Примечания: 21
«*Монитор*» — норвежский антифашистский журнал.

рукоприкладства. До смерти перепугался. Эти мониторщики идиоты. Верят в байки, в эти бредни, будто фашизм — это настоящая опасность, а сами они — секретные агенты, что постоянно подвергают свою жизнь опасности. Ну да, не без того. Тот парень, во всяком случае, был уверен, что они собираются убить его, и до того струхнул, что даже обмочился. В буквальном смысле. Сверре заметил, как темная струйка потекла по его штанам и дальше по асфальту. В тот вечер это запомнилось ему лучше всего: как, слабо мерцая в тусклом свете, по мостовой бежит ручеек мочи.

Сверре Ульсен подумал, что эти двое — просто проголодавшаяся парочка, решившая заскочить в пиццерию. Скорость, с которой они ели, указывала на то, что они тоже уже разглядели посетителей и стремятся как можно скорее уйти отсюда. У окна сидел старик в шляпе и пальто. Наверное, алкаш, хотя по одежде не скажешь. Впрочем, они часто так выглядят поначалу, когда ребята из Армии спасения приносят им одежду: добротные, хотя и поношенные пальто и немного вышедшие из моды костюмы. Но, когда он смотрел на него, старик вдруг поднял голову и встретился с ним взглядом. Нет, это был не пьяница. У него были пронзительные синие глаза, и

Сверре невольно отвел взгляд. Старик таращился на него, как черт!

Сверре сосредоточился на своей поллитре. Скоро надо будет раздобыть деньжат. Отрастить волосы, чтобы прикрыть татуировку на затылке, надеть рубашку с длинными рукавами и устроиться на работу. Работы навалом. Грязной, дерьмовой работы. Хорошую работу расхватали черномазые. Паршивые черномазые ублюдки.

— Могу я присесть?

Сверре поднял глаза. Это был тот старик, он стоял над ним. Сверре даже не заметил, как он подошел.

— Это мой стол, — попытался возразить Сверре.

— Я хочу только кое о чем поговорить. — Старик положил газету на стол между собой и Ульсеном и сел на стул прямо напротив.

Сверре настороженно посмотрел на него.

— Расслабься, я один из вас, — сказал старик.

— Кого «вас»?

— Вас, которые ходят сюда. Национал-социалистов.

— Да ну?

Сверре облизнул губы и поднес стакан ко рту. Старик сидел и неподвижно смотрел на него. Спо-

койно, как будто у него в запасе имелась целая вечность. Хотя, наверное, она у него правда есть: на вид ему лет семьдесят, не меньше. Может, он из тех старичков из «Zorn-88»?[22] Из тех трусливых подстрекателей, о которых Сверре что-то слышал, но которых никогда не видел?

— Мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу, — сказал старик тихо.

— Да ну? — сказал Сверре. В его интонации звучало неприкрытое пренебрежение. Но сам он об этом, конечно, не догадывался.

— Оружие, — продолжал старик.

— Какое еще оружие?

— Мне кое-что нужно. Можешь мне помочь?

— А с чего мне тебе помогать?

— Взгляни на газету. На страницу двадцать восемь.

Сверре подвинул к себе газету и начал листать ее, продолжая смотреть на старика. На двадцать восьмой странице была статья о неонацистах в Испании. Автор: Эвен Юль — йоссинг, ну конечно. Поверх большой черно-белой фотографии молодого человека с портретом генералиссимуса Франко над головой лежала тысячная купюра.

---

[22] Примечания: 22

«Zorn–88» — норвежская нацистская организация; Zorn — ярость, гнев (*нем.*).

— Если сможешь мне помочь, — сказал старик.

Сверре пожал плечами.

— И еще девять тысяч — потом.

— Да ну? — Сверре глотнул пива. Потом огляделся по сторонам. Молодая парочка уже ушла, но Халле, Грегерсен и Квинсет еще сидели в углу. А скоро придут другие, так что поговорить обо всем без посторонних не удастся. Десять тысяч крон.

— А какое оружие?

— Винтовка.

— Охотничье ружье подойдет?

Старик покачал головой:

— Винтовка Мерклина.

— Мерклина?

Старик кивнул.

— Это который игрушечные паровозики делает?

На морщинистом лице под шляпой появился какой-то просвет. Наверное, старик улыбался.

— Если не сможешь мне помочь, скажи об этом сейчас. Можешь оставить себе эту тысячу, и мы больше об этом не говорим, я уйду отсюда, и мы больше не увидимся.

Сверре ощутил прилив адреналина. Это вам не обычная болтовня про топоры, дробовики, динамит и прочую дребедень. Это уже серьезно.

Парень говорит о солидных вещах.

В дверь вошли. Сверре посмотрел поверх плеча старика. Нет, это не парни, это какой-то алкаш в красном вязаном свитере. Если он не будет клянчить пива, проблем с ним не будет.

— Я посмотрю, что смогу сделать, — сказал Сверре и взял тысячную купюру. Он не понял, что произошло — рука старика вцепилась в его руку, будто орлиными когтями, и пригвоздила ее к столу.

— Я тебя не об этом спрашиваю. — Голос был ледяной и скрипучий, как наст.

Сверре попытался освободить руку, но не смог. Он не мог вырваться из пальцев какого-то старикашки!

— Я спрашиваю, можешь ли ты помочь мне, и я хочу услышать «да» или «нет». Понятно?

Сверре почувствовал, как в нем просыпается бешенство, старый враг и друг. Но пока его больше занимало другое — десять тысяч крон. Этот человек может ему помочь, это не простой человек. Дело будет хлопотное, но у Сверре было ощущение, что старик не поскупится на чаевые.

— Я… я могу тебе помочь.

— Когда?

— Через три дня. Здесь. В это же время.

— Чушь! Да ты не найдешь такую винтовку за три дня. — Старик отпустил его руку. — Беги лучше к тому, кто может тебе помочь, а тот пусть идет к тому, кто может помочь ему, а через три дня мы встретимся здесь и обсудим, когда и куда ты ее принесешь.

Сверре лежа выжимал сто двадцать килограммов — как этот тощий старикан смог…

— Но, конечно, винтовка с доставкой стоит определенной суммы. Поэтому через три дня ты получишь остальные свои деньги.

— Вот как? А если я просто возьму деньги…

— Тогда я вернусь и убью тебя.

Сверре покрутил запястье. Ему не захотелось углублять тему.

Леденящий ветер мел тротуар перед телефонной будкой возле сауны на улице Торггата, пока Сверре Ульсен дрожащими пальцами набирал номер. Черт, как же холодно! У него уже замерзли ноги в дырявых сапогах. На том конце взяли трубку.

— Да?

Сверре Ульсен сглотнул. Почему от этого голоса ему всегда становилось так не по себе?

— Это я, Ульсен.

— Говори.

— Тут одному нужно ружье. Марки «Мерклин».

Никакого ответа.

— Вроде как та компания, которая делает игрушечные паровозы, — добавил Сверре.

— Я знаю, что такое «Мерклин», Ульсен. — Голос на том конце был ровным и безразличным, но Сверре слышал в нем презрение. Он ничего не сказал, потому что хотя и ненавидел человека на том конце провода, еще сильнее он его боялся, чего не мог не сознавать. Очень немногие его товарищи слышали о нем, и даже Сверре не знал его настоящего имени. Но через свои связи этот человек не раз выручал и Сверре, и его приятелей. Это, конечно, было ради Дела, а не потому, что тот испытывал особую симпатию к Сверре Ульсену. Да и сам Сверре, будь у него другие варианты, не стал бы обращаться к этому человеку.

Голос:

— Кто просит и зачем ему оружие?

— Один старик, никогда его раньше не видел. Сказал, что он один из нас. А кого именно он хочет грохнуть, я не спрашивал. Может, и никого. Может, винтовка ему, чтобы…

— Заткнись, Ульсен. Он был похож на человека, у которого есть деньги?

— Он был хорошо одет. И он дал мне штуку,

чтобы я только ответил, смогу ли я помочь ему.

— Он дал тебе штуку не чтобы ты ответил, а чтоб не трепался.

— Ну да.

— Интересно.

— Я с ним увижусь опять, через три дня. К этому времени он хочет знать, смогли мы ее отыскать или нет.

– *Мы*?

— Да, ведь…

— Ты хотел сказать, смогу ли *я* ее найти?

— Конечно. Но…

— Сколько он платит тебе за остальную работу?

Сверре колебался:

— Десять штук.

— И столько же ты получишь от меня. Десять. Если сделка состоится. Понял?

— Понял.

— За что ты получишь десять штук?

— За то, чтобы я не трепался.

Когда Сверре положил трубку, он уже не чувствовал пальцев. Нужны новые сапоги. Он стоял и смотрел, как ветер поднял в воздух пустой, безвольный пакетик из-под чипсов и погнал его меж автомобилей по направлению к улице Стургата.

Эпизод 20
Пиццерия «У Герберта», 15 ноября 1999 года

Стеклянная дверь пиццерии «У Герберта» закрылась за спиной старика. Он стоял на тротуаре и ждал. Мимо прошла замотанная в хиджаб пакистанка с детской коляской. Перед ним проносились машины, и в их мелькающих окнах он видел отражение самого себя и больших окон пиццерии за спиной. Слева от входной двери стекло было заклеено крест-накрест белой клейкой лентой, будто это окно однажды пытались высадить. Белый узор трещин на стекле напоминал паутину. За стеклом он видел Сверре Ульсена, который продолжал сидеть за тем же столом, за которым они сейчас обсуждали детали сделки. Грузовой порт в Бьёрвике через три недели. Пирс номер 4. В два часа ночи. Пароль: «*Voice of an angel*»[23]. Наверняка название какой-нибудь популярной песни. Он никогда ее не слышал, но название было подходящим. А вот сумма не оказалась столь подходящей. Семьсот

---

[23] Примечания: 23
Голос ангела (*англ.*).

пятьдесят тысяч. Но он и не думал обсуждать ее. Теперь главное — чтобы они выполнили свою часть сделки, а не ограбили его там, в порту. В разговоре с тем молодым неонацистом, взывая к его добросовестности, он сказал, что воевал на фронте. Но поверил ли тот ему? И значило ли это вообще что-нибудь? Он даже сочинил историю о том, как он служил, на случай, если парень станет расспрашивать. Но тот не стал.

Еще несколько автомобилей пронеслись мимо. Сверре Ульсен продолжал сидеть, но какой-то другой посетитель встал и в эту секунду, шатаясь, направлялся к выходу. Старик вспомнил его, он был там и в прошлый раз. А сегодня все время не спускал с него глаз. Дверь открылась. Он ждал. Дорога была свободна от автомобилей, но он услышал, как тот человек встал прямо за его спиной. Потом он услышал:

— Так, значит, вот кто этот парень?

Это был особый, хриплый голос, какой может быть только у человека, который уже много лет пьет, курит и страдает бессонницей.

— Мы знакомы? — спросил старик, не оборачиваясь.

— Я бы сказал, что да.

Старик повернул голову, быстро смерил его

взглядом и снова отвернулся.

— Я не сказал бы, что знаю вас.

— Тьфу! Ты что, не узнаешь старого боевого товарища? Помнишь, на войне?

— На какой войне?

— Когда мы вместе дрались за общее дело: ты и я.

— Если ты так говоришь… А что тебе нужно?

— Ась? — Пьяница приставил к уху ладонь.

— Я спрашиваю, что тебе нужно? — повторил старик громче.

— Нужно, нужно. Да просто поболтать со старым знакомым, ась? Тем более с тем, кого сто лет не видел. Тем более с тем, кого давно считал покойником.

Старик обернулся:

— Я похож на покойника?

Человек в красной куртке смотрел на него такими голубыми глазами, что они казались двумя шариками из бирюзы. Определить его возраст было совершенно невозможно От сорока до восьмидесяти. Но старик знал, сколько лет этому старому пьянице. Если сосредоточиться, он, может, даже вспомнит день его рождения. На войне они вместе праздновали дни рождения.

Пьяница сделал еще один шаг вперед.

— Да нет, ты не похож на покойника. На больного — да, но не на покойника.

И он выставил вперед огромную грязную ладонь, и старик сразу же почувствовал сладковатый запах: пахло смесью пота, мочи и перегара.

— Ну чё? Не хошь поздороваться за руку со старым товарищем? — Голос звучал будто из могилы.

Не снимая перчатки, старик слегка пожал протянутую ему руку.

— Да, — сказал он. — Ну вот мы и поздоровались за руку. Если ты больше ничего не хотел, я, пожалуй, пойду.

— Хотел, хотел. — Пьяница качался взад-вперед, все пытаясь уцепиться взглядом за старика. — Я хотел спросить, а что такой человек, как ты, делает в такой дыре, как эта. Это очень странно, если вот так подумать, а? «Он, должно быть, зашел по ошибке», — подумал я в тот раз. А тут — ты сел и стал болтать с этим мерзавцем, который, говорят, убивает людей бейсбольной битой. А сегодня ты опять здесь сидишь…

— Да?

— И я подумал: надо спросить какого-нють журналюгу, они сюда иногда заглядывают, понимашь? Об том, чё такой мужик, как ты, такой

почтенный, делает тут в таком окружении. Они ж все обо всех знают, понимашь? А чё не знают — то узнают. Например, как это парень, которого мы все еще в войну похоронили, вдруг оказывается живой. Они ж пронырливые, как черти. Вот.

Он сделал безрезультатную попытку щелкнуть пальцами.

— И про тебе тогда напишут в газетах, понимашь?

Старик вздохнул:

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— А чё, похоже на то? — Пьяница развел руками и обнажил в улыбке редкие зубы.

— Я думаю, да, — сказал старик и осмотрел себя. — Пройдемся. Не люблю свидетелей.

— Ась?

— Не люблю свидетелей.

— А-а. А куда ж нам?

Старик положил руку ему на плечо:

— Пойдем.

— Show me the way[24], дружище, — хрипло пропел пьяница и засмеялся.

Они зашли под арку возле пиццерии «У Герберта», где, невидимые с улицы, стояли в ряд серые

---

[24] Примечания: 24
Веди меня (*англ.*).

пластиковые мусорные баки.

— Надеюсь, ты еще никому не успел сказать, что видел меня?

— Да ты чё? Я вощe сперва подумал, что мне мерещится. Привидение средь бела дня. «У Герберта»!

Он громко расхохотался, но смех скоро перешел в мокрый, клокочущий кашель. Он нагнулся и стоял, опершись о стену, пока кашель не прошел. Потом выпрямился и вытер слизь в уголках рта.

— А кому рассказать — мигом упекут куда полагается…

— Сколько тебе нужно, чтобы ты молчал и дальше?

— Нужно, нужно. Я видел, как тот стервец взял тысячную бумажку из газеты, которую ты принес…

— Да?

— Но сколько-то у тебя осталось?

— Ну так сколько?

— А сколько у тебя есть?

Старик вздохнул, еще раз оглянулся, чтобы убедиться, что нет свидетелей. Потом расстегнул пальто и сунул руку за пазуху.

Сверре Ульсен длинными шагами перешел Юнгсторгет и перепрыгнул через зеленый пла-

стиковый мешок. Всего двадцать минут назад он сидел у «Герберта», бледный и в дырявых сапогах, а теперь шагал в новых, блестящих армейских «Комбат бутс», купленных в магазине «Совершенно секретно» на Хенрик-Ибсенс-гате, плюс с конвертом, в котором лежали еще восемь новеньких, хрустящих тысячных купюр. И еще десять он получит потом. Вот ведь как могут измениться дела. Этой осенью он уже приготовился к тому, что его отправят в тюрьму на три года, и вдруг его адвокат заявляет, что та толстая тетка из суда принесла присягу неправильно!

Сверре сделалось так хорошо, что он уже собрался пригласить за свой столик Халле, Грегерсена и Квинсета, заказать им пива — просто чтоб посмотреть на их реакцию. Да, черт побери!

Он пересек Плёенс-гате впереди пакистанки с детской коляской и улыбнулся ей. Ну не дьявол! Он уже подходил к двери «Герберта», как вдруг подумал, что пакет со старой обувью надо бы выбросить. Он зашел под арку, поднял крышку одного из огромных мусорных баков и положил пакет поверх прочего мусора. Он уже шел обратно, но тут увидел, что между двумя ящиками торчит пара ног. Он огляделся. На улице никого. Кто бы это мог быть: наркоман, пьяница? Он

подошел ближе. Там, откуда торчали ноги, баки были придвинуты друг к другу вплотную. Он почувствовал, что сердце забилось быстрее. Некоторые наркоманы становятся буйными, если их потревожить. Сверре встал на достаточном расстоянии и пнул один из баков, так что он отъехал в сторону.

— Черт!

Забавно, но Сверре Ульсен, который сам чуть не убил человека, никогда раньше не видел мертвецов. А еще забавней, что от этого зрелища он сам чуть не упал. Человек, который сидел опершись спиной на стену, устремив глаза в разные стороны, был мертвым, как сама смерть. И причина смерти была ясна. На горле улыбалась красная пасть — ему перерезали глотку. Хотя сейчас кровь только слабо сочилась, было ясно, что вначале она, наверное, хлестала ручьем, потому что весь его красный свитер промок и слипся от крови. Вонь мусора и мочи стала нестерпимой, и Сверре почувствовал в горле вкус желчи прежде, чем наружу пошли оба стакана пива и пицца. Потом он стоял, опершись на мусорный бак: его все рвало и рвало на асфальт. Носки сапог стали желтыми от блевоты, но он не обращал на это внимания. Он смотрел только на маленький красный ручеек,

который, поблескивая в тусклом свете, сбегал вниз, ища самую низкую точку на поверхности мостовой.

Эпизод 21
Окрестности Ленинграда, 17 января 1944 года

Русский истребитель «Як-1» загрохотал над головой Эдварда Мускена, когда тот, сгорбившись, бежал через траншею.

Обычно от этих истребителей не было больших проблем, — похоже, у русских кончились бомбы. Недавно он слышал, что на задания они дают пилотам ручные гранаты, чтобы они бомбили их позиции!

Эдвард прибыл на участок «Север», чтобы доставить письма ребятам и разузнать последние новости. Всю осень шли убийственные эти сообщения о потерях и отступлениях по всему Восточному фронту. Еще в ноябре русские снова заняли Киев, а в октябре они чуть было не окружили немецкую Южную армию у Черного моря. То, что Гитлер перебросил часть войск на Западный фронт, не облегчало положения. Но самое невероятное Эдвард услышал сегодня. Два дня назад генерал-лейтенант Гусев начал массированное наступление от Ораниенбаума, к югу от

Финского залива. Эдвард помнил Ораниенбаум — это был всего лишь маленький плацдарм, который они проходили, когда шли на Ленинград. Они позволили русским снова занять его, потому что он не представлял никакого стратегического значения! А теперь русский иван смог собрать целую армию вокруг Кронштадтской крепости, и, по донесениям, «катюши» сейчас беспрерывно обстреливали немецкие позиции, и от густого ельника, росшего там прежде, остались лишь щепки. До них и вправду уже несколько ночей подряд доносилась издалека музыка этих сталинских орга́нов, но он не знал, вправду ли все так плохо.

По пути Эдвард зашел в лазарет, чтобы навестить одного из своих ребят, который потерял ногу, подорвавшись на мине на ничейной полосе, но медсестра, крохотная эстонка с измученными синими глазами в таких темных глазницах, что казалось, будто она в маске, только покачала головой и сказала то немецкое слово, которое, наверное, говорила чаще всех остальных: «*Tot*»[25].

Должно быть, Эдвард выглядел по-настоящему раздосадованным, потому что она, желая как-то

---

[25] Примечания: 25
Умер (*нем.*).

ободрить его, указала на койку, где, наверное, лежал другой норвежец.

– *Leben*[26], — сказала она и улыбнулась. Но глаза у нее по-прежнему оставались измученными.

Эдвард не узнал человека, который спал в койке. Но едва он увидел блестящую белую кожаную куртку, висящую на стуле, как сразу понял, кто перед ним: сам ротный Линдви из полка «Норвегия». Человек-легенда. И теперь он лежит здесь! Эту новость он решил не рассказывать ребятам.

Еще один истребитель проревел над его головой. Откуда вдруг взялись все эти самолеты? Прошлой осенью казалось, что у ивана их больше не осталось.

Он забежал за поворот и увидел перед собой скрюченного Дале, который стоял к нему спиной.

— Дале!

Дале не поворачивался. После того как в ноябре его контузило гранатой, Дале уже не слышал так хорошо, как раньше. И не разговаривал так много, и взгляд у него стал какой-то стеклянный, скользящий, какой обычно остается у людей после контузии. Поначалу Дале жаловался на

---

[26] Примечания: 26
Жив (*нем.*).

головную боль, но когда офицер медицинской службы осмотрел его, то сказал, что мало чем тут можно помочь и надо просто ждать, что будет дальше. В рядах и так не хватает бойцов, чтобы еще посылать здоровых в лазарет, сказал он.

Эдвард положил руку на плечо Дале, и тот обернулся так резко и с такой яростью, что Эдвард потерял равновесие на льду, который к тому же подтаял на солнце, и шлепнулся на спину. Ну хоть зима выдалась теплая, подумал он и невольно рассмеялся. Но перестал смеяться, когда вдруг увидел, что в него почти упирается ствол винтовки Дале.

– *Passwort*![27] — прокричал Дале. Поверх прицела Эдвард увидел его широко раскрытый глаз.

— Разуй зенки, Дале. Это ж я.

– *Passwort!*

— Убери винтовку! Это я — Эдвард! Дьявол!

– *Passwort!*

– *Gluthaufen*.

Эдвард почувствовал, что им овладевает панический страх, когда он увидел, как палец Дале зацепился за спусковой крючок. Он что, не расслышал?

---

[27] Примечания: 27
Пароль! (*нем.*)

– *Gluthaufen!* — закричал он изо всех сил. — *Gluthaufen*, черт!

– *Fehl! Ich schiesse*![28]

Господи, да этот парень сошел с ума! В эту же секунду Эдвард вспомнил, что пароль поменяли сегодня с утра. После того как он ушел на участок «Север»! Палец Дале надавил на курок, но не смог продвинуться дальше. Над глазом появилась морщина. Дале перехватил винтовку. Неужели все так и закончится? После всего, что он пережил, погибнуть от пули контуженого соотечественника? Эдвард пристально смотрел в черный зев винтовки и ждал, когда брызнут искры. Успеет ли он их заметить? О господи боже! Он отвернулся от дула, посмотрел в голубое небо, где черным крестом вырисовывался русский истребитель. Он был слишком высоко, чтобы его можно было услышать. И Эдвард закрыл глаза.

– *Engelstimme!*[29] — закричал кто-то.

Эдвард открыл глаза и увидел, как Дале два раза мигнул за прицелом.

Это был Гюдбранн. Прислонив голову вплотную к голове Дале, он кричал ему прямо в ухо:

---

[28] Примечания: 28
Неверно! Стреляю! *(нем.)*

[29] Примечания: 29
Голос ангела! (*нем.*)

– *Engelstimme!*

Дале опустил винтовку. Потом ухмыльнулся Эдварду и кивнул.

– *Engelstimme!* — повторил он.

Эдвард снова закрыл глаза и выдохнул.

— Письма есть? — спросил Гюдбранн.

Эдвард сел и дал Гюдбранну связку бумаги.

Дале по-прежнему ухмылялся, но выражение лица оставалось таким же пустым. Эдвард схватился за его винтовку и встал, оказавшись с ним прямо лицом к лицу.

— У нас там кто-нибудь есть внутри, Дале?

Он хотел сказать это нормальным голосом, но получился грубый, хриплый шепот.

— Он не слышит, — сказал Гюдбранн, рассматривая письма.

— Я не думал, что он так плох. — Эдвард помахал рукой перед лицом Дале.

— Ему уже нельзя здесь оставаться. Вот письмо от его семьи. Покажи это ему, и сам поймешь, о чем я.

Эдвард взял письмо и сунул его Дале прямо в лицо, но увидел, что на его лице не отобразилось ни малейшего чувства, он только коротко ухмыльнулся, а потом снова вытаращил глаза, устремив их в вечность или куда еще там.

— Ты прав, — сказал Эдвард. — Он готов.

Гюдбранн протянул Эдварду еще одно письмо.

— Как там дома? — спросил он.

— Эх, ты сам знаешь, — ответил Эдвард и стал разглядывать письмо.

Но Гюдбранн ничего не знал: они с Эдвардом не так много разговаривали с прошлой зимы. Удивительно, но даже и в таких условиях два человека могут ухитриться не разговаривать друг с другом, если им это неприятно. Не то чтобы Гюдбранну не нравился Эдвард, как раз наоборот, ему нравился командир, которого он уважал за ум, отвагу храброго бойца и заботу о молодых и новичках в их отделении. Осенью Эдварда повысили до шарфюрера, что соответствовало сержанту в норвежской армии, но ответственность оставалась той же самой. Как-то Эдвард пошутил, что его повысили, потому что всех остальных сержантов уже убили и у начальства остались лишние сержантские фуражки.

Гюдбранн часто думал, что при других обстоятельствах они с Эдвардом могли бы быть хорошими друзьями. Но то, что произошло прошлой зимой — исчезновение Синдре и этот труп Даниеля, который каким-то странным образом появился снова, — это все время стояло между

ними.

Глухой далекий звук разорвал тишину, потом затрещали пулеметы, будто переговариваясь друг с другом.

— Становится туго, — произнес Гюдбранн, больше спрашивая, чем констатируя.

— Да, — сказал Эдвард. — А все окаянная оттепель. Наше снабжение увязло в грязи.

— Нам надо отступать?

Эдвард пожал плечами:

— Может, на несколько миль. Но мы вернемся.

Гюдбранн из-под ладони посмотрел на восток. Ему вовсе не хотелось возвращаться. Ему хотелось уехать домой: может, там он сможет жить?

— Видел норвежский указатель на перекрестке рядом с лазаретом, тот, со свастикой? — спросил он. — И стрелку, которая показывает на восток, на которой написано: «Ленинград, пять километров»?

Эдвард кивнул.

— Помнишь, что там написано на стрелке, которая указывает на запад?

— «Осло», — ответил Эдвард. — «Две тысячи шестьсот одиннадцать километров».

— Далёко.

— Да, далёко.

Дале оставил свою винтовку в руках Эдварда, а сам сел в сугроб, зарыв руки в снег перед собой. Его голова повисла между узких плеч, как сломанный цветок. Послышался еще один взрыв, на этот раз уже ближе.

— Спасибо, что…

— Не за что, — быстро проговорил Гюдбранн.

— Я видел Улафа Линдви в лазарете, — сказал Эдвард. Он не знал, зачем сказал это. Может, потому что Гюдбранн, как и Дале, был единственным в отделении, кто пробыл тут столько же, сколько и он сам.

— Он был?..

— Думаю, только легко ранен. Я видел его белый мундир.

— Я слышал, он хороший человек.

— Да, у нас много хороших людей.

Они некоторое время стояли молча, глядя друг другу в глаза.

Эдвард откашлялся и сунул в карман руку.

— Я раздобыл пару русских папирос на участке «Север». Если у тебя найдется огонек…

Гюдбранн кивнул, расстегнул куртку, нашел коробок спичек и чиркнул по серной бумаге. Подняв глаза, он сначала увидел лишь огромный, безумно вытаращенный глаз Эдварда. Он

смотрел на что-то за спиной Гюдбранна. Потом он услышал визжащий звук.

— Ложись! — закричал Эдвард.

В следующее мгновение они уже лежали на льду, а небо над ними с треском распоролось. Гюдбранн увидел хвост русского истребителя, летящего вдоль их окопов так низко, что с сугробов поднимался снег. Он пролетел мимо, и снова стало тихо.

— Он как будто… — прошептал Гюдбранн.

— О господи! — простонал Эдвард, повернулся к Гюдбранну и рассмеялся. — Я даже видел пилота, как он открыл кабину и высунулся из нее. Иван сошел с ума. — Он смеялся до икоты. — К чему все катится?

Гюдбранн смотрел на сломанную спичку, которую он все еще держал в руке, и вдруг сам начал смеяться.

— Хе-хе, — сказал Дале и посмотрел на товарищей из сугроба на краю окопа, где он сидел. — Хе-хе.

Гюдбранн взглянул на Эдварда, и тут они оба начали хохотать. Они икали от смеха, так что поначалу не услышали отчетливого звука, который приближался к ним.

Звяк-звяк…

Как будто кто-то медленно рубил лед киркой.

Звяк…

Потом послышался удар металла о металл, Гюдбранн и Эдвард повернулись к Дале — тот медленно упал в снег.

— Ради бога… — начал Гюдбранн.

— Граната! — закричал Эдвард.

Услышав его крик, Гюдбранн инстинктивно сжался в комок и, уже лежа, увидел металлическую штуку, которая все крутилась и крутилась на льду в метре от него. Он чувствовал, как тело примерзает ко льду, и вдруг понял, что сейчас произойдет.

— Уход и! — кричал сзади него Эдвард.

Так оно и было: русские летчики и вправду кидали гранаты с самолетов! Гюдбранн лежал на спине и пытался подняться, но руки и ноги скользили на мокром льду.

— Гюдбранн!

Так вот что это был за звук: граната, которая катилась по ледяному дну окопа. Похоже, она стукнула Дале прямо по шлему!

— Гюдбранн!

Граната все крутилась и крутилась, катилась и пританцовывала на льду, и Гюдбранн не мог оторвать от нее взгляд. Четыре секунды от вы-

дергивания чеки до детонации — кажется, их так учили в Зеннхайме? Наверное, у русских другие гранаты, может, у них шесть секунд? Или восемь? А граната все крутилась и крутилась, как красная юла, — отец делал им такие в Бруклине. Гюдбранн вертел ее, а Сонни и младший братик смотрели на нее и считали, как долго она простоит: *«Twenty-one, twenty-two…*[30]» Мать, бывало, в третий раз кричит, что обед готов, пора идти домой, скоро уже вернется отец. «Ну еще чуть-чуть, — кричит он в ответ. — Юла вертится!» Но она не слышит, она уже закрыла окно. Эдвард больше не кричал, и вдруг все стихло.

[30] Примечания: 30
Двадцать один, двадцать два… (*англ.*)

Эпизод 22
Приемная доктора Буера, 22 декабря 1999 года

Старик посмотрел на часы. Он просидел в приемной уже четверть часа. Раньше ему никогда не приходилось ждать в те дни, когда он ходил к Конраду Буеру. Обычно Конрад не принимал больше пациентов, чем позволяло расписание.

В другом конце комнаты сидел мужчина. Темнокожий, африканец. Он листал еженедельник, и старик удивился, что даже с такого расстояния может различить каждую букву на обложке. Что-то про королевскую семью. Неужели африканец сейчас читает об этом, о королевской семье? Эта мысль казалась абсурдной.

Африканец перевернул страницу. Его усы, спускавшиеся к подбородку, были совсем как у курьера, с которым старик встретился этой ночью. Это была короткая встреча. Курьер приехал в порт на «вольво», которое, конечно, взял напрокат. Остановился, стекло с гудением опустилось, и он сказал пароль: «*Voice of an Angel*». И у него были совершенно такие же усы. И грустные гла-

за. Он сразу сказал, что не взял с собой оружия по соображениям безопасности, и предложил поехать с ним в одно место и забрать его. Старик был в замешательстве, но подумал, что если бы его хотели ограбить, то сделали бы это прямо тут, в порту. Он сел в машину, и они поехали — куда б он думал? — в гостиницу «Рэдиссон САС» на Хольбергс-пласс. Он увидел Бетти Андресен, но та не смотрела в их сторону.

Курьер пересчитал деньги в конверте, почему-то называя числа по-немецки. Когда старик спросил его об этом, тот сказал, что его родители были из Эльзаса, и старик почему-то рассказал ему, что бывал там, в Зеннхайме. Странная причуда.

После того, что он прочитал о винтовке Мерклина в интернете в Университетской библиотеке, само оружие скорее разочаровало его. Оно походило на обычное охотничье ружье, только побольше. Курьер показал, как разбирать и собирать его, называя старика «герр Урия». Старик положил разобранную винтовку в рюкзак и пошел к лифту. Пока лифт ехал вниз, он размышлял, не попросить ли Бетти Андресен вызвать ему такси. Еще одна причуда.

— Алло!

Старик поднял голову.

— Я думаю, вам надо проверить еще и слух.

Доктор Буер стоял в дверях и пытался весело улыбаться. Он пригласил его в офис. Мешки под глазами у доктора набрякли еще больше.

— Я прокричал ваше имя три раза.

«Я забываю свое имя, — подумал старик. — Забываю все свои имена».

По тому, как доктор подал ему руку, чтобы помочь пройти в кабинет, старик догадался, что новости плохие.

— Да, я получил результаты тех анализов, которые мы брали, — поспешно сказал врач, не успев как следует усесться в кресло, будто желая выложить плохие новости как можно скорее. — К сожалению, она разрослась.

— Ну разумеется, она разрослась, — ответил старик. — Разве это не в природе раковых клеток — разрастаться?

— Хе-хе. В общем-то, да. — Буер смахнул с письменного стола невидимую пылинку.

— Опухоль — как мы, — продолжал старик. — Делает то, что может.

— Да, — ответил доктор Буер, с неестественно-расслабленным видом развалившись в кресле.

— Вы тоже делаете только то, что можете,

доктор.

— Да, вы правы, вы правы. — Доктор Буер улыбнулся и надел очки. — Мы по-прежнему предлагаем вам курс лечения. Он, конечно, ослабит вас, но может продлить… э-э…

— Жизнь?

— Да.

— А сколько я протяну без этого курса?

Кадык Буера прыгал вверх-вниз.

— Несколько меньше, чем мы полагали вначале.

— А именно?

— А именно: из печени рак через кровь попал в…

— Хватит, назовите мне время.

Доктор Буер посмотрел на него пустыми глазами.

— Ты ненавидишь свою работу, ведь так? — сказал старик.

— Что, простите?

— Ничего. Дату, если можно.

— Но ведь нереально…

Доктор Буер вздрогнул, оттого что старик стукнул кулаком по столу — так сильно, что телефонная трубка соскочила с рычага. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но осекся, когда уви-

дел, как старик грозит ему дрожащим пальцем. Он вздохнул, снял очки и устало провел рукой по лицу.

— Летом. В июне. Возможно, раньше. В лучшем случае — в августе.

— Отлично, — сказал старик. — Тогда все хорошо. А боли?

— Могут появиться когда угодно. Принимайте лекарства.

— Я смогу действовать?

— Трудно сказать. Это зависит от болей.

— Мне нужны такие лекарства, чтобы я мог действовать. Это необходимо. Понимаете?

— Все болеутоляющие…

— Я умею терпеть боль. Мне нужно что-то, что просто поддерживало бы меня в сознании, чтобы я мог здраво мыслить и действовать.

Счастливого Рождества. Это было последнее, что сказал доктор Буер. Старик стоял на лестнице. Сначала он не понимал, почему в городе так много народу, но когда ему напомнили о предстоящем празднике, он тут же понял причину паники в глазах прохожих, спешащих по улице, — они боятся не успеть купить рождественские подарки. На площади Эгерторгет люди собрались вокруг уличного оркестра. Мужчина

в форме Армии спасения обходил толпу с жестянкой для пожертвований. В снегу наркоман переминался с ноги на ногу, его глаза мигали, как мигает стеариновая свечка, прежде чем потухнуть. Две юные подружки прошли мимо него под ручку, краснощекие, распираемые своими маленькими секретами и желанием жить дальше. И огни. Свет горел в каждом окошке, будь они все прокляты. Он поднял глаза: над ним было небо Осло — теплый желтый купол отраженного городского света. Господи, как он скучал по ней! «Следующее Рождество, — подумал он. — Следующее Рождество мы справим вместе, любимая».

Часть третья
Урия

Эпизод 23
Госпиталь Рудольфа II, Вена, 7 июня 1944 года

Хелена Ланг быстро везла столик-тележку в палату номер четыре. Окна были открыты, и она вдыхала свежий аромат недавно скошенной травы. Разрушением и смертью сегодня не пахнет. Прошел год с первой бомбардировки Вены. В последние недели бомбили каждую ясную ночь. Хотя госпиталь Рудольфа II стоял в нескольких километрах от центра города, скрытый от войны в зеленом Венском лесу, дым городских пожаров перебивал запахи лета.

Хелена миновала поворот и улыбнулась доктору Брокхарду, тот, похоже, хотел остановиться и поболтать, так что она прибавил шагу. Всякий раз, когда она встречалась с глазу на глаз с Брокхардом, с его неподвижным, сверлящим взглядом из-за стекол очков, она чувствовала себя неуютно. Ее мать никак не могла понять, почему дочь избегает этого молодого, многообещающего врача, тем более что Брокхард был из очень обеспеченной венской семьи. Но Хелене

не нравился ни Брокхард, ни его семья, ни попытки матери использовать ее как обратный билет в приличное общество. Мать считала, что во всем, что произошло, виновата война. Война была виновата в том, что отец Хелены, Генрих Ланг, потерял своих еврейских заимодавцев так внезапно, что не смог расплатиться с другими кредиторами в условленные сроки. Но проблемы с деньгами заставили его импровизировать, он написал своим еврейским банкирам, чтобы они перевели арестованные австрийским правительством облигации Лангу. Так что теперь Хенрик Ланг сидел в тюрьме за сговор с врагами рейха — евреями.

В отличие от матери, Хелена скучала больше по отцу, чем по тому положению, которое занимала семья. Она, например, вовсе не тосковала по пышным банкетам, с их полувзрослыми светскими беседами и вечными попытками пристроить ее за какого-нибудь богатенького, избалованного мальчика.

Она посмотрела на часы и ускорила шаг. Маленькая птичка, которая, должно быть, залетела через открытое окно, сидела сейчас высоко под потолком на одном из абажуров и беззаботно пела свою песенку. В такие дни Хелене даже не

верилось, что там, снаружи, идет война. Может, оттого, что эти плотные ряды елей надежно отгораживали от всего, что не хотелось бы видеть. Но стоило зайти в какую-нибудь палату, тут же становилось понятно, что это была иллюзия мира. Вместе с исковерканными телами, истерзанными душами раненых солдат сюда приходила война. Поначалу Хелена выслушивала их истории, твердо уверенная в том, что ей хватит стойкости и веры, чтобы облегчить их страдания. Но все рассказывали одну и ту же бесконечную, кошмарную сказку о том, что приходится пережить человеку в этом мире, какие муки уготованы тем, кто выживет. Только мертвым сейчас легко. Так что Хелена перестала слушать их. Она просто притворялась, что слушает, пока меняла бинты, мерила температуру и давала им лекарства и еду. А когда они спали, она старалась даже не смотреть на них, потому что их лица продолжали их рассказы даже во сне. Она читала страдания в бледных молодых, совсем мальчишеских физиономиях, жестокость — в огрубевших, суровых лицах и желание умереть — в исковерканных болью чертах того, кто только что узнал, что ему отрежут ногу.

Но все равно она шла легкими, быстрыми

шагами. Может, потому что было лето, может, потому что доктор только что сказал, какая она сегодня красивая. Или все дело в этом норвежском пациенте в четвертой палате, который скоро улыбнется ей и скажет *«Guten morgen»*[31] на своем смешном ломаном немецком. Потом он будет завтракать, подолгу глядя на нее, пока она будет ходить от кровати к кровати, обходя других больных, каждого ободряя парой теплых слов. И каждые пять-шесть секунд она будет оборачиваться на него, и, если он улыбнется ей, она улыбнется ему в ответ и продолжит свою работу, как будто ничего не происходит. Ничего. И вместе с тем для нее это — все. Только мысль об этих коротких взглядах поддерживала ее все эти дни и придавала ей силы смеяться, когда ужасно обгоревший капитан Хадлер, лежавший на койке у двери, шутливо спрашивал, когда же с фронта пришлют его гениталии.

Она прошла через вращающуюся дверь четвертой палаты. Солнечный свет, переполнявший помещение, окрасил все в белый цвет: стены, потолок, простыни — все сверкало. «Прямо как в раю», — подумала она.

---

[31] Примечания: 31
«Доброе утро» (*нем.*).

– *Guten morgen, Helena.*

Она улыбнулась ему. Он сидел на стуле у кровати и читал книгу.

— Ты хорошо выспался, Урия? — весело спросила она.

— Как медведь, — ответил он.

— Медведь?

— Да. В этой… как это по-немецки? Ну, где они спят зимой?

— А, берлога.

— Да, в берлоге.

Они оба рассмеялись. Хелена знала, что все пациенты смотрят на них, что ей нельзя уделять ему больше времени, чем остальным.

— А голова? Сегодня получше, да?

— Да, все лучше и лучше. Я, видишь, скоро стану таким же красивым, каким был раньше.

Она помнила, каким он к ним попал. Тогда казалось, ему просто не выжить с такой дырой во лбу. Она подошла, чтобы налить ему чаю в кружку, но нечаянно опрокинула ее.

— Эй! — рассмеялся он. — Ты что, вчера допоздна танцевала?

Она подняла голову. Он весело подмигнул ей.

— Да, — сказала она и покраснела оттого, что так глупо соврала.

— А что вы тут танцуете, в Вене?

— Я хотела сказать, нет, я вовсе не танцевала. Я просто поздно уснула.

— Вы же тут танцуете вальс. Ну да, венский вальс.

— Да, это верно, — сказала она, глядя на градусник.

— Так. — Он встал и запел. Остальные смотрели со своих коек. Песня была на незнакомом им языке, но он пел таким теплым, красивым голосом. А самые здоровые пациенты одобрительно кричали и смеялись, глядя, как он кружит по комнате маленькими, осторожными шагами, отчего пояс его халата сполз на пол.

— Сейчас же сядь обратно, Урия, или я отправлю тебя прямо на Восточный фронт! — крикнула она строго.

Он послушно подошел и сел. На самом деле его звали не Урией, но он настаивал, чтобы его называли именно этим именем.

— А ты можешь рейнлендер? — спросил он.

— Рейнлендер?

— Это такой танец, который пришел к нам с Рейна. Хочешь, я покажу тебе?

— Ты будешь сидеть, пока не поправишься!

— А потом я поеду с тобой в Вену и научу тебя

танцевать рейнлендер.

Он любил сидеть на веранде в солнечные дни, и у него уже был приличный загар, так что на его веселом лице сейчас ярко сверкали белые зубы.

— Я думаю, ты уже достаточно поправился, чтобы отправить тебя обратно на фронт, — парировала она, но все равно на ее щеках проступил румянец. Она встала, чтобы продолжить обход, но он вдруг взял ее за руку.

— Скажи «да», — прошептал он.

Она звонко рассмеялась и, отмахнувшись от него, подошла к соседней кровати. Сердце маленькой птичкой пело у нее в груди.

— Ну? — сказал доктор Брокхард, оторвав взгляд от бумаг, когда она вошла в его кабинет. Как обычно, она не смогла понять, чем было это «ну?»: вопросом, вступлением к более длинному вопросу или просто междометием. Поэтому она ничего не ответила и просто встала у двери.

— Вы меня спрашивали, доктор?

— Почему ты продолжаешь говорить мне «вы», Хелена? — Брокхард вздохнул и улыбнулся. — Господи, мы же знаем друг друга с детства.

— Зачем вы меня вызывали?

— Я решил, что норвежца из четвертой палаты пора выписывать.

— Ясно.

Она никак не отреагировала на это — с чего? Люди находятся здесь до тех пор, пока не выздоровеют. Или не умрут. Это больничные будни.

— Пять дней назад я сообщил об этом в вермахт, и уже получили новое распоряжение.

— Быстро. — Ее голос был ровным и спокойным.

— Да, там крайне нужны новые бойцы. Мы будем сражаться до конца.

— Да, — сказала она. И про себя подумала: «Мы будем сражаться до конца, а ты, двадцатилетний парень, сидишь тут, в ста милях от фронта, и делаешь работу, с которой справился бы семидесятилетний старик. Спасибо герру Брокхарду-старшему».

— Я думал попросить тебя передать ему эту новость, вы, кажется, нашли общий язык.

Она уловила его изучающий взгляд.

— А все-таки что ты в нем нашла, Хелена? Чем он отличается от остальных четырехсот солдат, которые лежат в этом госпитале? — Она хотела возразить, но он опередил ее: — Извини, Хелена, это, конечно, не мое дело. Но просто из природного любопытства. Мне… — он взял ручку, повертел ее перед собой кончиками пальцев, обернулся и

выглянул в окно, — просто интересно, чем тебе так понравился этот иностранный авантюрист, который предал собственную страну, чтобы только добиться благосклонности победителя. Понимаешь, о чем я говорю? Кстати, как там дела у твоей матери?

Хелена сглотнула, прежде чем ответить:

— Вам не стоит беспокоиться о моей матери, доктор. Если вы дадите мне это распоряжение, я передам ему.

Брокхард повернулся к ней. Он взял письмо, которое лежало перед ним на письменном столе.

— Его отправляют в Третью танковую дивизию в Венгрию. Знаешь, что это означает?

Она наморщила лоб:

— Третья танковая дивизия? Он доброволец войск СС. Почему его приписывают к регулярной армии вермахта?

Брокхард пожал плечами:

— В такое время каждый должен делать все, что может, и выполнять те задачи, которые ставятся. Или ты не согласна, Хелена?

— Что вы имеете в виду?

— Он ведь пехотинец? Значит, он будет бежать за этими танками, а не сидеть в них. Один мой друг — он был на Украине — рассказывал, что

они каждый день стреляют по русским, пока пулеметы не раскаляются, что трупы лежат уже горами, а этот людской поток не ослабевает, и ничто не может остановить наступления.

Она едва не вырвала это письмо из рук Брокхарда и не разорвала его на кусочки.

— Может, такой девушке, как ты, стоит быть благоразумнее и не привязываться так к человеку, которого ты наверняка больше никогда не увидишь. Эта шаль тебе очень идет, Хелена. Фамильная вещица?

— Я приятно удивлена вашим сочувствием, доктор, но смею вас уверить, что оно совершенно излишне. Я не питаю никаких особенных чувств к этому пациенту. Время подавать обед, так что, если позволите…

— Хелена, Хелена… — Брокхард покачал головой и улыбнулся. — Ты и вправду думаешь, что я слепой? Ты думаешь, мне легко смотреть, какие это тебе причиняет страдания? Близкая дружба между нашими семьями заставляет меня ощущать какую-то особую связь между нами. И это сближает нас, Хелена. Иначе я не стал бы разговаривать с тобой так доверительно. Извини, но ты не могла не понять, что я питаю к тебе некоторые теплые чувства, и…

— Хватит!

— Что?

Хелена закрыл за собой дверь и повысила голос:

— Я здесь по доброй воле, Брокхард, и я не из тех медсестер, с которыми вы можете играть, как вам хочется. Давайте сюда письмо и говорите, что вам нужно, или я сейчас же ухожу отсюда.

— Дорогая моя Хелена. — Брокхард сделал озабоченное лицо. — Ты не понимаешь, что это зависит от тебя?

— От меня?

— Выписывать кого-то или нет — дело субъективное. Особенно если это касается такого ранения в голову.

— Понимаю.

— Я могу выписать его и через три месяца, а кто знает, будет вообще через три месяца какой-нибудь Восточный фронт или нет?

Она недоуменно посмотрела на Брокхарда.

— Ты же прилежно читаешь Библию, Хелена. Ты ведь знаешь историю о царе Давиде, который возжелал Вирсавию, хотя она была замужем за одним из его воинов? Он приказал своим генералам послать мужа в первом ряду на войне, чтобы его убили. И тогда царь смог без препятствий к

ней посвататься.

— И что это означает?

— Ничего. Ничего, Хелена. Я не собираюсь посылать твоего избранника на фронт, если он пока еще нездоров. Или кого-нибудь еще по этой же причине. Я имел в виду именно это. А поскольку ты не хуже меня знаешь, как у этого пациента обстоит дело со здоровьем, я подумал, что следует выслушать, что ты скажешь, прежде чем принимать решение. Если ты считаешь, что он еще не совсем здоров, я, может быть, пошлю вермахту другой рапорт.

Похоже, до нее медленно доходил смысл его слов.

— Или как, Хелена?

Она едва могла понять это: он что, хочет использовать Урию как заложника, чтобы заполучить ее? Долго он это придумывал? Может, он решил это уже очень давно и просто дожидался подходящего момента? И потом, в качестве кого ему нужна Хелена? Как жена или любовница?

— Ну? — спросил Брокхард.

Мысли проносились в ее голове, пытаясь найти выход из лабиринта. Но Брокхард перекрыл все выходы. Разумеется. Он не похож на дурака. Пока он ради нее выгораживает Урию, она будет

обязана во всем ему подчиняться. Ведь решение просто отложено. А если Урия покинет госпиталь, Брокхарду будет нечем давить на нее. Давить? Господи, да она едва-едва была знакома с этим норвежцем. И не знала, что он чувствует к ней.

— Я… — начала она.

— Да?

Он подался вперед. Она хотела продолжить, сказать, что хочет быть свободной, но что-то остановило ее. И через секунду она поняла что. Это все ложь. Ложь, что она хочет быть свободной; ложь, что она не знает, что чувствует к ней Урия; ложь, что человек должен смиряться со всем и жить дальше; все это — ложь. Она прикусила нижнюю губу, потому что почувствовала, что та начинает дрожать.

Эпизод 24
Стадион Бишлет, канун нового 1999 года

Было двенадцать часов, когда Харри Холе вышел из трамвая у гостиницы «Рэдиссон САС» на Хольбергс-гате, отметив, что низкое утреннее солнце сверкнуло в окнах здания Государственной больницы и снова скрылось за облаками. Он в последний раз заходил в свой кабинет. Чтобы в последний раз навести порядок, проверить, все ли он взял с собой, — так он говорил сам себе. Но все его немногочисленные личные вещи уже лежали в пластиковом пакете, который он унес домой еще вчера. В коридорах было пусто. Все, кроме дежурных, готовились дома к последнему празднику тысячелетия. Со спинки стула свисал серпантин — напоминание о вчерашнем прощальном вечере, естественно, организованном Эллен. Сухое заключительное слово Бьярне Мёллера не очень-то подходило к голубым воздушным шарикам и торту со свечами, но этой короткой речи вполне хватило. Вероятно, начальник боялся оказаться напыщенным или

сентиментальным. И Харри отдавал себе отчет, что никогда не ощущал большей неловкости, чем в тот момент, когда Мёллер поздравлял его с новым назначением и пожелал ему успеха в СБП. И даже саркастическая улыбочка Тома Волера, и понимающее покачивание головами в задних рядах не могли ничего добавить к его унижению.

В этот раз он пришел в кабинет, просто чтоб посидеть здесь в последний раз, на этом старом скрипучем стуле, в этой комнате, где он провел почти семь лет. От этой мысли Харри вздрогнул. Вся эта сентиментальность только снова напоминала ему о том, что он стареет.

Харри прошел по Хольбергс-гате, потом свернул налево, на Софиес-гате. Большинство домов на этой узкой улочке в начале столетия были домами рабочих. Долгие годы их не ремонтировали. Но после того, как цены на жилье подскочили так, что небогатым молодым семьям, у которых не хватало средств, чтобы жить на Майорстуа, пришлось переехать сюда, этот район немного облагородился. Теперь фасады были приведены в порядок. У всех домов, кроме одного — дома номер восемь. Дома Харри. Самого Харри это нисколько не беспокоило.

Он закрыл входную дверь на ключ и открыл

почтовый ящик внизу у лестницы. Счет за пиццу и конверт от городского казначейства Осло, в котором (он знал это наперед) было напоминание об оплате парковки за прошлый месяц. Он пошел наверх, тихо ругаясь по дороге. У своего дядюшки, которого он, строго говоря, и не знал толком, он купил по бросовой цене пятнадцатилетний «форд»-эскорт. Ржавый, с дрянным сцеплением, но зато с элегантным откидным верхом. Но с тех пор он, пожалуй, чаще оплачивал счета за парковку и ремонт, чем ездил по городу. К тому же старая развалюха зачастую не хотела заводиться, а ставить ее приходилось исключительно в ложбинах, чтобы она не укатилась.

Он запер дверь. У него была спартанская двухкомнатная квартира. Прибранная, чистая, выскобленный деревянный пол, никаких ковров. Единственным украшением на стенах была фотография матери и Сестрёныша и плакат «Крестный отец», который он стянул в кинотеатре «Сюмра» в свои шестнадцать. Здесь не было цветов, камина и разных милых безделушек. Он как-то повесил доску, куда думал прицеплять открытки, фотографии и афоризмы, на которые натыкаешься в жизни. Такие доски он видел дома у других. Когда выяснилось, что он не получает открыток

и в принципе не любит фотографировать, он вырезал цитату из Бьёрнебу[32]:

> И этот рост мощностей – всего лишь выражение, означающее рост нашего знания законов природы. Это знание = ужас.

Харри взглянул на автоответчик, убедился, что никаких сообщений не приходило (глупо было бы рассчитывать на другое), расстегнул рубашку, бросил ее в корзину для грязного белья и взял из аккуратной стопки в шкафу свежую.

Оставив автоответчик включенным (вдруг позвонят из службы социологического опроса), Харри снова отпер дверь и вышел на улицу.

Без какого-либо сентиментального подтекста он купил у Али в киоске последние газеты тысячелетия и зашагал по улице Довре-гате. По Валдемар-Транес-гате спешили домой люди, сделавшие последние покупки на закате тысячелетия. Что-то дрогнуло у Харри внутри, когда он переступал порог ресторана «Шкрёдер» и ему в лицо ударило влажное человеческое тепло.

---

[32] Примечания: 32

Бьёрнебу Енс (1920–1976) — норвежский писатель, драматург и поэт, выразитель левоэкстремистских взглядов.

Народу было много, но он заметил, что его любимый столик скоро освободится, и направился к нему. Пожилой мужчина, который встал из-за стола и теперь надевал шляпу, глянул на Харри из-под седых кустистых бровей и молча кивнул, прежде чем уйти. Столик стоял у окна, и днем он, в отличие от многих остальных в этом тусклом помещении, был достаточно освещен, чтобы читать за ним газеты. Едва он сел, как рядом появилась Майя.

— Привет, Харри. — Она стукнула по скатерти серым кулаком. — Будешь блюдо дня?

— Если повар сегодня трезвый.

— Трезвый. Будешь что-нибудь пить?

— А как же! — Он на мгновение поднял глаза: — Что сегодня посоветуешь?

— Значит, так. — Она подбоченилась и громко, отчетливо продекламировала: — Вопреки тому, что думают люди, на самом деле в этом городе самая чистая питьевая вода во всей стране. И чище всего она в зданиях, построенных на рубеже веков. Таких, как наше.

— А кто тебе это сказал, Майя?

— Вообще-то ты, Харри, — хрипло и непритворно рассмеялась она. — Впрочем, эта автоцистерна как раз для тебя. — Последние слова она сказала

достаточно тихо, записала заказ и исчезла.

Так как в остальных газетах было полно разной чепухи про миллениум, Харри решил почитать «Дагсависен». На шестой странице он наткнулся на большую фотографию одинокого деревянного дорожного указателя с нарисованной на нем свастикой. На одной стрелке было написано: «*Осло — 2611 км*», на другой — «*Ленинград — 5 км*».

Под статьей внизу стояла подпись Эвена Юля, профессора истории. Заголовок далек от лаконизма: «*Возникновение условий для роста безработицы в Западной Европе*».

Харри и раньше видел имя Юля в газетах. Он был непревзойденным экспертом в своей области — то есть во всем, что касается «Национального объединения» и истории немецкой оккупации Норвегии. Харри пролистал газету до конца, но не нашел ничего интересного и вернулся к статье Юля. Это был комментарий к тому, о чем писалось в прошлом номере: об укреплении позиции неонацистов в Швеции. Юль писал, каким образом неонацизм, бывший в загоне по всей Европе в 90-х, пока шел рост экономики, сейчас возрождается и крепнет. Он отмечал отличительную черту новой волны — сильную идеологическую базу. Если в 80-е неонацизм был

не более чем своеобразной модой — на подростковые группировки, униформу, бритые затылки и анахронизмы типа «зиг хайль», то новая волна организованна и продуманна. У новых наци есть экономическая поддержка, которая далеко не сводится к средствам отдельных лидеров и спонсоров. Кроме того, новое движение — это не просто реакция на такие проблемы общества, как безработица и иммиграция, писал Юль. Цель этого движения — создание альтернативы социал-демократии. Лозунг — призыв ополчаться в моральном, военном и расовом смысле. В качестве примера падения нравов — упадок христианства плюс ВИЧ и рост наркомании. И образ врага несколько другой: сторонники Евросоюза, которые стирают национальные и расовые границы; НАТО, протянувший руку русским и славянским «недочеловекам»; и новые азиатские капиталисты, сменившие евреев в качестве мировых банкиров.

Майя принесла обед.

— Картофельные фрикадельки? — спросил Харри и посмотрел на серые комочки, лежащие на подстилке из китайской капусты и политые салатным соусом.

— Фирменный стиль «Шрёдера», — сказала

Майя. — Остались со вчерашнего дня. С Новым годом!

Харри загородился газетой, чтобы поесть, но только откусил от одного из этих комков целлюлозы, как услышал из-за газеты голос:

— Что за дьявол, однако!

Харри выглянул из-за газеты. За соседним столиком сидел Могиканин и смотрел прямо на него. Может, он сидел тут все это время, Харри, во всяком случае, не замечал, чтобы он входил. Его звали Последним из могикан, потому что он был, пожалуй, последним в своем роде. Раньше он был военным моряком, два раза его корабль торпедировали, а все его товарищи уже давно отправились в мир иной, — это Харри узнал от Майи. Старик сидел прямо в пальто, как всегда, и зимой и летом. Конец его козлиной бородки свисал в стакан с пивом, а на его лице — худом до того, что череп выпирал из-под кожи, — проступала сеть капилляров, таких красных линий на белой как мел коже. Из-под дряблых складок кожи на Харри таращились красные навыкате глаза.

— Что за дьявол! — повторил он.

За свою жизнь Харри слышал столько пьяного бреда, что перестал обращать особое внимание на

то, что лопочут завсегдатаи «Шрёдера», но на этот раз что-то было не так. За те годы, что он ходил сюда, это были, пожалуй, первые членораздельные слова, которые он услышал от Могиканина. Даже после того, как однажды прошлой зимой Харри ночью наткнулся на него, спящего под стеной дома на Довре-гате, и, по всей видимости, спас старика от смерти на морозе, тот удостаивал его отныне лишь кивком при встрече. Сейчас, похоже, Могиканин уже посчитал, что достаточно высказался на сегодня, потому что он снова сжал губы и сосредоточился на стакане с пивом. Харри огляделся и наклонился к его столику:

— Помнишь меня, Конрад Оснес?

Старик хрюкнул и посмотрел перед собой, ничего не ответив.

— Я нашел тебя на улице в сугробе прошлой зимой. Было минус восемнадцать.

Могиканин поднял глаза к потолку.

— Там еще плохое освещение, так что я тебя еле-еле увидел. Ты мог окочуриться, Оснес.

Могиканин закрыл один красный глаз, а другим злобно посмотрел на Харри, потом поднял поллитровый стакан:

— Да? Ну, тогда большое спасибо.

Он осторожно отпил. Потом бережно поставил

стакан на стол, тщательно прицеливаясь, будто стакану полагалось стоять на каком-то строго определенном месте.

— В бандитов надо стрелять, — сказал он.

— Даже так? В кого же?

Могиканин показал скрюченным пальцем на газету Харри. Харри повернул ее к себе. На первой странице была большая фотография наголо побритого шведского неонациста.

— Всех их к стенке! — Могиканин хлопнул ладонью по столу, кто-то обернулся на них.

Харри успокаивающе махнул рукой.

— Это просто пацаны, Оснес. Успокойся. Новый год на носу.

— Пацаны? А знаешь, кем были мы? Немцам было все равно. Кьеллю было девятнадцать. А Оскару — двадцать два. Надо перестрелять их, пока их не стало больше. Это болезнь, ты должен прибить ее в зародыше.

Он ткнул указательным пальцем в Харри.

— Сидел тут один из них — где ты щас. Ни черта — такие не подыхают! Ты как по-ик-цейский, ты должен их всех переловить!

— А откуда ты знаешь, что я из полиции? — удивился Харри.

— Я ж читаю газеты. Ты пристрелил тут одного

типа за городом. Это хорошо, но и тут надо коснуть парочку.

— Что-то ты разболтался сегодня, Оснес.

Могиканин захлопнул рот, еще раз недовольно посмотрел на Харри, повернулся к стене и принялся рассматривать пейзаж в рамке — вид Юнгсторгет. Харри понял, что разговор окончен, кивнул Майе, чтобы та принесла кофе, и взглянул на часы. Новое тысячелетие вот-вот должно было наступить. В четыре «Шрёдер» закрылся на «новогодние мероприятия», как гласила табличка, которую повесили на входной двери. Харри посмотрел на знакомые лица вокруг себя. Как видно, все гости уже собрались.

Эпизод 25
Госпиталь Рудольфа II, Вена, 8 июня 1944 года

Четвертую палату наполнял храп. Было тише, чем обычно ночью, никто не стонал от боли, не просыпался с криком от кошмаров. Не было слышно и городской сирены воздушной тревоги. Если этой ночью не будут бомбить, все пройдет куда проще. Она на цыпочках прокралась в палату, встала у кровати и посмотрела на него. Он сидел в кровати и при свете ночника с таким увлечением читал книгу, что не замечал ничего вокруг. А рядом во мраке стояла она. И на душе у нее был мрак.

Заметил он ее, когда стал переворачивать страницу. Он улыбнулся и тут же отложил книгу.

— Добрый вечер, Хелена. Я не знал, что ты сегодня дежуришь.

Она поднесла палец к губам и подошла ближе.

— А ты что, знаешь, когда кто дежурит? — шепотом спросила она.

Он улыбнулся.

— Я не знаю про остальных. Я знаю только,

когда дежуришь ты.

— Ну и когда?

— Среда, пятница и воскресенье, потом понедельник и четверг. Потом снова среда, пятница и воскресенье. Не пугайся, это что-то вроде комплимента. Да здесь ведь и голову-то больше нечем занять. А еще я знаю, когда Хадлеру ставят клизму.

Она тихо рассмеялась.

— А ты не знаешь, что тебя выписывают?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Тебя посылают в Венгрию, — прошептала она. — В Третью танковую дивизию.

— Танковую дивизию? Но это же вермахт. Меня не могут туда направить, я норвежец.

— Я знаю.

— А зачем мне в Венгрию, я…

— Тсс, ты разбудишь остальных, Урия. Я читала приказ. Боюсь, с этим ничего не поделаешь.

— Но это же какая-то ошибка. Это…

Он уронил книгу с одеяла, и та со стуком упала на пол. Хелена наклонилась и подняла ее. На обложке, ниже названия «Приключения Гекльберри Финна», был нарисован оборванный мальчик на деревянном плоту. Было ясно, что Урия раздражен.

— Это не моя война, — сказал он, стиснув зубы.

— И это я знаю, — прошептала она и положила книгу в его сумку под стулом.

— Что ты там делаешь? — спросил он.

— Слушай меня, Урия, у нас мало времени.

— Времени?

— Дежурные будут делать обход через полчаса. Тебе нужно успеть до этого времени.

Он снял с ночника абажур, чтобы лучше видеть ее в темноте.

— Что происходит, Хелена?

Она сглотнула.

— И почему ты сегодня не в халате?

Этого она боялась больше всего. Не того, что соврала матери, будто на пару дней уезжает к сестре в Зальцбург. Не того, что подговорила сына лесничего довезти ее до госпиталя и теперь он ждал ее у ворот. И даже не того, что решила бросить все свои вещи, свою церковь и спокойную жизнь в Венском лесу, только бы рассказать ему обо всем: как она его любит, как она готова пожертвовать ради него своей жизнью, своим будущим. Она боялась ошибиться. Нет, не в его чувствах — в них она была уверена. Но в его характере. Хватит ли у него смелости и решимости, чтобы пойти на то, что она собирается предло-

жить? Во всяком случае, он уже понял, что эта война, которую они ведут с Красной армией там, на юге, — не его война.

— Нам, конечно, следовало бы узнать друг друга получше, — сказала она и положила свою руку на его, и он крепко схватил ее. — Но у нас нет такой роскоши, как время. — Она сжала его руку. — Через час уходит поезд до Парижа. Я купила два билета. Там живет мой учитель.

— Твой учитель?

— Это длинная и запутанная история, но он нас приютит.

— Как это «приютит»?

— Мы сможем жить у него. Он живет один. И, как я знаю, у него, в общем-то, нет друзей. У тебя паспорт при себе?

— Что? Я…

У него был вид, будто он с луны свалился, будто он думал, что задремал за книгой об этом оборванце и теперь видит сон.

— Да, он у меня при себе.

— Хорошо. Мы доедем за два дня, места уже заказаны, и еды у нас будет предостаточно.

Он глубоко вдохнул:

— Но почему Париж?

— Это большой город, в нем можно укрыться.

Послушай, в машине лежит кое-что из одежды моего отца, так что ты сможешь переодеться в гражданское. Его размер обуви…

— Нет. — Он поднял руку, и ее тихая, но горячая речь прервалась на полуслове. Она, затаив дыхание, вглядывалась в задумчивое лицо. — Нет, — повторил он шепотом. — Это просто глупо.

— Но… — У нее вдруг будто ком подкатил к горлу.

— Лучше поехать в военной форме, — продолжал он. — Молодой человек в гражданском вызовет больше подозрений.

От радости она не могла найти слов и лишь крепче стиснула его руку. Ее сердце стучало так дико и громко, что захотелось на него шикнуть.

— И еще кое-что, — сказал он, тихо спуская ноги с кровати.

— Что?

— Ты меня любишь?

— Да.

— Хорошо, — сказал он и надел куртку.

Эпизод 26
СБП, полицейский участок, 21 февраля 2000 года

Харри осмотрелся. Он поглядел на опрятные полочки, где стройными рядами в хронологическом порядке стояли папки. На стены, где висели дипломы и награды за неизменно успешную карьеру. На черно-белую фотографию Курта Мейрика в форме майора Сухопутных войск, приветствующего короля Олафа, — карточка висела над столом, чтобы каждый, кто входит, обратил на нее внимание. Оглядев кабинет, Харри сел и повернулся к двери.

— Э, извините, что заставил ждать, Холе. Не нужно вставать.

Это был Мейрик. Вставать Харри даже и не думал.

— Ну, — сказал Мейрик, усевшись за стол. — Как прошла первая неделя на новом месте?

Мейрик сидел прямо и так старательно скалил свои крупные желтые зубы, словно ему давно не приходилось улыбаться.

— Очень нудно, — ответил Харри.

— Вот оно как? — Мейрик был удивлен. — Неужели все так плохо?

— Ну, кофе у вас тут лучше, чем у нас внизу.

— В смысле, в отделе убийств?

— Прошу прощения, — спохватился Харри. — Никак не привыкну, что теперь «мы» — это СБП.

— Так, так, просто немного терпения. Это касается как первого, так и второго. Не так ли, Холе?

Харри кивнул. Не стоит сражаться с ветряными мельницами. Во всяком случае, в первый месяц на новом посту. Как он и думал, ему достался кабинет в самом конце коридора, так что он почти не видел, чем занимаются другие. Его работа заключалась в том, чтобы читать рапорты из региональных отделений СБП и принимать незамысловатые решения — посылать их дальше по инстанции или нет. А инструкция Мейрика это определяла просто: если это не полный бред, документ нужно передавать дальше. Другими словами, Харри получил должность фильтра. На этой неделе поступило три рапорта. Он пытался читать их как можно медленнее, но все равно невозможно растягивать эту ерунду бесконечно. Один рапорт был из Тронхейма, в нем говорилось о новом подслушивающем оборудовании, с которым никто не умеет обращаться после

того, как уволился специалист по прослушке. Харри пропустил его дальше по инстанции. В другом говорилось о немецком предпринимателе в Бергене, с которого официально сняли все подозрения после того, как он реализовал партию карнизов, ради чего, по его утверждениям, и приехал. Харри пропустил дальше и его. Третий рапорт пришел из Восточной Норвегии, из полицейского участка в Шиене. Поступил ряд жалоб от туристов из Сильяна, которые в прошлые выходные слышали выстрелы. Так как охотничий сезон еще не открылся, полиция начала расследование и обнаружила в лесу стреляные гильзы неизвестного типа. Гильзы послали на экспертизу в КРИПОС[33], и там их определили как патронные гильзы для винтовки Мерклина, очень редкого оружия.

Харри пустил и этот рапорт дальше по инстанции, но сначала снял копию для себя.

— Но поговорить-то я собирался об одной листовке, которая попала к нам в руки, — продолжал между тем Мейрик. — Неонацисты планируют устроить погром в мечетях здесь, в Осло, на сем-

[33] Примечания: 33

КРИПОС — Центральное управление уголовной полиции. (*Прим. перев.*)

надцатое мая[34]. В этом году на семнадцатое мая выпадает какой-то там мусульманский праздник, и некоторые родители-иммигранты не пускают детей на детскую процессию, потому что им надо идти в мечеть.

— Ид.

— Что-что?

— Ид аль-адха. Праздник. Что-то вроде мусульманского сочельника.

— Так ты мусульманин?

— Нет. Но в прошлом году я был на празднике у соседа. Они пакистанцы. Они подумали, что мне, наверное, скучно будет справлять ид одному.

— Вот как? Хм. — Мейрик надел свои очки-хамелеоны. — Вот эта листовка. Они пишут, что семнадцатого недопустимо отмечать что-либо, кроме Дня Конституции. И что «черных» развелось немерено, но они уклоняются от долга каждого норвежского гражданина…

— …орать громкое «ура Норвегии», проходя по улицам, — добавил Харри, доставая пачку сигарет. Он заметил пепельницу на книжном шкафу, и Мейрик кивнул в ответ на его вопросительный

---

[34] Примечания: 34

17 мая — День Конституции Норвегии, главный праздник в стране, традиционным элементом которого является детская процессия под окнами Королевского дворца. (*Прим. перев.*)

взгляд. Харри подумал, затянулся и попытался представить себе, как кровеносные сосуды легких с жадностью втягивают никотин. Жизнь становилась короче, и мысль о том, что он никогда не бросит курить, наполняла его странной веселостью. Может, наплевать на предупреждение на упаковке и не самая экстравагантная выходка, но, по крайней мере, он может ее себе позволить.

— Попробуй что-нибудь разузнать, — сказал Мейрик.

— Отлично. Но предупреждаю, я плохо держу себя в руках, когда имею дело с этими бритоголовыми.

— Хе-хе. — Мейрик снова оскалил свои крупные желтые зубы, и Харри наконец понял, кого он ему напоминает: лошадь в костюме. — Хе-хе.

— И еще кое-что, — продолжал Харри. — Это касается доклада о гильзах, которые нашли в Сильяне. От винтовки Мерклина.

— Я, кажется, что-то слышал об этом, ну-ну?

— Я тут сам навел справки…

— Да?

Харри уловил безразличие, с каким это было сказано.

— Я проверил списки оружия за последний год. Про винтовки Мерклина в Норвегии там ничего

не говорится.

— Ничего странного. Этот список вообще-то уже проверили в СБП, после того как ты отправил рапорт по инстанции, Холе. Это не твоя работа.

— Может, и нет. Просто хорошо бы тому, кто этим теперь занимается, запросить сведения о контрабанде оружия через Интерпол.

— Интерпол? Зачем он нам?

— Такие винтовки не импортируются в Норвегию. Значит, эта попала сюда контрабандой.

Харри достал из нагрудного кармана распечатку.

— Вот список заказов, который Интерпол обнаружил во время облавы у одного торговца оружием из Йоханнесбурга в ноябре. Вот. Винтовка Мерклина. И место назначения: Осло.

— Хм. Откуда это у тебя?

— С сайта Интерпола в интернете. Доступного всем в СБП, кто этим интересуется.

— Вот как? — Мейрик секунду смотрел на Харри, а потом принялся изучать распечатку. — Это хорошо и здорово, но контрабанда оружия — это не наше дело, Холе. Если бы ты знал, сколько незаконных стволов ежегодно конфискует отдел оружия…

— Шестьсот одиннадцать, — сказал Харри.

— Шестьсот одиннадцать?

— За прошлый год. И это только в округе Осло. Две трети отбирают у преступников — в основном малокалиберное стрелковое оружие, пневматические винтовки и обрезы. В среднем конфискуется по стволу в день. В девяностых это число возросло почти вдвое.

— Замечательно. Тогда ты понимаешь, что мы, в СБП, не можем заниматься незарегистрированной винтовкой где-то в фюльке Бускеруд.

Мейрик говорил с неестественным спокойствием.

Харри выпустил изо рта облачко дыма и взглядом проводил его до потолка.

— Сильян — в фюльке Телемарк.

Мейрик сжал зубы.

— Холе, ты звонил в Таможенную службу?

— Нет.

Мейрик посмотрел на наручные часы — грубую и несуразную стальную штуковину, которой, на взгляд Харри, шеф удостоился за долгую и исправную службу.

— Тогда я советую тебе это сделать. Это их дело. А сейчас у меня есть куда более важные…

— Мейрик, а вам известно, что такое винтовка Мерклина?

Харри увидел, как начальник СБП задвигал бровями вверх-вниз, будто удивляясь, что разговор еще продолжается. И даже почувствовал движение воздуха, как от ветряной мельницы.

— Это все равно не мое дело, Холе. Свяжись-ка с…

И тут только до Курта Мейрика дошло, что он — единственный начальник над Холе.

— Винтовка Мерклина, — продолжал Харри, — это немецкое полуавтоматическое охотничье ружье, которое патронами калибра шестнадцать миллиметров бьет сильнее, чем любая другая винтовка. Она рассчитана для охоты на крупного зверя, как, например, буйвол или слон. Первую винтовку изготовили в семидесятом году, но с тех пор было выпущено только около трехсот экземпляров, прежде чем немецкие власти запретили продажу винтовки в семьдесят третьем. Причина была в том, что эта винтовка — при незначительной доработке — вместе с мерклиновским оптическим прицелом превращается в настоящее орудие убийства и уже к семьдесят третьему успела стать излюбленным оружием для совершения покушений. Из этих трехсот винтовок по меньшей мере сто попали в руки наемных убийц и террористических организаций, таких

как «Баадер-Майнхоф» и «Красные бригады».

— Хм. Сто, говоришь? — Мейрик протянул распечатку обратно Харри. — То есть две трети владельцев использовали винтовки по их прямому назначению. Для охоты.

— Это не то оружие, с которым ходят на лося или еще на кого в Норвегии, Мейрик.

— Да? А почему бы и нет?

Интересно, почему Мейрик все еще упирается, вместо того чтобы предложить ему заняться расследованием. И зачем ему самому это так нужно. Может, никакой особой причины и нет. Может, он просто становился старым брюзгой. Все равно сейчас Мейрик здорово похож на хорошо оплачиваемую няньку, которая боится, чтобы ее подопечный засранец не вляпался в какую-нибудь историю. Харри задумчиво смотрел на длинный стерженек сигаретного пепла, клонящийся к ковру.

— Во-первых, охота не входит в любимые занятия норвежских миллионеров. Мерклиновская винтовка вместе с прицелом стоит около ста пятидесяти тысяч немецких марок, то есть почти как новый «мерседес». А каждый патрон стоит девяносто марок. А во-вторых, лось, убитый шестнадцатимиллиметровой пулей, выглядит так,

будто его переехал поезд. Довольно паршиво.

— Хе-хе. — Очевидно, Мейрик решил поменять тактику. Теперь он откинулся на спинку кресла, заложил руки за блестящую макушку, будто показывая, что он вовсе не против того, чтобы Холе его немного поразвлек. Харри встал, дотянулся до пепельницы, взял ее и снова сел.

— Конечно, может статься, что стрелял какой-нибудь полоумный коллекционер оружия, чтобы просто проверить новую винтовку, а потом повесить ее под стеклом у себя на вилле и никогда больше не использовать. Но стоит ли исходить из этого?

Мейрик помотал головой из стороны в сторону:

— Значит, ты предлагаешь исходить из того, что вот сейчас по Норвегии разгуливает профессиональный убийца?

Харри покачал головой:

— Я просто предлагаю позволить мне проехаться до Шиена и посмотреть на то место. К тому же я сомневаюсь, что там работал профессионал.

— Вот как?

— Профессионалы обычно убирают за собой. А оставить стреляные гильзы — все равно что оставить визитную карточку. Но если эта винтовка у

непрофессионала, то все становится значительно проще.

Мейрик несколько раз что-то промычал и наконец кивнул:

— Ладно. И держи меня в курсе по поводу наших неонацистов.

Харри загасил сигарету. На пепельнице, сделанной в виде гондолы, было написано: «Венеция, Италия».

Эпизод 27
Линц, 9 июня 1944 года

Семья из пяти человек вышла из поезда, и они вдруг остались в купе одни. Поезд медленно тронулся и поехал дальше. Хелена села к окну, но в такой темноте много она не увидела — только очертания домов вдоль железной дороги. Он сидел прямо напротив и смотрел на нее с едва заметной улыбкой.

— Вы хорошо тут все затемнили в Австрии, — сказал он. — Не видно ни огонька.

Она вздохнула:

— Мы хорошо сделали то, что нам сказали.

Она посмотрела на часы. Скоро два.

— Следующий — Зальцбург, — сказала она. — Он стоит прямо на немецкой границе. А потом…

— Мюнхен, Цюрих, Базель, Франция и Париж. Ты это повторяешь в четвертый раз.

Он наклонился к ней и пожал ее руку.

— Все будет хорошо, вот увидишь. Садись сюда.

Не отпуская его руки, она пересела и положила голову ему на плечо. Он выглядел совсем по-другому в этой форме.

— Значит, этот Брокхард уже успел послать сводку за очередную неделю?

— Да, вчера он говорил, что отошлет ее вечерней почтой.

— А зачем такая спешка?

— Ну, чтобы лучше контролировать ситуацию — и меня. Каждую неделю мне приходилось придумывать для него новые основания, чтобы тебе продлили лечение, понимаешь?

— Да, понимаю, — ответил он, и она увидела, как он стиснул зубы.

— Давай больше не говорить о Брокхарде, — сказала она. — Лучше расскажи что-нибудь.

Она погладила его по щеке, он тяжело вздохнул.

— Что ты хочешь услышать?

— Что угодно.

Рассказы. Ими он привлекал ее интерес в госпитале Рудольфа II. Они были не похожи на истории других солдат. Урия рассказывал о смелости, дружбе и надежде. Как однажды он пришел из караула и увидел, что на груди его лучшего друга сидит хорек и хочет перегрызть ему глотку. До него было метров десять, а в земляном укрытии была кромешная тьма. Но у него не оставалось выбора: он вскинул винтовку и разрядил весь

магазин. Хорька они съели на следующий день.

Таких историй было много, Хелена не помнила их все, но помнила, с каким интересом их слушала. Яркие, забавные, хотя некоторые, как ей казалось, не вполне достоверные. Но она им верила, потому что это как противоядие против других рассказов — о потерянных судьбах и бессмысленной смерти.

Пока затемненный поезд, неспешно покачиваясь и подрагивая на стыках, ехал через ночь по недавно отремонтированным рельсам, Урия рассказывал о том, как он однажды застрелил русского снайпера на ничейной полосе, вылез из окопа и похоронил этого большевика-безбожника по-христиански, спел псалом и прочее.

— Я слышал, как русские хлопали мне с той стороны, — говорил Урия. — Так красиво я пел в тот вечер.

— Правда? — со смехом спросила она.

— Лучше, чем в оперном театре.

— Все ты врешь.

Урия прижал ее к себе и тихо запел ей на ухо:

Посмотри на костер, как он светит
золотисто-червонным огнем.
В этом пламени – воля к победе,

верность долгу и ночью и днем.
В этих искрах, что ярко сияют, —
память нашей любимой земли,
долгий труд и борьба вековая,
та, что прадеды наши вели.

Видишь битвы отцов за свободу,
их геройскую гибель в бою,
видишь лица героев народа,
что погибли за землю свою.
И людей, чья суровая доля —
тяжкий труд в этом крае снегов —
закалила их силу и волю —
для сраженья за землю отцов.

Так сияют для каждого сердца
из преданий далеких веков
имена благородных норвежцев,
подвиг наших с тобой земляков.
Но всех краше и ярче – кто поднял
красно-желтый пылающий флаг;
это имя мы любим и помним:
Видкун Квислинг – наш славный вожак.

Потом он замолчал и уставился в темное окно. Хелена понимала, что его мысли где-то далеко, и не стала его отвлекать. Она положила руку ему на грудь.

Та-да, та-да, та-да.

Как будто кто-то гнался за ними по рельсам, чтобы схватить и вернуть обратно.

Она боялась. Не столько неизвестности, которая ожидала их впереди, сколько этого неизвестного человека, к которому она сейчас прижималась. Теперь, когда он был так близко, все то, что ей виделось в нем на расстоянии, куда-то пропадало.

Она хотела услышать, как бьется его сердце, но колеса так грохотали, что оставалось просто поверить, что там внутри есть сердце. Она улыбнулась самой себе и почувствовала радостный трепет внутри. Какое милое, прекрасное безумие! Она совершенно ничего не знает о нем — он совсем ничего о себе не рассказывал, кроме разве что этих историй.

От его куртки пахло сыростью, и она вдруг подумала, что так должна пахнуть форма солдата, который какое-то время пролежал мертвым на поле боя. Или даже в могиле. Откуда эти мысли? Она так долго была в напряжении, что только сейчас поняла, как сильно устала.

— Спи, — сказал он, будто в ответ на ее мысли.

— Да. — Ей показалось, что, когда она погрузилась в сон, где-то вдали послышалась сирена воздушной тревоги.

— А?

Она услышала свой собственный голос, почувствовала, как Урия трясет ее, и быстро проснулась.

— Будьте добры, билеты.

— А, — только и могла сказать она. Она пыталась взять себя в руки, но заметила, как контролер подозрительно на нее косился, пока она лихорадочно искала билет в сумочке. Наконец она нашла те два желтых билета, купленных ею на вокзале в Вене, и протянула их контролеру. Он просматривал билеты, покачиваясь в такт движению поезда. Несколько дольше обычного, Хелене это не нравилось.

— Едете в Париж? — спросил он. — Вместе?

— Да, — ответил Урия.

Контролер — пожилой мужчина — внимательно посмотрел на них.

— Вы не австриец, как я слышу.

— Нет, норвежец.

— А, Норвегия. Там, говорят, очень красиво.

— Да, спасибо. Это верно.

— И вы, значит, добровольно пошли воевать за Гитлера?

— Да, я был на Восточном фронте. На севере.

— Неужели? И где же на севере?

— Под Ленинградом.

— Хм. А сейчас едете в Париж. Вместе с вашей…?

— Подругой.

— Да, именно подругой. По увольнительным?

— Да.

Контролер пробил билеты.

— Из Вены? — спросил он Хелену, протягивая билеты ей.

Она кивнула.

— Я вижу, вы католичка. — Он показал на крестик, который висел поверх блузки. — Моя жена тоже католичка.

Он откинулся назад и выглянул в коридор. Потом снова обратился к норвежцу:

— Ваша подруга показывала вам собор Святого Стефана в Вене?

— Нет. Я лежал в госпитале, поэтому города особенно не видел.

— Да-да. В католическом госпитале?

— Да. Госпиталь Рудо…

— Да, — оборвала его Хелена. — Католический

госпиталь.

— Хм.

«Почему он не уходит?» — подумала Хелена.

Контролер снова откашлялся.

— Да? — наконец спросил его Урия.

— Это не мое дело, но я надеюсь, вы не забыли с собой документы о том, что у вас есть разрешение?

— Документы? — переспросила Хелена. Она два раза ездила во Францию с отцом, и им никогда не было нужно ничего, кроме паспортов.

— Да, у вас, скорее всего, не будет никаких проблем, фройляйн, но вашему другу в форме необходимы бумаги о том, где расположена его часть и куда он направляется.

— Ну конечно, у нас есть с собой документы, — ответила она. — Вы же не думаете, что мы поедем без них?

— Нет-нет, что вы, — поспешил сказать контролер. — Просто хотел напомнить. Потому что всего пару дней назад… — он быстро посмотрел на норвежца, — задержали молодого человека, у которого, по всей видимости, не было при себе какого-то распоряжения, его сочли дезертиром, схватили на перроне и расстреляли.

— Вы шутите?

— Увы. Не хочу пугать вас, но война есть война. Но если у вас все в порядке, то вам не стоит ни о чем беспокоиться, когда мы будем пересекать немецкую границу после Зальцбурга.

Вагон немного качнулся, контролер, чтобы не упасть, вцепился в дверную раму. Трое молча смотрели друг на друга.

— Значит, первая проверка будет тогда? — спросил Урия наконец. — После Зальцбурга?

Контролер кивнул.

— Спасибо, — сказал Урия.

Контролер откашлялся:

— У меня тоже был сын, ваш ровесник. Он погиб на Восточном фронте, на Днепре.

— Мои соболезнования.

— Ну, извините, что разбудил вас, фройляйн. Мин герр.

Он взял под козырек и пошел дальше.

Хелена посмотрела на дверь. Потом закрыла лицо руками.

— Ну почему я такая дура! — всхлипывала она.

— Ну, ну. — Он обнял ее за плечи. — Это я должен был подумать о документах. Я же должен был знать, что мне нельзя просто так бродить по стране.

— А если ты расскажешь им о болезни и о том,

что хочешь поехать в Париж? Это же часть Третьего рейха, это же…

— Тогда они позвонят в госпиталь, Брокхард скажет, что я сбежал.

Она прижалась к нему и зарыдала еще сильнее. Он погладил ее по длинным русым волосам.

— К тому же я должен был понимать, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал он. — Я имею в виду: я и сестра Хелена — в Париже? — Она почувствовала, что сейчас он улыбается. — Нет, скоро я проснусь в больничной койке и подумаю, что все просто сон. И буду рад, когда ты принесешь мне завтрак. К тому же завтра у тебя ночное дежурство, не забыла? И тогда я расскажу тебе про то, как однажды Даниель стащил у шведов три дневных пайка.

Она подняла мокрое от слез лицо:

— Поцелуй меня, Урия.

Эпизод 28
Сильян, фюльке Телемарк, 22 февраля 2000 года

Харри снова взглянул на часы и осторожно прибавил скорость. Встреча была назначена на четыре часа, то есть на полчаса тому назад. То, что осталось от шипов на покрышках, с жутким звуком врезалось в лед. Хотя Харри проехал по этой петляющей обледеневшей дороге каких-то шесть километров, ему казалось, что он едет по ней уже несколько часов. От дешевых солнечных очков, купленных на заправочной станции, не было никакого толка, глаза жутко болели от яркого снега.

В конце концов он увидел на обочине полицейскую машину с шиенскими номерами, осторожно нажал на тормоз, остановился прямо за ней и достал с крыши автомобиля лыжи. Старые трённелагские лыжи, на которые он не вставал лет пятнадцать. И пожалуй, столько же не смазывал. Сейчас вся смазка превратилась в какую-то серую липкую массу. Он нашел лыжню, которая, как ему и сказали, вела от дороги к дачному домику.

Но лыжи словно приклеились к лыжне — он едва мог сдвинуться с места. Солнце уже почти зашло за вершины елей, когда он наконец добрался до домика. На лестнице черного сруба сидели двое мужчин в куртках с капюшонами и мальчик, которому Харри, плохо разбиравшийся в подростках, дал бы от двенадцати до шестнадцати.

— Ове Бертельсен? — спросил Харри и обессиленно оперся на палки. Он сильно запыхался.

— Здесь, — сказал один из мужчин и помахал рукой. — А это участковый Фоллдал.

Другой мужчина спокойно кивнул.

Харри предположил, что мальчик — тот самый, что нашел гильзы.

— Неплохо выбраться сюда из душного Осло, а? — спросил Бертельсен.

Харри достал пачку сигарет.

— Думаю, куда приятнее выбраться сюда из душного Шиена.

Фоллдал снял фуражку и выпрямил спину.

Бертельсен улыбнулся:

— Не верьте россказням: в Шиене воздух чище, чем в любом норвежском городе.

Харри прикрыл спичку рукой и зажег сигарету:

— Неужели? В следующий раз буду знать. Так

вы что-то нашли?

— Это тут недалеко.

Все трое надели лыжи и с Фоллдалом во главе пошли по лыжне, ведущей на лесную поляну. Фоллдал указал палкой на черный камень, который сантиметров на двадцать торчал из сугроба.

— Мальчик нашел гильзы в снегу у того камня. Полагаю, стрелял охотник, который пошел в лес тренироваться. Видите следы рядом? Снег не шел уже неделю, так что следы, скорее всего, того, кто стрелял. Похоже, у него широкие телемаркские лыжи.

Харри сел на корточки и провел пальцем по камню в том месте, где его касалась лыжня.

— Хм. Или старые деревянные.

— Вы думаете?

Харри поднял маленькую щепку.

— Вот это да, — сказал Фоллдал и посмотрел на Бертельсена.

Харри повернулся к мальчику. На нем были мешковатые штаны грубого сукна, с карманами повсюду; меховая шапка была натянута на самые уши.

— С какой стороны камня ты нашел гильзы?

Мальчик показал. Харри снял лыжи и лег спиной на снег. Небо стало голубым, как и всегда

зимой перед самым закатом солнца. Он повернулся на бок и, прищурившись, посмотрел поверх камня. На просеку, по которой они пришли. На просеке стояли три пня.

— Вы нашли пули или дырки от них?

Фоллдал почесал затылок:

— Вы имеете в виду, осмотрели ли мы каждое дерево в округе на полкилометра отсюда или нет?

Бертельсен осторожно прикрыл рот варежкой. Харри стряхнул пепел и посмотрел на тлеющую сигарету.

— Нет, я имею в виду, проверили ли вы вон те пеньки.

— А с какой стати нам проверять именно их? — спросил Фоллдал.

— С такой, что мерклиновская винтовка — самое тяжелое охотничье оружие. Она весит пятнадцать килограммов, так что стоя из нее стрелять не станешь, поэтому резонно предположить, что он лежал и опирался на этот камень. Мерклиновская винтовка выбрасывает стреляные гильзы направо. И, так как гильзы лежали с этой стороны камня, он должен был стрелять в том направлении, откуда мы пришли. Тогда, что вполне естественно, мишень, по которой он

стрелял, могла стоять на одном из тех пеньков. Вы так не думаете?

Бертельсен и Фоллдал переглянулись.

— Сейчас глянем, — сказал Бертельсен.

— Если ту дыру сделал не дьявольских размеров короед… — сказал Бертельсен три минуты спустя, — то, без сомнения, дьявольских размеров пуля.

Он сидел на коленях в снегу перед пнем и ковырял в нем пальцем.

— Черт, пуля зашла глубоко, я не могу ее нащупать!

— Посмотрите туда, — посоветовал Харри.

— Зачем?

— Затем, чтобы проверить, не прошла ли она насквозь.

— Сквозь этот толстенный пень?

— Просто посмотрите, видно ли свет.

Харри слышал за собой сопение Фоллдала. Бертельсен приложил глаз к дыре.

— О господи боже мой…

— Что-нибудь видно? — спросил Фоллдал.

— Да я вижу половину Сильяна!

Харри повернулся к Фоллдалу, но тот отвернулся и сплюнул.

Бертельсен поднялся с колен.

— Так от такого никакой бронежилет не спасет… — простонал он.

— Ничто не спасет, — сказал Харри. — Только броня. — Он затушил сигарету о сухой пень и уточнил: — Только *толстая* броня.

Он стоял, опираясь на палки, и пытался раскатать лыжи.

— Надо поговорить с людьми из соседних домиков, — говорил Бертельсен. — Может, кто-нибудь что-нибудь видел. Или добровольно признается, что где-то достал эту чертову винтовку.

— После прошлогодней амнистии по оружию… — начал было Фоллдал, но Бертельсен посмотрел на него, и он замолчал.

— Мы можем еще чем-нибудь помочь? — спросил Бертельсен у Харри.

— Ну… — Харри тоскливо посмотрел в сторону дороги. — Как насчет того, чтобы немножко потолкать машину?

Эпизод 29
Госпиталь Рудольфа II, Вена, 23 июня 1944 года

Хелена Ланг будто все это уже видела. Открытые окна, теплое весеннее утро наполняет коридор запахом недавно скошенной травы. Последние две недели постоянно шли бомбежки, но сейчас она не чувствовала запаха дыма. В руке она несла письмо. Замечательное письмо! Даже старшая медсестра — жуткая брюзга — и та улыбнулась, когда Хелена пропела свое «guten Morgen».

Доктор Брокхард в удивлении поднял глаза от бумаг, когда Хелена без стука влетела в его кабинет.

— Ну? — сказал он, снял очки, закусил дужку и посмотрел на нее своим немигающим взглядом.

Хелена села.

— Кристофер, — начала она. Она не называла его по имени с тех пор, как они были детьми. — Я хочу кое-что рассказать тебе.

— Прекрасно, — ответил он. — Я именно этого и ждал.

Она знала, чего он ждал. Объяснений, почему

она еще не исполнила его желание и не пришла к нему в квартиру в главном здании больничного городка, ведь он продлил пребывание Урии в больнице в два раза. Хелена говорила, что побоялась выходить из-за бомбежек. Тогда он сказал, что сам может прийти к ней в летний домик ее матери — на это она, конечно, не согласилась.

— Я все расскажу, — сказала она.

— Все? — переспросил он, слегка ухмыляясь.

«Нет, — подумала она. — *Почти* все».

— В то утро Урия…

— Его зовут не Урией, Хелена.

— В то утро он отлучился, и вы тут подняли тревогу, помнишь?

— Конечно.

Брокхард отложил очки на край листа перед собой, так чтобы оправа лежала параллельно краю листа.

— Я посчитал, что надо сообщить об исчезновении в военную полицию. Но он снова появился здесь и стал рассказывать, будто полночи бродил по лесу.

— Это было не так. Он приехал на ночном поезде из Зальцбурга.

— Да? — Брокхард откинулся на спинку кресла, не дрогнув лицом, — он не любил показывать

свое удивление.

— Еще до полуночи он сел на поезд из Вены, сошел в Зальцбурге, где прождал полчаса и поехал на ночном поезде обратно. В девять он уже был на вокзале Хауптбангоф.

— Хм. — Брокхард посмотрел на ручку, которую крутил в кончиках пальцев. — И как он объяснил эту идиотскую выходку?

— Ну, — сказала Хелена, даже не пытаясь скрыть улыбку. — Ты, наверное, помнишь, что в то утро я тоже опоздала на работу.

— Да-а…

— Я тоже приехала из Зальцбурга.

— Ты тоже?

— Я тоже.

— Думаю, ты должна это объяснить, Хелена.

Она рассказывала, глядя на указательный палец Брокхарда. Из-под кончика пера выступила капля крови.

— Понятно, — сказал Брокхард, когда она замолчала. — Хотели уехать в Париж. И как долго вы думали там прятаться?

— Так далеко вперед мы не думали. Но Урия хотел, чтобы мы поехали в Америку. В Нью-Йорк.

Брокхард сухо рассмеялся.

— Какая ты умная девочка, Хелена. Я понимаю,

что этот изменник ослепил тебя своими сладкими сказками про Америку. Но знаешь что?

— Нет.

— Я тебя прощаю. — И продолжал, глядя на ее удивленное лицо. — Да, я тебя прощаю. Ты, наверное, должна бы понести наказание, но я знаю, что такое девичье сердце.

— Но я пришла не за проще…

— Как там твоя мать? Ей, должно быть, тяжело одной. Сколько лет дали твоему отцу? Кажется, три?

— Четыре. Кристофер, ты можешь дослушать меня до конца?

— Умоляю тебя, Хелена, не делай и не говори ничего, о чем потом будешь жалеть. То, что ты пока сказала, ничего не меняет, договор остается прежним.

— Нет! — Хелена встала так быстро, что опрокинула стул. Потом она кинула на стол то самое письмо, которое все это время сжимала в руке.

— Посмотри сам! У тебя больше нет власти надо мной. И над Урией.

Брокхард посмотрел на письмо. Вскрытый коричневый конверт ни о чем ему не говорил. Он достал из него бумагу, надел очки и начал читать:

Управление войск СС Берлин, 21 июня

Мы получили запрос от начальника норвежского Полицейского управления, Йонаса Ли, о Вашем немедленном переводе в Полицию Осло для дальнейшего прохождения службы. Учитывая, что Вы являетесь норвежским подданным, мы не находим причин не удовлетворить Ваше желание. Данное распоряжение отменяет предыдущее распоряжение командования вермахта, дальнейшие подробности о месте и времени сборов Вы получите от норвежского Полицейского управления.

Генрих Гиммлер,
главнокомандующий Охранными отрядами (СС)

Брокхард дважды посмотрел на подпись. Сам Генрих Гиммлер! Он поднял лист на свет.

— Можешь позвонить и выяснить, если хочешь, но поверь мне, письмо подлинное, — заверила Хелена.

Из открытого окна доносилось пение птиц в саду. Брокхард, пару раз кашлянув, наконец спросил:

— Значит, вы написали письмо начальнику

полиции в Норвегию?

— Не я. Урия. Я просто отыскала нужный адрес и отправила его.

— Отправила письмо?

— Да. То есть нет, не совсем. Телеграфировала.

— Запрос целиком?

— Да.

— Даже так. Но это же… очень дорого.

— Да, дорого, зато быстро.

— Генрих Гиммлер… — повторил он, скорее для себя, а не для нее.

— Я устала, Кристофер.

Снова сухой смех.

— Да ты что? Разве ты не добилась, чего хотела?

— Я пришла просить тебя об услуге, Кристофер.

— Ну-ну?

— Урия хочет, чтобы я поехала с ним в Норвегию. Чтобы получить разрешение на выезд, мне нужна рекомендация от госпиталя.

— Значит, боишься, я теперь буду совать тебе палки в колеса?

— Твой отец входит в руководство больницы.

— Да, я могу наделать вам проблем. — Он потер подбородок. Его неподвижный взгляд сосредото-

чился на какой-то точке на ее лбу.

— Тебе все равно нас не остановить, Кристофер. Мы с Урией любим друг друга. Понимаешь?

— Зачем мне делать услугу солдатской девке?

Хелена застыла с открытым ртом. Хотя она услышала это от человека, которого презирала, хотя он говорил, не отдавая себе отчета, — все равно эти слова ударили ее как затрещина. Но прежде чем она успела ответить, Брокхард сморщился — будто это его ударили.

— Прости, Хелена. Я… черт! — Он вдруг отвернулся от нее.

Сейчас Хелене больше всего хотелось встать и уйти, но она не находила слов, без которых этого не сделать. Он продолжал с напряжением в голосе:

— Я не хотел обидеть тебя, Хелена.

— Кристофер…

— Ты не понимаешь. Я сказал это не из высокомерия, а потому что у меня есть некоторые качества, которые, я уверен, ты со временем научишься ценить. Может, я слишком далеко зашел, но вспомни: я всегда хотел для тебя самого хорошего.

Она смотрела на его спину. Белый халат явно слишком широк для его узких косых плеч. Она

подумала о том Кристофере, которого знала в детстве. У того были милые черные кудряшки и хороший костюм уже в двенадцать лет. Как-то летом ей даже казалось, что она в него влюбилась!

Она медленно и нервно выдохнула. Ей захотелось подойти к нему, но она остановилась. Почему она должна жалеть этого человека? Нет, она знает почему. Потому что ее собственное сердце переполнилось счастьем, что пришло к ней само. А Кристофер Брокхард, который всю свою жизнь гонялся за счастьем, так и остался одиноким.

— Кристофер, я пойду?

— Да. Конечно. Делай свое дело, Хелена.

Она встала и направилась к двери.

— А я буду делать свое, — закончил он.

Эпизод 30
Полицейский участок, 24 февраля 2000 года

Райт выругался. Он уже перепробовал все кнопки эпидиаскопа, чтобы сделать картину четче, — все напрасно.

Кто-то откашлялся:

— Райт, наверное, дело в снимке, а не в проекторе.

— Ладно, в общем, это Андреас Хохнер, — сказал Райт и из-под ладони посмотрел на присутствующих. Окон в комнате не было, так что теперь, когда свет выключили, стало совсем ничего не видно. Насколько Райт знал, эту комнату невозможно и прослушать, а это сейчас особенно актуально.

Кроме него самого — лейтенанта Службы разведки Минобороны Андреаса Райта — в комнате было только трое: майор разведки Борд Овесен, Харри Холе — новый парень в СБП — и сам начальник СБП Курт Мейрик. Именно Холе тогда прислал ему по факсу имя этого торговца оружием в Йоханнесбурге. И с тех пор каждый день

дергает. Должно быть, среди сотрудников СБП успело укорениться мнение, что Служба разведки Минобороны — не более чем отдел СБП. Они, очевидно, не читали, что это две равноправные, сотрудничающие организации. А Райт читал. Так что под конец он заявил этому новичку, что не особо важные дела могут и подождать. Через полчаса позвонил сам Мейрик и сказал, что дело — особо важное. Нельзя было сказать это сразу?

На нечетком черно-белом снимке на экране угадывался мужчина, направляющийся к ресторану. Похоже, фотографировали сквозь стекло автомобиля. У мужчины было широкое, грубоватое лицо с темными глазами и крупным, но нечетким носом, из-под которого свисали густые черные усы.

— Андреас Хохнер, родился в 1954 году в Зимбабве, родители — немцы, — прочитал Райт выписку, которую взял с собой. — Ранее служил наемником в Конго и ЮАР, контрабандой оружия занимается, по всей видимости, с середины восьмидесятых. В девятнадцать лет вместе с шестью товарищами проходил по делу об убийстве чернокожего мальчика в Киншасе, но был отпущен за недостатком улик. Был дважды женат и разведен. Его работодатели в Йоханнесбурге

подозреваются в поставке зенитных комплексов в Сирию и покупке химического оружия у Ирака. Утверждается, что они продавали стрелковое оружие Караджичу во время войны в Боснии и готовили снайперов для штурма Сараева. Последняя информация не подтверждена.

— Будьте любезны, без подробностей, — сказал Мейрик и взглянул на часы. Все слишком затягивается, а ведь Райт не прочитал еще и первый лист.

— Хорошо. — Райт начал листать бумаги. — Вот. Андреас Хохнер, как и трое его сообщников, был задержан во время облавы в оружейном магазине в Йоханнесбурге в декабре. Тогда же был найден зашифрованный список заказов, где одним из пунктов значится винтовка марки «Мерклин», и пометка — «Осло». И дата: «21 декабря». Все.

В наступившей тишине стало слышно, как гудит эпидиаскоп. Кто-то кашлянул — судя по звуку, Борд Овесен. Райт снова прикрыл глаза ладонью.

— А откуда нам известно, что именно Хохнер имеет ко всему этому отношение? — спросил Овесен.

В темноте раздался громкий голос Харри Холе:

— Я разговаривал с инспектором Эсайасом Бёрном из Хиллброу, Йоханнесбург. Он рассказал

мне, что после ареста обыскали всех, кто был замешан в этом деле. И в квартире Хохнера нашли любопытный паспорт. С его фотографией, но совершенно другим именем.

— Контрабандист с поддельным паспортом — это не такая уж… сенсация, — сказал Овесен.

— Меня в нем куда больше интересуют штампы. «Осло, Норвегия. Десятое декабря».

— Значит, он бывал в Осло, — подытожил Мейрик. — В списках его клиентов значится норвежец, и мы нашли стреляные гильзы от этой супервинтовки. Значит, мы можем предположить, что Андреас Хохнер приезжал в Норвегию, где и состоялась сделка. Но кто же тот норвежец из списка?

— К сожалению, в этом списке заказов не писали полных имен и адресов, — снова послышался голос Харри. — Покупатель из Осло значится там как «Урия» — разумеется, это просто кодовое имя. И, как сообщает инспектор Бёрн, Хохнер вовсе не собирается что-либо рассказывать.

— А я думал, полиция в Йоханнесбурге располагает эффективными методами дознания, — проговорил Овесен.

— Возможно. Но Хохнер, несомненно, рискует большим, если начнет говорить, чем если будет

молчать. Список покупателей длинный…

— Я слышал, в ЮАР для допроса используют ток, — сказал Райт. — Под ноги, на соски и… н-да. Адская боль. Кстати, кто-нибудь может включить свет?

Харри:

— Если в деле фигурирует покупка химического оружия у Хусейна, то уж эта деловая поездка с винтовкой до Осло — сущий пустяк. Увы, но мне кажется, африканцы приберегут ток для вопросов поважнее, чем этот. К тому же Хохнеру вовсе не обязательно знать, кто такой Урия. И так как мы тоже не знаем этого, наш следующий вопрос будет: «Что он задумал? Покушение? Теракт?»

— Или грабеж, — добавил Мейрик.

— С мерклиновской винтовкой? — удивился Овесен. — Это все равно что из пушки бить по воробьям.

— Может, убийство, связанное с наркотиками, — предположил Райт.

— Вряд ли, — ответил Харри. — Чтобы убить самого охраняемого человека Швеции, хватило простого пистолета. И того, кто убил Пальме, до сих пор не нашли. Так зачем нужна заграничная винтовка за полмиллиона крон ради того, чтобы грохнуть кого-нибудь здесь?

— И что ты думаешь, Харри?

— Может быть, их цель — не норвежец, а какой-нибудь иностранец. На него постоянно охотятся, но на родине убить не могут — слишком там хорошо его охраняют. Тот, кого, по их мнению, проще убить в маленькой, миролюбивой стране, где меры безопасности не столь жесткие.

— Кто же он? — спросил Овесен. — Таких важных иностранных гостей в Норвегии сейчас нет.

— И не предвидится в ближайшем будущем, — прибавил Мейрик.

— А может, они предвидятся в отдаленном, — парировал Харри.

— Но оружие уже месяц как попало в страну, — сказал Овесен. — Что-то не сходится: иностранные террористы приехали в Норвегию за месяц до совершения теракта.

— Может, не иностранные террористы, а какой-нибудь норвежец?

— В Норвегии нет такого человека, который решился бы на что-нибудь подобное, — возразил Райт, пытаясь нащупать на стене выключатель.

— Вот именно, — ответил Харри. — Вот в чем штука.

— Штука?

— Представьте себе известного международно-

го террориста, который хочет убить кого-нибудь у себя в стране, а этот кто-то уезжает в Норвегию. Тайная полиция следит за каждым шагом этого террориста, поэтому, вместо того чтобы пытаться пересечь границу, он связывается с норвежской организацией, у которой те же мотивы, что у него самого. И то, что эта организация состоит из дилетантов, — на самом деле плюс, потому что террорист уверен, что тайная полиция не станет уделять им большого внимания.

— Да, стреляные гильзы говорят в пользу дилетанта, — кивнул Мейрик.

— Террорист и дилетант договариваются о том, что террорист финансирует покупку дорогого оружия и тем самым обрубает все нити — больше ничто на него вывести не может. Таким образом, он в этой игре ничем не рискует, кроме разве что денег.

— А что, если этот дилетант окажется не в состоянии выполнить задание? — спросил Овесен. — Или вместо этого продаст оружие и смоется с деньгами?

— Такая опасность, конечно, присутствует, но давайте исходить из того, что заказчик считает дилетанта настоящим фанатиком. Может, у него есть и личные мотивы, чтобы добровольно рис-

ковать жизнью ради всего этого.

— Забавное предположение, — заметил Овесен. — И как это проверить?

— Никак. Я говорю о человеке, о котором нам ничего не известно. Нельзя угадать его логику, если она вообще у него есть.

— Прелестно, — усмехнулся Мейрик. — А есть еще какие-нибудь идеи, как это оружие могло оказаться в Норвегии?

— Да сколько угодно, — ответил Харри. — Но этот вариант может оказаться самым немыслимым.

— Да, да, — вздохнул Мейрик. — Наша работа — это охота на привидений. Значит, надо попробовать разговорить этого Хохнера. Я созвонюсь с парой… ой.

Райт наконец отыскал выключатель, и комната утонула в ослепительно-белом свете.

Эпизод 31
Летний дом семьи Ланг, Вена, 25 июня 1944 года

Хелена стояла в спальне и смотрела на себя в зеркало. Больше всего она бы сейчас хотела, чтобы окно было открыто, чтобы можно было услышать звонкие шаги по дорожке, ведущей к дому. Но мать требовала закрывать окна наглухо. Хелена посмотрела на фотографию отца на туалетном столике перед зеркалом. Ее всегда поражало то, каким он на ней выглядел молодым и невинным.

Она заколола волосы простой заколкой, как всегда. А может, сейчас она должна выглядеть по-другому? Беатриса ушила материно красное муслиновое платье, подогнав под стройную фигуру Хелены. Мать была в этом платье, когда встретилась с отцом. Эти воспоминания казались невероятными, далекими и вместе с тем грустными. Может, потому что теперь, говоря об этом, мать будто рассказывала о двух совсем других людях — двух красивых, любящих людях, которые думали, что знают, что ждет их впереди.

Хелена сняла заколку и мотнула головой так, что каштановые волосы упали на лицо. Зазвонил дверной колокольчик. Послышались шаги Беатрисы в зале. Хелена упала на кровать. В животе сделалось щекотно. Давно с ней такого не было — она снова ощутила себя четырнадцатилетней влюбленной девчонкой! Снизу слышались приглушенные разговоры, пронзительный, в нос, голос матери, звон вешалок — это Беатриса вешает в шкаф его шинель. «Шинель!» — подумала Хелена. Он носит шинель, хотя на улице который день стоит такая жаркая погода, какой раньше никогда не бывало даже в августе.

Она просто лежала и ждала, потом услышала, как мать зовет ее:

— Хелена!

Она поднялась с постели, заколола волосы, посмотрела на руки, еще раз про себя повторила: «У меня вовсе не большие руки, у меня вовсе не большие руки». Потом бросила последний взгляд в зеркало — красавица! — и с дрожащим вздохом вышла из комнаты.

— Хеле…

Голос матери оборвался, как только Хелена появилась на лестнице. Она осторожно шагнула на первую ступеньку, высокие каблуки, без которых

она, наверное, бегом слетела бы вниз, делали ее походку шаткой и неуверенной.

— К тебе гость, — сказала мать.

К *тебе*. При любых других обстоятельствах Хелена бы позволила себе возмутиться этой манерой матери, тем, что она подчеркивает, что не считает этого иностранного солдата гостем всего дома. Но сейчас было время уступок, и Хелена поцеловала мать за то, что та не повела себя хуже и вообще приняла его до того, как Хелена сама торжественно спустилась вниз.

Хелена перевела взгляд на Беатрису. Старая прислуга улыбалась, но в глазах у нее была та же меланхолия, что и у матери. Хелена перевела взгляд на Него. Его глаза сияли, и ей показалось, что она чувствует, как от их тепла вспыхнули ее щеки, она перевела взгляд на загорелую, недавно выбритую шею, воротник с двумя буквами «S» и зеленую униформу, помявшуюся тогда в поезде, но теперь свежевыглаженную. В руке он держал букет роз. Она знала, что Беатриса уже посоветовала поставить их в вазу, но он отказался и сказал, что сначала дождется, пока Хелена спустится и увидит их.

Она сделала еще один шаг. Положила руку на перила. Теперь легче. Она подняла голову и сразу

увидела всех троих. И тут же почувствовала, что это лучшая картина, какую она видела в своей жизни. Потому что она знала, что видят они, и будто отражалась в них.

Мать видела, как с лестницы спускается она сама, ее потерянная мечта и молодость; Беатриса видела девочку, которую воспитала как собственную дочь; а Он видел женщину, которую любил так сильно, что не мог скрыть этого за скандинавской сдержанностью и хорошими манерами.

«Красавица», — прочла Хелена по губам Беатрисы. И подмигнула в ответ. Наконец она спустилась.

— Значит, ты смог найти путь даже в кромешной тьме? — улыбнулась она Урии.

— Да, — ответил он громко и отчетливо, и под высоким каменным потолком послышалось эхо, как в церкви.

Мать говорила резким, порой визжащим голосом, а Беатриса сновала из столовой в кухню и обратно, как добрый дух дома. Хелена не могла оторвать глаз от бриллиантового ожерелья у матери на шее, ее самого дорогого украшения, которое доставалось только по особым случаям.

Против обыкновения, мать оставила дверь в сад приоткрытой. Облака лежали низко-низко

— значит, скорее всего, бомбить этой ночью не будут. Из открытой двери тянуло сквозняком, пламя стеариновых свечей мигало, и тени плясали на портретах серьезных мужчин и женщин с фамилией Ланг. Мать охотно рассказывала, кто есть кто, чем кто прославился, из каких семей происходили их супруги. Как показалось Хелене, Урия слушал все это с саркастической ухмылкой, впрочем, в полутьме не разберешь. Мать говорила, во время войны нужно экономить электричество. Конечно, она не распространялась о настоящем финансовом положении семьи и о том, что из четырех прежних слуг осталась одна Беатриса.

Урия отложил вилку и откашлялся. Они сидели у дальнего конца стола: Урия и Хелена друг напротив друга, а мать — во главе стола.

— Все было очень вкусно, фрау Ланг.

На самом деле обед был очень простым. Не настолько простым, чтобы на это обижаться, но и не таким роскошным, чтобы Урия мог считать себя почетным гостем.

— Это все Беатриса, — тут же сказала Хелена. — Она готовит лучший в Австрии шницель по-венски. Вы пробовали его раньше?

— Насколько я помню, только один раз. Но тот

был не таким вкусным.

— Schwein, — сказала мать. — Тот, что вы пробовали, был из свинины. Мы едим только телятину. В крайнем случае — индейку.

— Помнится, там вообще не было мяса, — улыбнулся он. — Думаю, большей частью яйцо и хлебные крошки.

Хелена тихо рассмеялась, мать сверкнула на нее глазами.

Несколько раз за обед разговор затухал, но после долгой паузы его начинали снова: причем Урия говорил не меньше, чем мать или Хелена. Когда Хелена приглашала его к обеду, она уже решила, что не будет волноваться о том, что подумает о нем мать. Ур и я — воспитанный молодой человек, но он был из крестьян — а значит, у него нет той утонченности поведения и манер, которые необходимы в светском обществе. Но она просто решила не думать об этом. Поэтому ее очень удивило то, как естественно и обходительно держал себя Урия.

— Вы, наверное, собираетесь устроиться на работу после войны? — спросила мать, отправляя в рот последний кусочек картошки.

Урия кивнул и стал терпеливо ждать, когда фрау Ланг прожует и задаст свой следующий

вопрос.

— Позвольте спросить, на какую же работу вы хотели бы устроиться?

— Почтальоном. Мне, во всяком случае, обещали эту работу до войны.

— Носить письма? Но ведь, кажется, у вас в стране люди живут так далеко друг от друга?

— Это не страшно. Мы живем где можем. Вдоль фьордов, в долинах и других местах, где есть защита от ветров и непогоды. Но и у нас тоже есть города и большие села.

— Вот как? Любопытно. Могу ли я поинтересоваться насчет вашего материального положения?

— Мама! — Хелена посмотрела на мать с упреком.

— Что, милая? — Мать отерла салфеткой рот и подала Беатрисе знак убирать тарелки.

— Ты превращаешь все в какой-то допрос. — Хелена нахмурилась.

— Да. — Мать обаятельно улыбнулась Урии и подняла бокал. — Это и есть допрос.

Урия поднял бокал и улыбнулся в ответ.

— Я понимаю вас, фрау Ланг. Хелена — ваша единственная дочь. И у вас есть полное право — я бы даже сказал: долг — выяснить, подходит ли ей

тот человек, которого она выбрала.

Фрау Ланг уже поднесла вино к губам, как вдруг бокал застыл у нее в руке.

— Я не такой уж состоятельный человек, — продолжал Урия. — Но у меня есть желание работать и голова на плечах, так что, думаю, я смогу прокормить себя, Хелену, и не только. Обещаю вам заботиться о ней, как только я смогу, фрау Ланг.

Хелене вдруг захотелось рассмеяться, однако что-то мешало — какое-то странное напряжение.

— Господи! — воскликнула фрау Ланг и поставила бокал на место. — Не кажется ли вам, молодой человек, что вы заходите слишком далеко?

— Кажется. — Урия сделал большой глоток и посмотрел на бокал: — У вас превосходное вино, фрау Ланг.

Хелена попыталась ударить его ногой под столом, но не смогла дотянуться.

— Но время сейчас странное. И его остается все меньше. — Он отставил от себя бокал, но продолжал смотреть на него. Легкая полуулыбка, игравшая на его лице, теперь пропала. — По вечерам — таким же, как этот, — мы с боевыми товарищами часто разговаривали друг с другом. О том, чем будем заниматься в будущем, о том,

какой будет новая Норвегия, о наших мечтах и планах. Больших и малых. А несколько часов спустя они лежали на земле мертвые. И будущего у них не было. — Он поднял взгляд и посмотрел фрау Ланг в глаза. — Да, я захожу далеко и, быть может, слишком быстро. Но только потому, что нашел девушку, которую полюбил и которая полюбила меня. Сейчас война, и рассказывать вам о моих планах на будущее — это пускать пыль в глаза. Вся моя жизнь, фрау Ланг, — это один час. И ваша, наверное, тоже.

Хелена посмотрела на мать. Та сидела словно окаменевшая.

— Сегодня я получил письмо из норвежского Полицейского управления. Я свяжусь с лазаретом «Синсен» в Осло для прохождения медицинского освидетельствования. Я уезжаю через три дня. И думаю взять с собой вашу дочь.

Хелена задержала дыхание. Тиканье настенных часов отдавалось эхом. У матери на шее мерцало алмазное ожерелье. Было видно, как она напряжена. Внезапный порыв ветра, залетевший в приоткрытую дверь, колыхнул пламя свеч, и тени прыгнули на серебристые стены. Только тень Беатрисы у входа в кухню, казалось, даже не пошевелилась.

— А сейчас будет пирог, — подмигнула мать Беатрисе. — Специально из Вены.

— Я только хотел, чтобы вы знали, как я этого жду, — продолжил Урия.

— Да, разумеется. — Мать выдавила из себя язвительную улыбку. — Он же приготовлен из наших собственных яблок.

Эпизод 32
Йоханнесбург, 28 февраля 2000 года

Полицейский участок Хиллброу находился в центре Йоханнесбурга и был похож на крепость — с колючей проволокой вдоль стен и стальными решетками на окнах, до того узких, что они походили на бойницы.

— Двое мужчин, чернокожие, убиты этой ночью. И это только в нашем полицейском округе, — говорил инспектор Эсайас Бёрн, ведя Харри по лабиринту коридоров с шершавыми белеными стенами и грязным линолеумом на полу. — Видели ту махину — отель «Карлтон»? Закрыт. Белые давно уже эвакуировались за город, так что теперь мы стреляем только друг по другу.

Эсайас подтянул штаны. Он был высоким, полноватым, кривоногим негром. Под мышками белой нейлоновой рубашки расплылись темные пятна.

— Вообще Андреас Хохнер сидит в загородной тюрьме, которую мы зовем Город Грешников, — сказал он. — Сегодня мы привезли его сюда для допросов.

— А что, не я один буду его допрашивать? — спросил Харри.

— Вот мы и пришли. — Эсайас открыл дверь.

Они вошли в комнату, где, скрестив руки на груди, стояли еще двое и смотрели сквозь коричневое стекло в стене.

— Одностороннее, — шепнул Эсайас. — Он нас не видит.

Двое перед стеклом кивнули Эсайасу и Харри и отошли в сторону.

За стеклом была маленькая, тускло освещенная комната, посредине которой стоял стул и маленький стол. На столе имелась пепельница, забитая окурками, и закрепленный на штативе микрофон. У мужчины, сидящего на стуле, были темные глаза и густые черные свисающие усы. Харри сразу узнал в нем человека с размытой фотографии, которую показывал Райт.

— Норвежец? — буркнул один из тех двоих и кивнул на Харри.

Эсайас Бёрн утвердительно кивнул.

— О'кей, — сказал мужчина, обращаясь к Харри, однако ни на секунду не выпуская из поля зрения мужчину за стеклом. — Он в твоем распоряжении, норвежец. На двадцать минут.

— Но в факсе говорилось…

— Да плевал я на телефакс. Слушай, норвежец, ты знаешь, из каких стран люди приезжают сюда, чтобы допросить этого парня? А сколько хотят, чтобы мы его им выдали?

— Ну… нет.

— Радуйся, что вообще с ним поговоришь, — сказал мужчина.

— А с какой стати он станет со мной разговаривать?

— А наше какое дело? Сам с ним договаривайся.

Харри непроизвольно втянул живот, входя в узкую и тесную комнату для допросов. На стене, где рыжие потеки ржавчины образовали что-то вроде решетчатого узора, висели часы. Они показывали полдвенадцатого. Харри подумал о полицейских, которые все время следили за ним, и от этой мысли его ладони вспотели. Человек на стуле сидел сгорбившись и наполовину прикрыв глаза.

— Андреас Хохнер?

— Андреас Хохнер? — шепотом переспросил человек на стуле и посмотрел на Харри так, будто больше всего в жизни хотел придушить его. — Нет, он сейчас дома, трахает твою мамочку.

Харри осторожно сел, ему показалось, что он

услышал гогот по ту сторону черного стекла.

— Харри Холе из норвежской полиции, — тихо представился он. — Мне надо кое-что от тебя узнать.

— Норвегия? — скептически сказал Хохнер. Он наклонился вперед и стал придирчиво рассматривать удостоверение, которое показал ему Харри. Потом слегка улыбнулся. — Извини, Холе. Они не говорили мне, что сегодня будет Норвегия, понимаешь. А ведь я вас ждал.

— А где твой адвокат? — Харри положил на стол папку, открыл ее и достал список вопросов и блокнот.

— Да пошел он, я ему не доверяю. Этот микрофон включен?

— Не знаю. А что такое?

— Не хочу, чтобы черномазые нас слышали. У меня есть деловое предложение. Своего рода сделка. С тобой. С Норвегией.

Харри оторвал взгляд от листа. Над головой Хохнера тикали часы. Уже прошло три минуты. И что-то говорило Харри, что в отведенное ему время он не уложится.

— Какая сделка?

Хохнер закатил глаза, потом перегнулся через стол и быстро прошептал:

— За все, что на меня повесили, мне здесь светит вышка. Понимаешь, о чем я?

— Возможно. Продолжай.

— Я могу рассказать тебе кое-что про того мужика в Осло, если ты пообещаешь мне, что ваше правительство попросит здешних черномазых помиловать меня. За то, что я вам помог, понимаешь? Эта ваша премьерша приезжала сюда, они с Манделой встречались. Бонзы из конгресса, которые сейчас тут всем заправляют, они любят Норвегию. Вы их поддерживали, бойкотировали нас, когда об этом просили черномазые коммунисты. Они к вам прислушаются, понимаешь?

— Почему ты не предложишь это местной полиции?

— Черт! — Хохнер стукнул кулаком по столу так сильно, что пепельница подпрыгнула и посыпались окурки. — Ты что, ничего не понимаешь, сука? Они думают, что я убил тех черномазых!

Он вцепился в край стола и пристально посмотрел на Харри. Потом его лицо сморщилось, как проколотый мяч. Он закрыл лицо руками.

— Они спят и видят, как бы меня вздернуть!

Он хрипло всхлипнул. Харри смотрел на него.

Кто знает, сколько те двое допрашивали его, прежде чем пришел он. Харри глубоко вдохнул,

перегнулся через стол, одной рукой взял микрофон, а другой выдернул провода.

— Идет, Хохнер. У нас остается десять секунд. Кто такой Урия?

Хохнер посмотрел на него сквозь растопыренные пальцы.

— Что?

— Быстро, Хохнер. Сейчас они придут!

— Он… он старик, ему за семьдесят. Я его видел только один раз, когда передавал оружие.

— Как он выглядел?

— Старый, как я и сказал…

— Особые приметы!

— На нем было пальто и шляпа. Это было глубокой ночью, в темном порту. По-моему, голубые глаза, рост средний… э-э…

— О чем вы говорили? Быстро!

— О всякой фигне. Сначала мы говорили по-английски, а потом он сказал, что умеет по-немецки. Я сказал, что мои родители из Эльзаса. И он сказал, что бывал там, в городе, который называется Зеннхайм.

— Зачем ему винтовка?

— Не знаю. Но он непрофессионал, слишком много трепался, а когда получил товар, сказал, что не брал в руки оружия уже лет пятьдесят, а то

и больше. Он сказал, что ненавидит…

Дверь в комнату распахнулась.

— Что ненавидит? — прокричал Харри.

В это мгновение он почувствовал, как ему в шею вцепилась чья-то рука. И кто-то зашипел ему прямо в ухо:

— Что ты делаешь, черт тебя дери!

Пока Харри тащили к двери, он смотрел на Хохнера. У того был остекленевший взгляд, кадык ходил вверх-вниз. Харри увидел, как он пошевелил губами, но не расслышал, что он сказал.

Дверь снова защелкнулась перед ним.

Пока Эсайас вез его до аэропорта, Харри тер шею. Двадцать минут они ехали в молчании, наконец Эсайас заговорил:

— Мы работали над этим делом шесть лет. В этом списке стран, куда он доставлял оружие, — двадцать государств. И мы все боялись, что случится то, что случилось сегодня: что кто-то посулит дипломатическую помощь в обмен на информацию.

Харри пожал плечами:

— И что? Вы его схватили, на этом ваша работа кончается. Тебе, Эсайас, дадут за это медаль. А какие договоры заключает Хохнер и правительство — это уже не твоя забота.

— Ты же полицейский, Харри, ты понимаешь, каково видеть, как на свободе разгуливают преступники, которым убить — раз плюнуть. И они будут убивать, стоит их только выпустить.

Харри не ответил.

— Ты ведь понимаешь? Это хорошо, что понимаешь. Потому что тогда у меня к тебе предложение. Думаю, Хохнер свою часть сделки выполнил и рассказал тебе, что должен был. А значит, ты можешь выполнять или не выполнять свою часть по своему личному усмотрению. *Understand — izzit?*[35]

— Я просто делаю свою работу, Эсайас. Хохнер может потом понадобиться мне как свидетель. Извини.

Эсайас с такой злостью ударил по рулю, что Харри вздрогнул.

— Послушай меня, Харри. Это случилось до выборов тысяча девятьсот девяносто четвертого, когда нами еще правило белое меньшинство. Тогда Хохнер застрелил двух девочек, обеим было по одиннадцать лет. Он убил их с водонапорной башни, за школьным двором в черном районе, который называется Александра. Мы думаем, за

---

[35] Примечания: 35
Ты меня понимаешь? (*искаж. англ.*)

этим стояли люди из Националистической партии, партии апартеида. Из-за школы шли споры, потому что в нее ходили трое белых. Он стрелял сингапурскими пулями, такими же, какие применялись в Боснии. Они закручиваются винтом и сверлят все на своем пути. Обеим он попал в горло, «скорая» ничего не смогла бы сделать, даже если бы приехала вовремя, хотя в черные кварталы они тогда приезжали через час после вызова.

Харри молчал.

— Но ты ошибаешься, Харри, если думаешь, что мы просто хотим отомстить. Мы хорошо понимаем, что на чувстве мести новое общество не построишь. Поэтому первое чернокожее правительство организовало комиссию для расследования насилия, причиненного во времена апартеида. И целью было не отомстить, а добиться покаяния и простить преступников. Это залечило много ран и помогло обществу в целом. Но одновременно мы проигрывали войну с уголовниками. Особенно здесь, в Йоханнесбурге, где ситуация вовсе вышла из-под контроля. Харри, мы молодая и уязвимая нация, и чтобы так дальше не продолжалось, нужно показать, что закон и порядок кое-что значат, что хаос не оправдывает преступлений. Все помнят те убийства в девяно-

сто четвертом и сейчас следят по газетам за ходом следствия. Так что это куда важнее, чем твое или мое личное желание, Харри. — Он сжал кулак и снова ударил по рулю. — Дело не в том, что мы возомнили, что можем решать, кто должен жить, а кто нет. Мы просто хотим вернуть простым людям веру в справедливость. А иногда для этого нужно казнить пару человек.

Харри достал из пачки сигарету, опустил стекло и посмотрел на желтые горы мусора, которые разбавляли монотонность выжженной голой равнины.

— Ну, что скажешь, Харри?

— Прибавь газу, Эсайас, а то я опоздаю на самолет.

Эсайас ударил так сильно, что Харри удивился, что руль вообще выдержал.

Эпизод 33
Лайнцер-Тиргартен, Вена, 27 июня 1944 года

Хелена сидела одна на заднем сиденье черного «мерседеса» Андре Брокхарда. Автомобиль, покачиваясь, полз вдоль конских каштанов, будто охраняющих эту аллею, в сторону конюшен Лайнцер-Тиргартена.

Она смотрела на зеленые лужайки. Машина ехала, поднимая небольшое облако пыли с сухой гравиевой дороги, и, хотя окно было открыто, в салоне было нестерпимо жарко.

Когда они въехали в буковый лес, лошади, которые паслись там, с любопытством подняли головы.

Хелене нравился Лайнцер-Тиргартен. До войны она часто приходила сюда по воскресеньям. Здесь, в зеленом парке, что в южной части Венского леса, она устраивала пикники с родителями, дядюшками, тетушками или конные прогулки с друзьями.

Внутренне она была уже подготовлена к тому, что услышала утром от кастеляншi в больнице:

Андре Брокхард хочет с ней переговорить и в первой половине дня пришлет за ней машину. С тех пор, как ей дали рекомендательное письмо от руководства больницы и разрешение на выезд, счастье переполняло ее, и первой мыслью ее было, что надо непременно воспользоваться случаем и поблагодарить Андре Брокхарда за помощь. А второй — что отец Кристофера навряд ли пригласил ее для того, чтобы выслушивать ее благодарности.

«Спокойно, Хелена, — думала она. — Это уже не может нам помешать. Завтра утром мы будем уже далеко».

Вчера она собрала две сумки с одеждой и своими любимыми вещами. Последним, что она положила, было распятие, которое висело у нее над кроватью. Музыкальная шкатулка — подарок отца — осталась на туалетном столике. Как странно: раньше она бы ни за что не рассталась с ней, а теперь все это значило так мало! Беатриса помогала ей, они болтали о давних днях, под непрестанные звуки шагов — мать внизу все расхаживала взад-вперед. Как, наверное, тягостно будет уезжать отсюда! Но она сегодня только радовалась. Урия заявил, что стыд и позор уехать, так и не посмотрев на город, и пригласил ее по-

обедать. Непонятно почему он просто загадочно подмигнул и спросил, смогут ли они одолжить машину у лесничего.

— Приехали, фройляйн Ланг, — сказал водитель и показал на фонтан, у которого аллея заканчивалась. Над водой, стоя одной ногой на мраморном шаре, балансировал золотой амур. За фонтаном была серая каменная вилла. Справа и слева от нее стояли длинные красные деревянные постройки, которые вместе с каменным зданием создавали некое подобие дворика.

Машина остановилась, водитель вышел и открыл Хелене дверь.

Андре Брокхард, который все это время стоял на пороге виллы, теперь шел к ним навстречу. Его начищенные ботфорты сверкали на солнце. Андре Брокхарду было за сорок, но шел он пружинистым шагом, будто юноша. Верхняя пуговица его красной су конной куртки была расстегнута, будто бы из-за жары, — он прекрасно сознавал, что это подчеркнет его атлетическую фигуру. Кавалерийские рейтузы плотно обтягивали мускулистые ноги. Брокхард-старший был совсем не похож на своего сына.

— Хелена! — В его голосе слышалось тщательно отмеренное дружелюбие, свойственное людям

высокого статуса, которые сами решают, насколько теплой должна быть обстановка. Хелена не видела его очень давно, но, кажется, он совсем не изменился с тех пор: такой же седоволосый, величественный, с голубыми глазами, глядящими на нее с обеих сторон царственного носа. А маленький рот сердечком будто говорил, что его владелец на самом деле мягче и добрее, чем показывает. — Как поживает твоя матушка? Надеюсь, с моей стороны было не слишком бесцеремонно отрывать тебя от работы. — Он коротко и сухо пожал ей руку и продолжал, не дожидаясь ответа: — Мне надо поговорить с тобой, и я подумал, что с этим лучше не тянуть. — Он указал на постройки: — Ты ведь бывала здесь раньше?

— Нет, — ответила Хелена, улыбнувшись.

— Нет? А я думал, Кристофер возил тебя сюда, вас же водой не разольешь…

— Кажется, вы немного ошибаетесь, герр Брокхард. Мы с Кристофером, конечно, знаем друг друга, но…

— Что ты говоришь? В таком случае я должен непременно тебе показать конюшни.

Он приобнял ее за талию и повел к деревянным сооружениям. У них под ногами шуршал гравий.

— Очень сожалею о том, что произошло с тво-

им отцом, Хелена. Это действительно большая неприятность. Я надеюсь, что смогу как-нибудь помочь вам с матерью.

«Ты мог бы пригласить нас на рождественскую елку, как раньше», — подумала Хелена, но промолчала. Она по-прежнему радовалась, что удалось преодолеть все препятствия, какие ставила ей мать перед отъездом.

— Джанджич! — крикнул Брокхард черноволосому мальчику, который стоял у стены и чистил седло. — Приведи Венецию.

Мальчик пошел в конюшню. Брокхард стоял, поигрывая плетью и покачиваясь из стороны в сторону. Хелена посмотрела на часы.

— Боюсь, я не смогу долго здесь оставаться, герр Брокхард. Мое дежурство…

— Конечно. Я понимаю. Тогда я перейду к делу.

Из конюшни послышалось громкое ржание и стук копыт по дощатому полу.

— Так вышло, что мы с твоим отцом были вроде компаньонов. Разумеется, до этого прискорбного банкротства.

— Я знаю.

— Да, и еще ты знаешь, что у твоего отца было много долгов. Но это не так уж и страшно, поэтому все шло, как шло. Все дело в том злополучном… —

Он замолчал, подыскивая нужное слово. И нашел его: — …*сближении* с еврейскими ростовщиками, оно очень повредило ему.

— Вы имеете в виду Иосифа Бернштейна?

— Я уже не помню, как их звали.

— Странно, ведь вы приглашали его к себе на Рождество.

— Иосифа Бернштейна? — Андре Брокхард рассмеялся, но глаза его оставались серьезными. — Это, наверное, было очень давно.

— В декабре тысяча девятьсот тридцать восьмого. До войны.

Брокхард кивнул и бросил нетерпеливый взгляд на двери конюшни.

— Ты все это помнишь, Хелена! Это хорошо. Кристоферу нужна будет рядом светлая голова. Поскольку свою он то и дело теряет. А так он славный молодой человек, но ты и сама это поймешь.

Хелена почувствовала, как забилось сердце. Что происходит? Брокхард-старший говорит с ней как с будущей невесткой. Но здравый смысл быстро совладал со страхом. Когда она заговорила, то хотела, чтобы ее слова звучали дружелюбно, но здравый смысл будто схватил ее за горло, сделав голос резким и металлическим.

— Герр Брокхард, надеюсь, здесь нет никакого недоразумения.

Вероятно, Брокхард заметил перемену в тоне, потому что в его ответе уже не было прежней теплоты:

— Если так, нужно это недоразумение устранить. Я бы хотел, чтобы ты взглянула на это.

Он достал из внутреннего кармана своей красной куртки лист бумаги, развернул его и протянул ей.

Вверху листа было написано: «Bürgschaft»[36]. Документ напоминал контракт. Она пробежала глазами строки, написанные убористым почерком, но не поняла из них ничего, кроме того, что там говорится о доме в Венском лесу, и внизу стояли подписи ее отца и Андре Брокхарда.

— Похоже на поручительство, — сказала она.

— Это и есть поручительство, — кивнул он. — Когда твой отец узнал, что еврейские кредиты (а значит, и его деньги) конфискуются, он пришел ко мне и попросил, чтобы я поручился за него для получения большого займа в Германии. К сожалению, мне хватило легкомыслия согласиться. Твой отец был гордым человеком и, чтобы пору-

---

[36] Примечания: 36
Здесь: Поручительство *(нем.).*

чительство не выглядело с моей стороны чистой благотворительностью, настоял на том, чтобы летний дом, в котором сейчас живешь ты и твоя мать, стал залогом этого поручительства.

— Почему поручительства, а не займа?

Брокхард с удивлением посмотрел на нее:

— Хороший вопрос. А ответ таков: стоимости дома было недостаточно, чтобы он мог выступать залогом того займа, который хотел получить твой отец.

— А подписи Андре Брокхарда — достаточно?

Он улыбнулся и достал большой, насквозь пропитанный потом платок.

— Я кое-чем владею в Вене.

Это было очень мягко сказано. Все знали, что Андре Брокхард — влиятельный акционер двух крупнейших промышленных компаний Австрии. После аншлюса — гитлеровской оккупации в 1938-м — предприятия вместо машин и оборудования начали производить оружие для Германии и ее союзников. Брокхард стал мультимиллионером. А теперь Хелена узнала, что ему принадлежит и дом, в котором она живет. Она почувствовала, как к горлу подходит ком.

— Но не надо расстраиваться, моя дорогая Хелена, — сказал Брокхард, и в его голосе вдруг снова

почувствовалось тепло. — Видишь ли, я вовсе не собираюсь отнимать дом у твоей матери.

Но ком в горле у Хелены все рос и рос. Он вполне мог бы добавить: «Или у моей невестки».

— Венеция! — крикнул Брокхард.

Хелена обернулась к дверям конюшни. Из полумрака выходил мальчик-конюх, ведя под уздцы ослепительно-белую лошадь. Хотя в голове проносились тысячи мыслей, это зрелище заставило Хелену забыть обо всем сразу. Это была самая красивая лошадь, какую она когда-либо видела, поистине неземное создание.

— Липиццанер, — сказал Брокхард. — Лучшая для дрессировки порода лошадей. Их привезли Максимилиану Второму из Испании в тысяча пятьсот шестьдесят втором году. Вы с матерью, разумеется, видели их в испанской школе верховой езды в Вене, не так ли?

— Разумеется.

— Это не хуже, чем смотреть балет, верно?

Хелена кивнула. Она не могла отвести взгляд от лошади.

— Здесь, в Лайнцер-Тиргартене, они отдыхают летом, до конца августа. К сожалению, никто, кроме наездников испанской школы, не имеет права на них ездить. Ведь неопытный наездник

может испортить скакуна. И годы дрессировки пойдут прахом.

Лошадь была оседлана. Брокхард взял уздечку, конюх поспешно удалился. Животное стояло необычайно спокойно.

— Некоторые утверждают, что это жестоко — обучать лошадей танцевать, что животное страдает, когда его заставляют делать то, что против его естества. Те, кто так говорит, никогда не видели, как тренируют этих лошадей. А я видел. И поверь моему слову: лошади это нравится. Знаешь почему? — Он погладил лошадь по морде. — Потому что это закон природы. Господь в своей мудрости сделал так, что для низшего существа нет и не может быть большего счастья, чем служить и повиноваться высшему. Возьмем, к примеру, детей и взрослых. Мужчину и женщину. Даже в так называемых демократических странах слабые добровольно отдают власть элите, которая и сильнее и умнее, чем они. Это так, потому что это так. И потому что мы все Божьи создания, высшие должны позаботиться о том, чтобы низшие им покорялись.

— Чтобы осчастливить их?

— Именно. Хелена, ты слишком понятлива для… столь молодой женщины.

Она не могла понять, на какое из этих слов он сделал большее ударение.

— Это важно — знать свое место. И высшим и низшим. Если человек противится этому, он никогда не станет счастливым. — Он похлопал Венецию по шее и заглянул в ее большие карие глаза. — Ты ведь не противишься, нет?

Хелена понимала, что эти слова на самом деле обращены к ней. Она закрыла глаза, пытаясь дышать глубоко и спокойно. Ей было ясно: то, что она сейчас скажет или не скажет, может решить всю ее жизнь, что сейчас нельзя принимать скоропалительных решений.

— Не противишься?

Вдруг Венеция заржала и дернула головой, так что Брокхард поскользнулся на гравии, потерял равновесие и ухватился за уздечку. Конюх бросился было на помощь, но Брокхард, покрасневший и потный от досады, жестом велел ему не подходить. Хелена не смогла удержаться от улыбки, и возможно, Брокхард заметил это. Во всяком случае, он уже занес было на Венецию плеть, но передумал и снова опустил ее. Губы сердечком выговорили пару словечек, которые позабавили Хелену еще больше. Брокхард подошел к ней и снова положил ей руку на талию:

— Ну вот, кажется, мы видели достаточно, а сейчас, Хелена, тебя ждет важная работа. Позволь мне проводить тебя до автомобиля.

Они встали у лестницы, пока водитель усаживался за руль.

— Я надеюсь и рассчитываю увидеть тебя снова, Хелена. — Он взял ее за руку. — Передавай матушке сердечный привет от фрау Брокхард. Кажется, вчера она сказала, что хотела бы пригласить вас к обеду в следующие выходные. Не помню точно когда, но она вам позвонит.

Хелена дождалась, пока шофер откроет ей дверь, и, уже садясь в машину, сказала:

— Герр Брокхард, вы знаете, почему лошадь чуть не уронила вас?

Она посмотрела на него — в его глазах снова вспыхнул огонь.

— Потому что вы посмотрели ей прямо в глаза, герр Брокхард. Лошади воспринимают это как вызов, как неуважение к ним и их рангу в табуне. Если ей не удается избежать прямого взгляда, лошадь ведет себя уже совсем иначе, она может взбунтоваться. Без должного уважения к животному вы не добьетесь высот в дрессировке, хотя вы и относитесь к высшему виду, — это вам скажет любой укротитель. Некоторые виды требуют

к себе уважения. В горах Аргентины водится дикая лошадь. Когда она чувствует, что человек хочет обуздать ее, она кидается в ближайшую пропасть. Прощайте, герр Брокхард.

Она села на заднее сиденье «мерседеса», дверь мягко закрылась, и Хелена, дрожа всем телом, перевела дух. Когда они ехали вниз по аллее Лайнцер-Тиргартена, она закрыла глаза и увидела перед собой окаменевшую фигуру Андре Брокхарда, исчезающую в облаке пыли за ними.

Эпизод 34
Вена, 28 июня 1944 года

— Добрый вечер, *meine Herrschaften*[37].

Маленький щуплый администратор низко поклонился, Хелена ущипнула Урию за руку — тот не смог удержаться от смеха. Они смеялись всю дорогу, вспоминая, сколько же они наделали шуму. Когда оказалось, что из Урии никудышный водитель, Хелена потребовала, чтобы он останавливался всякий раз, когда на узкой дороге, ведущей к Гауптштрассе, появлялся встречный автомобиль. Но вместо этого Урия начал давить на гудок, так что водители жались к обочине или вовсе останавливались. По счастью, в Вене осталось не так много машин, поэтому к половине восьмого они добрались от Вейбурггассе до центра города целыми и невредимыми.

Администратор мельком взглянул на военную форму Урии и, огорченно наморщив лоб, посмотрел в книгу заказов. Из золотого сводчатого зала с белыми коринфскими колоннами и хрустальными люстрами доносился смех и гул разговоров,

---

[37] Примечания: 37
Господа (*нем.*) — вежливая форма обращения.

смешанный со звуками оркестра.

«В «Трех гусарах» все по-прежнему», — с радостью подумала она. Ей показалось, что по этим трем ступенькам лестницы можно подняться в совершенно иной, волшебный мир, где бомбежкам и прочим неприятным вещам уже нет места. Частыми гостями здесь бывали Рихард Штраус и Арнольд Шёнберг, здесь собирались богатые, образованные и прогрессивные люди Вены. Настолько прогрессивные, что ей никогда даже в голову не приходило прийти сюда со своей семьей.

Администратор откашлялся. Хелена поняла, что ему не нравится ефрейторская форма Урии и, должно быть, смущает иностранное имя в книге.

— Ваш столик свободен, будьте любезны, следуйте за мной. — Он взял два меню, улыбнулся им дежурной улыбкой и семенящим шагом повел их внутрь. Ресторан был полон.

— Будьте так добры.

Урия удрученно улыбнулся Хелене. Им достался стол рядом с кухонной дверью, к тому же без скатерти.

— Кельнер подойдет к вам через минуту. — С этими словами администратор испарился.

Хелена посмотрела вокруг и засмеялась.

— Гляди, — сказала она. — Вот где на самом деле нам надо было сесть.

Урия обернулся. И действительно: прямо перед сценой кельнер уже собирался убрать посуду с освободившегося столика для двоих.

— Извини, — сказал он. — Думаю, нужно было сказать, что я майор, когда я звонил сюда. Я надеялся, что в сиянии твоей красоты не будет заметно, какого низкого я звания.

Она взяла его руку, и в это самое мгновение оркестр заиграл веселый чардаш.

— Они играют прямо для нас, — сказал он.

— Наверное. — Она опустила глаза. — Но если даже и нет, это ничего не меняет. Кстати, это цыганская музыка. Красиво, когда ее играют цыгане. Ты видишь здесь цыган?

Он покачал головой, не отрывая взгляда от ее лица, как будто хотел разглядеть каждую черту, морщинку, волосок.

— Они все куда-то пропали, — сказала она. — И евреи тоже. Ты веришь в то, что говорят?

— А что говорят?

— Про концентрационные лагеря.

Он пожал плечами.

— Об этом всегда говорят, когда идет война. Что до меня, я бы чувствовал себя в безопасности в

тюрьме у Гитлера.

Музыканты запели на три голоса песню на каком-то странном языке, кто-то из слушателей подпевал.

— Что это? — спросил Урия.

— «Вербункош», — ответила Хелена. — Это солдатская песня, вроде той, норвежской, которую ты пел мне в поезде. Песня призывает молодых венгерских мужчин воевать за Ракоци[38]. Над чем ты смеешься?

— Над тем, что ты все это знаешь. Может, ты еще и понимаешь, о чем они поют?

— Немножко. Перестань смеяться. — Она фыркнула. — Беатриса — венгерка, она иногда пела мне эту песню, и я помню кое-что. В ней поется о забытых героях, идеалах и всем таком прочем.

— Забытых. — Он сжал ее руку. — И эту войну когда-нибудь так же забудут.

Кельнер, незаметно появившийся у столика, деликатно откашлялся, чтобы намекнуть о своем присутствии.

– *Meine Herrschaften* будут что-нибудь заказывать?

---

[38] Примечания: 38

Ракоци — династия князей Трансильвании, правивших в XVI–XVIII вв. и боровшихся против австрийского господства в Венгрии. (*Прим. перев.*)

— Думаю, да, — ответил Урия. — Что вы нам сегодня посоветуете?

— Цыпленка.

— Цыпленка? Звучит великолепно. Может быть, вы принесете нам какое-нибудь хорошее вино? Хелена?

Хелена пробегала глазами меню.

— А почему здесь не указаны цены? — спросила она.

— Война, фройляйн. Цены каждый день разные.

— И сколько стоит цыпленок?

— Пятьдесят шиллингов.

Уголком глаза Хелена заметила, как Урия побледнел.

— Гуляш, — сказала она. — Мы только что пообедали, к тому же я слышала, что здесь прекрасно готовят венгерские блюда. Урия, не хочешь тоже попробовать? Два обеда за один день будет слишком тяжело.

— Я… — начал Урия.

— И легкого вина, — сказала Хелена.

— Два гуляша и легкое вино, — поднял брови официант.

— Совершенно верно. — Она вернула ему меню и обаятельно улыбнулась. — Кельнер!

Она посмотрела на Урию. Когда официант исчез в коридоре, они прыснули со смеху.

— Ты с ума сошла, — смеялся Урия.

— Я? Не я же приглашала на обед в «Трех гусар», когда в моем кармане не было и пятидесяти шиллингов!

Он достал платок и наклонился к ней.

— Знаете что, фройляйн Ланг? — Он осторожно вытер выступившие от смеха слезы на ее глазах. — Я вас люблю. В самом деле люблю.

В это мгновение послышалась сирена воздушной тревоги.

Когда позже Хелена вспоминала этот вечер, она постоянно задавалась вопросом, действительно ли бомбы падали в тот раз чаще обычного и правда ли, что, не пойди они тогда к собору Святого Стефана, все могло бы быть и по-другому. И хотя последняя ночь, которую они вместе провели в Вене, подернулась флером невероятно, это не мешало ей в холодные дни согревать свое сердце воспоминаниями. И она могла каждый раз вспоминать одно и то же крохотное мгновение той летней ночи, и когда-то это заставляло ее смеяться, когда-то — плакать, и она никогда не понимала почему.

Когда завыла сирена воздушной тревоги,

остальные звуки замерли. На секунду весь ресторан застыл в молчании, потом под золочеными сводами послышались ругательства.

— Сволочи!

— Проклятье! Еще только восемь часов.

Урия покачал головой.

— Англичане что, с ума сошли? — сказал он. — Еще даже не стемнело.

У столиков мгновенно возникли официанты, и администратор, расхаживая от одного к другому, принялся выкрикивать распоряжения.

— Только посмотри, — воскликнула Хелена. — Может быть, скоро от этого ресторана останутся одни руины, а они думают только о том, как бы посетители не сбежали, не заплатив по счетам.

На сцену, где музыканты возились со своими инструментами, запрыгнул человек в черном костюме.

— Внимание! — крикнул он. — Всех, кто рассчитался, просим направиться в ближайшее бомбоубежище, которое находится под домом двадцать на Вайбурггассе. Минутку тишины и внимания! Вам надо выйти и повернуть направо, а затем пройти двести метров вниз по улице. Смотрите на людей с красными повязками — они покажут вам, куда идти. Не нужно паниковать, у

вас еще есть время до начала бомбежки.

В эту секунду послышался грохот первой упавшей бомбы. Человек на сцене пытался еще что-то сказать, но голоса и крики в ресторане заглушили его, и он, поняв тщетность своих попыток, перекрестился, спрыгнул вниз и скрылся.

Толпа кинулась к выходу, который уже был забит вопящей людской массой. В гардеробе стояла женщина и кричала: «Мой зонтик! Где мой зонтик?» — но гардеробщик давно уже сбежал. Снова грохот, на этот раз ближе. Хелена посмотрела на покинутый соседний столик, где два недопитых бокала с вином звякнули друг о друга, когда комната содрогнулась в очередной раз. Словно песенка на два голоса. Две молодые женщины тащили к выходу подвыпившего мужчину с усами как у моржа. Его рубашка вылезла из брюк, на губах блуждала блаженная улыбка.

Через две минуты в ресторане никого не осталось, воцарилась необычная тишина. Слышно было только всхлипывание из гардероба, где женщина уже перестала требовать свой зонтик и уткнулась лицом в стойку. На столиках стояли недоеденные блюда и открытые бутылки. Урия по-прежнему держал Хелену за руку. От нового удара хрустальные люстры под потолком зазве-

нели, женщина в гардеробе встрепенулась и с криком выбежала на улицу.

— Наконец-то мы одни, — сказал Урия.

Земля под ними дрожала, сверху осыпалась блестящим дождем позолоченная штукатурка. Урия встал и протянул руку.

— Наш лучший столик только что освободился, фройляйн. Если пожелаете…

Она взяла его за руку, и вместе они направились к сцене. Она почти не слышала громкого свиста. От взрыва, который за ним последовал, заложило уши, осыпавшаяся штукатурка взметнулась песчаной бурей, большие окна, выходящие на Вайбурггассе, разлетелись вдребезги. Свет погас.

Урия зажег канделябр на столе, подвинул ей стул и, приподняв двумя пальцами салфетку, подбросил ее вверх, и она медленно приземлилась в руки Хелены.

— Цыпленка и бутылку лучшего вина? — спросил он, осторожно стряхивая осколки стекла со стола, тарелок и ее волос.

Может быть, в воздухе блестела золотая пыль, отражающая огни темной улицы. Может быть, легче стало оттого, что через разбитые окна внутрь проникала прохлада. А может, все это было в ее сердце — ее кровь, которая и годы спустя

начинала играть в жилах, когда она снова и снова вспоминала этот миг. Потому что она помнила: играла музыка, но это было невозможно — музыканты убежали вместе с инструментами. Может, ей просто казалось, что играет музыка? В первый раз она подумала об этом уже много лет спустя, когда у нее вот-вот должна была родиться дочь. Над недавно купленной колыбелькой отец ее дочери повесил маятник с цветными шариками, и когда он как-то вечером провел по ним рукой, она тут же узнала ту музыку. Она поняла, что это было. Тогда, в «Трех гусарах», для них играли хрустальные люстры. Будто легкие колокольчики, они звенели, когда дрожала земля. Урия, чеканя шаг, пошел в кухню и вернулся с зальцбургскими пирожными и тремя бутылками молодого «хойригера». В винном погребе он увидел одного из поваров, который сидел в уголке в обнимку с бутылью. Повар нисколько не препятствовал Урии, когда тот полез за вином. А когда тот показал ему взятую бутылку, напротив, одобрительно кивнул.

Потом Урия положил все свои сорок шиллингов под канделябр, и они вышли в тишину мягкого июньского вечера. На Вайбурггассе стояла мертвая тишина, но воздух был тяжелый, пропи-

танный дымом и пылью.

— Пойдем погуляем, — предложил Урия.

Ни он, ни она не знали, куда идут. Они повернули направо — на Кернтнерштрассе — и вдруг замерли на темной, пустынной площади Штефанс-плац.

— Боже мой, — восхищенно сказал Урия. Огромный собор перед ними заполнял собой юную ночь. — Это собор Святого Стефана?

— Да. — Хелена запрокинула голову, стараясь увидеть шпиль Южной башни — огромной черно-зеленой колокольни, вонзающейся в небо, в котором уже появились первые звезды.

Следующим, что запомнила Хелена, было как они стояли в соборе: белые лица людей, которые пытались в нем укрыться, плач детей и звуки органа. Рука об руку они пошли к алтарю — или это только ей снилось? Разве он тогда не прижал ее к себе и не сказал, что она должна быть с ним? А она тогда ответила ему: «Да, да, да» — шепотом, — а потом эти слова взлетели под купол, и эхо, усиливая, повторяло их снова и снова, отражаясь от голубя под сводом и от распятия, чтобы они сбылись. Не важно, было это наяву или нет, но эти слова были куда искреннее тех, что она произнесла после разговора с Андре Брокхардом:

«Мы не можем быть вместе».

Их она тоже говорила, но где и когда?

Она рассказала обо всем матери — в тот же день, после полудня. Сказала, что не станет уезжать, но не сказала почему. Мать хотела было ее утешить, но Хелена не могла вынести ее пронзительного, оправдывающегося голоса, и заперлась у себя в спальне. И тут в дверь постучал Урия, и она решила забыть о страхе и больше ни о чем таком не думать. Может, он понял это, как только открыл дверь. Может, переступая порог, они заключили немой уговор прожить всю жизнь в эти несколько часов до отправления поезда.

— Мы не можем быть вместе.

Имя Андре Брокхарда было ядом у нее на языке, и она выплюнула его. Вместе со всем остальным: сказала ему о той доверенности, о том, что мать могут выкинуть на улицу и что отец иначе не сможет вернуться к нормальной жизни, и о Беатрисе, которой больше некуда будет деться. Да, в какой-то момент она все это сказала, но когда? В соборе? Или позже, когда они бежали к Филармерникерштрассе, где тротуары были покрыты осколками кирпича и стекла, а языки пламени из окон старой кондитерской освещали им путь к огромной, но сейчас безлюдной гостинице.

Оказавшись внутри, они зажгли спичку, взяли первый попавшийся ключ со стены и побежали вверх по лестницам, покрытым такими толстыми коврами, что их топота совсем не было слышно. Казалось, привидения притаились в коридоре возле 342-го номера. Но вот они уже держат друг друга в объятиях, срывают друг с друга одежду, как будто и она тоже загорелась, и когда она почувствовала его дыхание на своей коже, она оцарапала его в кровь, а потом поцеловала ранки. И постоянно повторяла, так что это стало звучать как заклинание: «Мы не можем быть вместе».

Когда сирена умолкла, давая понять, что на этот раз бомбежка окончена, они лежали, крепко обнявшись, на окровавленных простынях, и она плакала.

И все слилось в этом сплетении тел, а потом они заснули и видели сны. Что случилось в реальности, а что — только в ее сне, она не знала. Она проснулась среди ночи от шума дождя и оттого, что каким-то образом почувствовала, что его нет рядом, подошла к окну и посмотрела вниз, где дождь смывал с улиц пепел и грязь. Вот вода уже перехлестнула края тротуаров, вот чей-то открытый зонтик плывет по улице по направлению к Дунаю. Она подошла к кровати и опять легла

спать. Когда она проснулась в следующий раз, за окном было светло, улицы высохли, а он лежал рядом, затаив дыхание. Она посмотрела на часы на ночном столике. До отправления поезда оставалось два часа. Она провела рукой по его лбу.

— Почему ты не дышишь? — прошептала она.

— Я только что проснулся. А ты тоже не дышишь.

Она прижалась к нему. Он был голый, теплый и потный.

— Значит, мы умерли.

— Да, — коротко ответил он.

— Ты уходил.

— Да.

Она почувствовала, как он дрожит.

— Но теперь ты вернулся, — сказала она.

Часть четвертая
Чистилище

Эпизод 35
Грузовой порт в Бьёрвике, 29 февраля 2000 года

Харри остановил машину у одного из бараков, в единственной ложбинке, которую смог найти в плоском как блин портовом районе Бьёрвика. Внезапная оттепель растопила снег, и ненадолго установилась приятная, солнечная, теплая погода. Контейнеры стояли, взгромоздясь друг на друга, будто гигантские кубики «Лего», и в ярком солнечном свете отбрасывали четкие тени на асфальт. Он шел между контейнеров. Судя по надписям и знакам, они прибыли из далеких мест: Тайвань, Буэнос-Айрес, Кейптаун. Харри остановился у края пристани, закрыл глаза и погрузился в размышления, вдыхая запах морской воды, нагревшейся на солнце смолы и работающего дизеля. Снова открыв глаза, Харри увидел проплывающий мимо датский паром. Он походил на холодильник. Плавучий холодильник, который возит туда-сюда одних и тех же людей.

Харри понимал, что уже слишком поздно искать тут следы встречи Хохнера с Урией, он даже

не знал наверняка, здесь ли они встретились. Это вполне могло произойти и в Филипстаде. Но он все равно надеялся, что сможет найти здесь что-нибудь полезное, получить импульс к размышлениям.

Он пнул борт катера, нависший над пристанью. Может, раздобыть себе летом лодку и прокатиться по морю с отцом и Сестрёнышем? Отцу надо хоть иногда выбираться из дома, этот некогда общительный человек совершенно замкнулся в себе после того, как восемь лет назад умерла мама. А Сестрёныш и так нигде не бывает, хотя с виду по ней не скажешь, что у нее синдром Дауна.

Между контейнерами приземлилась птица. Лазоревка. Лазоревка за час может пролететь 28 километров. Это он знал от Эллен. А кряква — 62 километра. И ничего: жизнь у них обстоит примерно одинаково. Нет, пожалуй, с Сестрёнышем все не так страшно, куда больше Харри опасался за отца.

Харри попробовал сосредоточиться. Все, сказанное Хохнером, он изложил в докладе, слово в слово, но теперь пытался вспомнить его лицо, чтобы попытаться понять, что тот не сказал. Как выглядел Урия? От Хохнера удалось добиться не

слишком многого, но когда кого-нибудь описываешь, первым делом рассказываешь о самом необычном, о том, что бросается в глаза. А Хохнер первым делом сказал, что у Урии голубые глаза. Навряд ли Хохнер считает голубые глаза такой уж редкостью, а значит, у Урии не было очевидных увечий, особой манеры говорить или двигаться. Он знает и английский и немецкий, бывал в Германии, в каком-то Зеннхайме. Харри проводил паром взглядом. Ушел. А может, Урия был моряком? Харри смотрел по карте, даже по карте Германии, но никакого Зеннхайма не нашел. Может, Хохнер просто придумал его? Но не важно.

Хохнер говорил, что Урия охвачен ненавистью. Так что, может быть, предположение Харри верное, и у этого человека есть какой-то личный мотив. Вот только что он ненавидит?

Солнце скрылось за островом Хуведё, и бриз со стороны Осло-фьорда сразу стал пронизывающим. Харри плотнее запахнулся в куртку и пошел обратно к машине. А эти полмиллиона — Урия получил их от заказчика или это его собственные деньги?

Харри достал мобильный телефон. Новенький, маленький «Нокиа», купленный всего лишь две

недели назад. Харри долго упрямился, пока Эллен смогла переубедить его и заставила купить мобильник. Он набрал ее номер.

— Привет, Эллен, это Харри. Ты одна? О'кей. Прошу тебя, сосредоточься. Да, сыграем в игру. Готова?

Они делали так и раньше. «Игра» заключалась в том, что он говорил ключевые слова. Никаких фоновых сведений, никаких подсказок о том, что он сам думает, только маленькие порции информации, от одного до пяти слов в случайной последовательности. Этот метод они разрабатывали постоянно. Главное правило: чтобы этих порций было не меньше пяти, но не больше десяти. Саму идею предложил Харри после того, как Эллен поспорила с ним на ночное дежурство, что сможет запомнить расположение карт в колоде за две минуты, то есть глядя по две секунды на каждую карту. Харри проиграл три дежурства, прежде чем сдался. Потом она рассказала ему свой способ. Она не думала о картах как таковых, а связывала с каждой какого-нибудь человека или событие. Таким образом постепенно складывался небольшой рассказ. Он попробовал применить ее способ в работе. Иногда результат оказывался потрясающим.

— Мужчина семидесяти лет, — медленно говорил Харри. — Норвежец. Полмиллиона крон. Ожесточенность. Голубые глаза. Винтовка Мерклина. Говорит по-немецки. Без особых примет. Контрабандист в грузовом порту. Стрельбы в Шиене. Все.

Он сел за руль.

— Как ничего? Подумай. О'кей. Я думаю, что нужно этим заняться. В любом случае — спасибо. Пока.

Харри уже подъезжал к самолету, когда он вдруг вспомнил еще что-то и позвонил снова.

— Эллен? Это опять я. Слушай, я кое-что забыл. Ты меня слышишь? *Не брал в руки оружия лет пятьдесят, а то и больше*. Повторяю. *Не брал*... да, я знаю, что это больше, чем четыре слова. Все равно ничего? Черт, я сейчас опоздаю на мой рейс! Созвонимся, Эллен.

Он положил телефон на сиденье рядом и сосредоточился на дороге. Когда он как раз съезжал с круговой развязки, телефон запищал.

— Харри. Что? Но как ты до этого додумалась? Да, да, конечно, конечно, не злись сейчас, Эллен, я просто иногда забываю, что не в силах понять, что происходит в твоей башке. Голове. Твоей умной, большой, прекрасной голове, Эллен. Да,

теперь, когда ты это сказала, это очевидно. Большое спасибо.

Он отключил телефон и вдруг вспомнил, что по-прежнему должен ей три дежурства. Теперь, когда он уже не работает в отделе убийств, надо придумать что-нибудь другое. Он придумывал это целых три секунды.

Эпизод 36
Улица Ирисвейен, 1 марта 2000 года

Дверь приоткрылась, и на Харри глянули пронзительные синие глаза, окруженные сетью морщин.

— Харри Холе, полиция, — представился он. — Это я звонил сегодня утром.

— Верно, верно.

У старика были седые волосы, зачесанные назад, и высокий лоб. Под вязаной курткой виднелся галстук. На почтовом ящике у калитки этого красного двухквартирного дома стояло: «Эвен и Сигне Юль». Дом находился в спокойном месте, чуть севернее от центра, в районе особняков.

— Прошу, господин Холе, проходите.

Голос звучал спокойно и твердо, а двигался профессор истории Эвен Юль так, что казался моложе своих определенно солидных лет. Харри уже навел кое-какие справки и выяснил, что профессор участвовал в Сопротивлении. Даже на пенсии Эвен Юль считался лучшим в Норвегии специалистом по истории немецкой оккупации и «Национального объединения».

Харри наклонился, чтобы снять ботинки. На стене прямо перед ним висели старые, немного выцветшие черно-белые фотографии в маленьких рамках. На одной — молодая женщина в халате медсестры. На другой — мужчина в белом костюме.

Они прошли в гостиную, и там седеющий эрдельтерьер, лаявший до этих пор, замолчал, обнюхал Харри и с чувством выполненного долга улегся рядом с креслом, в которое сел хозяин.

— Я читал некоторые ваши статьи про фашизм и национал-социализм в «Дагсависен», — начал Харри, когда уселся.

— В самом деле? И как вы их находите? — улыбнулся Юль.

— Кажется, ваша основная идея — предостеречь против современного неонацизма?

— Не предостеречь. Я просто провожу некоторые исторические параллели. Задача историка — приподымать завесу, а не осуждать. — Юль закурил трубку. — Многие считают, что «хорошо» и «плохо» — это неизменные понятия. Это не так, со временем они изменяются. Задача историков — во-первых, найти историческую правду, дойти до первоисточника, а во-вторых, изложить это объективно и беспристрастно. Если

историки начнут осуждать человеческую глупость, от самой нашей профессии скоро ничего не останется. — Сизое облачко дыма поднялось к потолку. — Но вас, конечно, интересует не это?

— Мы полагаем, что вы можете помочь нам найти одного человека.

— Вы упоминали об этом по телефону. И кто этот человек?

— Это нам неизвестно. Но мы предполагаем, что у него голубые глаза, он норвежец, ему за семьдесят. И он говорит по-немецки.

— И?

— Вот и все.

Юль рассмеялся:

— Да, тогда вам есть из кого выбирать.

— Ну, у нас в стране сто пятьдесят восемь тысяч мужчин в возрасте от семидесяти и старше, и думаю, примерно сто тысяч из них с голубыми глазами и говорят по-немецки.

Юль приподнял бровь. Харри глупо ухмыльнулся:

— Ежегодная статистика. Я просмотрел ее ради забавы.

— А почему вы считаете, что я смогу вам помочь?

— Мне так показалось. Этот человек сказал

кое-кому другому, что не брал в руки оружия лет пятьдесят, а то и больше. Я подумал, точнее, моя коллега подумала, что пятьдесят, а то и больше — это больше, чем пятьдесят, но меньше, чем шестьдесят.

— Логично.

— Да, она очень… э-э, логичная. Давайте предположим, что это было пятьдесят пять лет тому назад. И получается, что это было прямо в разгар Второй мировой. Тогда ему было двадцать и у него было оружие. Все норвежцы, у кого было оружие, должны были сдать его немцам. Вывод: где он тогда был?

Харри поднял три пальца:

— Правильно, либо он — в Сопротивлении, либо бежал в Англию, либо на фронте, в «Норвежском легионе». Он лучше говорит по-немецки, чем по-английски. Следовательно…

— Стало быть, ваша коллега вывела, что он воевал за Гитлера? — сказал Юль.

— Именно.

Юль глубоко затянулся.

— Многим бывшим в Сопротивлении тоже пришлось выучить немецкий, — сказал он. — Чтобы внедряться, подслушивать и так далее. И вы забываете норвежцев, служивших в шведской

полиции[39].

— Значит, вывод вас не устраивает?

— Ну-у, дайте мне время подумать, — ответил Юль. — Примерно пятнадцать тысяч норвежцев пошли в немецкие войска добровольцами, из них взяли только семь тысяч — им и выдали оружие. Их было намного больше, чем тех, кто записался в английскую армию. И хотя в Сопротивлении к концу войны было больше норвежцев, очень у немногих из них было оружие. — Юль улыбнулся. — Допустим, вы правы. Сейчас, разумеется, напротив их фамилий в телефонном справочнике не пишут, что они служили в СС, но я исхожу из того, что вы уже решили, где будете их искать.

Харри кивнул:

— Протоколы дел об измене родине. Готовые архивы, со всеми необходимыми данными. Я вчера весь день их просматривал и надеялся, что большинство из них уже умерло и у нас остается не такой уж и большой список. Но я ошибся.

— Да, они живучие, черти, — усмехнулся Юль.

— И вот поэтому мы позвонили вам. Вы знаете о норвежских нацистах больше, чем кто-либо

---

[39] Примечания: 39

С осени 1943 г. в Швеции, официально сохраняющей военный нейтралитет, под видом полицейских частей обучались участники норвежского Сопротивления. (*Прим. перев.*)

другой. Мне нужно, чтобы вы объяснили, как думает такой человек, что им движет.

— Спасибо за доверие, Холе, но я историк и не разбираюсь в мотивах поступков отдельных людей. Как вам должно быть известно, я был в вооруженном подполье, и не думаю, что смог бы влезть в шкуру нациста и понять, как он думает.

— Но мне кажется, вы все-таки кое-что об этом знаете, Юль.

— В самом деле?

— Думаю, вы понимаете, о чем я. Я весьма основательно подготовился к встрече с вами.

Юль снова затянулся и посмотрел на Харри. В этой тишине Харри вдруг почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Он обернулся и увидел пожилую женщину в дверях гостиной. Ее ласковые, спокойные глаза смотрели на Харри.

— Мы тут разговариваем, Сигне, — сказал Эвен Юль.

Она энергично кивнула Харри и хотела что-то сказать, но, встретившись взглядом с Эвеном Юлем, остановилась. Потом снова кивнула, тихо вышла из комнаты и прикрыла дверь.

— Значит, вам все известно? — спросил Юль.

— Да. Она была медсестрой на Восточном фронте, верно?

— Под Ленинградом. С тысяча девятьсот сорок второго до отступления в сорок третьем. — Он отложил трубку. — А почему вы так охотитесь за тем человеком?

— Честно говоря, мы и сами этого не знаем наверняка. Но это может потом вылиться в покушение.

— Хм.

— Так кого искать? Сумасшедшего? Убежденного, закоснелого нациста? Бандита?

Юль покачал головой:

— Большинство легионеров отсидели свое в тюрьме, а потом снова влились в общество. Многим это удалось удивительно легко, хотя на них и было клеймо предателя. А впрочем, это совсем не странно. Это лишний раз показывает, что те, кому удается сделать карьеру во время такого катаклизма, как война, и в мирное время оказываются довольно энергичными.

— Значит, тот, кого мы ищем, мог очень хорошо устроиться в жизни?

— Вполне.

— Даже пробиться в верхушку общества.

— Нет, пути на государственные должности им, конечно, заказаны.

— Но он мог стать дельцом, частным пред-

принимателем. В общем, заработать достаточно денег, чтобы купить винтовку за полмиллиона. Но на кого он может охотиться?

— Это обязательно должно быть связано с его нацистским прошлым?

— Что-то подсказывает мне, что это так.

— И что же, он хочет отомстить кому-то?

— Разве это не естественно?

— Конечно, естественно. Многие норвежские нацисты считают, что именно они были настоящими патриотами в войну, что в тех условиях, которые сложились к сороковому году, они действовали во благо народа. И что когда мы судили их за измену, то это было беззаконие с нашей стороны.

— Ну и?..

Юль почесал за ухом.

— Ну-у. Судьи, которые выносили приговоры, уже давно умерли. И политики, которые требовали этого суда, — тоже. Кому мстить?

Харри вздохнул:

— Вы правы. Но я просто пытаюсь собрать головоломку из тех кусков, которые у меня есть.

Юль взглянул на часы.

— Обещаю подумать над этим, но, честное слово, не знаю, смогу ли вам помочь.

— Все равно, спасибо. — Харри встал, потом, вспомнив о чем-то, достал из кармана куртки несколько сколотых листков. — Я снял копии с допроса свидетеля в Йоханнесбурге. Может быть, это вам как-нибудь поможет?

Юль сказал «да», но покачал головой, как будто имел в виду «нет».

Когда Харри уже одевался в прихожей, он показал на фотографию молодого человека в белом халате:

— Это вы?

— Да, в середине прошлого века, — рассмеялся Юль. — Это я в Германии, до войны. Я должен был пойти по стопам отца и деда и изучать там медицину. Когда началась война, я уехал домой и первую книгу по истории прочел уже фактически в лесах. А потом было слишком поздно что-то менять: это стало как наркотик.

— Значит, вам расхотелось быть врачом?

— Это как посмотреть. Я хотел понять, как за одним человеком, его идеологией пошло столько людей. И может быть, найти лекарство от этого. — Он усмехнулся. — Я был очень, очень молод.

Эпизод 37
Отель «Континенталь», второй этаж, 1 марта 2000 года

— Как приятно, что можно вот так встретиться, — сказал Бернт Браннхёуг и поднял бокал.

Они чокнулись, и Эуд-Хильде улыбнулась советнику.

— И не только на работе. — Он так долго смотрел ей в глаза, что она отвела взгляд. Браннхёуг изучающе разглядывал ее. Не очень красивая: слишком грубые черты, несколько полновата. Но в ее повадке была кокетливая прелесть, а от полноты веяло юностью.

Утром она позвонила ему из своего кабинета и сказала, что они совершенно запутались в каком-то деле, но, прежде чем она успела что-либо объяснить, он попросил ее зайти. А когда она зашла, сразу же сослался на то, что у него нет времени и что лучше обговорить это за обедом, после работы.

— И нам, госчиновникам, надо расслабляться.

Она решила, что это он насчет обеда.

Пока все идет хорошо. Администратор распоря-

дился насчет столика для них. В зале не было ни одного знакомого ей лица.

— Так вот, вчера нам попалось довольно занятное дело, — сказала она, принимая от официанта салфетку. — К нам пришел пожилой мужчина и заявил, что мы должны ему крупную сумму денег. Мы — это МИД. Он потребовал почти два миллиона крон и предъявил письмо, которое он отправил в семидесятом.

Она посмотрела в потолок. «Ей нужно меньше краситься», — подумал Браннхёуг.

— И за что же мы ему должны?

— Он сказал, что служил во флоте. Это что-то, связанное с «Нортрашипом», — ему недоплатили жалованья.

— Да-да-да, кажется, я понимаю, о чем идет речь. Что он еще сказал?

— Что он больше не собирается ждать. Что мы обманываем его и других моряков. И что Бог покарает нас за наши грехи. Не знаю, пьяный он был или больной, но выглядел он ужасно. Еще он принес с собой письмо, подписанное в сорок четвертом норвежским генеральным консулом в Бомбее, который от лица норвежского государства гарантировал, что позже ему выплатят надбавку за риск, которому он подвергался за

четыре года службы штурманом в норвежском торговом флоте. Если бы не то письмо, мы бы, конечно, просто выкинули его и не стали бы беспокоить вас по таким мелочам.

— Можешь приходить ко мне в кабинет в любое время, Эуд-Хильде, — сказал он и тут же почувствовал легкий страх: ее точно зовут Эуд-Хильде? — Бедняга, — добавил Браннхёуг и знаком велел принести еще вина. — Самое грустное в этом деле — что он бесспорно прав. «Нортрашип» создали, чтобы управлять той частью норвежского торгового флота, которая не перешла в руки немцев. У этой организации были как политические, так и коммерческие задачи. К примеру, британцы за право использовать норвежские корабли платили компании большую надбавку за риск. Но вместо того, чтобы платить непосредственно морякам, они переводили деньги в кассу пароходства. Речь идет о нескольких сотнях миллионов крон. Моряки пытались отсудить свои деньги, но проиграли дело в Верховном суде в пятьдесят четвертом. Только в семьдесят втором стортинг признал, что они имеют права на эти деньги.

— Этот человек, разумеется, никаких денег не получал. Потому что, по его словам, ходил в

Желтом море и попадал под японские торпеды, а не под немецкие.

— А как он представился?

— Конрад Оснес. Секундочку, сейчас я покажу вам это письмо. Он оставил нам счет с процентами и процентами с процентов.

Она наклонилась над сумкой. Он посмотрел на ее дряблые плечи. Ей надо больше заниматься зарядкой, подумал Браннхёуг. Сбросить килограмма четыре, и Эуд-Хильде будет пышечкой, а не… толстухой.

— Ладно, — остановил ее Браннхёуг. — Мне не обязательно смотреть на него. «Нортрашип» приписан к Министерству торговли.

Она подняла взгляд на него.

— Но он настаивает, что именно мы должны ему эти деньги. И дал нам двухнедельный срок, чтобы мы их ему отдали.

Браннхёуг рассмеялся:

— Вот как? А что это он шестьдесят лет молчал, а тут вдруг заторопился?

— Он не говорил об этом. Только добавил, что, если мы ему не заплатим, это будет для нас чревато последствиями.

— Ну и ну. — Браннхёуг подождал, пока официант нальет им обоим вина, потом наклонился

к Эуд-Хильде: — Терпеть не могу последствия, а ты?

Она неуверенно засмеялась.

Браннхёуг поднял бокал.

— Я все думаю, что делать с этим стариком, — сказала она.

— Забыть, — ответил он. — А я вот думаю о другом, Эуд-Хильде.

— О чем?

— Ты видела забронированный за нами номер в этом отеле?

Эуд-Хильде снова засмеялась и ответила, что нет, не видела.

Эпизод 38
Тренажерный центр «САТС», Ила, 2 марта 2000 года

Харри тяжело крутил педали и потел. В зале было восемнадцать суперсовременных велотренажеров, на всех сидели дородные, красивые горожане и смотрели на немые телеэкраны под потолком. Харри глядел на Элизу в «Последнем герое». Она двигала губами, говоря, что не может выгнать Поппе. Харри знал это. Он уже смотрел эту серию.

«*That don't impress me much*!»[40] — раздалось из колонок.

«Меня тоже», — подумал Харри, которому не нравились ни громкая музыка, ни звук собственного тяжелого дыхания. Он мог бы ходить бесплатно в полицейский тренажерный зал, но Эллен убедила его записаться в центр «САТС». На такое он еще мог пойти, но, когда она попыталась записать его на аэробику, он сказал «стоп!». Двигаться под попсовую музыку в толпе людей, которым эта музыка нравится, и слушать, как

---

[40] Примечания: 40
Меня это не впечатляет! (*англ.*)

инструктор с нервной ухмылкой подбадривает фразочками вроде: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда!» — все это казалось Харри непостижимым добровольным унижением. Главным преимуществом центра «САТС» было то, что здесь можно было одновременно тренироваться и смотреть «Последнего героя», и еще не видеть Тома Волера, который бóльшую часть свободного времени проводил в полицейском тренажерном зале. Оглядев зал, Харри отметил, что и сегодня здесь нет никого старше его. В основном здесь были девушки, которые слушали плееры и время от времени бросали взгляд в его сторону. Нет, они смотрели не на него — просто рядом с ним, в сером свитере с капюшоном и без единой капли пота на лбу, сидел самый известный в Норвегии комик. На панели спидометра перед Харри высветилось сообщение: «Отличный темп!»

«И отвратительная одежда», — подумал Харри и посмотрел на свои растянутые, грязные спортивные штаны, которые ему постоянно приходилось подтягивать, потому что мобильник на поясе вечно тянул вниз. А стоптанные кроссовки «Адидас» были староваты, чтобы выглядеть модными, но недостаточно, чтобы казаться хипповыми. Футболка с Джоем Дивисоном, некогда выглядевшая

вполне благопристойно, сейчас говорила лишь о том, что ее владелец уже давно не ориентируется в мире музыки. Но всю меру своей нелепости Харри ощутил, лишь когда раздался жуткий писк и на него обратились все семнадцать взглядов — включая взгляд комика. Харри отцепил с пояса маленькую черную адскую машинку:

— Холе.

«Okay, so you're a rocket scientist, that don't impress…»[41]

— Это Юль. Я вам помешал?

— Нет, это просто музыка.

— Вы дышите, как загнанная лошадь. Перезвоните мне, когда почувствуете себя лучше.

— Я чувствую себя прекрасно. Просто я в тренажерном зале.

— Хорошо. У меня для вас хорошие новости. Я прочитал ваш отчет из Йоханнесбурга. Почему вы не сказали мне, что он бывал в Зеннхайме?

— Урия? Это так важно? Я даже не был уверен, что правильно записал название, я перерыл весь атлас Германии, но никакого Зеннхайма не нашел.

— Вначале отвечу на вопрос: да, это важно. Если

---

[41] Примечания: 41
Пускай ты ракетчик, меня это не впечатляет… (*англ.*)

у вас еще есть сомнения в том, что человек, которого вы ищете, — бывший легионер, можете их отбросить. Это точно на сто процентов. Зеннхайм — маленький городок, и если норвежцы когда-нибудь бывали там, то это было в войну. Там они проходили обучение перед тем, как отправиться на Восточный фронт. А в атласе Германии вы его не нашли, потому что Зеннхайм не в Германии, а во французской провинции Эльзас.

— Но…

— В ходе истории Эльзас принадлежал то Франции, то Германии, поэтому там и говорят по-немецки. То, что этот человек бывал в Зеннхайме, существенно сужает круг поиска. Там обучались только солдаты полков «Нурланн» и «Норвегия». Что еще лучше — я могу дать вам имя человека, который был в Зеннхайме и наверняка захочет вам помочь.

— Даже так?

— Бывший солдат полка «Нурланн». Он добровольно перешел в Сопротивление в сорок четвертом.

— Вот это да!

— Он вырос на одиноком хуторе, его родители и братья были убежденными квислинговцами, они и заставили его пойти добровольцем на фронт. Он

никогда не был настоящим нацистом, и в тысяча девятьсот сорок третьем бежал под Ленинградом. В скором времени попал в плен к русским, потом некоторое время сражался на их стороне, а затем через Швецию перебрался в Норвегию.

— И вы ему доверяете?

Юль рассмеялся:

— Абсолютно.

— А что в этом смешного?

— Это долгая история.

— Время у меня есть.

— Мы ему приказали ликвидировать кое-кого из его семьи.

Харри перестал крутить педали.

— Когда мы встретили его в Нурмарке, к северу от Уллеволсетера, то сначала не поверили в его историю, думали, что он засланный, и хотели его расстрелять. Но у нас были свои люди в полицейском архиве в Осло, и они, проверив его историю, сказали, что он действительно пропал на фронте и подозревался в дезертирстве. Информация о его семье подтверждалась, у него были с собой документы, которые удостоверяли, что он тот, за кого себя выдает. Но все это, конечно, могло быть сфабриковано немцами, и мы решили устроить ему проверку.

Пауза.

— И что? — спросил Харри.

— Мы оставили его в лесном домике, рядом не было ни наших, ни немцев. Кто-то предложил приказать ему ликвидировать кого-нибудь из его братьев-фашистов. Главное было увидеть, как он на это отреагирует. Когда ему давали приказ, он не проронил ни слова, а когда мы пришли к нему на следующий день, он куда-то пропал. Мы были уверены, что он сбежал, но через два дня он снова появился. На вопросы, где он был, отвечал, что в родном доме, в Гюдбрансдале. Несколько дней спустя оттуда пришли вести: одного брата нашли в амбаре, другого — в конюшне, родители лежали в гостиной.

— О господи, — сказал Харри. — Да он ненормальный.

— Конечно. Мы все были ненормальными. Такими нас сделала война. Мы не вспоминали об этом случае ни тогда, ни потом. И прошу вас, вы тоже…

— Разумеется, я не буду. Где он живет?

— Здесь, в Осло. По-моему, в районе Холменколлена.

— И как его зовут?

— Фёуке. Синдре Фёуке.

— Хорошо. Я с ним поговорю. Спасибо, Юль.

На экране крупным планом возник плачущий Поппе, который слал привет своей семье. Харри снова прицепил телефон на пояс, подтянул штаны и пошел взвешиваться.

«…*Whatever, that don't impress me much*…»[42]

[42] Примечания: 42

…кем бы ты ни был, меня это не впечатляет… (*англ.*)

Эпизод 39
Бутик «House of Singles», улица Хегдехёугсвейен, 2 марта 2000 года

— Шерсть высшего качества, — сказала продавщица, протягивая старику пальто. — Самая лучшая. Легкая и носиться будет долго.

— Мне нужно будет надеть его всего один раз, — улыбнулся старик.

— А-а, — сказала она, слегка озадаченно. — Тогда, может, мы что-нибудь подходящее…

— Мне нравится это. — Он посмотрел на себя в зеркало.

— Классического покроя, — подстраховалась продавщица. — Самого классического, какой у нас есть.

Она замолчала и с ужасом посмотрела на старика: тот весь скорчился.

— Вам плохо? Может, нужно…

— Нет-нет, просто легкая боль. Она быстро проходит. — Старик выпрямился. — А как скоро вы пошьете брюки?

— К следующей среде. Если это не так срочно. А у вас скоро какая-то особая дата?

— Да. Но среда мне вполне подходит.

Он достал из бумажника несколько сотенных купюр и протянул ей. Она начала их пересчитывать.

— Да, могу только добавить, что этот костюм вы будете носить всю жизнь.

Его смех еще долго звенел у нее в ушах.

Эпизод 40
Холменколлен, 3 марта 2000 года

Нужный дом Харри нашел на Холменколлвейен, недалеко от Бессеруда. Это был огромный коричневый сруб, стоящий в тени больших елей. Вверх по склону к дому вела гравийная дорожка, и Харри въехал прямо во двор и развернулся там. Он хотел поставить машину у самого крыльца, но, когда он включал первую передачу, двигатель закашлялся и заглох. Выругавшись, Харри повернул ключ зажигания, но стартер только жалобно взвизгнул.

Он вышел из машины и направился к дому. В дверях показалась женщина и остановилась с вопросительной улыбкой: очевидно, не ожидала его визита.

— Доброе утро, — сказал Харри и кивнул на машину: — Совсем плохая стала старушка, надо бы ее… подлечить.

— Подлечить? — У женщины был низкий, дружелюбный голос.

— Да, по-моему, она вчера немного простудилась.

Ее улыбка стала немного шире и приветливей. На вид женщине было лет тридцать, одета в черное манто, очень простое, элегантное и — Харри чувствовал это инстинктивно — весьма дорогое.

— Я собиралась уходить, — сказала женщина. — Вам сюда?

— Думаю, да. Здесь живет Синдре Фёуке?

— Жил, — ответила она. — Мой отец уже несколько месяцев как переехал в город.

Харри посмотрел на нее внимательнее и подумал, что она красива. А то, как раскованно она разговаривала, не отводя глаз, свидетельствовало об уверенности в себе. Энергичная женщина, предположил Харри. На ее работе, должно быть, нужен расчетливый, холодный разум. Маклер, заместитель директора банка, сотрудник госаппарата или что-то в этом роде. Во всяком случае, материально обеспеченная, в этом можно не сомневаться. И на это указывали не только ее манто и гигантский дом позади нее, но и ее осанка, и высокие, аристократические скулы. Она спустилась по лестнице, ставя ноги одну точно перед другой, будто шла по невидимой линеечке, причем с легкостью. Занималась балетом, подумал Харри.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Четкий выговор и подчеркнутое ударение на

слове «я» придавали ее речи что-то театральное.

— Я из полиции. — Харри полез было в карман куртки за удостоверением, но она с улыбкой махнула рукой. — Вот, и мне надо переговорить с вашим отцом.

Харри с досадой отметил, что говорит с какой-то неестественно-торжественной интонацией.

— Зачем?

— Мы ищем одного человека. И возможно, ваш отец мог бы нам в этом помочь.

— А кого вы ищете?

— Этого мы еще не можем сказать.

— Отлично. — Она кивнула так, будто это была проверка и Харри с успехом выдержал ее.

— Но если вы говорите, что он здесь не живет… — Харри посмотрел на нее из-под ладони. У нее были изящные руки. Занималась фортепиано, подумал Харри. А вокруг улыбчивых глаз были морщинки. Может, ей уже за тридцать?

— Не живет, — сказала она. — Он переехал в Майорстуа. Вибес-гате, восемнадцать. Еще, думаю, вы можете встретить его в Университетской библиотеке.

«*В Университетской библиотеке*». Она четко проговорила каждый слог.

— Вибес-гате, восемнадцать. Ясно.

— Хорошо.

— Да.

Харри кивнул. Потом еще раз. Как игрушечная собачка, из тех, что так любят водители. Она сдержанно улыбнулась ему и подняла брови, будто давая понять, что если вопросов больше нет, то разговор окончен.

— Ясно, — повторил Харри.

У нее были черные и ровные, как по линеечке, брови. Разумеется, она их подравнивает пинцетом, подумал Харри. Немножко.

— А сейчас мне нужно идти, — сказала она. — Мой трамвай…

— Ясно, — повторил Харри в третий раз, не двигаясь с места.

— Надеюсь, вам удастся его найти. Моего отца.

— Мы постараемся.

— Всего доброго. — Она пошла прочь, под ногами у нее захрустел гравий.

— У меня есть маленькая проблема… — начал Харри.

— Спасибо за помощь, — сказал Харри.

— Что вы, — ответила она. — Вам точно не придется делать большой крюк?

— Вовсе нет, нам, что называется, по пути. — Харри с волнением посмотрел на ее тонкие

дорогие кожаные перчатки, на которых теперь была серая грязь с кузова его «форда». — Вопрос в том, сколько эта развалина еще продержится.

— У вас тут, я вижу, небогато. — Она указала на дырку в щитке приборов, где должна была быть магнитола, но сейчас оттуда торчала масса красных и желтых проводов.

— Украли, — объяснил Харри. — Поэтому и дверь не закрывается — замок тоже сломали.

— И теперь в нее может забраться кто хочет?

— Да, вот что годы делают.

Она рассмеялась:

— Неужели?

Харри снова бросил на нее быстрый взгляд. Может быть, она относится к тому типу женщин, что не меняются заметно с годами, которые выглядят на тридцать и в двадцать лет, и в пятьдесят. Ему нравился ее профиль, эти изящные черты. На щеках у нее был природный румянец, а не тот сухой, неживой загар, какой в феврале приобретают женщины ее лет в соляриях. Она расстегнула манто, и он увидел ее длинную, тонкую шею. Харри посмотрел на руки, которые она невозмутимо скрестила на груди.

— Красный свет, — сообщила она спокойно.

Харри ударил по тормозу.

— Прошу прощения, — произнес он.

Как он себя с ней ведет? Зачем он посмотрел, нет ли у нее обручального кольца? О господи!

Харри выглянул в окно и сразу припомнил то место, где они остановились.

— Какие-то проблемы? — спросила она.

— Нет-нет. — На светофоре загорелся зеленый свет, Харри нажал на газ. — Просто у меня плохие воспоминания об этом месте.

— У меня тоже, — сказала она. — Пару лет назад я проезжала здесь на поезде, как раз после того, как одна полицейская машина проехала переезд и врезалась в ту стену. — Она показала рукой. — Это было ужасно. Один полицейский повис на изгороди, как будто его распяли. Я потом несколько ночей подряд не могла заснуть. Мне рассказывали, что полицейский, который вел машину, был пьян.

— А кто вам это рассказывал?

— Так, один, я с ним вместе училась. Из Полицейской академии.

Они проехали Фрёен. Виндерн остался позади. Далеко позади, подумал Харри, будто решив это для себя — окончательно и бесповоротно.

— Так вы учились в Полицейской академии? — спросил он.

— Вы с ума сошли? — Она снова рассмеялась. Харри нравился ее смех. — Нет, я изучала право в университете.

— Я тоже, — сказал он. — В каком году вы туда поступили?

Какой ты хитрец, Холе!

— Я закончила его в девяносто девятом.

Харри начал в уме вычитать и складывать. Да, ей минимум тридцать.

— А вы?

— В девяностом, — ответил Харри.

— Тогда вы должны помнить концерт группы «Рага Рокерз» во время «Юстиваля» в восемьдесят восьмом!

— Конечно помню. Я был на нем. В саду.

— Я тоже! Было здорово, правда? — Она посмотрела на него. Ее глаза блестели.

«Где? — думал Харри. — Где ты была?»

— Да, было классно. — Харри уже плохо помнил сам концерт. Но он вдруг отчетливо вспомнил тех девчонок, которые выпрыгивали из толпы, когда играли «Рага Рокерз».

— Но если мы вместе учились, у нас должно быть много общих знакомых, — предположила она.

— Сомневаюсь. Я уже работал в полиции, и мне

было не до студенческой тусовки.

Молча они проехали перекресток с улицей Индустригата.

— Можете высадить меня здесь, — сказала она.

— Вам именно сюда?

— Да, тут уже недалеко.

Харри съехал на обочину, она повернулась к нему. Непослушная прядь волос упала ей на лицо. Взгляд, мягкий и холодный одновременно. Карие глаза. Внезапно Харри пришла в голову совершенно неожиданная и безумная мысль: ему захотелось поцеловать ее.

— Спасибо, — сказала она и улыбнулась.

Она повернула ручку двери. Но ничего не произошло.

— Прощу прощения, — сказал Харри, перегнулся через нее и вдохнул запах ее духов. — Этот замок… — Он с силой толкнул дверь, и она открылась. Он чувствовал себя как пьяный.

— Может, еще увидимся, — сказала она.

— Может быть.

Ему захотелось спросить, куда она идет, где она работает, нравится ли ей ее работа, что ей еще нравится, любит ли она кого-нибудь, не хочет ли она пойти с ним на концерт, пусть и не на «Рага Рокерз». Но, к счастью, было слишком поздно,

она уже шла своим балетным шагом по тротуару улицы Спурвейсгата.

Харри вздохнул. Он встретил ее полчаса назад и даже не спросил, как ее зовут. Пожалуй, пора его списывать в архив. Досрочно.

Харри посмотрел в зеркало и самым бессовестным образом развернул машину посреди улицы. До Вибес-гате было недалеко.

Эпизод 41
Улица Вибес-гате, Майорстуа, 3 марта 2000 года

Тяжело дыша, Харри миновал четвертый лестничный пролет. На пороге квартиры его с улыбкой ждал мужчина.

— Прошу прощения за лестницу. — Мужчина протянул ему руку. — Синдре Фёуке.

У него в глазах по-прежнему горела юность, но лицо свидетельствовало — да, он побывал на двух мировых войнах. Как минимум. Остатки седых волос бы ли зачесаны назад. Поверх грубой красной рубахи надет свитер. Рукопожатие было коротким и крепким.

— Я только что сварил кофе, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли.

Они прошли в гостиную, обставленную как рабочий кабинет. Посреди комнаты, на бюро, стоял компьютер. Повсюду валялись бумаги, на столах и на полу вдоль стен лежали стопки книг и журналов.

— Я тут еще не совсем прибрался, — сказал он, расчищая для Харри диван.

Харри посмотрел на стены: никаких картин, только календарь с пейзажем Нурмарки.

— У меня есть большой проект, и я надеюсь, он выльется в книгу. История войны.

— А разве никто еще не написал такую книгу?

Фёуке расхохотался:

— Как видите, и не одну! Но они писали не совсем про то. А я хочу рассказать историю *моей* войны.

— Понятно. А зачем вам это?

— Не хочу показаться претенциозным, но мы, те, кто там побывал, должны передать свой опыт грядущим поколениям прежде, чем сойдем в могилу. — Фёуке скрылся в кухне и теперь кричал оттуда в гостиную. — Эвен Юль позвонил мне и сказал, что у меня будут гости. Вы ведь из полиции?

— Да. Но Юль говорил мне, что вы живете в районе Холменколлена.

— Мы с Эвеном не слишком часто общаемся. Я решил не менять номер телефона — ведь я переехал сюда ненадолго. До тех пор, пока не закончу книгу.

— Ясно. А я сначала поехал по тому адресу. Там встретил вашу дочь, и она мне сказала, где вы теперь живете.

— Так она была дома? Работу, значит, прогуливает?

«Какую работу?» — хотел было спросить Харри, но подумал, что это выглядело бы странно.

Фёуке вернулся из кухни с большим дымящимся кофейником и парой кружек.

— Черный будете? — Он поставил одну кружку перед Харри.

— С удовольствием.

— Это хорошо. Потому что выбора у вас все равно нет. — Фёуке засмеялся, и пока наливал кофе, часть расплескал на стол.

Харри удивился, как мало общего у Синдре Фёуке с дочерью. У него не было ее изысканного выговора и манер, да и чертами лица, темными волосами она пошла не в отца. Только лоб у Синдре Фёуке был похож на ее. Высокий, с толстой голубой веной посередине.

— У вас в Холменколлене большой дом, — заметил Харри вслух.

— С ним сплошной ремонт, да еще снег надо убирать. — Фёуке попробовал кофе и с удовольствием причмокнул. — В нем мрачно и уныло. К тому же он далеко от центра. Терпеть не могу Холменколлен. Потом, там живут одни чистоплюи. Человеку, который приехал из Гюдбрансдаля, как

я, там просто делать нечего.

— Тогда почему вы его не продадите?

— Там нравится дочке. Конечно, она там выросла. Но думаю, вы хотите поговорить про Зеннхайм?

— Ваша дочь живет одна?

Харри прикусил язык. Фёуке отпил немного из кружки и начал перекатывать кофе во рту. Стало тихо.

— С ней живет мальчик. Олег.

Он смотрел куда-то вдаль и больше не улыбался.

Харри поспешно сделал два вывода. Может, конечно, чересчур поспешно, но если они верны, то, во-первых, одной из причин, почему Синдре Фёуке переехал в Майорстуа, был Олег. А кроме того, у нее есть сожитель.

— Я не могу многого вам рассказать, Фёуке. Как вы понимаете, наша работа…

— Я понимаю.

— Хорошо. Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне о тех норвежцах, которые были с вами в Зеннхайме.

— Эх. Нас там было очень много.

— О тех, кто еще жив.

Фёуке ухмыльнулся:

— Не хочу показаться циником, но тогда все становится гораздо легче. На Восточном фронте мы дохли как мухи. Из моего взвода каждый год гибло процентов шестьдесят.

— О боже, совсем как завирушки…

— Что?

— Прошу прощения. Пожалуйста, продолжайте.

Харри сконфуженно уставился в чашку.

— Штука в том, что вероятность на войне растет по экспоненте, — сказал Фёуке. — Если тебя не убили в первые шесть месяцев, твои шансы выжить многократно возрастают. Ты уже не наступаешь на мины, пригибаешься, когда бежишь по траншее, просыпаешься, услышав, как щелкает затвор винтовки Мосина. И понимаешь, что незачем быть героем и что твой лучший друг — это страх. Через шесть месяцев нас, норвежцев, почти не осталось, но мы, выжившие, чувствовали, что уже не погибнем на этой войне. И большинство из нас обучалось в Зеннхайме. По ходу войны кто-то проходил обучение в Германии. А кто-то прибывал прямо из Норвегии. Те, кто приезжал из Норвегии безо всякого обучения…

Фёуке покачал головой.

— Погибали? — спросил Харри.

— Мы даже не успевали выучить, как кого зовут. Да и зачем? Это трудно понять, но даже в сорок четвертом на Восточный фронт потоком шли добровольцы, когда мы, кто был там, уже давным-давно поняли, что к чему. Они, бедолаги, думали, что идут спасать Норвегию.

— Я так понял, что в сорок четвертом вас уже там не было.

— Верно. Я сбежал. В тысяча девятьсот сорок третьем, под Новый год. Я дважды побывал предателем. — Фёуке улыбнулся — И оба раза оказывался не в том лагере.

— Вы воевали за русских?

— Да, воевал. Я попал в плен. Мы там чуть не умерли от голода. Как-то утром нас спросили по-немецки, разбирается ли кто в связи. Я имел об этом какое-то представление и поднял руку. Оказалось, что в одном полку погибли в бою все связисты. Все до единого! На следующий день я уже тянул полевой телефон. Мы воевали в Эстонии против моих бывших товарищей. Это было под Нарвой…

Фёуке приподнял чашку и взял ее обеими руками.

— Я лежал на пригорке и видел, как русские

штурмуют немецкую пулеметную позицию. Немцы просто косили их, как траву. Горы трупов: сто двадцать человек и четыре лошади — лежали перед ними, когда наконец пулеметы перегрелись. Русские кололи немцев штыками — экономили патроны. Вся атака длилась не больше получаса. Сто двадцать погибших. А впереди — другая позиция. И там происходило то же самое.

Харри видел, как дрожит чашка в его руках.

— Я знал наверняка, что погибну. Причем за дело, в которое я не верю. Я не верил ни в Сталина, ни в Гитлера.

— Почему же вы тогда пошли на Восточный фронт?

— Мне было восемнадцать. Я вырос в глуши, в далеком хуторе в Гюдбрансдале, где не видел почти никого, кроме ближайших соседей. Мы не читали газет, у нас не было книг — я ничего не знал. О политике я знал только то, что мне рассказывал отец. Из всей нашей родни в Норвегии остались только мы, остальные уехали в США еще в двадцатых. И мои родители, и все соседи были ярыми квислинговцами и членами «Национального объединения». У меня было два старших брата, они тоже туда записались. Они

пошли в «Хирт»[43], и им дали задание — вербовать в партию молодежь, иначе их отправили бы на фронт. Так, во всяком случае, они мне сами объяснили. Потом я узнал, что на самом деле они вербовали доносчиков. Но было уже слишком поздно — я уже отправлялся на фронт.

— А на фронте вы стали думать иначе?

— Я бы так не сказал. Большинство из нас, добровольцев, больше думали о Норвегии, а не о политике. Для меня поворотный момент наступил, когда я понял, что воюю не за свою страну. Вот так, очень просто. Поэтому сражаться за русских мне тоже было не намного приятнее. В июне сорок четвертого, когда я служил лоцманом в таллинском порту, мне удалось пробраться на корабль шведского Красного креста. Я схоронился в трюме и пролежал там трое суток. Я отравился угарным газом, но пришел в себя в Стокгольме. Оттуда я направился дальше, к норвежской границе, самостоятельно, на свой страх и риск. Дело было в августе.

— А почему на свой страх и риск?

— Люди, с которыми я общался в Стокгольме (их было немного), не доверяли мне, моя история

---

[43] Примечания: 43

«Хирт» — фашистская организация штурмовиков в «Национальном объединении» в 1940–1944 гг. (*Прим. перев.*)

казалась им слишком неправдоподобной. Но это было нормально. Я ведь тоже никому не доверял. Даже я никому не верил! — Он снова громко рассмеялся. — Я тогда лег на дно и действовал своими силами. Границу пересечь — это были детские игрушки. Поверьте мне, достать паек в Ленинграде было куда труднее, чем попасть из Швеции в Норвегию во время войны. Еще кофе?

— Спасибо. А почему вы не захотели остаться в Швеции?

— Хороший вопрос. Я и сам себя об этом много раз спрашивал. — Он пригладил седые волосы. — Но, понимаете, мной тогда владела жажда мести. Я был молод, а когда ты молод, ты живешь всеми этими бреднями о справедливости, о том, что у каждого должно быть какое-то призвание. На Восточном фронте я был молодым парнем, меня раздирали противоречия, я чувствовал, что повел себя как скотина по отношению к боевым товарищам. Тем не менее, а вернее, именно поэтому я поклялся отомстить за всех, кто погиб ради того вранья, которым нас пичкали дома. Отомстить за свою разбитую вдребезги жизнь, которую, как тогда мне казалось, уже никогда не восстановить. Я хотел одного: свести счеты с теми, кто на самом деле предал нашу страну.

Сейчас психологи назвали бы это маниакально-депрессивным психозом и тут же упекли бы меня в больницу. А вместо этого я поехал в Осло, где мне негде было жить, где никто не мог меня принять, где стоило мне предъявить документы — и меня тут же расстреляли бы как дезертира. В тот же день, когда я на грузовике приехал в Осло, я отправился в Нурмарку. Три дня мне приходилось спать под деревьями и питаться ягодами, а потом меня нашли.

— Сопротивленцы?

— Я так понял, Эвен Юль рассказал вам, что было дальше.

— Да. — Харри вертел кружку пальцами. Ликвидация. Загадка, которая не стала понятней от разговора с этим человеком. Она не давала Харри покоя с того момента, как он увидел Фёуке в дверях и тот пожал ему руку. «*Этот человек казнил своих двух братьев и родителей*».

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Фёуке. — Я был солдатом, которому дали приказ: ликвидировать. Не будь у меня этого приказа, я бы не стал этого делать. Но я знал: они были среди тех, кто предал нас. — Фёуке посмотрел на Харри. Кружка в его руках больше не дрожала. — Вы думаете, зачем я убил их всех, если приказано было убить

одного, — продолжал он. — Беда в том, что не уточнялось, кого именно. Они предоставили мне право судить, кто заслужил жизнь, а кто — смерть. А для меня это было слишком тяжело. Поэтому я убил всех. У нас на фронте был парень, которого мы прозвали Красношейкой. Как птицу. Так вот, этот парень говорил мне, что штыком убивать гуманнее всего. Сонная артерия идет от сердца прямо к мозгу, и если перерезать ее, мозг перестанет получать кислород и жертва погибнет мгновенно. Сердце ударит еще три — может, четыре раза, и остановится. Беда в том, что это сложно. Гюдбранн, по прозвищу Красношейка, был мастер глотки резать, а я возился с матерью двадцать минут, а смог лишь несколько раз пырнуть ее. Под конец я ее застрелил.

У Харри пересохло во рту.

— Ясно, — сказал он.

Это бессмысленное слово повисло в воздухе. Харри отодвинул кружку в центр стола и достал из куртки блокнот.

— Может, мы поговорим о тех, с кем вы были в Зеннхайме?

Синдре Фёуке резко встал.

— Простите, Холе. Я вовсе не хотел показаться вам бесчувственным и жестоким. Дайте мне объ-

яснить вам, прежде чем мы пойдем дальше: я не изверг, просто у меня такое отношение к этим вещам. Не нужно было вам этого рассказывать, а я это сделал. Потому что не мог не рассказать. И именно поэтому я начал писать эту книгу. Мне постоянно приходится вспоминать об этом, когда речь прямо или косвенно заходит о войне. Чтобы быть уверенным, что я не боюсь этой памяти. Стоит мне испугаться, страх больше не отпустит меня. Не знаю почему, но это так. Психолог объяснит вам лучше. — Он вздохнул. — Но сейчас, как я и сказал, давайте поговорим о деле. У вас, наверное, будет много вопросов. Еще кофе?

— Нет, спасибо, — ответил Харри.

Фёуке снова сел. Подпер подбородок кулаком.

— Значит, так. Зеннхайм. Прочное норвежское ядро. Всего пять человек, считая меня. И один, Даниель Гюдесон, погиб той же ночью, что я убежал. Остаются четверо. Эдвард Мускен, Халлгрим Дале, Гюдбранн Юхансен и я. После войны я видел только Эдварда Мускена, нашего командира. Это было летом сорок пятого. Ему дали три года за измену родине. Что стало с остальными, выжили они или нет, я не знаю. Но давайте я расскажу вам, что мне о них известно.

Харри открыл блокнот на чистой странице.

Эпизод 42
СБП, 3 марта 2000 года

Г-ю-д-б-р-а-н-н Ю-х-а-н-с-е-н, отстучал Харри на клавиатуре. Обычный паренек. По словам Фёуке, добрый, немного сентиментальный, смотрел на Даниеля Гюдесона, — того самого, которого убили во время дежурства, — как на пример для подражания, что-то вроде старшего брата. Харри нажал клавишу «ENTER», и программа начала поиск.

Он уставился в стену. На стену. На маленькую фотографию Сестрёныша. Она корчила рожицу, она всегда так делала, когда ее фотографировали. Старая-старая карточка, с летних каникул. На белой футболке — тень фотографа. Мама.

Компьютер пискнул, давая понять, что поиск окончен, Харри снова уставился в экран.

По данным переписи есть два человека по имени Гюдбранн Юхансен, но, судя по датам рождения, им обоим нет и шестидесяти. Синдре Фёуке диктовал имена по буквам, так что навряд ли ошибка была в написании имени. Это означало, что он сменил фамилию. Или живет за границей. Или умер.

Харри набрал другое имя. Командир из Мьёндаля. Отец маленького сынишки. Э-д-в-а-р-д М-у-с-к-е-н. От него отреклись родные, потому что он пошел воевать за Гитлера. Двойной щелчок на слове «Поиск».

Внезапно в комнате загорелся верхний свет. Харри обернулся.

— Надо включать свет, когда ты работаешь так поздно. — В дверях, держа руку на выключателе, стоял Курт Мейрик. Он прошел в комнату и сел на край стола. — Что ты там разведал?

— Человеку, которого мы ищем, глубоко за семьдесят. И он скорее всего воевал во Вторую мировую.

— Я про тех неонацистов и семнадцатое мая.

— А-а. (Компьютер снова пикнул.) У меня пока не было времени всерьез заняться этим, Мейрик.

В базе данных оказалось два Эдварда Мускена: один родился в 1942-м, другой — в 1921-м.

— В субботу у нас тут намечается вечеринка, — сказал Мейрик.

— Я уже видел приглашение. — Харри два раза кликнул на «1921», появился адрес старшего Мускена. Тот проживал в Драммене.

— Начальник отдела кадров сказал, что ты пока никак не отреагировал. Я только хочу убедиться,

что ты придешь.

— Зачем же так?

Харри скопировал номер свидетельства о рождении Эдварда Мускена и открыл список уголовных дел.

— Нужно, чтобы сотрудники знали друг друга, в каком бы отделе ни работали. А я еще ни разу не видал тебя в столовой.

— Мне хорошо и в кабинете.

Поиск не дал результатов. Харри переключился на базу данных всех, кто так или иначе имел дело с полицией. Не обязательно наказанных, но также, например, и тех, на кого заводилось уголовное дело, поступали жалобы, у кого были приводы в участок.

— Хорошо, что ты так увлеченно работаешь, Харри, но незачем себя здесь замуровывать. Так ты придешь в субботу?

«ENTER».

— Посмотрим. Я уже договорился на этот день, причем очень давно, — соврал Харри.

Опять без результатов. Раз уж Харри все равно зашел в эту программу, он набрал имя третьего солдата, которого назвал Фёуке. Х-а-л-л-г-р-и-м Д-а-л-е. Фёуке говорил про него, что он оппортунист. Надеялся, что Гитлер победит и вознаградит

тех, кто выбрал верный путь. Пожалел о своем выборе уже в Зеннхайме, но поворачивать было поздно. Когда Фёуке назвал это имя, Харри оно показалось знакомым. Теперь у него снова появилось это чувство.

— Тогда я скажу иначе, — продолжал Мейрик. — Я *приказываю* тебе прийти.

Харри посмотрел на него. Мейрик улыбнулся.

— Шутка, — сказал он. — Просто было бы очень приятно видеть тебя. Ну, будь здоров, пока!

— Пока, — буркнул Харри и снова отвернулся к экрану. Один Халлгрим Дале. Год рождения: 1922. «ENTER».

На экране появился текст. Одна страница. Далее. Еще одна страница. Далее. И еще одна страница.

Не у всех них после войны жизнь сложилась хорошо, подумал Харри. Халлгрим Дале, место жительства: Швейгордс-гате, Осло. Он был из тех, кого газеты любят называть «хорошо известными полиции». Харри пробежал глазами по списку. Бродяжничество, пьянство, скандалы, мелкое воровство, драки. Много разног о, но ничего по-настоящему серьезного. Что действительно достойно уважения, так это то, что человек еще не умер, думал Харри, читая, что в последний раз

Дале доставляли в вытрезвитель в августе. Харри нашел телефонный справочник Осло, отыскал в нем номер Дале и набрал его. Пока в трубке слышались гудки, он продолжал поиск в базе данных последней переписи и нашел второго Эдварда Мускена, который родился в 1942-м. Он тоже жил в Драммене. Харри скопировал номер его свидетельства о рождении и переключился на список уголовных дел.

— «Набранный вами номер не существует. Говорит компания «Теленор». Набранный вами номер…»

Харри не удивился. Он положил трубку.

У Эдварда Мускена-младшего была судимость. Длительный срок, — он все еще сидит в тюрьме. За что? Наверное, наркотики, предположил Харри и нажал на «ENTER». Треть всех, кто сейчас сидят в тюрьме, сидит за наркотики. Вот. Ну, конечно. Контрабанда гашиша. Четыре килограмма. Четыре года, как с куста.

Харри зевнул и скрестил руки на груди. Интересно, он хоть капельку продвинулся или сидит здесь просто потому, что иначе пошел бы в «Шрёдер», где ему предложили бы что-нибудь покрепче кофе? Какой скверный день. Он подвел итоги: Гюдбранна Юхансена не существует, во

всяком случае, в Норвегии. Эдвард Мускен живет в Драммене, его сын сидит за наркотики. А Халлгрим Дале — пьяница, у него уж точно не нашлось бы полмиллиона крон.

Харри потер глаза.

Может, набрать в телефонном справочнике Фёуке и посмотреть, какой номер установлен на Холменколлвейен? Он вздохнул.

«*У нее есть сожитель. И деньги. И манеры. Короче говоря: все, чего нет у тебя*».

Он завел номер свидетельства о рождении Халлгрима Дале в список. «Enter». Машина зажужжала.

Длинный список. В основном все то же самое. Несчастный алкоголик.

«*Вы оба изучали право. Ей, как и тебе, нравятся «Рага Рокерз»*.

Секундочку. В последнем деле Дале фигурировал как «потерпевший». Его кто-то отлупил? «Enter».

«*Забудь ее. Вот так, теперь ты ее забыл. Может, позвонить Эллен и спросить, не хочет ли она пойти в кино? Пусть сама выберет фильм. Нет, уж лучше еще раз сходить в «САТС» и хорошенько пропотеть*».

На экране появилась надпись:

ХАЛЛГРИМ ДАЛЕ. 151199. УБИТ.

У Харри перехватило дыхание. Он удивился — ну что ж, будем удивляться дальше! Он дважды щелкнул по слову «ПОДРОБНОСТИ». Системный блок зашумел и закудахтал. На мгновение мозг Харри опередил электронные мозги компьютера, и когда на экране появилась картинка, он уже знал, чье имя ему искать дальше.

Эпизод 43
«САТС», 3 марта 2000 года

— Эллен.

— Привет, это я.

— Кто?

— Харри. И не притворяйся, что кто-нибудь еще звонит тебе и говорит: «Это я».

— Чтоб тебя, Харри! Откуда ты звонишь? Что за ужасная музыка?

— Я в «САТС».

— Что?

— Я еду на велосипеде. Скоро будет восемь километров.

— Так, еще раз: ты сидишь на велотренажере в «САТС» и одновременно говоришь по телефону? — Особое ударение она сделала на словах «САТС» и «телефон».

— А что в этом странного?

— О господи, Харри!

— Я весь вечер пытался дозвониться до тебя. Помнишь то убийство, которым вы с Томом Волером занимались в ноябре? Убитого звали Халлгрим Дале.

— Разумеется. Этим сразу же занялась КРИПОС. А что такое?

— Точно не знаю. Это может иметь какое-то отношение к тому легионеру, которого я ищу. Что ты помнишь об этом деле?

— Харри, я не хочу говорить о работе. Позвони мне завтра.

— Подожди, Эллен. Хотя бы что-нибудь?

— Один из поваров пиццерии «У Герберта» нашел Дале под аркой. Он лежал между мусорных баков с перерезанной глоткой. Состав преступления налицо. Патологоанатом сказал, что надрез сделан мастерски, почти как хирургическая операция.

— И кто, по-твоему, мог это сделать?

— Без понятия. Может, конечно, кто-нибудь из неонацистов, но я в это не верю.

— Почему?

— Если ты убиваешь мужика прямо возле забегаловки, куда постоянно ходишь, то ты либо отчаянно смел, либо отчаянно глуп. Но это убийство кажется таким взвешенным, таким продуманным. Никаких признаков борьбы, никаких следов, никаких свидетелей. Все указывает на то, что убийца знал, что делает.

— Мотив?

— Трудно сказать. У Дале, конечно, были долги, но навряд ли его стоило убивать из-за денег. С наркотиками он вроде дела не имел. Мы обыскали его квартиру — ничего, только пустые бутылки. Мы поговорили с его собутыльниками. Он то и дело волочился за алкоголичками.

— Алкоголичками?

— Ну да, теми, которые постоянно таскаются за пьяницами. Ну ты их видел, представляешь, о чем я говорю?

— В общем, да, но… алкоголички…

— Харри, ты всегда зацикливаешься на такой ерунде, и, знаешь, это очень раздражает! Может, ты…

— Извини, Эллен. Конечно, ты права, и я постараюсь в корне измениться. Так на чем ты остановилась?

— У этих алкоголиков такие нравы, что нельзя исключать убийство на почве ревности. Кстати, знаешь, кого мы допрашивали? Твоего старого друга Сверре Ульсена. Повар видел, как он входил в пиццерию примерно в то время, когда было совершено убийство.

— Ну?

— Алиби. Он проторчал там целый день, отлучился только один раз, кое-что купить. В

магазинчик — продавец может подтвердить.

— Он вполне бы успел…

— Да, тебе, конечно, хочется, чтобы это был он. Но послушай, Харри…

— Может, у Дале было что-то, кроме денег.

— Харри…

— Может, он что-то знал. О ком-то.

— Вы там на шестом этаже что, помешались на заговорах? Но об этом можно поговорить и завтра. Харри?

— На работе от тебя так много не добьешься.

— Но я уже легла.

— В пол-одиннадцатого?

— Я легла не одна.

Харри перестал крутить педали. Раньше ему и в голову не приходило, что кто-нибудь посторонний может подслушивать, о чем ты говоришь. Он посмотрел вокруг. По счастью, в тренажерном зале уже осталось не так уж много посетителей.

— Это художник из «Жажды»? — шепотом спросил он.

— Мм…

— И с каких пор вы спите в одной постели?

— С этого момента.

— А почему ты мне ничего не говорила?

— Ты не спрашивал.

— Он сейчас лежит рядом?

— Мм…

— Ну и как он?

— Мм…

— Он уже говорил, что любит тебя?

— Мм…

Пауза.

— А ты думаешь о Фредди Меркьюри, когда вы…

— Спокойной ночи, Харри.

Эпизод 44
Кабинет Харри, 6 марта 2000 года

Когда Харри пришел на работу, на часах в приемной было 8.30. Строго говоря, это была не совсем приемная, скорее просто вестибюль, служивший чем-то вроде шлюза. Начальницей этого шлюза была Линда; сейчас она подняла взгляд от компьютера и весело пожелала Харри доброго утра. Линда проработала в СБП дольше всех остальных и, надо сказать, была там единственным человеком, с которым Харри по работе приходилось общаться. Но эта миниатюрная, необычайно острая на язык пятидесятилетняя женщина являлась не только «начальницей шлюза». Она также выполняла функцию всеобщего секретаря, дежурного администратора и человека для всевозможных поручений. Харри порой думал, что, если бы какому-нибудь иностранному шпиону понадобился источник информации в СБП, он обратился бы к Линде. К тому же в СБП она единственная (кроме Мейрика) знала, в чем заключается работа Харри. Что думали на сей счет другие, он даже не представлял. В те крайне

редкие разы, когда он заходил в столовую купить упаковку йогурта или сигарет (которых, само собой, там нет в продаже), он замечал на себе взгляды людей за столиками, но, даже не пытаясь истолковать их, поспешно возвращался к себе в кабинет.

— Тебе тут звонили, — сказала Линда. — Говорили по-английски. Сейчас посмотрим… — Она отцепила желтый стикер от дисплея. — Хохнер.

— Хохнер? — удивился Харри.

Линда с несколько неуверенным видом посмотрела на стикер.

— Да, так она представилась.

– *Она*? Ты хочешь сказать, *он*?

— Нет, это была женщина. Она сказала, что перезвонит, — Линда обернулась и посмотрела на настенные часы, — сейчас. Судя по голосу, ей просто необходимо с тобой поговорить. Да, кстати, спрошу, пока ты не ушел, Харри, ты уже познакомился с сослуживцами?

— У меня не было времени, Линда. На следующей неделе.

— Ты здесь уже месяц. Вчера Стеффенсен спросил меня, что это за парень, с которым он столкнулся в туалете.

— Даже так? И что ты ему ответила?

— Я сказала, что это совершенно секретно. — Она рассмеялась. — Тебе обязательно надо прийти на вечеринку в субботу.

— Мне уже сказали, — пробормотал он и взял с полки для писем два листка. В одном напоминалось о вечеринке, в другом содержалась внутренняя информация о назначении нового уполномоченного. И оба полетели в корзину, едва Харри переступил порог своего кабинета.

Он сел на стул, нажал на автоответчике «ЗАПИСЬ» и «ПАУЗА» и начал ждать. Секунд через тридцать раздался звонок.

– *Harry Hole speaking*[44].

— Харя? Шпики? — послышался голос Эллен.

— Извини. Я думал, что это не ты.

— Ах, скотина! — вырвалось у Эллен. — Неужели же…

— Если ты об этом, то лучше помолчи.

— Какая жалость. Так все-таки от кого ты ждешь звонка?

— От женщины.

— Наконец-то!

— Хватит. Это, очевидно, родственница или жена одного типа, которого я допрашивал.

---

[44] Примечания: 44
Харри Холе у телефона (*англ.*).

Эллен вздохнула:

— Когда же и ты кого-нибудь повстречаешь, Харри?

— Что, ты с кем-то встречаешься?

— Угадал! А ты что, нет?

— Я?

От веселого визга Эллен у Харри заложило уши.

— Не ответил! Попался, Харри Холе! Кто, кто она?

— Заткнись, Эллен.

— Скажи, что я права!

— Я ни с кем не встречаюсь, Эллен.

— Не ври мамочке.

Харри рассмеялся:

— Лучше расскажи мне про Халлгрима Дале. Как продвигается расследование?

— Не знаю. Позвони в КРИПОС.

— Позвоню. Но что об этом думаешь ты со своей интуицией?

— Что убийство совершено профессионалом, на бытовое не похоже. Но, несмотря на то что оно выглядит продуманным, мне не кажется, что его планировали заранее.

— Почему?

— Само убийство совершено мастерски, нет

никаких следов. Но место выбрано плохо, убийцу могли видеть с улицы или заднего двора.

— Тут звонок на другой линии, я тебе перезвоню.

Харри нажал на «ЗАПИСЬ» на автоответчике и прежде, чем соединиться с другой линией, убедился в том, что магнитофон начал работать.

— Харри.

– *Hello, my name is Constance Hochner*[45].

– *How do you do, Ms. Hochner?*[46]

— Я сестра Андреаса Хохнера.

— Понятно.

Несмотря на плохое качество связи, Харри понял: она нервничает. Тем не менее она перешла к делу без обиняков:

— Вы заключили с моим братом договор, мистер Холе. И вы не выполнили свою часть этого договора.

Она говорила со странным акцентом, таким же, как и у Андреаса Хохнера. Харри машинально попытался представить ее себе — эта привычка осталась у него с тех пор, как он работал следователем.

---

[45] Примечания: 45
Здравствуйте, меня зовут Констанция Хохнер (*англ.*).

[46] Примечания: 46
Здравствуйте, госпожа Хохнер (*англ.*).

— Понимаете, госпожа Хохнер, я не могу ничего сделать для вашего брата, пока не проверю его информацию. А пока ее ничто не подтверждает.

— Но зачем ему лгать, господин Холе? Когда он в таком положении?

— Вот именно поэтому, госпожа Хохнер. От отчаяния он мог сделать вид, будто что-то знает — даже если не знает ничего.

На том конце трескучей линии (но где? в Йоханнесбурге?) замолчали.

Потом Констанция Хохнер заговорила снова:

— Андреас предупредил меня, что вы можете сказать что-нибудь вроде этого. Я звоню вам, чтобы сказать, что у моего брата есть дополнительные сведения, которые могут вас заинтересовать.

— Я слушаю.

— Но вы не получите эти данные, пока ваше правительство не займется делом моего брата.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

— Я свяжусь с вами, когда нам станет ясно, что вы хоть что-то делаете.

— Вы и сами понимаете, что так дело не пойдет, госпожа Хохнер. Сначала мы должны проверить имеющиеся данные, а уже потом оказывать помощь вашему брату.

— Моему брату нужны гарантии. Суд по его делу начнется через две недели. — Ее голос задрожал на середине фразы, и Харри понял, что она готова расплакаться.

— Все, что я могу, госпожа Хохнер, это дать вам слово, что я постараюсь сделать все возможное.

— Я вас не знаю. Вы не понимаете. Они хотят его *казнить*. Вы…

— Но я все равно не могу предложить вам большего.

Она начала плакать. Харри ждал. Через какое-то время плач прекратился.

— Госпожа Хохнер, у вас есть дети?

— Да. — Она всхлипнула.

— И вы знаете, в чем обвиняют вашего брата.

— Конечно.

— Тогда вы понимаете, что он должен сделать все от него зависящее, чтобы искупить свою вину. Если он через вас поможет нам предотвратить покушение, он сделает доброе дело. И вы тоже, госпожа Хохнер.

Он слышал, как она тяжело дышит в трубку. На какое-то мгновение ему показалось, что она вот-вот заплачет снова.

— Вы обещаете, что сделаете все возможное, господин Холе? Мой брат не совершал всех тех

ужасных вещей, в которых его обвиняют.

— Обещаю.

Харри услышал свой собственный голос. Спокойный и твердый. А рука при этом изо всех сил стиснула трубку.

— Хорошо, — тихо произнесла Констанция Хохнер. — Андреас говорит, что тот, кто получил винтовку и расплатился с ним тогда в порту, и тот, кто заказывал оружие, — разные лица. Тот, кто заказывал, был у них почти что постоянным клиентом. Он моложе, хорошо говорит по-английски, но со скандинавским акцентом. Настаивал, чтобы Андреас называл его «Принц». Андреас сказал, что вам следует поискать его в кругах, связанных с торговлей оружием.

— Это все?

— Андреас никогда его не видел, но говорит, что сразу узнает голос, если вы пошлете ему запись.

— Замечательно, — сказал Харри, пытаясь скрыть разочарование в голосе. Он машинально расправил плечи, будто собираясь с духом, прежде чем соврать. — Если что-нибудь выяснится, я попытаюсь обговорить ваш вопрос с людьми в правительстве.

Слова обжигали рот, как едкая кислота.

— Большое вам спасибо, господин Холе.

— Не за что, госпожа Хохнер.

Последнее предложение он повторил про себя еще два раза, уже после того, как она положила трубку.

— Вот ведь черт знает что, — сказала Эллен, выслушав рассказ о семье Хохнеров.

— Посмотрим, сможет ли твоя голова на секунду забыть о том, что она по уши влюблена, и снова проделать свой фокус, — сказал Харри. — В общем, опорные слова ты уже слышала.

— Контрабанда оружия, постоянный клиент, Принц, круги торговцев оружием. Но ведь их только четыре.

— Больше у меня нет.

— Почему я иду у тебя на поводу?

— Потому что любишь меня. Ладно, я побежал.

— Погоди. Расскажи мне о той женщине, которую…

— Эллен, надеюсь, от твоей интуиции будет больше толку в расследовании. Пока!

Харри набрал номер в Драммене, который нашел в справочнике.

— Мускен, — твердый голос.

— Эдвард Мускен?

— Да. С кем я разговариваю?

— Инспектор Холе, Служба безопасности поли-

ции. У меня к вам несколько вопросов.

Харри вдруг подумал, что впервые представляется инспектором. Неприятное ощущение — как будто солгал.

— Это по поводу моего сына?

— Нет. Вас устроит, если я зайду к вам завтра в полдень, Мускен?

— Я пенсионер. К тому же одинокий. Навряд ли можно найти такой момент, который бы меня не устраивал, господин инспектор.

Харри позвонил Эвену Юлю и рассказал ему то новое, что он узнал.

Направляясь в столовую за йогуртом, Харри думал о том, что Эллен рассказала об убийстве Халлгрима Дале. Надо позвонить в КРИПОС и разузнать поподробнее, но только, похоже, ничего нового и важного он от них не услышит. Но все равно. Вероятность быть убитым в Норвегии, согласно статистике, — один к десяти тысячам. Когда выясняешь, что человека, которого ты ищешь, четыре месяца как убили, трудно поверить, что это совпадение. Есть ли связь между этим убийством и покупкой винтовки Мерклина? Было только девять утра, а у Харри уже болела голова. Хорошо бы Эллен разузнала что-нибудь о Принце. Хоть что-то, — чтобы было

с чего начать.

Эпизод 45
Согн, 6 марта 2000 года

После работы Харри поехал в психиатрический интернат в Согне. Сестрёныш стояла в дверях своего дома и ждала его. Она пополнела за последний год, но говорила, что Хенрику, ее молодому человеку, который жил несколько поодаль, она нравится именно такой.

— Но Хенрик же совсем того.

Так она обычно объясняла все причуды Хенрика. Сама она — не «того». Для нее существовала какая-то еле уловимая, но вполне определенная разница. И Сестрёныш охотно рассказывала Харри, кто из ее соседей был совсем того, а кто — еще не совсем.

Она сообщила Харри о том, что Хенрик сказал за последнюю неделю (иногда он говорил весьма любопытные вещи), что они смотрели по телевизору, что ели, куда собираются на каникулы. Они любят загадывать на каникулы. В этот раз это были Гавайские острова. Харри представил себе Сестрёныша и Хенрика в пестрых рубашках-гавайках в аэропорту Гонолулу и не смог

удержаться от улыбки.

Он спросил ее, говорила ли она с отцом. Она ответила, что тот заходил к ней два дня назад.

— Это хорошо, — сказал Харри.

— Думаю, что он уже забыл маму, — кивнула сестра. — Это хорошо.

Харри задумался. Тут постучался Хенрик и сказал, что через три минуты на втором канале начинается «Отель “Цезарь”». Харри надел пальто и пообещал, что скоро позвонит.

На перекрестке перед стадионом Уллевол транспорт, как всегда, едва полз. Харри слишком поздно понял, что ему придется поворачивать направо — впереди шли дорожные работы. Он размышлял о том, что ему сказала Констанция Хохнер. У Урии был посредник, очевидно, норвежец. Значит, был еще кто-то, кто знал, кто такой Урия. Харри уже попросил Линду поискать в секретном отделе архива человека с кличкой Принц, хотя ни секунды не сомневался, что она ничего не найдет. Харри чувствовал, что этот человек куда хитрее рядовых преступников. Если, как сказал Андреас Хохнер, Принц был его постоянным покупателем, значит, он сумел найти себе клиентуру незаметно для СБП и всех прочих. Такое требует терпения и осторожности, хитрости

и дисциплинированности — Харри не знал ни одного бандита с такими качествами. Может, конечно, этот тип просто удачливый, раз его еще не поймали. Или его защищает высокое положение. Констанция Хохнер сказала, он хорошо говорит по-английски. Он может быть, к примеру, дипломатом — их пропускают через границу в обе стороны, не обыскивая на таможне.

Харри свернул со Слемдалсвейена и поехал по направлению к Холменколлену.

Может, попросить Мейрика на какое-то время перевести Эллен в СБП? Нет, ерунда. Кажется, Мейрик больше занят вычислением неонацистов и светской жизнью, чем охотой за призраками времен войны.

Харри уже подъезжал к ее дому, когда осознал наконец, куда, собственно, едет. Он остановил машину за деревьями. До ее дома оставалось еще метров пятьдесят — шестьдесят. На первом этаже горел свет.

— Идиот, — сказал он вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. Захотелось повернуть обратно, но тут входная дверь открылась, и полоска света упала на ступени лестницы. Мысль о том, что она увидит и узнает его машину, на какое-то мгновение привела его в ужас. Он решил

потихоньку съехать вниз по склону и уже включил заднюю передачу, но нажал на газ слишком слабо, и двигатель заглох. Послышались голоса. На лестнице показался высокий мужчина в длинном черном пальто. Он с кем-то разговаривал, но из-за двери его собеседника не было видно. Потом он наклонился внутрь, и Харри стало его не видно.

«Целуются, — думал он. — Я приехал на Холменколлен подсматривать, как женщина, с которой я разговаривал всего пятнадцать минут, целуется со своим любовником».

Потом дверь закрылась, мужчина сел в «ауди», выехал на дорогу и проехал мимо Харри.

На обратном пути Харри думал, как бы себя наказать. Нужно придумать что-нибудь суровое, чтобы впредь было неповадно. Сеанс аэробики в «САТС».

Эпизод 46
Драммен, 7 марта 2000 года

Харри никогда не понимал, почему именно Драммену всегда так достается от острословов. Конечно, это не самый красивый город, но чем он хуже других разросшихся норвежских поселков? Харри хотел было остановиться у «Биржи» выпить чашечку кофе, но, посмотрев на часы, подумал, что не успеет.

Эдвард Мускен жил в красном деревянном доме с видом на ипподром. Перед гаражом стоял старенький минивэн «мерседес». Сам Мускен ждал у входа. Он долго изучал удостоверение Харри и наконец произнес:

— Вы шестьдесят пятого года? А выглядите старше, Холе.

— Плохая наследственность.

— Сочувствую.

— Да ладно. Зато я ходил на взрослые фильмы, когда мне было четырнадцать.

По лицу Эдварда Мускена нельзя было определить, понял он шутку или нет. Жестом он пригласил Харри в дом.

— Вы живете один? — спросил Харри на пути в гостиную. Квартира оказалась чистенькой и опрятной, но аккуратно-безликой, каким может быть только жилье мужчины, зацикленного на порядке. Похоже на его собственную квартиру.

— Да. Жена оставила меня после войны.

— Оставила?

— Бросила. Ушла. Уехала.

— Понятно. А дети?

— У меня был сын.

— Был?

Эдвард Мускен остановился и посмотрел на Харри:

— Я выражаюсь неясно, Холе?

Одна его седая бровь поднялась, на высоком чистом лбу появилась глубокая морщина.

— А я такой, — сказал Харри. — Мне все приходится объяснять по десять раз.

— Хорошо. У меня *есть* сын.

— Спасибо. А чем вы занимались до того, как выйти на пенсию?

— У меня было несколько грузовиков. «Мускен Транспорт». Я продал фирму семь лет назад.

— А дела шли хорошо?

— Вполне. Покупатели не стали менять название.

В гостиной они сели за стол, друг напротив друга. Харри понял, что кофе ему не предложат. Эдвард сидел на диване, скрестив руки на груди, будто желая сказать: «Ничего, переживем».

— Где вы были в ночь на двадцать второе декабря?

Еще по пути сюда Харри решил начать разговор этим вопросом. Разыграть единственный козырь прежде, чем Мускен прозондирует почву и поймет, что других у Харри нет. По крайней мере, посмотреть на его реакцию — может, она что-нибудь и подскажет. Например, есть ли у Мускена что скрывать.

— Меня в чем-то подозревают? — спросил Мускен. На его лице не проявилось ничего, кроме легкого удивления.

— Было бы лучше, если бы вы просто отвечали на вопросы, Мускен.

— Как вам угодно. Я был здесь.

— Как быстро.

— Что вы имеете в виду?

— Вы ответили, даже не задумываясь.

Мускен растянул губы в улыбке, а глаза остались печальными.

— Когда вам стукнет столько, сколько мне, вы будете прекрасно помнить те вечера, в которые

вы *не* сидели дома в одиночестве.

— Синдре Фёуке дал мне список норвежцев, которые проходили с ним обучение в лагере в Зеннхайме. Гюдбранн Юхансен, Халлгрим Дале, вы и сам Фёуке.

— Вы забыли Даниеля Гюдесона.

— Да? А разве он не умер еще до конца войны?

— Умер.

— Так зачем же вы его назвали?

— Потому что он был с нами в Зеннхайме.

— Как я понял со слов Фёуке, в Зеннхайме было больше норвежцев, но только вы четверо пережили войну.

— Верно.

— А почему тогда вы вспомнили именно Гюдесона?

Эдвард Мускен пристально посмотрел на Харри. Потом в потолок.

— Потому что мы были вместе очень долго. Мы думали, он выживет. Да, мы почти верили, что Даниель Гюдесон бессмертен. Он не был обычным человеком.

— Вы слышали, что Халлгрим Дале умер?

Мускен покачал головой.

— Кажется, вас это не слишком удивило?

— Почему это должно было меня удивить? Ме-

ня бы сейчас больше удивило, если бы я услышал, что кто-то еще жив.

— А если я скажу вам, что его убили?

— Тогда да, это меняет дело. Зачем вы мне это рассказываете?

— Что вы знаете о Халлгриме Дале?

— Ничего. В последний раз я видел его под Ленинградом. Он получил контузию.

— Вы ехали домой не вместе?

— Я не знаю, как Дале и все остальные добирались назад. Самого меня ранило зимой сорок четвертого, когда в окоп попала граната с русского истребителя.

— С истребителя? Самолета?

Мускен криво улыбнулся и кивнул.

— Когда я очнулся в лазарете, мы уже полным ходом отступали. В конце лета сорок четвертого я оказался в лазарете «Синсен» в Осло. Потом я узнал о капитуляции.

— Значит, после ранения вы не видели остальных?

— Только Синдре. Через три года после войны.

— Когда вы вышли на свободу?

— Да. Мы случайно встретились в ресторане.

— Как вы относитесь к тому, что он тогда дезертировал?

Мускен пожал плечами:

— Ну, у него были свои причины. Во всяком случае, он перешел на ту сторону, когда исход всей заварушки еще не был ясен. Не то что большинство норвежцев.

— Что вы имеете в виду?

— В войну у нас ходила пословица: «Кто выбирает не спеша, выбирает правильно». Конечно, в начале сорок третьего на нашем участке фронта приходилось отступать, но мы не знали, насколько плохо общее положение. Поэтому никто не вправе называть Синдре «флюгером». Не то что других — те всю войну свою задницу берегли по тылам, а как войне конец, так позаписывались в Сопротивление. Мы называли их, как мормонов, — «святые последних дней». Некоторые из них сегодня с удовольствием разглагольствуют о героическом вкладе норвежцев в правое дело.

— Вы имеете в виду кого-то конкретного?

— Всегда придет в голову кто-нибудь, кто раззолотил себе ореол героя задним числом. Но это не так важно.

— А Гюдбранн Юхансен, вы его помните?

— Разумеется. В конце концов, он спас мне жизнь. Он…

Мускен прикусил губу. Как будто сболтнул

лишнего, подумал Харри.

— Что же с ним случилось?

— С Гюдбранном? Насколько я помню… Та граната… в окопе были Гюдбранн, Халлгрим Дале и я, когда она покатилась по льду и отскочила от шлема Дале. Помню только, что Гюдбранн был к ней ближе всего, когда она взорвалась. А когда я вышел из комы, никто ничего не мог мне рассказать ни о Гюдбранне, ни о Дале.

— Что вы хотите сказать? Что они исчезли?

Мускен посмотрел в окно.

— Это произошло в тот же день, когда русские начали полномасштабное наступление, — начался, мягко говоря, хаос. Когда я очнулся, тот окоп, в котором мы были, уже давно был в руках русских, а наш полк отступил. Если Гюдбранн выжил, он бы, наверное, оказался в лазарете полка «Нурланн» на участке «Север». То же самое с Дале, если его ранило. Думаю, меня тоже должны были перевести туда, но я оказался в другом месте.

— Гюдбранн Юхансен не значится в национальном идентификационном регистре.

Мускен пожал плечами:

— Значит, его убило той гранатой. Так я и думал.

— И вы никогда не пытались найти его?

Мускен покачал головой.

Харри искал глазами хоть какой-нибудь косвенный признак того, что у Мускена дома водился кофе: кофейник, кофейная чашка. На камине в золотой рамке он увидел фотографию женщины.

— Вы сожалеете о том, что произошло с вами и другими квислинговцами после войны?

— Если вы о наказании — нет. Я смотрю на вещи трезво. Нас судили, потому что такова была политическая необходимость. Я проиграл войну. И не жалуюсь.

Вдруг Эдвард Мускен засмеялся — трескучим смехом, похожим на крик сороки. Харри не понял, над чем. Потом Мускен снова посерьезнел.

— Клеймо предателя — вот что меня мучило. Но я утешал себя тем, что мы — те, кто был там, — мы ведь защищали свою страну, рискуя жизнью.

— Ваши тогдашние политические взгляды…

— Придерживаюсь я их сейчас или нет?

Харри кивнул, Мускен сухо улыбнулся:

— На этот вопрос легко ответить, господин следователь. Нет. Я ошибался. Все очень просто.

— Потом вы не пытались связаться с неонацистами?

— Боже меня упаси! Нет, конечно! Кажется, несколько лет назад они собирались в Хокксунне,

в тот раз кто-то из этих идиотов позвонил и спросил меня, не хочу ли я прийти и рассказать о войне. Кажется, они называли себя «Blood and Honour». Что-то в этом роде.

Мускен склонился над столом. На его углу, строго выровненная по краю, лежала аккуратная стопка журналов.

— А что именно на этот раз нужно СБП? Вычислить очередных неонацистов? Если так, то вы пришли не по адресу.

Харри не знал, что можно рассказывать Мускену, а что нет. Но того вполне устроил лаконичный ответ:

— Честно говоря, я не совсем знаю, что нам нужно.

— Узнаю старую добрую СБП!

Он снова рассмеялся своим сорочьим смехом, громким и неприятным.

Позже Харри решил, что именно этим издевательским смехом плюс тем, что ему не предложили кофе, и был предопределен его следующий вопрос:

— Каково, по-вашему, было расти вашим детям, зная, что их отец был нацистом? Может быть, именно поэтому Эдвард Мускен-младший попал в тюрьму за наркотики?

И в тот же момент, увидев в глазах старика боль и злобу, Харри пожалел о сказанном. Можно было бы узнать все и не нанося удара ниже пояса.

— Весь этот суд был фарсом! — прошипел Мускен. — Адвокат, которого дали моему сыну, был внуком того судьи, который судил меня после войны. Они хотят отыграться на моих детях, только чтобы скрыть собственный позор за то, что они делали в войну. Я…

Вдруг он замолчал. Харри ждал продолжения, но ничего не последовало. Внезапно, совершенно неожиданно, он почувствовал, как ему скрутило живот. На какое-то время в комнате не было слышно ни звука. Хотелось чего-нибудь выпить.

— Это был «святой последних дней»? — спросил Харри.

Мускен пожал плечами. Харри понял, что тема закрыта. Мускен посмотрел на часы.

— Куда-то торопитесь? — поинтересовался Харри.

— Мне надо пройтись до домика в горах.

— Вот как? Далеко отсюда?

— Гренланн. Пора выходить, чтобы успеть засветло.

Харри встал. У порога они остановились, раздумывая, что сказать друг другу на прощание. Вдруг

Харри сообразил:

— Вы сказали, что вас ранило под Ленинградом зимой сорок четвертого, а в лазарете «Синсен» вы оказались на исходе лета. А где вы были до этого?

— Что вы имеете в виду?

— Я недавно прочитал книгу Эвена Юля. Он военный историк.

— Я прекрасно знаю, кто такой Эвен Юль, — сказал Мускен с какой-то странной улыбкой.

— Он пишет, что полк «Норвегия» был расформирован при Красном Селе в марте сорок четвертого. Где вы были с марта до того времени, как оказались в лазарете «Синсен»?

Мускен пристально посмотрел на Харри. Потом открыл входную дверь и выглянул наружу.

— Практически нулевая видимость, — сообщил он. — Вам надо ехать осторожно.

Харри кивнул. Мускен выпрямился, прищурился и из-под ладони посмотрел на пустой ипподром — серый овал покрытой гравием дорожки темнел на фоне грязного снега.

— У мест, в которых я бывал, когда-то были названия, — произнес Мускен. — Но они так изменились, что их уже никому не узнать. Мы отмечали на картах только дороги, озера и минные

поля, — никаких названий. Может, я буду прав, если скажу вам, что лежал в эстонском городе Пярну, — точно я не знаю, и навряд ли это что-нибудь меняет. Весну и лето тысяча девятьсот сорок четвертого я провалялся в койке, слушал пулеметные очереди и думал только о смерти. А не о том, где я.

Харри осторожно ехал вдоль берега реки и остановился на красный свет у моста. Следующий мост, E-18, торчал на фоне пейзажа, как зубной протез, к тому же закрывая вид на Драмменсфьорд. Да, и тут этим драмменцам не везет! На обратном пути Харри уже решил было остановиться и выпить чашечку кофе в «Бирже», но передумал.

Зажегся зеленый свет. Харри нажал на газ.

Эдвард Мускен крайне болезненно отреагировал на его замечание о сыне, и Харри решил узнать, кто был судьей по делу Мускена. Он бросил последний взгляд на Драммен в зеркало заднего обзора. Все-таки есть города и похуже.

Эпизод 47
Кабинет Эллен, 7 марта 2000 года

Эллен так и не удалось ничего выяснить.

Харри заглянул в ее кабинет и уселся в свое прежнее кресло — старое и скрипучее. Теперь тут будет сидеть другой человек, молодой парень из управления Стейнкьерской сельской полиции — он прибудет через месяц.

— Я же не ясновидящая, — сказала Эллен, глядя на разочарованное лицо Харри. — Я и у других с утра спрашивала, но никто ничего не слышал о Принце.

— А отдел учета оружия? У них должны быть данные по нелегальным сбытчикам?

— Харри!

— Что?

— Я больше на тебя не работаю.

– *На* меня?

— Ладно, вместе с тобой. Но все равно, такое чувство, что я работаю на тебя. Нахал!

Харри оттолкнулся ногой от пола и завертелся в кресле. Четыре оборота. Столько ему за раз никогда не удавалось. Эллен сделала страдаль-

ческое лицо.

— Хорошо, я и в отдел учета оружия звонила, — сказала она. — Они тоже ничего не слышали о Принце. Почему в СБП тебе не дадут помощника?

— Это дело они считают приоритетным. Мейрик не против того, чтобы я им занимался, но на самом деле ему нужно, чтобы я разузнал, что неонацисты затевают на праздник «Ид аль-Адха».

— Одно из ключевых слов было «круги, связанные с торговлей оружием». Из всех кругов больше всего, по-моему, с оружием связаны неонацисты. Почему бы не начать с них? Ты убьешь сразу двух зайцев.

— Я уже думал об этом.

Эпизод 48
Бар «Молва», Гренсен, 7 марта 2000 года

Подъезжая к дому Эвена Юля, Харри увидел хозяина на лестнице.

Тот держал Бурре за ошейник.

— Вы быстро приехали, — сказал Юль.

— Я сел в машину, как только положил трубку, — ответил Харри. — Вы возьмете Бурре с собой?

— Нет, я просто решил немного прогулять его, пока ждал вас. Бурре, домой!

Пес умоляюще посмотрел на него.

— Пошел!

Бурре попятился и стрелой помчался в дом, — Харри даже вздрогнул.

— Поехали, — сказал Юль.

Отъезжая, Харри заметил чье-то лицо, выглянувшее из-за кухонных занавесок.

— Стало светлее, — проговорил Харри.

— Да?

— Я имею в виду, день стал длиннее.

Юль молча кивнул.

— Я все думаю об одной вещи, — продолжал Харри. — Семья Синдре Фёуке — как они умерли?

— Я же уже рассказал вам. Он их убил.

— Да, но как именно?

Юль долго смотрел на Харри и наконец ответил:

— Застрелил. В голову.

— Всех четверых?

— Да.

В конце концов они нашли в Гренсене место для стоянки и оттуда пешком пошли к тому месту, которое, как уверял в телефонном разговоре Юль, Харри необходимо увидеть.

— Значит, «Молва», — сказал Харри, проходя в темное кафе, почти пустое, не считая нескольких посетителей за обшарпанными пластиковыми столиками.

Харри и Юль заказали кофе и сели у окна. Двое пожилых мужчин за одним из центральных столиков тут же замолчали и уставились на них исподлобья.

— Похоже на одно кафе, куда я иногда захожу, — сказал Харри, кивая на двух стариков.

— Последыши, — сказал Юль. — Старые нацисты-фронтовики, по-прежнему считают себя правыми. Собираются здесь и злобствуют на

то, что называют великим предательством, на правительство Нюгорсволла[47] и нынешние времена. Во всяком случае, те из них, кто еще ноги таскает. А таких все меньше.

— Что, до сих пор увлекаются политикой?

— Да, до сих пор злятся. Что помогаем странам третьего мира, что сокращаем военный бюджет, что разрешаем женщинам быть священниками, а гомосексуалистам — вступать в брак, что пускаем в страну иммигрантов — все, к чему мы с вами относимся спокойно, этих ребят просто раздражает. В душе они остались фашистами.

— Вы хотите сказать, что Урия может околачиваться здесь?

— Если он собрался кому-то отомстить, у него здесь всегда найдутся сторонники. Есть, конечно, и другие места, где собираются бывшие квислинговцы, например, в Осло каждый год со всей страны приезжают бывшие солдаты и все, кто был на Восточном фронте. Но то — товарищеские встречи, там они просто собираются, чтобы вспомнить погибших, и не позволяют себе ни слова о политике. Нет, если бы я искал старого

---

[47] Примечания: 47

Нюгорсволл Юхан — в 1935–1940 гг. премьер-министр Норвегии, глава Норвежской рабочей партии, в годы Второй мировой войны возглавлял Норвежское правительство в эмиграции. (*Прим. перев.*)

фашиста, который мечтает о мести, то начал бы отсюда.

— А ваша жена бывала на этих, как вы их называете, товарищеских встречах?

Юль с удивлением посмотрел на Харри. Потом медленно покачал головой.

— Просто я подумал, что она могла бы что-нибудь рассказать мне, — сказал Харри.

— Боюсь, что нет, — резко ответил Юль.

— Хорошо. А эти — как вы сказали — последыши и неонацисты как-нибудь сообщаются между собой?

— Зачем вам это?

— У меня есть сведения, что для приобретения винтовки Мерклина Урии понадобился посредник — человек из кругов, связанных с торговлей оружием.

Юль покачал головой:

— Обычно легионерам не нравится, когда неонацистов называют их единомышленниками. Хотя бритоголовые им просто поклоняются. Для неонацистов легионер — это воплощение заоблачной мечты — защищать свою страну и расу с оружием в руках.

— Значит, если бы вашему легионеру понадобится раздобыть себе оружие, он может

рассчитывать на помощь неонацистов?

— Да, помогут они ему охотно. Но он должен знать, к кому обратиться. Не может же первый встречный достать современную киллерскую винтовку вроде той, за которой вы охотитесь. Например, типичный случай: недавно в Хёнефоссе полиция устроила обыск в гараже одного неонациста и нашла старый ржавый «датсун», в котором лежали самодельные колотушки, деревянные пики и пара тупых топоров. У них и вооружение буквально на уровне каменного века.

— Так с чего мне начать поиски этого неонациста, связанного с международными поставщиками оружия?

— Проблема в том, что неонацистов развелось слишком много. Конечно, «Фритт Орд», газета националистического толка, преувеличивает, утверждая, что национал-социалистов и национал-демократов в Норвегии около полутора тысяч — позвоните в «Монитор», общественную организацию, которая следит за фашистскими объединениями, и вам скажут, что активистов не больше пятидесяти. Нет, проблема в том, что спонсоры, — те, кто действительно всем заправляет, — держатся в тени. Эти не разгуливают в

армейских ботинках и с татуированной свастикой на руках. Они могут занимать достаточно высокое положение в обществе, используя его во благо своего «Дела» — но для этого тоже важно не светиться.

Вдруг за их спинами послышался низкий голос:

— Как ты посмел прийти сюда, Эвен Юль?

Эпизод 49
Кинотеатр «Гимле», Бюгдёй-алле, 7 марта 2000 года

— Что я делал? — переспросил Харри. Очередь продвинулась, и он подтолкнул Эллен вперед. — Просто сидел и думал, не поспрашивать ли у этих старперов — вдруг кто-то затевает покушение и собрался купить под это дело дорогущую винтовку. И тут один из них вырос у нашего столика и загробным голосом спрашивает: «Как ты посмел прийти сюда, Эвен Юль?»

— И что ты сделал? — спросила Эллен.

— Ничего. Сижу и смотрю на Эвена Юля — на нем лица не стало. Будто встретил привидение. Ясно, что эти двое знакомы. Сегодня видел и другого человека, который знает Юля. Это Эдвард Мускен.

— Что в этом странного? Юля печатают в газетах, показывают по телевизору, его все знают.

— Тут ты права. Но в любом случае, Юль тут же встал и быстро вышел из кафе. Мне оставалось только выбежать за ним. Но на мой вопрос, что это за человек подошел к нам в «Молве», ответил,

не знаю, мол. Потом я отвез его домой, так он, уходя, едва попрощался. Но выглядел вполне спокойно. Как по-твоему, десятый ряд будет нормально? — Харри наклонился к окошку кассы и попросил два билета. — Что-то сомневаюсь, что фильм мне понравится, — сказал он.

— Почему? — удивилась Эллен. — Потому что его выбирала я?

— В автобусе девица со жвачкой во рту говорила подруге, что фильм «Все о моей матери» — это просто убой.

— И что из этого?

— Когда такие девушки говорят, что фильм — «просто убой», у меня пропадает желание его смотреть. Если этим девчонкам показали что-нибудь чуть-чуть поумнее балаганной комедии, им уже кажется, что они сходили на глубокий, психологический фильм. Будешь попкорн?

Он подтолкнул ее к киоску.

— Ты испорченный человек, Харри. Испорченный. Кстати, Ким заревновал, когда я сказала, что пойду в кино с коллегой.

— Поздравляю.

— Да, пока не забыла, — сказала Эллен. — Я выяснила фамилию того адвоката, который выступал защитником по делу Эдварда Мускена-

младшего. И его деда, который судил изменников после войны.

— Ну?

Эллен улыбнулась:

— Юхан Крон и Кристиан Крон.

— Вот как!

— Я говорила с прокурором по делу младшего Мускена. Когда Мускен-старший услышал, что его сына признали виновным, он просто взбесился и налетел на Крона с кулаками. И открытым текстом заявил, что Крон и его дед сговорились против семьи Мускенов.

— Интересно.

— Я заслужила большую упаковку попкорна, как ты считаешь?

Фильм оказался намного лучше, чем думал Харри. Но все равно, в тот момент, когда Розу хоронили, он не мог не поинтересоваться у заплаканной Эллен, где находится Гренланн. Она ответила, что это местность в районе Порсгрунна и Шиена, за что Харри дал ей спокойно досмотреть фильм до конца.

Эпизод 50
Осло, 8 марта 2000 года

Харри увидел, что костюм ему мал. Он это видел, но не понимал. Он не примерял его с тех пор, когда ему было восемнадцать и костюм, купленный в «Дрессманне» специально для выпускного бала 1990 года, подходил ему идеально. Теперь Харри стоял в лифте и видел в зеркале, что из-под брюк выглядывают носки. Почему? Это для него оставалось неразрешимой загадкой.

Двери лифта открылись, из распахнутых дверей столовой уже доносилась музыка, громкие разговоры мужчин и женские голоса. Харри посмотрел на часы. Четверть девятого. Потолкаться здесь часик до одиннадцати, а потом домой.

Он набрал побольше воздуха, шагнул в столовую и огляделся. Обычная норвежская столовая: четырехугольный зал, стеклянная стойка в углу, где подают еду, светлая мебель и «курить запрещается». Организаторы праздника как могли разбавили обыденность воздушными шариками и яркими скатертями. Мужчин, конечно, было больше, чем женщин, но все же не настолько, как

бывало на вечеринках в отделе убийств. Кажется, все уже успели выпить. Линда что-то говорила — дескать, каждый сможет подобрать себе компанию по вкусу, и Харри был очень доволен, что его в свою компанию никто не звал.

— Хорошо выглядишь в костюме, Харри!

Это была Линда. Он даже не узнал ее в облегающем платье, которое подчеркивало ее лишние килограммы, но вместе с ними и женственную пышность. В руках у нее был поднос с прохладительными напитками, и она протягивала его Харри.

— Э-э… нет, спасибо, Линда.

— Не хмурься, Харри. Это же вечеринка!

«*Tonight we're gonna party like it's nineteen ninety-nine…*» — заревел в динамиках Принс.

Эллен склонилась над магнитолой и убавила звук.

Том Волер косо посмотрел на нее.

— Немножко громко, — сказала Эллен. И подумала, что через каких-то три недели приедет парень из Стейнкьера, и ей больше не придется работать вместе с Волером.

Ее раздражала не музыка. И обращался он с ней хорошо. И полицейским был неплохим.

Ее раздражали его телефонные разговоры. Не

то чтобы Эллен Йельтен сильно заботила чужая личная жизнь, но она постоянно слышала, как Волер по мобильнику то и дело говорил с женщинами, которым уже дал или собирался дать отставку. С последними разговор был самым отвратительным. А с женщинами, с которыми он еще не переспал, Волер говорил совершенно по-другому, и когда Эллен слышала эту его манеру, ей хотелось крикнуть его невидимой собеседнице: «Нет! Не делай этого! Он тебя до добра не доведет! Беги от него!» Великодушие позволяло Эллен Йельтен прощать многие человеческие слабости. Слабостей Тому Волеру хватало, а вот человеческого было маловато. Эллен его терпеть не могла.

Они проезжали мимо Тёйен-паркена. Волер выяснил, что в персидском ресторане «Аладдин» на Хаусманнс-гате видели Айюба, того самого главаря шайки пакистанцев, которого они искали с декабря, после нападения в Дворцовом парке. Эллен понимала, что искать его слишком поздно, но они хотя бы порасспросят, может, кому-то известно, где Айюб теперь. Не то чтобы они рассчитывали получить ответ — просто надо показать этому типу: полиция не оставит его в покое.

— Подожди в машине, я пойду посмотрю, — сказал Волер.

— О'кей.

Волер расстегнул молнию на кожаной куртке.

Чтобы виднелись мускулы, которые он накачал в полицейском тренажерном зале, подумала Эллен. И кобура, чтобы все видели: он при оружии. Сотрудникам отдела убийств разрешалось носить оружие, но у Волера было с собой не табельное оружие, а что-то другое. Крупнокалиберная «пушка» — марку Эллен никогда не уточняла. Любимой темой Волера после автомобилей было стрелковое оружие, и тогда Эллен казалось, что автомобили все-таки лучше. Сама она оружия не носила: это не было обязательно, кроме случаев вроде визита Клинтона.

В голове Эллен шевельнулась какая-то мысль, но ее спугнула песенка «Наполеон и войско его» в писклявой мобильной аранжировке. Звонил телефон Волера. Эллен открыла было дверь машины, чтобы позвать его, но он уже вошел в ресторан.

Неделя прошла скучно. Эллен не могла припомнить недели скучнее этой с тех пор, как начала работать в полиции. Хорошо, что кроме работы у нее есть еще и личная жизнь. Странно, но те-

перь ей хотелось приходить домой пораньше, а вечерние дежурства по субботам стали восприниматься как жертва. Телефон играл «Наполеона» уже по четвертому разу.

Кто-то из отвергнутых? Или из тех, чью жизнь еще не успели испортить? Если бы сейчас ее бросил Ким… Но он никогда этого не сделает. Она это просто знает.

«Наполеон и войско его» — в пятый раз.

Через два часа дежурство закончится, и она поедет домой, примет душ и пойдет к Киму на Хельгесенс-гате — каких-то пять минут ходьбы быстрым шагом. Она улыбнулась.

В шестой раз! Эллен схватила мобильный телефон, который лежал под ручным тормозом.

— С вами говорит автоответчик Тома Волера. К сожалению, господин Волер сейчас не может подойти к телефону и просит оставить ваше сообщение.

Это была просто шутка — она действительно хотела потом назвать свое имя, но вместо этого молча слушала чье-то тяжелое дыхание на том конце трубки. Может, ее увлекла эта игра, а может, просто стало любопытно. Итак, звонивший поверил, что попал на автоответчик, и сейчас ждет гудка. Она нажала на кнопку. «Пи-и».

— Привет, это Сверре Ульсен.

— Привет, Харри, это…

Харри обернулся, но остальные слова Курта Мейрика утонули в реве басов, когда самозваный диджей на полную громкость включил музыку и из динамика у Харри за спиной раздалось:

«*That don't impress me much…*»

Харри пробыл на вечеринке не дольше двадцати минут, а уже успел два раза посмотреть на часы и четыре раза задать себе вопросы: «Есть ли между убийством спившегося старого легионера и покупкой винтовки Мерклина какая-нибудь связь? Кто смог так быстро и чистенько зарезать человека ножом под аркой дома в центре Осло среди бела дня? Кто такой Принц? Какое отношение к этому может иметь то, что сына Мускена приговорили к тюремному заключению? Что стало с пятым норвежским легионером, Гюдбранном Юхансеном? И почему Мускен так и не попытался найти его после войны, если, по его словам, Гюдбранн Юхансен спас ему жизнь?»

Сейчас Харри с бокалом газировки (с бокалом — чтобы не спрашивали, почему он не пьет) стоял в углу комнаты, рядом с динамиком, и смотрел, как танцует пара молодых сотрудников СБП.

— Простите, не расслышал? — сказал Харри.

Курт Мейрик держал в руках стакан с апельсиновым соком. В синем костюме в полоску он казался еще более стройным. Прямой как шомпол, сказал бы Харри. Харри поддернул рукава своего пиджака, чтобы манжеты рубашки не выглядывали дальше запонок. Мейрик наклонился ближе.

— Я хотел представить нашего начальника иностранного отдела, инспектора полиции…

«*So you got the looks, but have you got the touch…*»

Карие глаза. Высокие скулы. Загорелое лицо. Короткие темные волосы, обрамляющие аристократическое лицо. Улыбающиеся глаза. Харри помнил, что она красива, но не до такой же степени… очаровательна. Это было единственное слово, пришедшее ему в голову: «очаровательная». Он сознавал: то, что она сейчас стоит перед ним, должно было его ошеломить, но почему-то видел в этом некую логику и внутренне кивнул, принимая ситуацию как данность.

— …Ракель Фёуке, — закончил Мейрик.

— Мы знакомы, — сказал Харри.

— О? — удивился Курт Мейрик.

Они оба посмотрели на нее.

— Да, знакомы, — ответила она. — Но, думаю, не настолько, чтобы знать друг друга по имени.

Она протянула ему руку, слегка изогнув ее, и Харри снова подумал про балет и фортепиано.

— Харри Холе, — представился он.

— Вот как, — сказала она. — Ну конечно же. Из отдела убийств, верно?

— Так точно.

— Когда мы встретились, я даже не подумала, что вы тот самый новый инспектор СБП. Если бы вы сказали это, то…

— То что? — спросил Харри.

Она немного склонила голову набок.

— Да, что тогда? — Она рассмеялась. От ее смеха у Харри в голове снова запрыгало это идиотское слово: «очаровательная». — То я, конечно, рассказала бы вам, что мы работаем в одном учреждении, — сказала она. — Обычно я не рассказываю людям, где я работаю. Не люблю этих глупых вопросов. Вам ведь их тоже задают?

— Ну да, — ответил Харри.

Она снова рассмеялась. Харри не понимал, чему она все время смеется.

— Но почему же я не видела вас в СБП раньше?

— Кабинет Харри — в самом конце коридора, — сказал Курт Мейрик.

— Вот как. — Она понимающе кивнула, но в ее глазах по-прежнему мерцала улыбка. — Значит,

в конце коридора?

Харри уныло кивнул.

— Ну что ж, — подытожил Мейрик. — Теперь вы знакомы. Харри, мы хотели пойти заказать чего-нибудь.

Харри ждал приглашения. Его не последовало.

— Мы еще поговорим, — сказал Мейрик.

Все ясно, подумал Харри. На очереди оставались еще многие, кому начальник СБП и инспектор должны были раздать товарищеские-хлопки-по-плечу-от-шефа. Харри прислонился спиной к динамику и украдкой посмотрел им вслед. Значит, она его узнала. Она помнила, что они не назвали друг другу имен. Харри залпом выпил все, что оставалось в бокале. Вода и вода.

«There's something else: the afterworld…»[48]

Волер сел в кресло и захлопнул дверь.

— Никто ничего не видел, не слышал и не говорил с Айюбом, — сказал он. — Поехали.

— Ладно, — сказала Эллен и, взглянув в зеркало, съехала с края тротуара.

— Я так понимаю, тебе тоже начинает нравиться Принс?

— Мне?

---

[48] Примечания: 48

Здесь и далее — песни из репертуара Принса.

— Ну, ведь это ты включила звук погромче, пока меня не было.

— А-а.

«Нужно позвонить Харри».

— Что-то случилось?

Эллен не отрываясь смотрела вперед, на мокрый асфальт, блестевший в свете уличных фонарей.

— Случилось? А что должно было случиться?

— Не знаю. Просто у тебя такой вид, как будто что-то случилось.

— Ничего не случилось, Том.

— Кто-нибудь звонил? Эй! — Том вздрогнул и обеими руками уперся в щиток приборов. — Ты что, встречной не заметила?

— Sorry.

— Может, я сяду?

— За руль? Зачем?

— Потому что ты выглядишь, как…

— Как кто?

— Забудь. Я спросил, звонил ли кто-нибудь?

— Никто не звонил, Том. Если бы кто-нибудь звонил, я бы сразу сказала, правда?

«Нужно позвонить Харри. Срочно».

— А зачем ты тогда отключила мой телефон?

— Что? — Эллен с ужасом посмотрела на него.

— Следи за дорогой, Йельтен. Я спрашиваю: зачем…

— Говорю тебе: никто не звонил. А телефон ты, наверное, отключил сам!

Неожиданно для самой себя Эллен выкрикнула это так громко и пронзительно, что у нее самой заболели уши.

— Ладно, Йельтен, — сказал Волер. — Расслабься, я просто спросил.

Эллен попыталась сделать, как он велел. Дышать ровно и думать только о дороге. Она свернула налево, на круговую развязку у Валсгате. Суббота, вечер, а в этой части города на улицах почти никого. Зеленый свет. Направо, на Енс-Бьелькес-гате. Налево, вниз по Тёйенгата. В гараж полицейского участка. Всю дорогу она чувствовала на себе пристальный взгляд Тома.

С того момента, когда Харри встретил Ракель Фёуке, он ни разу не посмотрел на часы. Он даже один раз пригласил Линду потанцевать и познакомился кое с кем из коллег. Разговоры шли туго. Его спрашивали, какая у него должность, он отвечал, и беседа заходила в тупик. Наверное, в СБП неписаным правилом было не болтать лишнего. А может, с ним разговаривали только из вежливости. Ну и ладно, они ему тоже

не очень-то интересны. Харри вернулся на свое место возле динамика. Пару раз он замечал ее красное платье: как он понял, подолгу она ни с кем не разговаривает. Она не танцевала, в этом Харри был абсолютно уверен.

«Боже мой, я веду себя как мальчишка», — подумал он.

Он все-таки посмотрел на часы. Полдесятого. Можно было бы подойти к ней, сказать пару слов, посмотреть, что будет дальше. И если не будет ничего — забыть об этом, пережить танец, который обещал Линде, и идти домой. «Ничего не будет?» Что это он себе вообразил? Инспектор полиции, практически замужем! Харри захотелось выпить. Нет. Он снова посмотрел на часы. И вздрогнул от мысли о том танце, который пообещал. Домой, на Софиес-гате. Сейчас все уже изрядно выпили, но даже и в трезвом виде вряд ли кто-нибудь из них хватился бы сотрудника из самого дальнего конца коридора. Открыть дверь потихонечку, вызвать лифт, а там — сесть в свой верный «форд»-эскорт, который дожидался его на улице. Линда, похоже, с удовольствием танцует, вцепившись в молодого сотрудника, а тот кружит ее, неловко улыбаясь.

— На концерте «Рага Рокерз» на Юстивале было

повеселее, вам не кажется?

Он почувствовал, как от низких звуков ее голоса заколотилось сердце.

Том вошел в кабинет Эллен и встал за ее креслом.

— Извини меня за все, что я наболтал в машине, — сказал он.

Она не слышала, как он входил, и поэтому вздрогнула. У нее в руке была телефонная трубка, но номер она еще не успела набрать.

— Нет, все было нормально, — ответила Эллен. — Просто я, это, ну-у… понимаешь?

— ПМС?

Эллен посмотрела на Волера и поняла, что он не шутит, что он действительно хочет посочувствовать.

— Наверное, — сказала она. Зачем он сейчас пришел в ее кабинет, он же раньше никогда не заходил?

— Дежурство закончилось, Йельтен. — Волер кивнул на настенные часы. На них было десять. — Я на машине. Можно довезти тебя до дома?

— Большое спасибо, но мне сначала нужно позвонить. Можешь подождать?

— Позвонить — по личному делу?

— Да нет, просто…

— Тогда я подожду здесь.

Волер уселся в старое кресло Харри, оно протестующе взвизгнуло. Он и Эллен встретились взглядами. Черт! Почему она не сказала, что ей нужно позвонить по личному делу? Теперь уже поздно. Может, Волер догадывается, что она что-то выяснила? Она попыталась прочитать это в его глазах, но он, казалось, забыл об этом и думать. Эллен охватил панический страх. Страх? Теперь она понимала, почему ей всегда было неуютно рядом с Томом Волером. Не потому, что он так холодно держался, не из-за его отношения к женщинам, «черным», «нигерам», «узкоглазым» и «пидорам» и не из-за его привычки применять силу при любом удобном случае. Она могла бы назвать дюжину других полицейских, которые в этих вещах дали бы Тому Волеру большую фору, — но с ними она могла общаться, находя в каждом что-то хорошее. Однако с Томом Волером все обстояло иначе, и теперь она понимала, в чем дело: она его боялась.

— Ладно, — сказала она. — Это может подождать до понедельника.

— Отлично. — Он встал. — Тогда пошли.

У Волера была японская машина, из тех, что, по мнению Эллен, похожи на гоночные «феррари».

Сиденья в ней были глубокие и узкие, так что приходилось сидя поджимать плечи, а колонки занимали чуть не полсалона. Пока они ехали по Тронхеймсвейен, двигатель тихо мурлыкал, и свет уличных фонарей окутывал их. Из колонок слышался уже успевший стать привычным фальцет:

«*…I only wanted to be some kind of a friend, I only wanted to see you bathing…*»

Принс. Принц.

— Можешь высадить меня тут. — Эллен старалась говорить непринужденно.

— Об этом не может быть и речи. — Волер взглянул в зеркало заднего обзора. — Доставка «от порога до порога». Куда дальше?

Она едва сдержалась, чтобы не открыть дверь и не выпрыгнуть на ходу.

— Тут налево. — Эллен показала пальцем.

«Только бы ты был дома, Харри».

— «Енс-Бьелькес-гате», — прочитал Волер табличку на стене дома и свернул.

Эта улица еще темнее, пешеходов не видно. Краем глаза Эллен увидела, как по его лицу скользили квадратики света. Он знает, что она знает? Видит, что у нее одна рука в сумочке? Понимает, что там тот самый газовый баллончик, который

она купила в Германии, а осенью показывала ему, когда он сказал, что она и ее коллеги подвергают себя опасности, отказываясь носить оружие? Кажется, он говорил ей, что может достать сверхэффективное оружие, которое легко спрятать под одеждой, а в нужную минуту применить. Тогда она приняла это за очередную мрачную шутку в стиле «мачо» и просто посмеялась.

— Ладно, остановись вон у той красной машины.

— Но дом четыре ведь в следующем квартале, — возразил Волер.

Неужели она сказала ему, что живет в доме номер четыре? Может быть. Может, она просто забыла про это. Эллен чувствовала себя прозрачной, как медуза, и он видел, что ее сердце бьется слишком часто.

Теперь двигатель работал вхолостую. Волер притормозил. Эллен стала лихорадочно искать, как открыть дверь. Проклятые японские конструкторы! Что им стоило приделать к двери обычную, удобную ручку?

— До понедельника, — сказал Волер ей в спину, когда она нашла ручку, выпрыгнула на улицу и вдохнула ядовитый февральский воздух Осло, словно свежий запах дождя после долгой засухи.

Последнее, что она услышала, прежде чем нырнуть в подъезд, было урчание машины Волера.

Эллен вихрем взлетела по лестницам, с шумом отбивая ступени сапогами и держа перед собой ключи, как волшебную палочку. Наконец она в квартире. Набирая домашний номер Харри, Эллен наизусть повторяла слова Сверре Ульсена:

«Это Сверре Ульсен. Я все жду свои десять штук за то, что помог продать пушку старику. Позвоните мне домой».

Дальше — отбой.

За какую-то долю секунды Эллен поняла, что к чему. Вот оно, недостающее звено загадки, посредник в сделке с винтовкой Мерклина. Полицейский. Том Волер. Естественно. Для такого ублюдка, как Ульсен, десять тысяч крон огромные деньги. Старик. Круги, связанные с торговлей оружием. Симпатия к правым экстремистам. Принц, который скоро станет инспектором. Все же это ясно как день — так ясно, что Эллен поразилась: как она — человек, умеющий улавливать скрытый смысл там, где другие его не замечают, — не поняла всего этого раньше. Может быть, это уже паранойя, но пока она ждала в машине, когда Том Волер выйдет из ресторана, ее не покидала мысль: стоит ему подняться по

службе еще выше (что вполне возможно) — и он сможет проворачивать и не такие махинации, прикрываясь властью, как щитом. И кто знает, кого из полицейских он успел завербовать. Ей казалось, что большинство сотрудников не дадут вовлечь себя ни во что подобное. Но полностью — до конца — она была уверена только насчет одного человека — Харри.

Наконец-то дозвонилась. Не занято. На том конце никогда не бывает занято. Возьми же трубку, Харри!

Еще ей было ясно, что рано или поздно Волер поговорит с Ульсеном и узнает, что произошло. Эллен ни на секунду не сомневалась, что тогда ей будет постоянно грозить смертельная опасность. Надо действовать быстро, она не может себе позволить ни одного неверного шага. Поток мыслей прервал мужской голос:

— Холе слушает. Говорите.

Пи-и-и.

— Чтоб тебя, Харри! Это Эллен. Теперь ему не уйти. Перезвоню тебе на мобильный.

Зажав трубку между плечом и ухом, она начала листать телефонный справочник на букву «Х», выпустила его из рук, и он с грохотом упал на пол. Ругаясь про себя, Эллен наконец нашла номер мо-

бильника Харри. Хорошо, что он никогда с ним не расстается, подумала она, набирая его телефон.

Эллен Йельтен жила на третьем этаже недавно отремонтированного дома. Ее соседкой была ручная синица по имени Хельге. Эллен по-прежнему казалось, что она слышит урчание машины Волера. Ракель Фёуке рассмеялась.

— Уж если вы с Линдой договорились потанцевать, потоптаться придется.

— Ну да. Либо убегать во все лопатки.

Повисло молчание, и Харри подумал, что его слова могли быть не так поняты. Поэтому он поторопился спросить:

— А как вышло, что ты стала работать в СБП?

— Из-за русского, — ответил она. — Я ходила на курсы русского языка при Министерстве обороны, а потом два года была переводчиком в Москве. Курт Мейрик пригласил меня в СБП уже тогда. После изучения права я направилась прямиком в тридцать пятый отдел СБП. Я думала, что действительно приношу пользу.

— А это не так?

— Нет, конечно! Сегодня те, с кем мы вместе учились, работают в десять раз больше, чем я.

— Ты могла бы уйти со своего места и заняться тем же, чем и они.

Она пожала плечами:

— Мне нравится моя работа. А этим может похвастаться далеко не каждый.

— В этом что-то есть.

Пауза.

«В этом что-то есть». Неужели нельзя было выдать ничего поумнее?

— А ты, Харри? Тебе нравится твоя работа?

Они все еще стояли, повернувшись к танцующим, но Харри увидел, куда она указывает ему глазами. Ему в голову приходили самые разные мысли. Что у нее вокруг глаз — улыбчивые морщинки, что дачный домик Мускена недалеко от того места, где нашли стреляные гильзы от винтовки Мерклина, что по данным «Дагбладет» сорок процентов норвежек, проживающих в городах, изменяют своим мужьям, что нужно расспросить жену Эвена Юля, не помнит ли она трех норвежских солдат полка «Норвегия», раненных или убитых гранатой, брошенной с самолета, и что надо бы заскочить на новогоднюю распродажу костюмов в «Дрессманне», которую так рекламировали по ТВ-3. Но вот нравится ли ему его работа?

— Иногда, — сказал Харри.

— И что тебе в ней нравится?

— Не знаю. Наверное, это глупо звучит?

— Не знаю.

— Я говорю это не потому, что не думал о том, почему я стал полицейским. Я об этом думал. И все равно не знаю. Может, мне просто нравится ловить плохих мальчишек и девчонок.

— А что ты делаешь, когда не гоняешься за плохими мальчиками и девочками? — поинтересовалась она.

— Смотрю «Последнего героя».

Она снова рассмеялась. И Харри подумал, что готов говорить самые идиотские на свете вещи, чтобы она так смеялась. Но взял себя в руки и рассказал кое-что серьезное о своей жизни, дойдя до действительно неприятных вещей, вдруг понял, что не так уж их и много. И, так как она по-прежнему слушала его с интересом, он рассказал еще об отце и о Сестрёныше. Почему все повествования о себе он заканчивает рассказом о сестре?

— Наверное, хорошая девчонка, — сказала Ракель.

— Самая лучшая, — кивнул Харри. — И самая храбрая. Ее никогда не пугает неизвестность. Она живет, как летчик-испытатель.

Харри вспомнил случай, когда Сестрёныш рассказала ему об одной квартире на Якоб-Оллс-

гате, которую видела в разделе «Недвижимость» в газете «Афтенпостен». Ей понравились обои — похоже на ее детскую в Оппсале. И она купила ее на аукционе за двадцать тысяч крон — рекордная цена за квадратный метр в Осло в то лето.

Ракель Фёуке так смеялась, что пролила текилу на пиджак Харри.

— Самое лучшее в ней — это то, что, даже когда ее самолет разбивается, она лишь стряхивает с себя пыль и — вперед, навстречу новым приключениям.

Она протерла его пиджак платком.

— А ты, Харри? Что ты делаешь, когда твой самолет разбивается?

— Я? Ну-у… Первое время просто лежу. Но потом снова встаю, другого выбора все равно нет.

— В этом что-то есть, — сказала Ракель.

Он глянул на нее: смеется? В ее глазах блестел озорной огонек. Она тоже излучала энергию, но не похоже, чтобы ее самолет разбивался.

— Теперь ты расскажи что-нибудь, — попросил Харри.

У Ракели не было сестер — она была единственным ребенком. Поэтому она стала рассказывать о своей работе.

— А мы тут редко кого-то ловим, — говорила

Ракель. — В основном дела решаются по телефону или на фуршете в посольстве.

Харри криво улыбнулся:

— И как же решалось дело с тем секретным агентом, которого я подстрелил? — спросил он. — По телефону или на фуршете?

Ракель в задумчивости посмотрела на Харри, выудила из стаканчика кусочек льда и, держа его двумя пальцами, подняла к глазам. Капелька воды сбежала по ее ладони, проскочила под тонким золотым браслетом и потекла вниз, к локтю.

— Ты танцуешь, Харри?

— По-моему, я только что минут десять говорил, как я ненавижу танцы.

Она снова склонила голову набок.

— Я спрашиваю, не потанцуешь ли ты со мной?

— Под эту музыку?

Из динамиков лилась вязкая как сироп саксофонная вариация мелодии «Let It Be».

— Думаю, ты выдержишь. Считай, это для разогрева — перед танцем с Линдой.

Она мягко положила руку ему на плечо.

— Мы флиртуем? — спросил Харри.

— Что, инспектор?

— Прошу прощения, но я туго понимаю скры-

тые намеки, поэтому и спрашиваю: это флирт?

— Я об этом никогда не задумываюсь.

Харри положил руку ей на талию и неуверенно шагнул на танцпол.

— Такое ощущение, как будто теряешь девственность, — сказал он. — Но это неизбежно: рано или поздно это приходится делать каждому норвежцу.

— Что ты имеешь в виду? — рассмеялась она.

— Я имею в виду: танцевать с коллегой на корпоративной вечеринке.

— Я тебя не заставляю.

Харри улыбнулся. Да даже если бы сейчас на гавайских гитарах играли «Танец маленьких утят» задом наперед, он полжизни отдал бы за этот танец.

— Подожди, что это у тебя?

— Это не пистолет, это я так рад тебя видеть. Секундочку…

Харри отстегнул от пояса мобильный телефон, отпустил Ракель, и та отошла обратно к динамику. Когда Харри вернулся к ней, она протянула к нему руки.

— Надеюсь, за нами тут никто не подглядывает, — сказал Харри. И хотя Ракель уже сто раз слышала эту затрепанную полицейскую остроту,

она тихо засмеялась в ответ.

Эллен не вешала трубку, пока соединение не прекратилось. Харри не отвечал. Потом она набрала его номер снова. Эллен стояла у окна и смотрела на улицу. Никакой машины не было. Конечно, не было, просто ей сейчас всюду мерещилась опасность. Том, наверное, едет домой, скоро ляжет в свою постель. Или не в свою.

После трех неудачных попыток дозвониться Харри Эллен решила набрать номер Кима. Голос у него был усталый.

— Я отпустил машину только в семь вечера, — пожаловался Ким. — Двадцать часов разъезжал по городу.

— Сейчас только ополоснусь и приду, — сказала Эллен. — Просто хотела узнать, дома ли ты.

— Какой-то у тебя странный голос. Что-то случилось?

— Нет, ничего. Я подойду минут через сорок пять. Кстати, не одолжишь мне свой телефон? До завтра.

— А ты не заскочишь по дороге в «Севен-элевен» на Мерквейен за сигаретами?

— Хорошо. Я вызову такси.

— Зачем еще?

— Потом объясню.

— Знаешь, сегодня уже суббота? Даже и не пытайся дозвониться до центрального таксопарка. Да можно сюда добежать за четыре минуты.

Эллен колебалась.

— Послушай, — сказала она.

— Что?

— Ты меня любишь?

Он тихо засмеялся, и Эллен представила себе его полуприкрытые сонные глаза и тощее, измученное тело под одеялом в убогой квартирке на Хельгесенс-гате. Там прекрасный вид на реку Акерсельву. И все остальное тоже прекрасно. На мгновение Эллен почти забыла про Тома Волера. Почти.

— Сверре!

Мать Сверре Ульсена стояла под лестницей и вопила во всю мочь. Она всегда так кричала, сколько себя помнила.

— Сверре! Тебя к телефону!

Так орут, когда зовут на помощь — если тонут или еще что-нибудь в этом роде.

— Сейчас возьму, мама!

Сверре вскочил с постели, взял свой радиотелефон и дождался щелчка — мать положила трубку в той комнате.

— Алло?

— Это я.

Слышно было, как на том конце поет Принс. Как всегда.

— Я так и думал.

— Почему?

Вопрос прозвучал резко. Так резко, что Сверре приготовился защищаться — как будто это он должен деньги и все никак не отдает их.

— Ну, ты ведь звонишь, потому что получил мое сообщение? — ответил Сверре.

— Я звоню, потому что просмотрел список принятых вызовов на моем мобильнике. И сегодня ты разговаривал с кем-то в двадцать тридцать. О каком сообщении ты там болтаешь?

— Про наш уговор. Я же в доле, и ты обещал…

— С кем ты разговаривал?

— А? Ну, там была женщина, на автоответчике. Робкая такая, твоя новая?..

Ответа не последовало. Только тихое пение Принса: «*You sexy motherfucker*…» Вдруг музыка прекратилась.

— Скажи мне точно, что ты говорил.

— Я просто сказал, что…

— Нет! Точно. Слово в слово.

Сверре воспроизвел свои слова так точно, как только смог.

— Так и думал, что что-нибудь такое произойдет, — сказал Принц. — Ты сам не понял, как заложил всех нас, Ульсен. Если мы сейчас же не ликвидируем эту утечку, нам всем крышка. Ты понял?

Сверре Ульсен не понял ничего.

Даже сообщая, что его мобильник побывал в чужих руках, Принц говорил совершенно спокойно.

— Это был не автоответчик, Ульсен.

— А кто же?

— Так скажем, враг.

— «Монитор»? Кто-то из этих ищеек?

— Она, наверное, уже на пути в полицию. Ты должен остановить ее.

— Я? Да я просто хотел получить свои деньги и…

— Заткнись, Ульсен.

Ульсен заткнулся.

— Это ради Дела. Ты боец или нет?

— Да, но…

— А настоящий боец должен заметать следы, так?

— Я просто был посредником между тобой и стариком, это ты…

— Особенно когда над нашим солдатом висит

срок в три года, который стал условным только из-за какой-то формальной ошибки.

Сверре услышал, как сглотнул.

— Откуда ты знаешь?.. — начал он.

— Не важно. Я просто хочу, чтобы ты понял: тебе есть что терять — не меньше, чем мне и остальному братству.

Сверре задумался. О том, что ему нужно надеть.

— Куда подходить? — спросил он.

— На площадь Скяус-пласс через двадцать минут. Возьми с собой все, что нужно.

— Не хочешь выпить? — спросила Ракель.

Харри посмотрел вокруг. Их последний танец был настолько страстным, что мог вызвать неоднозначную реакцию окружающих. Теперь он и Ракель сидели за дальним столиком.

— Нет, я завязал, — ответил Харри.

Она кивнула.

— Это долгая история, — добавил он.

— У меня есть время, чтобы послушать.

— Я хочу, чтобы сегодня вечером звучали только смешные истории, — улыбнулся Харри. — Давай лучше поговорим о тебе. Расскажи о своем детстве.

Харри думал, что сейчас она рассмеется, но она

только едва улыбнулась.

— Моя мать умерла, когда мне было пятнадцать. Обо всем кроме этого я могу говорить.

— Извини.

— Извиняться не за что. Она была необычной женщиной. Но в этот вечер надо рассказывать только смешные истории…

— У тебя есть братья или сестры?

— Нет. Только я и отец.

— Значит, тебе пришлось оставить его одного?

Она удивленно посмотрела на него.

— Я знаю, что это такое, — продолжал Харри. — У меня тоже мать умерла. После этого отец целыми днями сидел в кресле и смотрел в стену. Мне приходилось буквально кормить его с ложки.

— У моего отца была сеть магазинов по продаже стройматериалов — он начал дело сам, и мне казалось, что он живет только этим. Но с той ночи, когда умерла мама, он потерял к торговле всякий интерес. Он все распродал, а потом и вовсе сдвинулся. Разогнал всех, кто его знал. Включая меня. И превратился в желчного, одинокого старика. — Она сделала неопределенный жест рукой. — У меня — своя жизнь. В Москве я познакомилась с молодым человеком, а отец сказал, что если

я выйду за русского, то стану предательницей. Когда мы с Олегом приехали в Норвегию, отношения у нас с отцом были очень натянутые.

Харри вышел из-за стола и вернулся с коктейлем для Ракели и стаканом колы для себя.

— Жаль, что мы не были знакомы, когда ходили на лекции по праву.

— Я тогда был задирой, — ответил Харри. — Наскакивал на всех, кому не нравилась музыка, которую я слушал, и фильмы, которые я смотрел. Никто меня не любил. Да и я никого не любил.

— Мне сложно в это поверить.

— На самом деле это фраза из фильма. Ее говорит парень, чтобы проверить Миа Фарроу. В смысле, в фильме. Никогда не пробовал, как это звучит в жизни.

— Ну-у, — задумалась Ракель и отпила из бокала. — Думаю, попытка прошла удачно. Но… ты уверен, что это фраза не из другого фильма?

Они оба рассмеялись. Разговор перескочил на хорошие и плохие картины и концерты, на которые они ходили в свое время, и скоро у Харри сложилось о Ракели довольно целостное представление. Например, в двадцать лет она самостоятельно совершила кругосветное путешествие. А за Харри в эти годы из серьезных

достижений числилась лишь неудачная попытка выехать за рубеж да первые серьезные проблемы с алкоголем.

Ракель взглянула на часы:

— Одиннадцать. Меня ждут.

У Харри замерло сердце.

— Меня тоже.

— Да?

— Да, моя пустая квартира. Тебя подбросить до дома?

Она улыбнулась:

— Не надо.

— Это по пути.

— Ты тоже живешь на Холменколлене?

— Рядом. Ну, почти рядом. Бишлет.

Ракель рассмеялась.

— Значит, на другом конце города. Тогда ясно, чего от меня хочешь.

Харри виновато улыбнулся. Она положила руку ему на плечо.

— Подтолкнуть твою машину, верно?

— Кажется, он уехал, Хельге, — сказала Эллен.

Она стояла в пальто у окна и выглядывала из-за занавесок. На улице внизу никого не было: в такси, стоявшее под окном, сели три веселые подружки и машина уехала. Синица не ответила.

Однокрылая птичка только два раза моргнула и почесала живот маленькой лапкой.

Эллен попробовала еще раз позвонить Харри на мобильный телефон. Но тот же самый женский голос ответил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Эллен накрыла клетку платком, сказала «спокойной ночи», выключила свет и вышла из дома. На улице Енс-Бьелькес-гате по-прежнему было пусто, и она поспешила на Торвальд-Мейерс-гате, где, как она знала, всегда много народу в субботу вечером. Перед магазином «Фру Хаген» она пару раз кивнула знакомым, с которыми, кажется, однажды перебросилась словом в каких-то гостях. Она вспомнила, что обещала Киму купить сигарет, и свернула на Мерквейен, чтобы заглянуть в «Севен-элевен». Этого мужчину она тоже вроде бы где-то видела, — и машинально улыбнулась, когда он посмотрел на нее.

Эллен стояла в «Севен-элевен» и пыталась вспомнить, что курит Ким: «Кэмел» или «Кэмел лайт». Она вдруг подумала о том, как мало они знакомы. И сколько им еще предстоит узнать друг о друге. И что в первый раз в жизни эта мысль не испугала Эллен, а наоборот — обрадовала. Она была просто приговорена к счастью.

Мысль о том, что Ким лежит голый в постели, в каких-то трех кварталах от нее, наполнила Эллен каким-то вязким, сладким и светлым чувством. Она сделала выбор в пользу «Кэмела» и нетерпеливо ждала своей очереди. Снова оказавшись на улице, она решила срезать путь и побежала вдоль Акерсельвы.

И вдруг подумала, что даже в большом городе совсем рядом с многолюдными местами есть и такие, где нет ни души. Все звуки скрадывались журчанием реки и жалобным хрустом снега под каблуками. И когда Эллен вдруг поняла, что слышит не только собственные шаги, было уже поздно сворачивать. Теперь она слышала и дыхание, тяжелое и громкое. Эллен услышала в нем страх и злобу и в то же мгновение поняла, что ей грозит смертельная опасность. Не оборачиваясь, она побежала. Шаги за ее спиной стучали в такт ее собственным. Эллен пыталась бежать по правилам — спокойно, не поддаваясь панике и не делая ненужных движений. «Не беги, как старая баба», — подумала она и нащупала газовый баллончик в кармане пальто, но шаги сзади слышались все ближе. Она подумала, что если добежит до ближайшего фонаря, то, считай, спасена. Хотя знала, что это не так. Она была как раз

под фонарем, когда ей нанесли первый удар — по плечу. Эллен свалилась в сугроб. Второй удар сломал ей руку, и газовый баллончик выскользнул из ослабших пальцев. Третий раздробил коленную чашечку, но от боли Эллен не могла даже закричать, и застрявший в горле крик пульсировал в артериях ее по-зимнему бледной шеи. В желтом свете фонаря она увидела, как преступник заносит над ней бейсбольную биту, и узнала его: тот самый мужчина, которого она встретила на углу у «Фру Хаген». Повинуясь инстинкту следователя, Эллен отметила про себя, что на нем короткая зеленая куртка, черные ботинки и черная вязаная шапка. Первым ударом по голове был поврежден глазной нерв, и Эллен уже не видела ничего, кроме бездонной темноты.

«Сорок процентов завирушек выживают, — подумала она. — Я переживу эту зиму».

Пальцами она щупала снег, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Следующий удар пришелся по затылку.

«Уже недолго», — подумала Эллен. — «Я переживу эту зиму».

Харри остановился на Холменколлвейен, у дорожки, ведущей к особняку Ракели Фёуке. В лучах белого лунного света ее кожа казалась

неестественно белой, почти мертвенной, и даже в полутемном салоне автомобиля Харри мог разглядеть в ее глазах усталость.

— Ну вот мы и приехали, — сказала Ракель.

— Приехали, — повторил Харри.

— Я бы пригласила тебя домой, но…

Харри рассмеялся:

— Думаю, что Олег этого не оценит.

— Олег сладко спит, я думаю, это не понравится его няне.

— Няне?

— Няня Олега — дочь одного из моих коллег по СБП. Прошу, пойми меня правильно, я просто не хочу, чтобы обо мне на работе поползли слухи.

Харри сидел, уставившись в приборную панель. По стеклу спидометра тянулась трещина, индикатор давления масла погас — видимо, перегорел предохранитель.

— Олег — твой сын?

— Да, а ты что думал?

— Ну-у. Я думал, ты говоришь о мужчине, с которым вы вместе живете.

— Каком мужчине?

Прикуриватель или вылетел, или его украли вместе с магнитолой.

— Олег родился, когда я жила в Москве, — ска-

зала Ракель. — Мы с его отцом два года прожили вместе.

— И что случилось потом?

Она пожала плечами:

— Ничего. Просто мы друг друга разлюбили. И я вернулась в Осло.

— Так ты…

— Мать-одиночка. А ты?

— А я просто одиночка.

— До того, как тебя перевели к нам, я слышала что-то о твоей напарнице по отделу убийств.

— Эллен? Нет. Мы просто хорошо ладили. Ладим. Она все еще время от времени мне помогает.

— С чем?

— С делом, которое я веду.

— А, ну да, с делом.

Ракель снова посмотрела на часы.

— Тебе помочь открыть дверь? — спросил Харри.

Она улыбнулась, покачала головой и толкнула дверь плечом. Та, жалобно взвизгнув, распахнулась.

На склоне Холменколлена было тихо, только чуть шуршал ветер в ветвях старых елей. Ракель поставила ногу на снег.

— Спокойной ночи, Харри.

— Да, и еще один вопрос.

— Да?

— Когда я был здесь в прошлый раз, почему ты не спросила меня, зачем я ищу твоего отца? Ты только спросила, можешь ли чем-нибудь мне помочь.

— Привыкла на работе. Не хочу спрашивать о вещах, которые меня не касаются.

— Ты перестала быть любопытной?

— Я была и буду любопытной, просто не спрашиваю. Так зачем тебе был нужен мой отец?

— Я ищу бывшего легионера, с которым твой отец мог быть знаком на войне. Этот легионер купил винтовку Мерклина. Кстати, когда я говорил с твоим отцом, он вовсе не произвел впечатления желчного старика.

— Похоже, книга вернула его к жизни. Я сама удивлена.

— Может, однажды вы снова помиритесь?

— Может быть, — ответила Ракель.

Их взгляды встретились, зацепились друг за друга и уже не могли оторваться.

— Мы флиртуем? — спросила она.

— Никогда об этом не задумываюсь.

Ее смеющиеся глаза стояли перед Харри и по-

том, когда в Бишлете он припарковал машину в неположенном месте, вбежал в свою пустую квартиру и лег спать, не обратив внимания на мигание красного огонька автоответчика — сигнал о новом непрочтенном сообщении.

Сверре Ульсен запер за собой дверь, снял обувь и стал тихонько подниматься по лестнице. Он перешагнул скрипучую ступеньку и тут же понял, что напрасно.

— Сверре?

Мать кричала из открытой спальни.

— Да, мама?

— Где ты был?

— Просто гулял, мама. Но я уже пришел и сейчас лягу спать.

Он не слушал, что мать говорила дальше, — он примерно знал, что она может сказать, и просто пропускал ее реплики мимо ушей. Ульсен вошел в свою комнату и заперся. Наконец-то он один. Он лег на кровать, уставился в потолок и прокрутил в памяти то, что произошло. Как кино. Ульсен закрыл глаза и попытался остановить пленку, но та крутилась дальше.

Ульсен не знал, кем она была. Принц, как они и условились, встретил его на Скяус-пласс и отвез на улицу, где она жила. Из автомобиля ее окна

видно не было, зато они хорошо видели подъезд — как только она выйдет, они сразу заметят. Принц сказал, может, придется прождать так всю ночь, посоветовал Ульсену расслабиться, включил эту проклятую негритянскую музыку и опустил спинку кресла. Но уже через полчаса дверь подъезда открылась, и Принц сказал: «Вот она».

Сверре кинулся за ней, но не успел догнать, потому что она вынырнула из этой темной улицы, и вокруг сразу стало много народу. В какой-то момент она внезапно обернулась и посмотрела прямо на него. Ульсену сразу же показалось, что его раскусили — что она заметила биту, спрятанную под курткой. Он так испугался, что у него перекосилось лицо, но потом, когда она выбежала из магазина «Севен-элевен», страх прошел и уступил место злобе. Подробности того, что случилось под тем фонарем у реки, Ульсен помнил и не помнил одновременно. Он знал, что произошло, но что-то выпало из памяти. Как в игре, где тебе показывают только часть картинки, а ты должен угадать, что это.

Ульсен снова открыл глаза. Посмотрел на вздувшуюся штукатурку потолка. Когда он получит деньги, то вызовет наконец службу ремонта, что-

бы ликвидировали эту протечку — мать столько с этим бьется. Ульсен начал думать о ремонте, но в голову лезли другие мысли. Что-то не так. На этот раз все по-другому. Не как с тем узкоглазым в «Деннис-кебаб». Эта женщина — обычная молодая норвежка. Короткие русые волосы, голубые глаза. Она могла бы быть его сестрой. Ульсен попытался повторить, что ему внушал Принц: что он боец, что это ради Дела.

Он посмотрел на фотографию, которую повесил на стену под флагом со свастикой. На фотографии рейхсфюрер СС и начальник германской полиции Генрих Гиммлер стоял на трибуне в Осло. 1941 год. Он обращался к норвежским добровольцам, принявшим присягу войск СС. Зеленая униформа. На воротнике буквы «СС». На заднем фоне — Видкун Квислинг. Гиммлер. Славная смерть 23 мая 1945 года. Самоубийство.

— Черт!

Сверре поднялся и начал беспокойно ходить туда-сюда по комнате.

Он остановился перед зеркалом у двери. Провел рукой по голове. Потом начал рыться в карманах. Черт, куда подевалась шапка? На секунду он испугался, что она сейчас лежит в снегу рядом с убитой, но потом вспомнил, что, когда он снова

садился в машину Принца, шапка на нем была. Ульсен перевел дух.

От биты он избавился, как и советовал Принц. Вытер отпечатки пальцев и выбросил в Акерсельву. Сейчас надо просто затаиться и ждать, что будет дальше. Принц сказал, что позаботится обо всем, как делал раньше. Где Принц работает, Сверре не знал, но был уверен, что у него так или иначе есть хорошие связи в полиции. Ульсен разделся перед зеркалом. В лунном свете, пробивавшемся через занавески, татуировка на его коже казалась серой. Ульсен провел пальцами по железному кресту, который висел у него на шее.

— Сука, — пробормотал он. — Проклятая красная сука.

Когда он наконец уснул, уже начинало светать.

Эпизод 51
Гамбург, 30 июня 1944 года

Дорогая, любимая Хелена,

Я люблю тебя больше жизни, теперь ты это знаешь. Хотя мы были вместе всего лишь короткий миг, а впереди тебя ждет долгая и счастливая жизнь (я в этом уверен!), надеюсь, ты не забудешь меня совсем. Сейчас вечер, я сижу в комнате отдыха в гамбургском порту, а снаружи падают бомбы. Я один, остальные укрылись в бомбоубежищах и подвалах. Света нет, но от вспышек за окнами светло так, что я могу писать.

Нам пришлось сойти с поезда, не доехав до Гамбурга – прошлой ночью железную дорогу разбомбили. В город нас отвезли на грузовиках, и нам открылась ужасная картина. Каждый второй дом разрушен, среди дымящихся руин снуют собаки, и повсюду я видел тощих, оборванных детей, которые смотрели на нас большими пустыми глазами. Я проезжал Гамбург,

когда ехал в Зеннхайм два года назад, но теперь город не узнать. Тогда я думал, что Эльба – самая красивая река на свете, а теперь по ее мутным волнам плывут обломки досок, когда-то кому-то принадлежавшие вещи, а кто-то сказал, что вода стала ядовитая – столько в ней трупов. А еще говорили про ночные бомбежки, про то, что надо выбираться из страны. По плану, следующим вечером я должен быть в Копенгагене, но на севере железную дорогу тоже бомбят.

Прости, что так плохо пишу по-немецки. Как видишь, рука у меня дрожит, но это из-за бомб, от которых весь дом трясется. А не от страха. Чего мне теперь бояться? Оттуда, где я сижу, я могу видеть то явление, о котором много раз слышал, но не видел ни разу – огненный вихрь. Огонь на той стороне порта, кажется, охватил все. Я вижу, огонь охватывает и поднимает в воздух отдельные доски и целые крыши. А море просто кипит! Видно, как из-под мостов поднимается пар. Если какой-нибудь бедняга хотел спастись, прыгнув в воду, он, должно

быть, сварился заживо. Когда я открыл окно, то почувствовал, что дышать нечем – выгорел весь кислород. И услышал рев – будто кто-то стоит посреди пламени и требует – еще, еще, еще. Да, это страшно, жутко, но в то же время завораживает.

От той любви, которая переполняет мое сердце, я чувствую себя неуязвимым – благодаря тебе, Хелена. Когда у тебя родится ребенок (я знаю и хочу, чтобы так оно и было), рассказывай ему истории обо мне. Рассказывай, как сказку, потому что это и есть сказка! Я теперь должен выйти на улицу, посмотреть, что я там увижу, кого встречу. Это письмо я положу в походную фляжку и оставлю здесь, на столе. Я нацарапал на фляжке штыком твое имя и адрес – для тех, кто ее найдет.

Твой навеки,

Урия.

Часть пятая
Семь дней

Эпизод 52
Улица Енс-Бьелькес-гате, 9 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Привет, Эллен, это Харри. Как ты слышишь, я пьяный и прошу за это прощения. Правда. Но если бы я был трезвым, я бы тебе сейчас не звонил. Это ты, наверное, понимаешь. Сегодня я был на месте преступления. Ты лежала спиной на снегу у тропинки возле Акерсельвы. Тебя нашла молодая парочка — они ехали в Бло вскоре после полуночи. Причина смерти: повреждения передней части головного мозга вследствие нанесения удара по голове тупым предметом. Еще тебя ударили по затылку, и в общей сложности у тебя было три пролома черепа, а еще разбитая коленная чашечка на левой ноге и следы удара на правом плече. Мы предполагаем, что все эти повреждения нанесены одним и тем же тупым предметом. Доктор Бликс установил, что смерть наступила между одиннадцатью и двенадцатью. Ты выглядела, как будто… я… подожди минутку.

Прости. Так вот. Следственная группа нашла десятки различных отпечатков обуви на тропинке и пару — в снегу возле тебя, но эти последние растоптаны и затерты, вероятно, чтобы скрыть улики. Никаких свидетелей пока не объявилось, но мы, как обычно, обрабатываем дома по соседству. Некоторые окна выходят на реку, и КРИПОС считает, что, возможно, кто-то что-то видел. Но, по-моему, это почти невероятно. Ведь как раз с десяти сорока пяти до без четверти двенадцать по шведскому телевидению шел повтор шведского «Последнего героя». Шутка. Видишь, я пытаюсь шутить. Ах да, мы нашли синюю шапку в нескольких метрах от тебя. На ней были пятна крови, и, хотя ты тоже была вся в крови, доктор Бликс считает, что кровь не могла брызнуть так далеко. Если это твоя кровь, то шапка, ergo, возможно, принадлежит убийце. Мы послали кровь на анализ, а шапку — на экспертизу на предмет наличия частиц волос и кожи. Если волосы у этого парня не выпадают, будем надеяться, что хоть перхоть у него есть. Ха-ха. Ты ведь не забыла еще Экмана и Фрисена? Больше ключевых слов у меня пока нет, но дай мне знать, если чего надумаешь. Так, я ничего не забыл? Да, Хельге теперь живет у меня. Я знаю, что для нее это перемена к

худшему, но такая перемена случилась со всеми нами, Эллен. Может, кроме тебя. Сейчас выпью еще и обдумаю этот вопрос.

Эпизод 53
Улица Енс-Бьелькес-гате, 10 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Привет, это опять Харри. Сегодня я не пошел на работу, но зато позвонил доктору Бриксу. Рад сообщить тебе, что тебя не изнасиловали и, насколько мы можем судить, не отняли ничего из вещей. Так что мотивы убийцы нам пока неясны, — либо он по каким-то причинам не успел сделать то, что хотел. Или не смог. Сегодня появились двое свидетелей, которые видели тебя рядом с «Фру Хаген». В компьютере осталась запись, что ты расплатилась карточкой в «Севен-элевен» по улице Марквейен в двадцать два пятьдесят пять. Сегодня мы весь день допрашивали твоего Кима. Он сказал, что ты хотела прийти к нему и что он просил тебя купить ему сигарет. Один из КРИПОСовских ребят прицепился к тому, что ты купила не те сигареты, которые курит этот твой «тип». К тому же у него нет никакого алиби. Сожалею, Эллен, но сейчас он главный подозре-

ваемый.

Кстати, у меня только что был гость. Ее зовут Ракель, и она работает в СБП. Она сказала, что заглянула меня проведать. Потом немного посидела у меня, но мы почти не разговаривали. Потом она ушла. Не думаю, что все прошло как надо.

Привет от Хельге.

Эпизод 54
Улица Енс-Бьелькес-гате, 13 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Это самый холодный март, какой я помню. На градуснике минус восемнадцать, а окна в этом доме — еще с начала прошлого столетия. Распространенное мнение, что человеку не холодно, когда он пьян, — грубое заблуждение. Заходил Али, мой сосед. Оказывается, вчера, возвращаясь домой, я грохнулся на лестнице, и ему пришлось тащить меня до кровати.

Когда я пришел на работу, наверное, был обед, потому что когда ходил в столовую за утренним кофе, там собралось полно народу. Мне казалось, что все смотрят на меня, но, может быть, только казалось. Мне жутко тебя не хватает, Эллен.

Проверил досье на твоего Кима. Оказывается, ему давали срок за хранение гашиша. КРИПОС по-прежнему считает, что убийца он. Я никогда его не видел, но разве я умею разбираться в людях? А судя по тому, что ты мне рассказывала, он

не очень похож на злодея, ты со мной согласна? Я звонил экспертам — они говорят, что не нашли на шапке ни волосинки, только следы перхоти. Их послали на анализ ДНК, — результатов ждут в течение месяца. Знаешь, сколько волос ежедневно теряет взрослый человек? Я посмотрел. Около ста пятидесяти. А на шапке — ни волосинки. Потом я спустился к Мёллеру и попросил его подготовить список всех, кого в последние четыре года судили за тяжкие телесные и кто сейчас бреется наголо.

Ко мне в кабинет заходила Ракель и принесла мне книгу. «Птицы Норвегии». Замечательная книга. Как по-твоему, Хельге понравилось бы пшено? Тебе сейчас, наверное, хорошо.

Эпизод 55
Улица Енс-Бьелькес-гате, 14 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Сегодня тебя хоронили. Меня не было на похоронах. Умершие ведь заслуживают достойных проводов, а я сегодня был в не слишком презентабельном виде. Зато я думал о тебе в «Шрёдере». В восемь вечера я сел в машину и поехал на Холменколлвейен. Это оказалась плохая идея. У Ракели был гость — парень, тот самый, которого я видел там раньше. Он представился кем-то там из Министерства иностранных дел и делал вид, что он пришел по делам. Кажется, Ракель была не очень рада, что он пришел, но мало ли что кажется. И чтобы избавить всех от мучений, я быстренько свалил. Ракель настаивала, чтобы я взял такси. Но когда я выглянул из окна и увидел, что на улице стоит мой «эскорт», то не мог последовать ее совету.

Как ты понимаешь, сейчас все идет немного кувырком. Но все равно я сегодня зашел в зоо-

магазин и купил птичьего корма. Продавщица посоветовала «Трилл». Его я и взял.

Эпизод 56
Улица Енс-Бьелькес-гате, 15 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Сегодня был в «Молве». Немного напоминает «Шкрёдер». Во всяком случае, если закажешь кружечку пльзеньского, на тебя больше и смотреть не станут. Я подсел к одному старику и после нескольких неудачных попыток смог с ним, что называется, поговорить по душам. Я спросил у него, что он имеет против Эвена Юля. Он долго смотрел на меня — очевидно, он не запомнил меня с того раза. Но после того как я купил ему пива, он рассказал мне следующее. Этот тип был легионером, я так и думал, и был знаком с женой Юля, Сигне, когда та еще была медсестрой на Восточном фронте. Она добровольно пошла туда, потому что была помолвлена с солдатом из полка «Норвегия». Потом, когда в 1945 ее судили за измену родине, на нее положил глаз Юль. Ей дали два года, но отец Юля, большая шишка в Рабочей партии, похлопотал, чтобы ее выпустили через

какую-то пару месяцев. Когда я спросил его, почему это так его возмущает, старик пробурчал, что Юль не такой уж и святой, каким хочет казаться. Да, именно так он и сказал: «святой». Он сказал, что Юль, как и другие историки, сочиняет мифы об участии Норвегии в войне — такие, каких требуют победители. Имени первого жениха Сигне старик не помнил, помнил только, что в полку его считали в своем роде героем.

Потом я пошел на работу. Курт Мейрик заходил меня проведать. Ничего не сказал. Я позвонил Бьярне Мёллеру насчет списка бритоголовых, и тот ответил, что там тридцать четыре имени. Неужели люди без волос более склонны к насилию? Чтобы хоть как-то сократить это число, Мёллер поручил кому-то из своих разузнать, у кого из этих людей есть алиби. Я прочитал в предварительном докладе, что Том Волер подвозил тебя домой и что, когда он высадил тебя в двадцать два пятнадцать, ты выглядела спокойной. Еще он добавил, что вы разговаривали о повседневных вещах. Но, когда ты позвонила на мой автоответчик, в двадцать два шестнадцать, если верить «Теленору», или, другими словами, сразу же, как только ты вошла в квартиру, ты прямо дымилась от азарта — оттого что наткнулась на чей-то след.

Это как-то странно. А Бьярне Мёллер сказал, что ничего странного в этом нет. Может быть, мне просто кажется.

Надеюсь скоро получить от тебя весточку, Эллен.

Эпизод 57
Улица Енс-Бьелькес-гате, 16 марта 2000 года

«Привет, это автоответчик Эллен и Хельге. Оставьте ваше сообщение».

— Сегодня я не пошел на работу. На улице минус двенадцать, в квартире — гораздо теплее. Весь день звонил телефон, и, когда я наконец взял трубку, оказалось, что звонит доктор Эуне. Эуне хороший психолог, во всяком случае не прикидывается, будто вполне понимает, что происходит у нас в голове. Его старое утверждение о том, что алкогольный симптом раздвоения личности появляется, когда исчезает последний собутыльник, — предостережение правильное, но не всегда справедливое. Памятуя о том, что было в Бангкоке, Эуне очень удивился тому, что я сейчас еще держусь на ногах. Все относительно. Еще Эуне рассказал про одного американского психолога, который вывел, что жизненный путь в известной степени наследуется, и в схожих ситуациях мы ведем себя, как наши родители. Отец замкнулся в себе, когда умерла мать, и теперь

Эуне боится, что со мной случится то же самое — из-за всяких поганых вещей, которые со мной случились. Ну, помнишь, та история в Виндерне. И в Сиднее. А теперь еще это. Ну. Я рассказал ему, как живу, но когда доктор Эуне сказал, что именно из-за Хельге я еще не махнул на жизнь рукой, тут уж я посмеялся. Синица! Эуне, конечно, что называется, хороший мужик, но лучше бы он попридержал свою психологию.

Я позвонил Ракели и пригласил ее поужинать вместе. Она ответила, что подумает и перезвонит. Не знаю, почему я это делаю — и зачем это мне.

Эпизод 58
Улица Енс-Бьелькес-гате, 17 марта 2000 года

«...щение от компании «Теленор». Набранный вами номер не существует или не используется. Это сообщение от компании «Теленор». Набранный вами...»

Часть шестая
Вирсавия

Эпизод 59
Кабинет Мёллера, 24 апреля 2000 года

Весна начала свое наступление поздно. Талая вода зажурчала в желобах вдоль тротуаров только в конце марта. В апреле весь снег растаял до самого берега Согнсванна. Но потом весне снова пришлось отступить. Снова выпал снег, и прямо посреди города образовались большие сугробы. Солнце растопило их только через несколько недель. Воняло оттаявшим собачьим дерьмом и прошлогодним мусором; ветер, разгоняясь на открытых участках Грёнланслейрет и возле Галереи Осло, поднимал пыль и песок и заставлял прохожих тереть глаза и отплевываться. Люди обсуждали мать-одиночку, которая, может быть, станет королевой, и чемпионат Европы по футболу. А в полиции обсуждали, кто как провел Пасху, как смехотворна очередная прибавка к зарплате, и притворялись, что все как раньше.

Все было не так, как раньше.

Харри сидел в кабинете, закинув ноги на стол, и смотрел на улицу: на безоблачный день, на толпы пожилых теток в уродливых шляпах, запо-

лоняющие тротуары по утрам, на такси, которые едут на желтый свет, — на все те мелочи, что придают городу фальшиво-безмятежный вид. Харри давно уже не давало это покоя — неужели он единственный, кого город не сумел обмануть? Со дня похорон Эллен прошло шесть недель, но, глядя в окно, Харри не видел никаких перемен.

В дверь постучали. Харри не ответил, но дверь все равно открылась. Вошел начальник отделения полиции Бьярне Мёллер.

— Слышал, ты вернулся?

Харри посмотрел на один из красных автобусов на остановке. На боку автобуса была реклама: «Стуребранн — страхование жизни».

— Шеф, объясните мне, почему говорят: «страхование жизни»? — спросил Харри. — Если на самом деле речь идет о страховании смерти.

Мёллер вздохнул и сел на край стола.

— Почему ты не поставишь сюда еще один стул, Харри?

— Люди быстрее переходят к делу, когда стоят, — ответил Харри, не отворачиваясь от окна.

— Мы ждали, что ты придешь на похороны, Харри.

— У меня сменились планы, — сказал Харри, больше самому себе, чем Мёллеру. — Уверен, что

я туда и направлялся. И когда я посмотрел вокруг и увидел угрюмых людей, то на какое-то мгновение даже подумал, что пришел. Но вдруг увидел, что передо мной стоит Майя и ждет заказа.

— Я примерно так и думал, — сказал Мёллер.

По бурому газону, ведя носом по траве и неся хвост трубой, бежала собака. Хоть кому-то нравится весна в Осло.

— Что потом? — спросил Мёллер. — Мы давненько от тебя ничего не слышали.

Харри пожал плечами:

— Я был занят. У меня появилась соседка по квартире — однокрылая синица. А еще я сидел и слушал старые записи на моем автоответчике. Оказывается, все сообщения за эти два года умещаются на получасовой пленке. И все без исключения — от Эллен. Печально, правда? Ну-у. Может, конечно, я неточно выразился. Печально то, что меня не было дома, когда она звонила в последний раз. Вы знали, что Эллен его вычислила? — Впервые Харри повернулся и посмотрел на Мёллера. — Вы ведь помните Эллен?

Мёллер вздохнул:

— Мы все помним Эллен, Харри. И я помню, какое сообщение она оставила на твоем автоответчике и как ты заявил КРИПОСовцам, что речь

шла о том посреднике в деле с оружием. Если мы еще не нашли убийцу, вовсе не значит, что мы ее забыли, Харри. Вся КРИПОС и отдел убийств все время на ногах, мы почти не спим. Если бы ты посмотрел, как мы работаем, ты бы так не говорил. — В эту же секунду Мёллер пожалел о сказанном. — Я не имел в виду…

— Да нет, имели. Конечно, вы правы.

Харри провел рукой по лицу.

— Вчера вечером слушал ее сообщения. Не понимаю, зачем она звонила. Там она дает мне много советов: что я должен и не должен есть, что нужно не забывать кормить птичек, взяться за методику Экмана и Фризена. Знаете, кто такие Экман и Фризен?

Мёллер снова покачал головой.

— Два психолога, которые выяснили, что, когда ты улыбаешься, мышцы лица стимулируют в мозгу какие-то химические реакции, которые, в свою очередь, дают тебе положительное мироощущение и способствуют жизнерадостности. В общем, они доказали старую истину: когда ты улыбаешься миру, мир улыбается в ответ. И она как-то смогла убедить меня в этом.

Харри посмотрел на Мёллера:

— Грустно?

— Ужасно.

Оба попытались улыбнуться и на какое-то время замолчали.

— Вы, видно, пришли что-то сказать мне, шеф. Что именно?

Мёллер спрыгнул со стола и начал ходить по кабинету.

— После проверки алиби список из тридцати четырех фамилий сократился до двенадцати. Нормально?

— Нормально.

— Анализ ДНК той перхоти с шапки дал нам группу крови ее владельца. Такая группа — у четырех людей в списке. Мы взяли анализы крови этих четверых и отправили проверить на ДНК. Результаты будут сегодня.

— Да?

— Я надеюсь.

В кабинете стало тихо, было слышно только, как скрипят резиновые подошвы Мёллера, когда он поворачивается на каблуках.

— А версию, что Эллен убил ее парень, КРИПОС уже отбросила? — спросил Харри.

— Мы проверили и его ДНК.

— Мы возвращаемся к тому, с чего начали?

— В каком-то смысле, да.

Харри опять отвернулся к окну. С огромного вяза поднялась стая дроздов и полетела на запад, в сторону отеля «Плаза».

— А может, шапка — ложный след? — предположил Харри. — Я никак не могу понять, как преступник, который не оставил больше никаких улик и даже не поленился размазать свои следы на снегу, мог оказаться таким олухом, чтобы забыть собственную шапку всего в нескольких метрах от жертвы.

— Все может быть. Но на шапке — кровь Эллен, это мы определили точно.

Харри увидел, как собака бежит обратно, нюхая тот же след. Где-то посередине газона она остановилась, некоторое время в сомнении водила по земле носом, потом наконец побежала налево и скрылась из виду.

— Значит, начнем с шапки, — сказал Харри. — К нашему списку можно добавить тех, кого привлекали или задерживали за тяжкие телесные. За последние десять лет. Проверьте и фюльке Акерсхус. И позаботьтесь…

— Харри…

— Что?

— Ты уже не работаешь в отделе убийств. Расследованием занимается КРИПОС. Ты просишь

меня лезть в чужой огород.

Харри, ничего не ответив, медленно кивнул. Он пристально смотрел в окно, куда-то в сторону Экеберга.

— Харри?

— Шеф, вам когда-нибудь хотелось оказаться совсем не там, где вы есть? Хотя бы в эту дерьмовую весну.

Мёллер остановился и улыбнулся:

— Раз уж ты спросил, скажу, что мне всегда хотелось перебраться в Берген. Да и детям там было бы лучше.

— Но и там вам хотелось бы работать в полиции, верно?

— Конечно.

— Потому что такие, как мы, ни на что другое не годимся?

Мёллер пожал плечами:

— Наверное.

— А Эллен годилась. Я часто думал о том, какая это трата человеческих ресурсов — таким, как она, работать в полиции. Что она делала? Ловила плохих мальчиков и девочек. Это занятие для нас с вами, Мёллер, но не для нее. Понимаете, о чем я?

Мёллер подошел к окну и встал рядом с Харри.

— Думаю, в мае погода наладится, — проговорил он.

— Да, — отозвался Харри.

Часы на Грёнланнской церкви пробили два.

— Попробую подключить Халворсена, — сказал Мёллер.

Эпизод 60
МИД Норвегии, 27 апреля 2000 года

Из своего долгого и обширного опыта общения с женским полом Бернт Браннхёуг усвоил: если он не просто хочет женщину, но готов добиваться ее любой ценой, на то возможны четыре причины — либо она красивее всех остальных, либо сексуально удовлетворяет его лучше всех других, либо с ней Браннхёуг полнее ощущает себя мужчиной, либо (что было существеннее всего) ей нравится другой.

Браннхёуг решил, что последнее как раз относится к Ракель Фёуке.

Как-то в январе он позвонил ей под предлогом, что ему нужен доклад о новом военном атташе при российском посольстве в Осло. Ракель обещала прислать ему докладную, но Браннхёуг возразил, что такие сведения передаются только в устной форме. Так как это было в пятницу вечером, он предложил ей встретиться за кружечкой пива в «Континентале». Так он узнал, что Ракель — мать-одиночка. Она просто отказалась от приглашения, сказав, что ей нужно отвезти сына в

детский сад, тогда Браннхёуг лукаво заметил:

— Я полагал, у женщин вашего поколения на это есть мужья!

Хотя прямо она и не ответила, из ее слов Браннхёуг понял, что мужа у нее нет.

Браннхёуг положил трубку, довольный результатом, хотя досадовал на себя за это: «ваше поколение», — он тем самым подчеркнул их разницу в возрасте.

Потом он позвонил Курту Мейрику и осторожно, как только мог, стал выуживать у него информацию о фрёкен Фёуке, не слишком, впрочем, беспокоясь, что вряд ли удастся быть настолько осторожным, чтобы Мейрик не заметил подвоха.

Как всегда, Мейрик оказался хорошо осведомлен. Два года Ракель проработала в одном с Браннхёугом министерстве, она была переводчиком при норвежском посольстве в Москве. Там она вышла замуж за русского, молодого профессора, специалиста по генной инженерии, который взял ее штурмом и сразу же воплотил свои теории на практике, сделав ей ребенка. Но у самого профессора обнаружился ген, отвечающий за склонность к алкоголизму и физическим способам аргументации, — поэтому семейное счастье длилось недолго. Решив не повторять ошибки

своих многочисленных сестер по несчастью, Ракель Фёуке не стала ни ждать, ни прощать, ни пытаться понять, — и как только муж в первый раз ударил ее, она ушла из квартиры с Олегом на руках. Супруг через влиятельных родственников заявил свои родительские права на Олега, и если бы не дипломатический иммунитет, Ракели едва бы удалось уехать из России вместе с сыном.

Когда Мейрик сказал, что по требованию мужа Ракели возбудили дело, Браннхёуг вспомнил, что у него в ящике стола лежала какая-то повестка в российский суд. Но тогда Ракель была всего лишь переводчиком, и Браннхёуг передал это дело дальше по инстанции, не обратив внимания на ее имя. Как только Мейрик сказал, что переписка о родительских правах между российскими и норвежскими структурами все еще продолжается, Браннхёуг быстро свернул разговор и набрал номер юридического отдела.

Позвонив Ракели в следующий раз, Браннхёуг пригласил ее на ужин, теперь уже безо всякого предлога. Получив вежливый, но твердый отказ и на этот раз, Браннхёуг зачитал адресованное ей письмо, подписанное главой юридического отдела. В письме говорилось, что Министерство иностранных дел спустя столь долгое время,

«принимая во внимание человеческие чувства русских родственников Олега», решило дать ход делу о родительских правах. Это означало, что Ракели и Олегу надо явиться в российский суд, где будет вынесено окончательное решение.

Спустя четыре дня Ракель позвонила Браннхёугу и попросила его встретиться с ней по личному делу. Тот ответил, что в ближайшие дни очень занят, и спросил, не может ли Ракель пару недель подождать. Но она своим вежливым профессиональным тоном, за которым едва угадывалось волнение, настояла на том, что им нужно встретиться так скоро, как только возможно, и Браннхёуг после некоторого раздумья сказал, что единственно возможный вариант — бар в отеле «Континенталь» в пятницу в шесть вечера. Там Браннхёуг заказал им обоим джин с тоником, а Ракель тем временем излагала ему свою проблему, при этом в ее манере сквозило, как показалось Браннхёугу, настоящее, почти звериное материнское отчаяние. Он важно кивал, изо всех сил пытался изобразить глазами сострадание и, улучив момент, по-отечески взял ее руку в свою. Ракель вздрогнула, но он как бы не заметил, и сказал ей, что, к сожалению, не может менять решения начальников отделов,

но, разумеется, сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить рассмотрение ее дела в российском суде. И подчеркнул, что, принимая во внимание политический вес родственников ее бывшего супруга, полностью разделяет ее опасения, что решение суда может быть вынесено не в ее пользу. Браннхёуг как завороженный смотрел в ее карие, влажные от слез глаза и вдруг подумал, что в жизни не видел ничего красивее. Но, когда он предложил продолжить вечер ужином в ресторане, Ракель отказалась. Остаток вечера, скучный и нудный, Браннхёуг провел в гостиничном номере за стаканом виски и кабельным телевидением.

На следующее утро Браннхёуг позвонил российскому послу и сказал, что в МИДе по поводу дела о родительских правах на Олега Фёуке-Гусева появились внутренние разногласия, и попросил его изложить в письме, какого решения по данному делу требует русская сторона. Посол в первый раз слышал об этом разбирательстве, но, разумеется, пообещал выполнить просьбу главного советника, в том числе прислать соответствующий запрос. Через неделю пришло письмо, в котором российская сторона заявляла, что Ракель и Олег должны явиться в российский суд. Браннхёуг

тут же отправил одну копию начальнику юридического отдела, а другую — Ракели Фёуке. На этот раз она позвонила на следующий же день. Выслушав ее, Браннхёуг ответил, что всякое его вмешательство в это дело будет идти вразрез с его дипломатической работой и что говорить об этом по телефону — неблагоразумно и неосмотрительно.

— Вы знаете, у меня у самого детей нет, — сказал он. — Но судя по тому, как вы описываете Олега, это славный мальчуган.

— Если бы вы его увидели, вы бы… — начала Ракель.

— В этом нет ничего невозможного. Я случайно увидел ваш адрес на конверте и узнал, что вы живете на Холменколлвейен, а оттуда рукой подать до Нурберга.

На том конце медлили с ответом, но Браннхёуг чувствовал, что преимущество теперь у него:

— Скажем, завтра вечером, часов в девять?

После долгой паузы Ракель ответила:

— В девять часов вечера шестилетнему ребенку полагается спать.

Вместо этого они договорились встретиться в шесть. Олег оказался прекрасно воспитанным мальчиком, кареглазым, как мать. Но та, к досаде

Браннхёуга, не хотела ни отклоняться от разговора о повестке, ни отправлять Олега в кровать. Видимо, сын посажен на диван для подстраховки. И еще Браннхёугу не понравилось, как мальчик на него смотрел. Под конец Браннхёуг решил, что осада — дело долгое, и, уже стоя в дверях, предпринял еще одну попытку. Он заглянул в ее глубокие глаза и сказал:

— Ракель, ты не просто красивая женщина. Ты очень храбрый человек Я просто хочу, чтобы ты знала, как высоко я тебя ценю.

Браннхёуг не знал, как истолковать ее взгляд, но воспользовался мгновением, чтобы склониться к ней и поцеловать ее в щеку. Реакция была двусмысленной. Губы улыбались, Ракель поблагодарила за комплимент, но глаза были холодными.

— Извините, что задержала вас так надолго, Браннхёуг, — добавила она. — Вас, наверное, ждет жена.

Браннхёуг решил, что даст Ракели некоторое время на раздумье, о чем недвусмысленно намекнул ей, но она так и не позвонила. Вместо этого ему неожиданно пришел запрос из российского посольства. Русские требовали ответа, и Браннхёуг понял, что своим напоминанием вдохнул

новую жизнь в дело Олега Фёуке-Гусева. Жаль, жаль, — но раз уж так случилось, почему бы этим не воспользоваться. Он позвонил Ракели в ПОТ и рассказал ей о развитии событий.

Прошло несколько недель, и он снова оказался на Холменколлвейен, в деревянном особняке, намного больше и мрачнее, чем его собственный. В этот раз Олег уже был в кровати. Казалось, Ракель чувствует себя более раскованно. Браннхёугу даже удалось перевести разговор на личные темы и весьма кстати ввернуть, что его отношения с супругой выродились в платонические, а ведь время от времени нужно прислушиваться не к холодному рассудку, а к телу и сердцу, — когда его прервал неожиданный звонок в дверь. Ракель пошла открывать и провела в гостиную высокого мужчину, коротко, почти наголо остриженного, с налитыми кровью глазами. Ракель представила его как коллегу по СБП. Браннхёугу в этом парне все не понравилось: и как он прервал его речь; и что он был пьян; и что он сидел на диване и, как прежде Олег, таращился на Браннхёуга, не говоря ни слова. Но больше всего ему не нравилось то, как переменилась Ракель: она просветлела лицом, сбегала за кофе и весело смеялась над его загадочными односложными ответами, будто

над гениальными шутками. И когда она говорила, что запрещает ему ехать домой одному, в ее голосе слышалось настоящее беспокойство. Единственное, что в этом типе Браннхёугу понравилось, было то, что он столь же внезапно ушел, и потом, услышав, как за окном взревел его автомобиль, Браннхёуг решил, что парню хватит любезности разбиться по дороге. Но урон, нанесенный разговору, оказался невосполнимым, и Браннхёугу так и не удалось вернуть беседу в прежнее русло. Когда Браннхёуг уже ехал домой, ему вспомнился собственный старый постулат: мужчина решает, что обязан завоевать женщину по одной из четырех причин. И важнейшая из них — ей нравится другой мужчина.

Когда на следующий день Браннхёуг позвонил Курту Мейрику и спросил, что это за долговязый стриженый блондин, тот вначале очень удивился, а потом расхохотался. Потому что это тот самый парень, которого он, Мейрик, сам просил повысить в звании и перевести в СБП. Ирония судьбы, конечно, но судьба при всей своей иронии иногда зависит от главного советника Королевского министерства иностранных дел. Заметно повеселев, Браннхёуг повесил трубку, насвистывая, вышел в коридор и дошел до зала

заседаний меньше чем за семьдесят секунд.

Эпизод 61
Полицейский участок, 27 апреля 2000 года

Харри встал на пороге своего старого кабинета и посмотрел на белобрысого парня в кресле Эллен. Парень буквально впился в компьютер и не обратил на Харри никакого внимания, пока тот не откашлялся.

— Так, значит, Халворсен — это ты? — спросил Харри.

— Да, — ответил парень и вопросительно посмотрел на него.

— Переведен из Стейнкьера?

— Так точно.

— Харри Холе. Я раньше сидел там, где сейчас ты, только в другом кресле.

— Оно сломалось.

Харри улыбнулся:

— Оно всегда было сломано. Бьярне Мёллер просил тебя проверить кое-что по делу Эллен Йельтен.

— Кое-что? — недоверчиво переспросил Халворсен. — Я здесь три дня работал безвылазно.

Харри сел в свое старое кресло, которое теперь стояло у стола Эллен. Впервые он увидел, как кабинет выглядел для нее.

— И что ты нашел, Халворсен?

Халворсен нахмурился.

— Ладно, — сказал Харри. — Эта информация была нужна мне — хочешь, можешь спросить у Мёллера.

Лицо Халворсена просветлело.

— Ну конечно, ты Холе из СБП! Извини, что не понял сразу. — Его мальчишеское лицо расплылось в широкой улыбке. — Я помню то австралийское дело. Когда ж это было?

— Мне кажется, что вчера. Но, как говорится…

— Ах да, список! — Халворсен похлопал по стопке распечаток. — Тут все, кого приводили в полицию, привлекали к суду или осуждали за тяжкие телесные в последние десять лет. Больше тысячи имен. Как раз это было сделать проще всего, сложнее выяснить, кто из них бреется наголо — этого в протоколах не пишут. Потребуются недели…

Харри откинулся на спинку кресла:

— Понимаю. Но в компьютер вносится код примененного оружия. Выдели только тех, кто использовал ударное, и посмотри, сколько оста-

нется.

— Я и сам думал предложить это Мёллеру, когда увидел, какой этот список длинный. В основном эти преступники использовали ножи, стволы или просто кулаки. Новый список будет готов через несколько часов.

Харри встал.

— Замечательно, — сказал он. — Не помню внутреннего номера моего кабинета, но его можно найти в справочнике. И когда в следующий раз у тебя появится хорошее предложение, не бойся его высказать. Мы, столичные, не такие сообразительные.

Халворсен неуверенно засмеялся.

Эпизод 62
СБП, 2 мая 2000 года

Дождь с самого утра хлестал по улицам, и только в полдень яркие лучи солнца вдруг прорвались сквозь обложные тучи, и через мгновение на небе уже не было ни облачка. Харри сидел, закинув ноги на стол, а руки — за голову, и внушал себе, что думает о винтовке Мерклина. Но мысли его вылетали в окно и неслись вдоль вымытых дождем улиц, пахнущих теплым мокрым асфальтом, вдоль железнодорожных путей, вверх по склону Холменколлена, где в тени елей кое-где еще лежал серыми пятнами снег и где они с Олегом и Ракелью накануне прыгали через размытые весенние тропинки, стараясь не угодить в глубокие грязные лужи. Харри смутно помнил, что в возрасте Олега и сам ходил на такие воскресные прогулки. Если это были долгие прогулки и они с Сестрёнышем уставали, отец клал на нижние ветки елочек кусочки шоколада. Сестрёныш до сих пор верит, что шоколадки растут на деревьях.

В первые визиты Харри Олег с ним почти не разговаривал. Это было даже хорошо — Харри и

сам не знал, что сказать мальчику. Общая тема нашлась, когда Харри заметил, что у Олега в «гейм бое» есть «тетрис», и бессовестно, безжалостно обошел шестилетнего мальчишку больше чем на сорок тысяч очков. После этого Олег стал выспрашивать у него всякие вещи вроде «почему снег белый» и так далее — отчего взрослые так сосредоточенно морщат лоб, что на смущение уже не остается сил. Когда во время последней прогулки Олег заметил зайца-беляка и побежал за ним, Харри взял Ракель за руку. Рука была холодная, а ладонь — горячая. Она склонила голову набок и, раскачивая руки вперед и назад, улыбнулась ему, будто хотела сказать: «Это мы понарошку». Почувствовав, что при виде прохожих Ракель как-то напряглась, Харри выпустил ее руку. Потом они выпили какао в «Фрогнерсетере», и Олег спросил, почему приходит весна.

В тот день Харри пригласил Ракель поужинать вместе. Во второй раз. В первый раз она сказала, что подумает, потом позвонила и отказалась. В этот раз она тоже сказала, что подумает, но, во всяком случае, не отказалась. Пока.

Зазвонил телефон. Звонил Халворсен. У него заплетался язык, он извинялся, что только что проснулся.

— Вот проверил семьдесят из ста десяти подозреваемых в нанесении тяжких телесных тупым предметом, — сказал он. — Бритых нашел пока только восемь.

— Как ты их искал?

— Обзванивал. Подумать только, сколько народу можно застать дома в четыре часа ночи! — И Халворсен неуверенно засмеялся, не слыша ответа собеседника.

— Ты что, звонил домой каждому? — наконец спросил Харри.

— Конечно, — сказал Халворсен. — Домой или на мобильник. Подумать только, у скольких…

Харри прервал его:

— И ты просто просил этих громил любезно предоставить полиции свои особые приметы?

— Не совсем. Я говорил, что мы ищем подозреваемого с длинными рыжими волосами, и спрашивал, не перекрашивали ли они волосы, — ответил Халворсен.

— Не понял.

— Если ты бритый, что ты ответишь?

— Хм, — сказал Харри. — Да у вас там в Стейнкьере действительно народ башковитый.

Снова неуверенный смех.

— Пришли список по факсу, — попросил Хар-

ри.

— Сразу же, — как только мне его вернут.

— Вернут?

— Один полицейский из нашего отдела. Он сидел и меня дожидался. Наверное, ему он срочно понадобился.

— А я думал, что делом Йельтен занимается КРИПОС, — сказал Харри.

— Очевидно, нет.

— А что это за полицейский?

— По-моему, его зовут Воген или что-то в этом роде, — ответил Халворсен.

— В отделе убийств никакого Вогена нет. Часом не Волер?

— Точно, — сказал Халворсен и, разумеется, добавил: — Подумать только, сколько новых имен…

Больше всего Харри хотелось выругать этого молокососа за то, что передает материалы следствия людям, которых даже не знает, как зовут. Но момент для разноса был неподходящий. Парень три ночи подряд не спал и теперь, наверное, валился с ног от усталости.

— Ты хорошо поработал, — сказал Харри, собираясь положить трубку.

— Погоди! Твой номер факса?

Харри выглянул в окно. Над Экебергом снова собирались облака.

— Найдешь в справочнике, — ответил он.

Как только Харри положил трубку, телефон затрезвонил снова. Теперь это был Мейрик, он велел Харри зайти к нему «сию же минуту».

— Как там твой доклад о неонацистах? — спросил Мейрик, как только увидел Харри в дверях.

— Плохо, — ответил Харри и уселся в кресло. Из-за головы Мейрика на него смотрел портрет норвежской королевской четы. — На клавиатуре западает клавиша «Е», — добавил Харри.

Мейрик вежливо улыбнулся, как король на портрете, и велел пока с докладом не торопиться.

— У меня тут для тебя другое дело. Мне только что звонил глава информационного отдела Объединения профсоюзов Норвегии. Сегодня половина руководства получила по факсу сообщения с угрозой расправы. Подписаны цифрами 88 — известная кодировка «хайль Гитлер». Такое происходит не впервые, но на этот раз дело просочилось в прессу. Звонят уже сюда. Мы выяснили, что рассылку делали с общественного факсимильного аппарата в Клиппане. Значит, к угрозе надо отнестись серьезно.

— Клиппан?

— Городок в трех милях восточнее Хельсингборга. Население — шестнадцать тысяч. Главный рассадник нацизма в Швеции. Некоторые тамошние семьи — нацисты с тридцатых годов. Место паломничества наших неонацистов — ездят поглядеть, набраться опыта. Короче, Харри, собирай чемоданы. — У Холе появилось неприятное предчувствие. — Поедешь шпионить. Проникнешь в их среду. Твою легенду уже разрабатывают. Будь готов к тому, что тебе придется побыть там какое-то время. Мы уже попросили наших шведских коллег подыскать тебе жилье.

— Шпионить, — повторил Харри. Он не верил собственным ушам. — Какой из меня шпион, Мейрик? Я следователь. Или вы забыли?

Было заметно, что Мейрик уже устал улыбаться.

— Ты быстро научишься, Харри, это не вопрос. Считай это интересным и полезным опытом.

— Хм. И надолго это?

— На несколько месяцев. Максимум на шесть.

— На шесть? — взорвался Харри.

— Спокойно, Харри. У тебя ведь нет семьи, нет…

— И кто со мной в команде?

Мейрик покачал головой.

— Никакой команды. Ты поедешь один, так надежнее всего. А докладывать будешь лично мне.

Харри потер шею.

— Но почему я, Мейрик? У вас же целый отдел специалистов по шпионажу и правым экстремистам.

— Когда-то надо нарушать правила.

— А как же винтовка Мерклина? У нас появился след, ведущий к старому нацисту, а тут эти угрозы, подписанные «хайль Гитлер». Если бы я не был занят…

— Будет так, как я скажу, Харри. — Мейрик больше не улыбался.

Что-то тут неладно. Харри нюхом чуял это, но не мог сказать, что именно и почему ему не нравится. Он встал, Мейрик тоже.

— Едешь в эти выходные. — Мейрик протянул ему руку.

Харри подумал, что это совсем уж странно, об этом же вдруг подумал и Мейрик. На лице начальника застыло смущение. Но теперь было уже поздно, его рука с растопыренными пальцами беспомощно висела в воздухе, и Харри быстро пожал ее, — просто чтобы поскорей снять неловкость.

Когда Харри шел по приемной мимо Линды, та крикнула, что на его полке для писем лежит факс, и Харри на ходу схватил его. Список Халворсена. Проходя по коридору, Харри просматривал имена, одновременно раздумывая, что хорошего могут ему дать полгода с неонацистами в захолустной дыре на юге Швеции. Это не нужно тому Харри, который решил бросить пить. И тому, ждущему ответа от Ракели на приглашение на ужин. И уж точно — тому, кто охотится за убийцей Эллен. Внезапно Харри остановился.

Последнее имя…

Неудивительно, что в списке встретилось имя старого знакомого, но тут было и кое-что другое. Что-то щелкнуло — этот звук раздавался всякий раз, когда он, почистив свой «смит-вессон» 38-го калибра, собирал его снова. Щелчок, словно говорящий: «Все сходится».

Харри вошел в кабинет и сразу же позвонил Халворсену. Тот записал его вопросы и пообещал перезвонить, как только что-нибудь появится.

Харри откинулся на спинку кресла. Он слышал стук собственного сердца. Обычно Харри было это не под силу — составить единую картину из кусочков информации, внешне нисколько не связанных друг с другом. Нужно было вдох-

новение. Когда спустя четверть часа позвонил Халворсен, Харри казалось, будто прошло уже несколько часов.

— Так точно, — говорил Халворсен. — Один из отпечатков, которые следственная группа нашла на тропинке, — от армейских ботинок «Комбат бутс» сорок пятого размера. Марку удалось установить, потому что отпечаток был от почти нового ботинка.

— А ты знаешь, кто носит «Комбат бутс»?

— Ну да, конечно, ребята из НАТО — в Стейнкьере они часто специально заказывают эти ботинки. А еще я видел, что их носят некоторые английские футбольные фанаты.

— Верно. Еще скинхеды. Коричневые. Неонацисты. У тебя есть какие-нибудь фотографии?

— Четыре штуки. Две из Акерской культмастерской и две с демонстрации перед «Блицем» в девяносто втором.

— Там кто-нибудь есть в шапке?

— Да, те, что из Акера.

— Шапки вязаные?

— Сейчас погляжу.

В трубке послышалось шуршание. Харри стал молить про себя.

— Больше похоже на берет, — наконец сказал

Халворсен.

— Уверен? — спросил Харри, даже не пытаясь скрыть разочарования.

Халворсен был вполне уверен, и Харри громко выругался.

— Но, может, помогут сапоги? — осторожно поинтересовался Халворсен.

— Убийца выбросил сапоги, если только он не идиот. А то, что он размазал свои следы по снегу, доказывает, что он отнюдь не идиот.

Харри забарабанил по телефону. Он снова почувствовал эту странную уверенность, что знает, кто убийца. Харри понимал, что это чувство опасно. Опасно, потому что прекращаешь сомневаться, слышать эти тихие голоса, сигналящие о внутренних противоречиях, о том, что в картине по-прежнему не все сходится. Сомнение — как холодный душ, а никому не хочется попасть под холодный душ, когда вот-вот поймаешь убийцу. Ведь Харри сколько раз бывал уверен в своих предположениях. И ошибался.

Халворсен заговорил снова:

— Военные в Стейнкьере заказывали «Комбат бутс» прямо из США, так что навряд ли найдется много магазинов, в которых можно их купить. А раз эти ботинки были почти новые…

Харри мгновенно понял ход его мыслей:

— Отлично, Халворсен! Найди магазины, которые ими торгуют, начни с армейских. Потом пройдись по ним с фотографиями, поспрашивай, не продавали ли кому-нибудь из этих парней ботинки в последние месяцы.

— Харри… э-э…

— Да, знаю, сначала надо согласовать с Мёллером.

Харри понимал, что найти продавца, который помнил бы всех, кто покупал у него обувь, почти невозможно. Задача облегчается, если у покупателя на затылке татуировка «Sieg Heil», но все равно рано или поздно Халворсену придется усвоить, что, когда расследуешь убийство, в девяноста девяти случаях из ста идешь по ложному следу. Харри положил трубку и позвонил Мёллеру. Выслушав аргументы Харри, начальник отделения полиции откашлялся и сказал:

— Радостно слышать, что хоть в чем-то вы с Томом Волером сходитесь.

— Что?

— Он звонил мне полчаса назад и говорил примерно то же, что и ты сейчас. Я дал ему разрешение привести для допроса Сверре Ульсена.

— Черт…

— Что такое?

Харри сам не знал. И когда Мёллер спросил прямым текстом — не хочет ли он что-нибудь сказать, Харри промямлил: «Всего доброго», — повесил трубку и уставился в окно. На Швейгордс-гате начинался час пик. Харри выхватил взглядом из толпы мужчину в сером пальто и старомодной шляпе и провожал его глазами, пока тот не скрылся из виду. Харри чувствовал, что пульс пришел в норму. Клиппан. О нем он уже почти забыл, но теперь вспомнил, и голова заболела, как с похмелья. Захотелось набрать рабочий телефон Ракели, но он отогнал от себя эту мысль.

И тут случилось удивительное.

Краем глаза Харри заметил снаружи какое-то движение и сразу же посмотрел в окно. Вначале он не понял, что это, — только увидел, как нечто стремительно приближается. Харри открыл было рот, но не смог издать ни слова, ни крика. Послышался приглушенный стук в оконное стекло. Харри посмотрел на влажное пятнышко на стекле и прилипшее к нему серое перышко, трепетавшее на весеннем ветру. Харри застыл. Потом схватил свою куртку и побежал к лифту.

Эпизод 63
Улица Крукливейен, Бьерке, 2 мая 2000 года

Сверре Ульсен сделал приемник погромче. Он неторопливо листал журнал «Женская мода», который взял у матери. По радио говорили о письмах с угрозами, которые получили лидеры профсоюзов. Над окном гостиной, из дырки в водосточном желобе, капала вода. Ульсен засмеялся. Звук такой же, как в квартире Роя Квинсета, у которого текут водопроводные трубы. Интересно, он что-нибудь уже починил?

Ульсен посмотрел на часы. Вечером он собирался пойти в «Герберт». Денег у Ульсена почти не осталось, но на этой неделе он починил старый пылесос, так что, может быть, мать одолжит ему сотенку. Чтоб этот Принц сдох! С последнего раза, как он пообещал Сверре отдать деньги «через пару дней», прошло уже две недели. А те, кому Сверре сам был должен, уже начали угрожать ему. И, что хуже всего, его столик в пиццерии «У Герберта» стали занимать другие. Со дня налета на «Деннис-кебаб» прошло уже много времени.

Сидя в пиццерии в последний раз, Ульсен едва утерпел, чтобы не вскочить и не заорать: это он убил тетку из полиции. И как брызнула фонтаном кровь от последнего удара, и как она кричала, умирая. Правда, тогда Ульсен не знал, что она из полиции. И от вида крови его чуть не вырвало, — но эти подробности оглашать незачем.

Чтобы ему сдохнуть, этому Принцу! Он ведь знал, что эта баба — из ищеек.

Сверре заработал эти сорок тысяч, никто и не думал этого отрицать, но он-то что мог сделать? После того, что случилось, Принц запретил Сверре звонить ему. Для безопасности, пока все не уляжется, пояснил он.

На улице визгливо скрипнула калитка. Сверре встал, выключил радио и поспешил к двери. Поднимаясь по лестнице, он услышал шаги матери во дворе. Когда Сверре уже был у себя в комнате, в замке лязгнули ключи. Пока мать копошилась внизу, Сверре стоял посреди комнаты и смотрел на себя в зеркало. Он провел рукой по темени — щетка коротких, в миллиметр длиной, волос покалывала пальцы. Ульсен решил для себя: даже если он и получит те сорок тысяч, он устроится на работу. Ему обрыдло торчать дома и скоро обрыднут «соратники» в пиццерии «У Герберта».

В профессиональном училище Ульсен получил специальность электрика, он неплохо ремонтирует электроприборы. Многим электрикам нужны ученики и помощники. Через несколько недель волосы отрастут, и татуировки «Sieg Heil» на затылке не будет видно.

Да, волосы. Он вдруг вспомнил, как этой ночью ему звонил полицейский с трённелагским выговором и спрашивал, не рыжие ли у него волосы! Утром, проснувшись, Свербе решил было, что все это ему приснилось, но за завтраком мать спросила, кто это еще звонит ему в четыре ночи.

Свербе перевел взгляд с зеркала на стены. Фотография фюрера, плакат с концерта Бурзума, флаг со свастикой, железные кресты и плакаты «Blood & Honour», срисованные с тех, что печатали в войну по приказу Йозефа Геббельса. Впервые Свербе подумал, что его комната похожа на комнату подростка. Если вместо фашистского знамени повесить плакат «Манчестер Юнайтед», а вместо Генриха Гиммлера — Дэвида Бэкхема, можно будет подумать, что здесь живет четырнадцатилетний пацан.

— Свербе! — позвала мать.

Ульсен закрыл глаза.

— Свербе!

Опять та же картина. Она постоянно перед глазами.

— Да! — крикнул он так громко, что заболела голова.

— Тут с тобой пришли поговорить!

Тут? С ним? Свeрре открыл глаза и нерешительно посмотрел на свое отражение в зеркале. Но сюда никто не мог прийти. Насколько Ульсен помнил, он никому не рассказывал, где живет. Сердце застучало. Может, опять этот трённелагский полицейский?

Ульсен уже направился к двери, когда она распахнулась.

— Добрый день, Ульсен.

В окне у лестницы горело заходящее весеннее солнце, и Свeрре мог различить только силуэт вошедшего. Но голос он узнал сразу.

— Ты не рад меня видеть? — Принц закрыл за собой дверь и с любопытством посмотрел на стены. — Ну у тебя и комнатка!

— Почему она тебя впустила…

— Я показал твоей матери вот это. — Принц помахал удостоверением с золоченым гербом на голубом фоне. На обороте карточки стояло: «ПОЛИЦИЯ».

— О черт, — сглотнул Свeрре. — Настоящее?

— Почем я знаю? Расслабься, Ульсен. Присядь.

Принц указал ему на кровать, а сам сел верхом на стул у письменного стола.

— Зачем ты пришел? — спросил Свeрре, садясь на дальний угол кровати.

— А ты как думаешь? — Принц широко улыбнулся ему. — Надо рассчитаться с тобой, Ульсен.

— Рассчитаться?

Свeрре все не мог прийти в себя. Откуда Принц узнал, что он живет здесь? Еще это удостоверение. Свeрре снова посмотрел на Принца и вдруг подумал, что тот вполне может работать в полиции — вечная улыбка, холодный взгляд, искусственный загар, накачанные мышцы, короткая куртка из мягкой черной кожи, синие брюки. Странно, что Ульсен не догадывался раньше.

— Да. — Принц продолжал улыбаться. — Надо рассчитаться. — Он достал из внутреннего кармана конверт и протянул его Свeрре.

— Наконец-то. — Свeрре на секунду нервно улыбнулся и сунул в конверт руку. — Что это? — спросил он, доставая сложенный лист бумаги.

— Список восьми человек, к которым скоро наведаются ребята из отдела убийств и наверняка возьмут кровь на анализ ДНК, чтобы сверить с ДНК перхоти с твоей шапки, которую они нашли

на месте преступления.

— Моей шапки? Ты ж говорил, что нашел ее в машине и сжег!

Сверре в ужасе посмотрел на Принца. Тот с виноватым видом покачал головой.

— Выходит, я вернулся на место преступления. Там стояла молодая, перепуганная до смерти парочка и ждала полицию. Должно быть, я уронил шапку в снег в нескольких метрах от тела.

Сверре схватился за голову.

— Тебя что-то смущает, Ульсен?

Сверре кивнул и попытался улыбнуться, но губы не слушались.

— Мне объяснить?

Сверре опять кивнул.

— Когда убивают полицейского, дело расследуется в первоочередном порядке. Убийцу ищут, пока не найдут — не важно, сколько на это уйдет времени. В должностной инструкции этого не прописано, но сыщики никогда не останавливаются перед выбором средств, когда жертва — кто-то из них. Непросто убивать полицейских — ведь следаки не уймутся, пока не схватят… — он указал на Сверре, — виновного. Это вопрос времени. И я решил помочь следствию, чтобы тебе не так долго пришлось ждать.

— Но…

— Ты, наверное, думаешь, с чего бы мне помогать полиции, — ведь понятное дело, ты сразу сдашь меня, чтобы тебе скостили срок?

Сверре сглотнул. Он попытался понять услышанное, но оно никак не хотело укладываться в голове.

— Конечно, это задачка не из простых. — Принц провел пальцем по висящему на стене ордену Железного креста — дешевой подделке. — Разумеется, я мог бы пристрелить тебя сразу же после убийства. Но тогда полиция поняла бы, что у тебя есть сообщник, который хочет замести следы, и охота бы продолжалась. — Он снял Железный крест со стены и надел на шею, поверх кожаной куртки. — Был другой вариант — самому «раскрыть» это дело, пристрелить тебя во время ареста и обставить все так, будто ты пытался оказать сопротивление. Проблема в том, что, если я раскрыл бы дело в одиночку, это показалось бы чересчур странным. Появились бы всякие подозрения, тем более что я был последним, кто видел Эллен Йельтен в живых. — Вдруг он рассмеялся. — Не трясись ты так, Ульсен! Я же говорю, что этот вариант я отбросил. Я решил просто посидеть в сторонке, но постоянно поглядывать

— вычислили тебя или еще нет. Как только они подберутся слишком близко, я собирался вступить в игру и на последнем этапе перехватить эстафетную палочку. Кстати, на твой след наткнулся тот пьянчуга, который сейчас работает в СБП.

— Так ты… легавый?

— Дашь поносить? — Принц указал на Железный крест. — Не бери в голову! Я прежде всего солдат, как и ты, Ульсен. У корабля должен быть прочный корпус. Маленькой течи хватит, чтобы он пошел ко дну. Сейчас я рассказал тебе, кто я такой. Понимаешь, что это значит?

У Сверре так пересохло во рту и в горле, что он больше не мог глотать. Его охватил страх. Смертельный страх.

— Это значит, что я не могу выпустить тебя из этой комнаты живым. Понимаешь?

— Да. — Голос у Сверре стал хриплым. — А мои д-деньги…

Принц сунул руку под куртку и достал пистолет.

— Сиди смирно.

Он подошел к кровати, сел рядом со Сверре и, держа пистолет обеими руками, направил дуло на дверь.

— Пистолет Глюка, самое точное оружие в мире. Только вчера получил его из Германии. Номер сточен. На черном рынке стоит восемь тысяч крон. Считай, что это первый взнос.

Раздался щелок, Сверре вздрогнул и, широко раскрыв глаза, уставился на маленькую дыру в двери. В полоске солнечного света, которая, как лазерный луч, выходила из дыры и пронизывала комнату, играла пыль.

— На. — Принц бросил пистолет Сверре, встал и отошел к двери. — Держи крепче. Правда, идеально сбалансирован?

Сверре безвольно вцепился в рукоятку пистолета. По спине градом катился пот. «Потолок течет», — вот и все, о чем он думал: пуля проделала еще одну дырку в потолке, а они с матерью до сих пор не договорятся с ремонтниками. Ульсен думал об этом и ждал. Он закрыл глаза.

— Сверре!

«У нее такой голос, будто она выпила. — Он стиснул пистолет. — У нее всегда такой голос». Ульсен снова открыл глаза и увидел, как Принц, как в замедленной съемке, развернулся у двери — обеими руками он держал блестящий черный «смит-вессон».

— Сверре!

Из дула вырвалось желтое пламя. Ульсен представил себе мать, которая стоит внизу у лестницы. Через мгновение пуля попала ему в лоб, вышла через затылок, через слово «Heil» в татуировке «Sieg Heil», пробила деревянную панель облицовки, прошла сквозь утеплитель и застряла во внешней стене. Но в этот момент Сверре Ульсен был уже мертв.

Эпизод 64
Улица Крукливейен, 2 мая 2000 года

Харри еле выклянчил бумажный стаканчик кофе у следственной группы. Сейчас, стоя перед маленьким неказистым домиком на Крукливейен, что в Бьёрке, Харри смотрел, как молодой полицейский, забравшись по приставной лестнице, отмечает в крыше отверстие, через которое вышла пуля. Уже начали собираться зеваки, и вокруг дома на всякий случай натянули желтые ленты ограждения. Человека на лестнице омывали лучи заходящего солнца, но сам дом находился в низине, и там, где стоял Харри, было прохладно.

— Значит, ты пришел сразу же после того, как это случилось? — услышал Харри голос позади себя. Обернувшись, он увидел Бьярне Мёллера. Начальник отделения полиции теперь редко выезжал на место преступления, но Харри много раз слышал, что следователь Мёллер хороший. Намекали, что лучше бы он им и оставался. Харри протянул Мёллеру свой кофе, но тот отказался.

— Да, я пришел минут через пять, — ответил

Харри. — Кто вам это рассказал?

— Центр оповещения. Там сказали, ты попросил подкрепления сразу после того, как Волер сообщил о перестрелке.

Харри кивнул на красный спортивный автомобиль у ворот.

— Когда я подъехал, то увидел машину Волера. Я знал, что он поехал сюда, и думал, что все в порядке. Но когда я вышел из машины, то услышал какое-то жуткое завывание. Сперва я подумал, что воет какая-нибудь собака в соседнем дворе, но, подходя к дому, понял, что звук идет оттуда и что воет не собака, а человек. Я не стал испытывать судьбу, а попросил подкрепления из Экернского полицейского участка.

— Это рыдала мать?

Харри кивнул:

— У нее была истерика. У нас ушло минут тридцать, чтобы успокоить ее и добиться чего-нибудь вразумительного. Сейчас она в гостиной, с ней разговаривает Вебер.

— Старый сентиментальный Вебер?

— Вебер — мужик что надо. Он ворчит на работе, но с людьми в подобных ситуациях умеет обращаться как никто другой.

— Знаю. Я просто шучу. Как там Волер?

Харри пожал плечами.

— Понятно, — сказал Мёллер. — Волера так просто не прошибешь. Это хорошо. Зайдем внутрь, посмотрим?

— Я там уже был.

— Значит, будешь показывать.

Еле-еле (потому что Мёллер по пути здоровался с каждым из коллег, с которыми давно не виделся) они добрались до второго этажа.

В спальне было не протолкнуться от экспертов следственной группы, то и дело вспыхивали блицы фотоаппаратов. На кровати лежал кусок черного пластика с нанесенным на него белым контуром.

Мёллер посмотрел на украшенные нацистскими атрибутами стены комнаты. «О господи!» — пробормотал он.

— Сверре Ульсен, как я понимаю, голосовал не за Рабочую партию, — прокомментировал Харри.

— Не трогай ничего, Бьярне, — рявкнул голос — Харри узнал старшего техника-криминалиста. — Помнишь, как было в прошлый раз?

Мёллер помнил. Во всяком случае, он добродушно рассмеялся.

— Когда Волер вошел в комнату, Сверре Ульсен

сидел на кровати, — начал Харри. — Волер, как он сам говорит, встал у двери и спросил Ульсена, где тот был в ночь убийства Эллен. Ульсен якобы не помнил число, и Волер продолжал расспрашивать его, пока наконец не стало ясно, что у Ульсена нет никакого алиби. По словам Волера, когда он предложил Ульсену пройти с ним в участок и дать показания, тот внезапно достал револьвер, видимо из-под подушки, и открыл огонь. Пуля прошла у Волера над плечом и прострелила дверь — вот отверстие, — а затем и крышу. Тогда Волер, по его словам, выхватил табельный пистолет и выстрелил в Ульсена, пока тот не успел снова спустить курок.

— Неплохая реакция. И меткий выстрел, как мне сказали.

— Прямо в лоб, — подтвердил Харри.

— Впрочем, это и неудивительно. У Волера был лучший результат на осенних стрельбах.

— Вы забываете про мой результат, — сухо сказал Харри.

— Ну как, Рональд? — крикнул Мёллер, обращаясь к старшему технику.

— Думаю, особых проблем не будет. — Эксперт встал и, кряхтя, выпрямил спину. — Пуля, которой убило Ульсена, застряла в стене. Та, что

прострелила дверь, вылетела через крышу. Мы попробуем отыскать и ее — баллистикам будет чем завтра заняться. Угол выстрела, во всяком случае, совпадает.

— Хм… Спасибо.

— Не за что, Бьярне. Как поживает твоя супруга?

Мёллер рассказал, как поживает его супруга, и для приличия поинтересовался, как поживает супруга техника, но, насколько Харри было известно, у того никакой супруги не было. В прошлом году четыре судмедэксперта развелись с женами. В столовой шутили, что из-за трупного запаха.

На улице они увидели Вебера. Он одиноко стоял с чашкой кофе и рассматривал человека на лестнице.

— Как дела, Вебер? — спросил Мёллер.

Вебер прищурился, будто раздумывая, отвечать ему или нет.

— С ней все нормально, — ответил он и снова взглянул на человека на лестнице. — Конечно, она говорит, что не понимает этого, что ее сын не переносил вида крови и все в этом роде, но что касается изложения фактов — тут все в порядке.

— Хм. — Мёллер взял Харри под локоть. —

Пройдемся.

Они побрели вниз по улице. Это был квартал двухэтажных домиков с палисадниками, и лишь в самом конце улицы стояли два многоквартирных дома. Мимо в сторону полицейских машин с включенными мигалками промчались на велосипедах несколько раскрасневшихся подростков. Дождавшись, пока они отъедут на приличное расстояние, Мёллер спросил:

— Кажется, ты не слишком рад, что мы добрались до убийцы Эллен.

— Чему тут радоваться? Во-первых, мы до конца не уверены, что убийца — Сверре Ульсен. Анализ ДНК…

— Анализ ДНК покажет, что это он. Что еще, Харри?

— Ничего, шеф.

Мёллер остановился:

— Правда?

— Правда.

Мёллер кивнул на дом:

— Ты считаешь, что Ульсен дешево отделался, получив пулю в лоб?

— Я ничего не считаю, шеф! — вдруг вспылил Харри.

— Выкладывай! — прорычал Мёллер.

— Я думаю, что все это просто смешно!

Мёллер наморщил лоб:

— Что смешно?

— Такой опытный полицейский, как Волер, — Харри, понизив голос, говорил медленно, отчетливо выделяя каждое слово, — и вдруг в одиночку едет поговорить и по возможности задержать человека, подозреваемого в убийстве. Это нарушение всех писаных и неписаных правил.

— И что ты хочешь этим сказать? Что Том Волер сам устроил провокацию? Ты думаешь, что, заставив Ульсена достать оружие, Волер хотел отомстить за Эллен? Ты поэтому все время повторял «по словам Волера», «по словам Волера» — будто мы, полицейские, ставим под сомнение слово коллеги? А половине следственной группы пришлось это слушать.

Они стояли и смотрели друг на друга. Мёллер был почти того же роста, что и Харри.

— Я только сказал, что это просто смешно, — сказал Харри и развернулся. — Это все.

— Хватит, Харри! Не знаю, зачем ты приехал сюда за Волером, если подозревал, что что-то подобное может случиться. Но я знаю одно: больше я не желаю об этом слышать. Я вообще не желаю слышать от тебя никаких инсинуаций на кого бы

то ни было. Ясно?

Харри посмотрел на дом Ульсенов. Желтый, ниже других домов, и живая изгородь тоже ниже, чем у соседей. Среди домов на этой залитой заходящим солнцем улице домик Ульсенов казался беззащитным. И одиноким. В воздухе горько пахло костром, с ипподрома Бьерке доносились обрывки металлических фраз из динамиков.

Харри пожал плечами:

— Прошу прощения. Я… в общем, вы знаете.

Мёллер положил руку ему на плечо.

— Она была лучше нас всех. Я знаю, Харри.

Эпизод 65
Ресторан «Шрёдер», 2 мая 2000 года

Старик держал в руках «Афтенпостен». Он увлеченно читал о фаворитах на предстоящих бегах, когда заметил, что к его столику подошла официантка.

— Добрый день, — сказала она и поставила перед ним поллитровый стакан пива. Как обычно, не говоря ни слова, старик пристально смотрел на официантку, пока та считала мелочь, которой он с ней расплатился. Возраст этой женщины было сложно определить, но старик предположил, что ей больше тридцати пяти, но меньше сорока. Вид у нее такой, словно жизнь у нее не легче, чем у посетителей ресторана. Должно быть, натерпелась за эти годы. Но она все равно улыбалась. Официантка удалилась, и старик, озираясь по сторонам, отхлебнул из стакана.

Он взглянул на часы. Встал, подошел к телефону-автомату в дальнем углу ресторана, опустил в него три кроны, набрал номер и стал ждать. После трех гудков трубку взяли, и он услышал ее голос:

— Юль.

— Сигне?

— Да.

По ее голосу он понял, что она уже боится, что узнала, кто говорит. Он звонил уже в шестой раз — может, она уже уловила его график и сегодня ждала его звонка?

— Это Даниель, — сказал старик.

— Кто это? Что вам нужно? — задыхаясь, спросила она.

— Я же говорю, это Даниель. Я только хотел снова услышать то, что ты говорила в тот раз. Помнишь?

— Прекратите. Даниель умер.

— «Сохранять верность и в смерти», Сигне. Не до смерти, а в смерти.

— Я звоню в полицию.

Он повесил трубку. Потом надел шляпу и пальто и вышел на залитую солнцем улицу. В парке Санктхансхёуген уже раскрылись первые почки. Все было как раньше.

Эпизод 66
Ресторан «Диннер», 5 мая 2000 года

На фоне ровного ресторанного гула — шума голосов, звона столовых приборов и шарканья суетящихся официантов смех Ракели звучал как-то по-особому.

— …И не на шутку перепугался, когда увидел, что кто-то оставил мне сообщение на автоответчик, — говорил Харри. — Ну, ты знаешь, там мигает такой огонек. А потом на всю комнату раздается твой командный голос. — Харри перешел на бас. — «Это Ракель. Встречаемся в «Диннере» в пятницу в восемь вечера. Оденься поприличнее и не забудь бумажник». Ты до смерти напугала Хельге, мне пришлось дать ему двойную порцию корма, чтобы успокоился.

— Я так не говорила! — со смехом возразила Ракель.

— Ну, примерно так.

— Нет. Это все из-за тебя, из-за твоего автоответчика. — Она тоже попыталась заговорить басом: — «Это Холе. Говорите». Это так… так…

— Harry?[49]

— Точно!

Это был замечательный ужин, замечательный вечер, и вот пришло время все испортить, подумал Харри.

— Мейрик отправляет меня в Швецию, шпионить за нацистами, — сказал Харри, вертя в руке стакан. — На шесть месяцев. Уезжаю в эти выходные.

— А-а.

Харри поразило, что ее лицо не выразило никаких чувств.

— Сегодня звонил Сестрёнышу и отцу, рассказал им, — продолжал Харри. — Отец поговорил со мной и даже пожелал удачи.

— Это хорошо. — Ракель чуть улыбнулась и углубилась в изучение меню. — Олег будет по тебе скучать, — добавила она тихо.

Харри поднял глаза, но поймать ее взгляда не смог.

— А ты? — спросил он.

Ракель ухмыльнулась.

— Здесь есть банановое мороженое а-ля Сычуань, — сказала она.

---

[49] Примечания: 49
Здесь: тревожит (*англ.*).

— Закажи два.

— Я тоже буду по тебе скучать, — сказала она, переводя взгляд на другую страницу меню.

— Сильно?

Она пожала плечами.

Харри повторил вопрос. Он увидел, как Ракель набрала воздуха в грудь, уже собралась ответить, но выдохнула. Потом вдохнула снова. Наконец она сказала:

— Извини, Харри, но сейчас у меня в жизни есть место только для одного мужчины. Маленького мужчины, которому шесть лет.

Словно ледяной водой окатила.

— Еще раз, — сказал он. — Я не мог ошибиться настолько.

Ракель оторвала взгляд от меню и посмотрела на Харри в недоумении.

— Ты и я. — Харри наклонился к ней. — Здесь, сейчас. Мы флиртуем. Нам хорошо вместе. Но мы хотим большего. Ты хочешь большего.

— Может быть.

— Не может быть, а точно. Ты хочешь всего.

— И что из этого следует?

— «Что из этого следует»? Это ты мне объясни, «что из этого следует», Ракель. Через несколько дней я уезжаю в какую-то шведскую дыру. Я че-

ловек непритязательный — просто хочу знать, будет ли к чему возвращаться осенью.

Их глаза встретились, на этот раз он смог удержать ее взгляд. Они долго смотрели друг на друга, и в конце концов Ракель отложила меню в сторону.

— Извини. Мне не хотелось, чтобы так вышло. Понимаю, это звучит дико, но… альтернативы нет.

— Что за альтернатива?

— Сделать то, что мне хочется. Уехать с тобой домой, раздеть тебя и любить тебя ночь напролет.

Последние слова она прошептала тихо и быстро. Словно она могла сколь угодно долго не говорить их, — но сказать их можно было только так. Прямо и откровенно.

— А другая ночь? — спросил Харри. — А другие ночи? Завтра, послезавтра, и через неделю, и…

— Перестань! — Она сердито нахмурилась. — Ты должен понять, Харри. Это невозможно.

— Ну разумеется. — Харри достал сигарету и закурил. Он позволил Ракели провести рукой по его щеке, губам. Осторожное прикосновение ощущалось как пощечина и отдавалось немой болью.

— Дело не в тебе, Харри. Я как-то подумала, что один раз можно. Взвесила все «за» и «против». Это отношения двух взрослых людей. И больше они никого не касаются. Это ни к чему не обязывает. К тому же с мужчиной, который нравится мне больше, чем кто бы то ни было с тех пор… с тех пор, как я разошлась с отцом Олега. Поэтому я знаю, что одним разом дело не кончится. А это… это невозможно.

Ракель замолчала.

— Это из-за того, что отец Олега был алкоголиком? — поинтересовался Харри.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Не знаю. Это могло бы объяснить, почему ты не хочешь со мной связываться. Не в смысле, что ты уже достаточно пожила с алкашом, чтобы понять, что я — плохой вариант, но…

Ракель положила свою руку на его.

— Ты вовсе не плохой вариант, Харри. Не в этом дело.

— А в чем тогда?

— Мы видимся в последний раз. Вот в чем дело. Мы не будем встречаться больше.

Она посмотрела на него. Теперь Харри понял. Слезы, которые блестели в уголках ее глаз, были не от смеха.

— И это все? — Харри попытался улыбнуться. — Или ты, как и все в СБП, засекречена?

Ракель кивнула.

К их столику подошел официант, но, очевидно поняв, что сделал это не вовремя, снова удалился.

Ракель открыла рот, собираясь что-то сказать. Харри увидел, что она готова заплакать. Ракель закусила нижнюю губу, положила на стол салфетку, рывком отодвинула стул, встала и, ни слова не говоря, ушла. Харри сидел и смотрел на салфетку. Должно быть, она долго сжимала ее в руке, подумал он. Салфетка скомкана в шарик. Харри долго смотрел на комок, а тот раскрывался, будто белый бумажный цветок.

Эпизод 67
Квартира Халворсена, 6 мая 2000 года

Когда офицера полиции Халворсена разбудил телефонный звонок, мерцающие цифры на электронном будильнике показывали 01.20.

— Это Холе. Я тебя разбудил?

— Да нет, — ни на секунду не задумываясь, соврал Халворсен.

— Я тут раздумывал о Сверре Ульсене.

Судя по сбивчивому дыханию и шуму машин на том конце, Харри шел по улице.

— Знаю, что тебе нужно, — сказал Халворсен. — Сверре Ульсен купил пару ботинок «Комбат бутс» в магазине «Совершенно секретно» по улице Хенрик-Ибсенс-гате. Ульсена опознали на фотографии и даже сообщили нам дату покупки. Оказалось, перед Рождеством КРИПОСовцы уже побывали там и проверяли его алиби по поводу дела Халлгрима Дале. Но сегодня я уже отправил об этом факс.

— Я знаю, сейчас я как раз возвращаюсь оттуда.

— Сейчас? Разве ты не собирался пойти этим

вечером в ресторан?

— Ну. Мы поужинали по-быстрому.

— И ты вернулся на *работу?* — недоверчиво спросил Халворсен.

— Ну да, конечно. Твой факс навел меня кое на какие размышления. Не мог бы ты разузнать для меня еще кое-что?

Халворсен застонал. Во-первых, Мёллер недвусмысленно дал понять, что Харри Холе больше нельзя подпускать к делу Эллен Йельтен. А во-вторых, была суббота, завтра — выходной.

— Халворсен, ты меня слышишь?

— Да-да.

— Представляю, что тебе сказал Мёллер. Наплюй на это. У тебя есть возможность узнать кое-что новенькое о работе следователя.

— Харри, дело в том, что…

— Помолчи и послушай, Халворсен.

Халворсен мысленно выругался. И приготовился слушать.

Эпизод 68
Улица Вибес-гате, 8 мая 2000

Еще в прихожей, вешая куртку на пустую вешалку, Харри уловил запах свежепожаренного кофе.

— Спасибо, что откликнулись так быстро, Фёуке.

— Да ладно вам, — буркнул из кухни хозяин. — Таким старикам, как я, всегда приятно помочь молодым. Если, конечно, я могу вам помочь.

Фёуке налил кофе в две большие кружки и сел у кухонного стола. Харри провел кончиками пальцев по тяжелой темной дубовой столешнице.

— Из Прованса, — похвастался Фёуке. — Жене нравилась французская крестьянская мебель.

— Замечательный стол. У вашей жены был хороший вкус.

Фёуке улыбнулся:

— Вы женаты, Холе? Нет? И не были женаты? Я б на вашем месте с этим не затягивал. Знаете, от одинокой жизни можно спятить. — Он рассмеялся. — Я знаю, о чем говорю. Мне было тридцать, когда я женился. Я женился поздно. В мае пять-

десят пятого.

Фёуке показал на одну из висевших над кухонным столом фотокарточек.

— Так это ваша жена? — удивился Харри. — А я думал, это Ракель.

Фёуке в недоумении уставился на него, потом сказал:

— Ах да, конечно. Совсем забыл, что вы с Ракелью знакомы по СБП.

Они пошли в гостиную. С прошлого раза кипы бумаг еще подросли и теперь высились на всех стульях, кроме того, что стоял у бюро. Фёуке расчистил место у загроможденного журнального столика.

— Что-нибудь выяснили о тех людях, о которых я вам говорил в прошлый раз? — спросил он.

Харри вкратце рассказал ему об этом, потом добавил:

— Тем временем у нас появляются новые обстоятельства. Убили женщину-полицейского.

— Я что-то читал в газете.

— Это конкретное дело, похоже, уже раскрыто, мы ожидаем только результатов анализа ДНК. Фёуке, вы верите в совпадения?

— Не особо.

— Я тоже. Поэтому когда в двух, казалось бы, не

связанных друг с другом делах вдруг появляются одни и те же люди, я начинаю задавать себе вопросы. В тот вечер, когда убили нашу сотрудницу, Эллен Йельтен, она оставила мне на автоответчик сообщение: «Теперь ему не уйти».

— Юхан Борген[50]?

— Что? А, это? Нет, не думаю. Она помогала искать человека, связанного с покупкой винтовки Мерклина. Конечно, не обязательно, что между этим человеком и убийцей есть какая-то связь, но такое предположение само напрашивается, учитывая, что она так упорно пыталась связаться со мной. Это дело я расследовал уже несколько недель, но именно в тот вечер она несколько раз пыталась дозвониться до меня. Судя по ее голосу, она была чем-то взволнована. Возможно, чувствовала, что ей грозит опасность. — Харри провел пальцем по столу. — Одного из людей в вашем списке, Халлгрима Дале, прошлой осенью убили. Под аркой, где нашли его труп, среди прочего обнаружили остатки рвотных масс. Вначале никакой связи с убийством не увидели: группа крови не совпадала, а образ хладнокровного

[50] Примечания: 50

Борген Юхан (1902–1979) — норвежский писатель, автор психологических романов, среди которых — «Теперь ему не уйти» («*Vi har ham ne*», 1957). (*Прим. перев.*)

профессионального убийцы никак не вязался с человеком, которого рвет на месте преступления. Но КРИПОС, разумеется, не стала отметать возможности, что это блевота убийцы, и слюну отправили на анализ ДНК. Сегодня утром мой коллега сравнил результаты этого анализа с анализом ДНК перхоти с шапки, которую мы нашли на месте убийства нашей сотрудницы. Результаты идентичны.

Харри замолчал и посмотрел на собеседника.

— Понимаю, — сказал Фёуке. — Вы, должно быть, полагаете, что убийца — один и тот же человек.

— Нет. Я полагаю только, что между этими убийствами есть какая-то связь, что Сверре Ульсен оба раза оказался поблизости не случайно.

— А почему он не мог быть убийцей в обоих случаях?

— Разумеется, мог, но между актами насилия, в которых Сверре Ульсен был замешан ранее, и убийством Халлгрима Дале есть большая разница. Вы когда-нибудь видели, какие повреждения наносит удар бейсбольной битой? От удара этим сравнительно мягким деревянным предметом ломаются кости, разрываются такие внутренние органы, как печень и почки. Но кожа чаще всего

остается целой, и жертва умирает от внутреннего кровотечения. Халлгриму Дале перерезали сонную артерию. При таком убийстве кровь жертвы вытекает наружу. Понимаете?

— Да, но мне непонятно, что вы хотите этим сказать.

— Мать Сверре Ульсена говорила одному нашему сотруднику, что ее сын не переносил вида крови.

Фёуке, собравшийся уже отпить кофе, поставил кружку на стол:

— Да, но…

— Знаю, о чем вы думаете. Что он все равно мог сделать это, а то, что он не переносил вида крови, прекрасно объясняет, почему его стошнило. Но суть в том, что убийца блистательно владел ножом. Как сказал патологоанатом, это была идеальная хирургическая операция, которую может выполнить только профессионал.

Фёуке медленно кивнул.

— Теперь я понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он.

— У вас, кажется, есть какие-то соображения? — спросил Харри.

— Я, кажется, знаю, зачем вы сюда пришли. Вы считаете, что это убийство совершил один из

легионеров, бывших в Зеннхайме.

— Да. Это возможно?

— Вполне. — Фёуке обхватил чашку двумя руками. Его взгляд забегал по комнате. — Тот, кого вы не нашли. Гюдбранн Юхансен. Я рассказывал, за что мы прозвали его Красношейкой.

— Вы могли бы рассказать о нем поподробнее?

— Да. Но сначала — еще кофе.

Эпизод 69
Улица Ирисвейен, 8 мая 2000 года

— Кто там? — послышалось из-за двери. Голос тихий, испуганный. Харри вспомнил ее фигуру в окне.

— Это Холе. Я вам звонил.

Дверь приоткрылась.

— Простите, я…

— Все в порядке, я понимаю.

Сигне Юль открыла дверь полностью, и Харри вошел в прихожую.

— Эвена нет, — виновато улыбнулась она.

— Да, вы говорили по телефону, — сказал Харри. — Я хотел бы поговорить с вами.

— Со мной?

— Если можно, госпожа Юль.

Пожилая женщина повела его в гостиную. Ее волосы, густые и седые, были заплетены в косу и собраны в пучок старомодной заколкой. При виде полнотелой, идущей вперевалочку Сигне Юль Харри подумал о домашнем уюте и вкусной еде.

Когда они вошли в гостиную, Бурре поднял голову.

— Ваш муж пошел куда-то один, без собаки? — спросил Харри.

— Да, он никогда не берет Бурре, когда идет в кафе, — ответила Сигне Юль. — Присаживайтесь.

— Кафе?

— Он что-то зачастил туда в последнее время, — улыбнулась хозяйка. — Он читает там газеты. Говорит, что это лучше, чем все время сидеть дома.

— Ну, в этом что-то есть.

— Это правда. И еще, думаю, там можно немного помечтать.

— О чем помечтать?

— Откуда я знаю? Можно, например, думать, что ты снова молодой, сидишь и пьешь кофе в уличном кафе в Париже или Вене. — Она снова на мгновение виновато улыбнулась. — Ну да хватит об этом. Кстати, хотите кофе?

— Да, спасибо.

Сигне Юль ушла на кухню, а Харри стал изучать картины и фотографии на стенах. Над камином висел портрет мужчины в черной мантии. В прошлый раз Харри не обратил внимания на эту картину. Человек в мантии стоял в немного трагической позе, будто глядя на нечто далекое, невидимое художнику. Харри подошел к картине

ближе. На маленькой медной табличке внизу рамы было написано: «Гл. врач Корнелиус Юль. 1885–1959».

— Это дедушка Эвена, — сказала Сигне Юль, входя в комнату с кофейным подносом.

— Ясно. У вас тут много портретов.

— Да. — Хозяйка поставила поднос на стол. — На рисунке рядом — дедушка Эвена по материнской линии, доктор Вернер Шуман. Он был одним из основателей Уллеволской больницы в тысяча восемьсот восемьдесят пятом.

— А это?

— Юнас Шуман. Главный врач Главного государственного госпиталя.

— А ваши родственники?

Сигне Юль с удивлением посмотрела на Харри:

— Простите?

— Где здесь портреты ваших родственников?

— Они… висят не здесь. Хотите сливок?

— Нет, спасибо.

Харри сел.

— Я бы хотел поговорить с вами о войне, — сказал он.

— Уф, не надо, — вырвалось у Сигне Юль.

— Понимаю, но это важно. Так вы согласны?

— Там посмотрим, — ответила она, разливая

кофе в две чашки.

— В войну вы были медсестрой…

— Да, фельдшерицей. Предателем родины.

Харри посмотрел на нее. Глаза Сигне Юль спокойно глядели на него.

— Всего нас было человек четыреста. После войны нам всем дали по нескольку лет тюрьмы. Хотя Международный Красный Крест и просил норвежские власти прекратить уголовное преследование. Норвежский Красный Крест принес нам свои извинения только в девяностом. Отец Эвена — вон его портрет — благодаря своим связям добился, чтобы мне сократили срок — в том числе за то, что весной сорок пятого я помогла двум раненым из Сопротивления. И еще за то, что никогда не была членом Национального объединения. Вы хотели спросить еще о чем-то?

Харри сидел, уставившись в чашку. Он вдруг подумал, как спокойно живется в некоторых районах Осло.

— Меня интересует не столько ваша история, госпожа Юль. Вы помните норвежского легионера по имени Гюдбранн Юхансен?

Сигне Юль вздрогнула, и Харри понял, что попал в точку.

— Что именно вы хотите знать? — спросила

Сигне Юль, пытаясь не показывать волнения.

— А ваш муж не рассказывал вам?

— Эвен никогда ничего мне не рассказывает.

— Хорошо. Я собираю информацию о тех норвежских легионерах, которые до отправления на фронт обучались в Зеннхайме.

— Зеннхайм, — шепотом повторила Сигне Юль. — Там был Даниель.

— Да, я знаю, что вы были помолвлены с Даниелем Гюдесоном. Мне рассказал об этом Синдре Фёуке.

— Кто это такой?

— Бывший легионер, а потом — участник Сопротивления, знакомый вашего мужа. Именно Фёуке посоветовал мне поговорить о Гюдбранне Юхансене с вами. Сам Фёуке дезертировал и не знает, что произошло с Гюдбранном после этого. Но другой легионер, Эдвард Мускен, рассказал мне о том, что в их окоп попала граната. Мускен не знает, что было дальше, но если Юхансен выжил, разумно предположить, что его отвезли в лазарет.

Сигне Юль чмокнула губами, к ней вразвалку подошел Бурре, и хозяйка провела рукой по его густой жесткой шерсти.

— Да, я помню Гюдбранна Юхансена, — сказала

она. — Даниель о нем писал и в письмах из Зеннхайма, и в записках из лазарета. Они были очень разными. Думаю, Гюдбранн Юхансен стал чем-то вроде младшего брата для Даниеля. — Она улыбнулась. — Для Даниеля все вокруг становились «младшими братьями».

— Вам известно, что случилось с Гюдбранном?

— Как вы и сказали, его отвезли к нам в лазарет. Это было как раз перед тем, как их участок фронта перешел в руки русских. Отступление шло полным ходом. К нам на фронт не могли привозить медикаменты — по всем дорогам машины сплошным потоком двигались на запад. Юхансен был тяжело ранен, в том числе было осколочное ранение в бедро, прямо над коленом. У него началась гангрена стопы, и мы опасались, что ее придется ампутировать. Так что мы не стали дальше дожидаться подвоза медикаментов, а отправили его с основным потоком на запад. Последнее, что мне запомнилось, — как его везут в грузовике и его обросшее щетиной лицо выглядывает из-под одеяла. Грузовик буксовал по весенней грязи и только через час доехал до ближайшего поворота и скрылся из виду.

Бурре положил голову хозяйке на колени и смотрел на нее печальными глазами.

— И больше вы его не видели и ничего о нем не слышали?

Сигне Юль медленно поднесла фарфоровую чашку к губам, отпила немного и снова поставила чашку на стол. Ее рука дрожала — еле заметно.

— Несколько месяцев спустя я получила от него открытку, — ответила она. — Он писал, что у него остались кое-какие вещи Даниеля, в том числе русская форменная шапка, — что-то вроде трофея. Странно немножко — но на войне такое не редкость.

— Эта открытка, она у вас…

Сигне Юль покачала головой.

— Вы помните обратный адрес?

— Нет. Помню только, что, прочитав его, я подумала о чем-то зеленом и деревенском и решила, что у Гюдбранна все хорошо.

Харри встал.

— А как этот Фёуке обо мне узнал? — спросила Сигне Юль.

— Ну-у… — Харри даже не знал, как об этом рассказать, но хозяйка опередила его.

— Все легионеры слышали обо мне. — Она улыбнулась, но ее глаза были грустными. — О женщине, которая продала душу дьяволу, чтобы ей скостили срок. Они ведь так думают?

— Не знаю, — сказал Харри. Он почувствовал, что пора уходить. Подумать только, они в каких-то двух кварталах от шумного Рингвейена, а тихо, как на берегу горного озера!

— Знаете, я так его больше и не увидела, — сказала Сигне Юль. — Даниеля. После того, как он умер.

Она сосредоточилась на какой-то точке перед собой.

— Военный медик передал мне его поздравление с Новым годом, а через три дня я увидела Даниеля в списке погибших. Я в это не поверила, отказывалась верить, пока не увижу его труп. И меня привезли к братской могиле на участке «Север», где сжигали мертвецов. Я спустилась в могилу и стала искать его. Я шла от одного обгорелого трупа к другому и заглядывала в их пустые черные глазницы. Но Даниеля среди них не было. Мне сказали, что я навряд ли смогла бы его узнать, но я ответила, что они ошибаются. Тогда мне сказали, что его, наверное, положили в одну из тех могил, которые уже засыпали землей. Не знаю, но я его так и не увидела.

Она вздрогнула, Харри откашлялся:

— Спасибо за кофе, госпожа Юль.

Она проводила его до двери. Одеваясь в прихо-

жей, Харри пытался найти хоть в каком-нибудь из портретов на стене черты Сигне Юль, но тщетно.

— Эвену нужно про это знать? — спросила она, открывая Харри дверь.

Харри с удивлением посмотрел на нее.

— Я имею в виду — про то, о чем мы с вами говорили? — поспешила объяснить хозяйка. — О войне и… Даниеле.

— Ну-у… Если вам этого не хочется, то не стоит.

— Но он заметит, что вы приходили. Давайте просто скажем, что вы подождали его, а потом пошли по своим делам?

В ее взгляде читалась мольба. И что-то еще.

Что именно, Харри понял, только когда выехал на Рингвейен, открыл окно привычному оглушающему реву автомобилей, и недавняя тишина тут же улетучилась из памяти. Страх. В глазах Сигне Юль был страх. Она чего-то боится.

Эпизод 70
Особняк Браннхёуга, Нурберг, 9 мая 2000 года

Бернт Браннхёуг постучал ножом по краю хрустального бокала, отодвинул стул и, поднеся к губам салфетку, откашлялся. Он еле заметно ухмылялся, заранее предвкушая каждый пассаж своей речи, обращенной к гостям: начальнику полиции округа Осло Анне Стёрксен с супругом и Курту Мейрику с супругой.

— Дорогие друзья и коллеги!

Краем глаза он видел, как его жена натужно улыбается гостям, будто желая сказать: «Сожалею, что вам приходится это выслушивать, но я ничем не могу вам помочь».

Этим вечером Браннхёуг говорил о дружбе и солидарности. О том, как важно силам добра быть верными долгу и противостоять той посредственности, безответственности и некомпетентности на высшем уровне, которые при демократической форме государственного устройства неизбежны. Ведь бесполезно ожидать, что все эти избранные голосованием домохозяйки и

крестьяне поймут всю сложность устройства того механизма, которым их поставили управлять.

— Величайшее достижение демократии — она сама, — сказал Браннхёуг. Данную формулировку он у кого-то беззастенчиво спер, теперь выдавал за свою. — Но это не означает, что у демократии нет своих издержек. Когда каменщик становится министром финансов…

Время от времени он поглядывал, слушает ли его начальник полиции, потом рассказывал какую-нибудь забавную историю о демократизации в одной из бывших африканских колоний, где когда-то был послом. Браннхёуг машинально пересказывал то, что уже не раз произносил в других компаниях, — а сейчас мысли его, как и в последние несколько недель, занимала Ракель Фёуке.

Она была крепким бастионом, и Браннхёугу уже стало казаться, что лучше прекратить осаду. Он и так потратил на нее слишком много времени.

Браннхёуг вспоминал свои последние маневры. Ничего бы не вышло, не будь начальником СБП Курт Мейрик. Во-первых, нужно было убрать этого Харри Холе. Убрать с дороги, с глаз долой, подальше от Осло, от Ракели и всех остальных.

Браннхёуг позвонил Курту и сказал, что источник в редакции «Дагбладет» сообщил ему, что в журналистской среде ходят слухи, будто осенью, во время визита Клинтона в Осло, «что-то произошло». Нужно быстро принять меры, спрятать Холе туда, где пресса до него не доберется, не так ли?

Курт хмыкнул и ответил: «Н-да-а». В конце концов, пока то дело не забыто, у Браннхёуга на руках все козыри. Вообще-то Браннхёуг сомневался, что Мейрик хоть сколько-нибудь ему поверил. Но это его особо не беспокоило. Через пару дней Курт позвонил и сказал, что Харри Холе отправлен «на фронт» — в какое-то захолустье в Швеции. Браннхёуг потирал руки. Теперь ничто не могло помешать его планам насчет Ракели.

— Наша демократия — как красивая, улыбчивая, но слегка наивная девчушка. То, что силы добра держатся вместе, вовсе не значит, что власть в нашем обществе захватила элита. Нет, это просто единственная гарантия того, что нашу дочурку-демократию не охмурят и власть не перейдет в руки нежелательных людей. Именно поэтому верность долгу, эта полузабытая добродетель, в нашем кругу не только желаема, но совершенно необходима. Да, наш долг…

Когда все уселись в глубокие кресла в гостиной, Браннхёуг пустил по кругу свой портсигар с кубинскими сигарами, подарок норвежского генерального консула в Гаване.

— Кубинки свертывают их бедрами, — подмигнув, шепнул Браннхёуг мужу Анны Стёрксен, но тот, кажется, не понял. Он был какой-то скованный и скучный, этот ее муж, как его там зовут? Двойное имя. Господи, неужели забыл? Тур-Эрик! Его зовут Тур-Эрик! — Еще коньяку, Тур-Эрик?

Тур-Эрик сдержанно улыбнулся своими поджатыми тонкими губами и покачал головой. Наверняка аскет из тех, кто пробегают по пятьдесят километров в неделю, подумал Браннхёуг. Все в этом человеке было тощее: тело, лицо, редкие волосы. Браннхёуг видел, как во время его речи Тур-Эрик переглядывался с женой, будто намекая на что-то, известное только им двоим. Не обязательно, что это имеет отношение к его речи.

— Разумно, — недовольно сказал Браннхёуг. — Надо думать и о завтрашнем дне, не так ли?

Вдруг в дверях показалась Эльса:

— Тебя к телефону, Бернт.

— У нас гости, Эльса.

— Это из «Дагбладет».

— Я возьму трубку в кабинете.

Звонили из службы новостей, какая-то незнакомая ему женщина. Судя по голосу, молодая. Браннхёуг попытался представить ее себе. Она спрашивала о демонстрации, которая проходила этим вечером у австрийского посольства против Йорга Хайдера и ультраправой Партии свободы, что вошла в правительство. Журналистка просила Браннхёуга дать свои комментарии для завтрашнего выпуска газеты.

— Господин Браннхёуг, как вы считаете, это может определить курс норвежско-австрийских отношений?

Браннхёуг закрыл глаза. Как всегда, журналисты закидывают удочку, хотя и Браннхёуг и они прекрасно знают, что он не клюнет, — у него слишком большой опыт. Браннхёуг чувствовал, что опьянел, голова была легкой, стоило закрыть глаза, как перед ними проплывали пятна света, но говорить это не мешало.

— Это вопрос политической оценки, и он решается не сотрудниками МИДа, — ответил он.

Молчание. Браннхёугу понравился голос журналистки. Он чувствовал, что она блондинка.

— Но, обладая столь обширным опытом в вопросах международных отношений, вы можете предположить, какие шаги предпримет норвеж-

ское правительство?

Браннхёуг знал, что ответить. До боли простое: «Я не хочу загадывать».

Ни больше ни меньше. Это просто смешно. На месте Браннхёуга не стоило так долго раздумывать над вопросом, на который он уже не раз давал ответ. Молодые журналисты обычно думают над нужным вопросом полночи, потом задают именно этот и верят, что они первые, кто его задает. И всем им нравится, когда Браннхёуг раздумывает, прежде чем дать тот ответ, который он давал уже сто раз: «Я не хочу загадывать».

Браннхёуг удивился, что еще не сказал ей этих слов. Но в голосе журналистки было что-то особенное, и Браннхёугу захотелось пойти ей навстречу. Она сказала, что он обладает «столь обширным опытом». Интересно, она сама решила позвонить именно ему, Бернту Браннхёугу?

— Как главный советник Министерства иностранных дел, я придерживаюсь мнения, что наши отношения с Австрией останутся прежними, — ответил Браннхёуг. — Но очевидно, что и другие страны реагируют на последние события в Австрии. И притом что у нас сохраняются дипломатические отношения со страной, это не означает, что мы одобряем то, что в ней

происходит.

— Да, мы ведь поддерживаем дипломатические отношения и с некоторыми военными диктатурами, — ответила журналистка. — Но тогда почему такая бурная реакция была на этот раз?

— Причины нужно искать в недавнем прошлом Австрии. — Здесь нужно сделать паузу. Пауза. — Проблема нацизма. Большинство историков сходятся во мнении, что во Второй мировой войне Австрия была союзницей гитлеровской Германии.

— Разве Австрию не оккупировали, как и Норвегию?

Внезапно Браннхёуг понял, что не знает, как теперь в школах преподают историю Второй мировой. По всей видимости, скверно.

— Простите, напомните еще раз, как вас зовут? — попросил он. Пожалуй, последний бокал был лишний. Девушка снова представилась, и Браннхёуг продолжал: — Так вот, Наташа, позвольте мне сначала кое-что объяснить вам. Вы знаете, что такое «аншлюс»? Это значит, что Австрию не оккупировали в обычном смысле этого слова. В марте тридцать восьмого немцы просто вошли в страну, не встретив практически никакого сопротивления, и оставались там до

конца войны.

— Но ведь с Норвегией было примерно то же самое?

Браннхёуг был шокирован. Она говорила с такой уверенностью, нисколько не стыдясь собственного невежества.

— Нет, — протянул Браннхёуг, будто разговаривая с трудным ребенком. — С Норвегией было не то же самое. В Норвегии мы защищались, в Лондоне было норвежское правительство и король, и они постоянно обращались к нам по радио и… подбадривали тех, кто сражался здесь. — Он понял, что выразился неудачно, и добавил: — В Норвегии против захватчиков поднялся весь народ. Конечно, были подонки, которые надели немецкую форму и перешли на сторону немцев, но такие могут быть в любой стране. В Норвегии силы добра сплотились вокруг людей, которые руководили Сопротивлением, ведя народ к демократии. Эти люди были верны своему долгу, что, в конце концов, и спасло Норвегию. Величайшее достижение демократии — она сама. Вычеркните то, что я сказал о короле, Наташа.

— Значит, вы хотите сказать, что все, кто воевал за немцев, — подонки?

Что ей вообще нужно? Браннхёуг решил, что

разговор пора сворачивать.

— Я хочу сказать только то, что квислинги легко отделались — непродолжительным тюремным заключением. В тех странах, где я был послом, таких предателей ставили к стенке — всех до одного. И я отнюдь не уверен, что подобные шаги не пошли бы на пользу и Норвегии. Но давайте вернемся к первоначальной теме, Наташа. Вы просили меня дать вам комментарий. Итак, Министерство иностранных дел никак не комментирует прошедшую демонстрацию, равно как появление новых членов в правительстве Австрии. Извините, Наташа, но у меня сейчас гости…

Наташа извинила, и он положил трубку.

Когда Браннхёуг вернулся в гостиную, гости уже собирались уходить.

— Как, уже? — широко улыбнулся хозяин, но не стал никого удерживать. Он устал.

Проводив гостей до двери, Браннхёуг горячо пожал руку начальнику полиции и сказал, что она всегда может обращаться к нему, если у нее возникнут трудности, хотя их пока не возникало, но…

Перед тем, как заснуть, Браннхёуг подумал о Ракели Фёуке. И о ее полицейском, которого он

убрал с дороги. Браннхёуг заснул с улыбкой на губах, но проснулся с ужасной головной болью.

Эпизод 71
Поезд «Фредрикстад – Халден», 10 мая 2000 года

Народу в вагоне было немного, Харри сел у окна.

Девушка, сидевшая прямо за ним, сняла наушники, и Харри слышал голос певца, но не музыку. В Сиднее специалист по подслушиванию объяснял Харри, что, когда человек слушает тихие звуки, его ухо настраивается на частоту звучания человеческого голоса.

Есть что-то утешительное в том, что последнее, что слышишь перед тем, как погрузиться в тишину, — это человеческий голос, подумал Харри.

Дождь рисовал на стекле зигзаги. Харри смотрел на мокрые поля и ныряющие между столбами провода.

На перроне в Фредрикстаде играл оркестр. Проводник объяснил, что здесь музыканты обычно репетируют перед Днем Конституции.

У Харри была с собой только сумка с одеждой. Мейрик сказал, что в его квартирке в Клиппане есть все необходимое: телевизор, музыкальный

центр и даже кое-какие книги.

— «Майн кампф» и все такое, — с улыбкой пояснил Мейрик.

Ракели Харри так и не позвонил. Хотя ему отчаянно хотелось услышать ее голос. Последний звук перед тишиной.

«Следующая остановка — Халден», — объявил гнусавый голос. Его прервал фальшивый, визжащий звук. Поезд начал тормозить.

Харри водил пальцем по стеклу, повторяя про себя эти слова: «фальшивый, визжащий звук». Визжащий, фальшивый звук. Звук, визжащий и…

Звук не может быть фальшивым, подумал Харри. Он может звучать фальшиво только тогда, когда рядом другие звуки. Даже Эллен, человеку с самым лучшим музыкальным слухом, нужно было несколько звуков, чтобы услышать музыку. Даже она не могла с уверенностью сказать про отдельно взятый звук, что он нестройный, неверный, фальшивый.

И все равно в ушах Харри стояла эта нота, громкая, фальшивая, режущая слух. Нота в голосе Мейрика, который отправлял его в Клиппан, чтобы шпионить за возможным отправителем факса — из-за пары каких-то газетных заголовков.

Сегодня Харри просматривал газеты: о письмах с угрозами, вокруг которых четыре дня назад было столько шуму, все уже забыли. Вместо этого «Дагбладет» писала о ненависти Лассе Кьюса к Норвегии и заявлении главного советника МИДа Бернта Браннхёуга, что государственных изменников нужно ставить к стенке.

И еще кое-что казалось Харри фальшивым. И просто он сам себя в этом убедил. То, как Ракель простилась с ним в «Диннере», выражение ее глаз, это полупризнание в любви, — перед тем как оставить его наедине с чувством поражения и счетом на восемьсот крон, который она хотела оплатить сама. Все это вместе никак не увязывалось. Но, может, он не прав? Ракель была у Харри дома, видела, как он пьет, слушала, как он, захлебываясь слезами, рассказывал о погибшей коллеге, с которой не был знаком и двух лет и которая была в его жизни единственным другом. Как трогательно! Не стоит так обнажаться перед другими людьми. Но если Ракель подумала, что с Харри у нее будут сплошные проблемы, почему не прекратила их отношения сразу же?

Как всегда, от личных проблем Харри уходил в работу. Он где-то читал, что определенному типу мужчин такое свойственно. Наверное, поэтому

выходные он проводил, разрабатывая схемы конспирации и модели поведения, пытаясь свалить в одну кучу все нерешенные проблемы: винтовку Мерклина, убийство Эллен и Халлгрима Дале; куча пахла неважнецки. Еще трогательней!

Харри взглянул на раскрытую газету. Портрет главного советника МИДа. В лице что-то знакомое.

Харри потер подбородок. Из опыта он знал, когда расследование заходит в тупик, мозг начинает выстраивать какие-то собственные ассоциативные связи. А расследование насчет винтовки Мерклина точно зашло в тупик — тут уж наверняка постарался Мейрик. Он сразу называл это «пустым делом». Глава СБП посчитал, что лучше отправить Харри в Швецию — шпионить за неуравновешенными пацанами и писать доклады о неонацистах. Проклятье!

«…Платформа справа».

А что, если он сейчас просто сойдет с поезда? Что такого страшного может случиться? МИД и СБП так давно дрожат от страха, что кто-нибудь узнает о прошлогоднем происшествии на переезде через Алнабрю, что Мейрик не посмеет тронуть Харри. А что до Ракели… Что до Ракели — тут непонятно.

Последний стон поезда смолк, и в вагоне наступила полная тишина. Двери открылись и закрылись. Харри сидел на своем месте. Эту песню, из наушников, он где-то слышал раньше. Слышал много раз. Но не мог вспомнить где.

Эпизод 72
Нурберг и отель «Континенталь», 10 мая 2000 года

Боли застали старика врасплох, он чуть не задохнулся. Скорчившись, он лежал на спине, закусив кулак, чтобы не закричать. Он лежал, силясь не потерять сознание, над ним волнами неслись полосы света и темноты. Закачалось небо, время будто ускорилось, по небу пробегали облака, и звезды сверкали сквозь их сизую дымку, была ночь, потом день, потом снова ночь. Наконец приступ прошел, он почувствовал запах сырой земли и понял, что еще жив.

Полежал немного, отдышался. Потная рубашка липла к телу. Старик перевернулся на живот и снова посмотрел вниз, на дом.

Большой, черный, деревянный. Старик лежал и смотрел на него с самого утра. Он знал, что дома только жена. Но свет все равно горел во всех окнах, и на первом, и на втором этаже. Она зажгла свет, как только начало темнеть, и старик подумал, что она, должно быть, боится темноты.

Он и сам боялся. Нет, не темноты, ее он не бо-

ялся никогда. Ему стало страшно, когда время ускорилось. И когда начались боли. Они всегда начинались неожиданно, старик еще не научился предугадывать их, справляться с ними. И не знал, возможно ли это в принципе. А время? Старик старался не думать о клетках, которые делились, делились, делились.

На небе показалась бледная луна. Старик посмотрел на часы. Полвосьмого. Скоро совсем стемнеет — придется дождаться утра. Значит, предстоит заночевать в своем шалаше. Старик посмотрел на возведенную им постройку. Пара раздвоенных полуметровых еловых кольев, развилкой кверху. На них обрубленная сосновая ветка, с боков ее подпирают еще три больших сучка. Сверху все укрыто еловым лапником. Такая постройка защищает от дождя, холода и взглядов случайных прохожих. Построить ее было делом получаса.

Опасность быть замеченным с дороги или из соседних домов старик всерьез не принимал. Чтобы заметить шалаш между деревьев с трехсот метров, нужен был орлиный глаз. Но на всякий случай старик прикрыл вход в шалаш хворостом, а ствол винтовки обмотал тряпкой, чтобы сталь не блеснула в лучах заходящего солнца.

Он снова взглянул на часы. И где его носит?!

Бернт Браннхёуг покрутил в руках стакан и снова взглянул на часы. И где ее носит?!

Они договорились на полвосьмого, а уже без четверти восемь. Он залпом допил виски и налил себе еще стакан. Он сам распорядился доставить ему это виски в номер. «Джеймсон», единственное приличное виски из Ирландии. Браннхёуг налил себе еще стакан. И где ее носит?! После статьи в «Дагбладет» его телефон разрывался от звонков. Правда, большинство поддерживало Браннхёуга, но под конец он позвонил редактору «Дагбладет», бывшему однокласснику, и сразу же заявил, что его процитировали неверно, и потребовал опровержения. Он пообещал предоставить газете внутреннюю информацию о позиции министра иностранных дел на саммите ЕЭС. Редактор сказал, что подумает. Через час он перезвонил и сказал, что Наташа, новенькая журналистка, признается, что поняла Браннхёуга неверно. Положение было спасено.

Браннхёуг отпил большой глоток, подержал виски во рту, грубоватый и нежный запах щекотал нёбо. Браннхёуг окинул взглядом комнату. Сколько ночей он здесь провел? Сколько раз он просыпался на этой роскошной и слишком

мягкой кровати с головной болью от излишне выпитого? И просил женщину, которая лежала рядом (если она еще лежала), вызвать лифт на второй этаж, в зал для завтраков, и оттуда по лестнице спуститься к выходу, чтобы выглядело так, будто она возвращается с делового завтрака, а не из гостевого номера. На всякий случай.

Браннхёуг налил себе еще виски.

Ракель — совсем другое дело. Ее он не хотел отправлять в зал для завтраков.

В дверь тихо постучали. Браннхёуг встал, еще раз взглянул на эксклюзивное золотисто-желтое одеяло, почувствовал мгновенную вспышку злобы, но тут же подавил ее и в четыре шага достиг двери. Посмотрел в зеркало, провел языком по белым зубам, пригладил пальцем брови и открыл дверь.

Она стояла, прислонившись к стене. Пальто расстегнуто, под ним красное шерстяное платье. Браннхёуг просил ее надеть что-нибудь красное. Под глазами тени, на губах ироническая улыбка. Браннхёуг был удивлен — такой он ее прежде не видел. Ракель будто крепко выпила или приняла какие-то таблетки. Теперь она тупо смотрела на него, а когда сказала, что чуть не ошиблась дверью, Браннхёуг едва узнал ее голос. Он взял

Ракель под руку, она вырвалась, и он проводил ее в комнату, обняв за талию. Она села на диван.

— Хочешь выпить? — спросил Браннхёуг.

— Конечно, — ответила она в нос. — Или ты хочешь раздеть меня сразу?

Браннхёуг ничего не ответил и налил ей стакан виски. Он понял, чего она добивается. Но если она думает, что этим испортит ему настроение, то ошибается. За ее роль заплачено. Ну да, приятнее, если бы она играла роль, которую предпочитало большинство его женщин в МИДе — невинной девушки, которая не смогла устоять перед непобедимым обаянием и чувственным напором начальника. Но главное — что она наконец сдалась. Браннхёуг был слишком стар, чтобы верить в романтические бредни. Все, чем эти женщины отличаются друг от друга, — это цели и интересы: кому-то нужна власть, кому-то карьера, кому-то родительские права на сына.

Его никогда не смущало, что женщины лишь притворялись, будто без ума от него. Ведь он стремился к этому. Он — главный советник Министерства иностранных дел Бернт Браннхёуг. Он всю жизнь добивался этого, черт возьми! И то, что Ракель сейчас вела себя как снятая им шлюха, не меняет дела.

— Прощу прощения, но мне придется это сделать. — Браннхёуг бросил в ее стакан два кубика льда. — Когда ты научишься вести себя со мной, то изменишь свое мнение. Но сначала позволь мне преподать тебе первый урок, рассказать о себе и своих принципах. — Он протянул ей стакан. — Некоторые идут по жизни опустив голову и уткнув нос, они довольствуются крохами и объедками. Другие, такие как я, поднимаются на ноги, подходят к столу и садятся на свои законные места. Нас меньше, потому что наш выбор заставляет нас быть жестокими, а эта жестокость требует силы, чтобы порвать с идеями социал-демократии и равенства, в которых нас воспитывали. Но если решать, отказаться от морали или пресмыкаться, я выбираю отказ от близорукого морализма — он не позволяет достигнуть того, к чему я стремлюсь. Думаю, ты поймешь: эта позиция достойна уважения.

Ракель залпом выпила виски.

— Холе никогда не был для тебя помехой, — сказала она. — Мы с ним были просто хорошими друзьями.

— Думаю, ты *лжешь*. — Браннхёуг с сомнением посмотрел на протянутый ею стакан, но налил в него снова. — А ты должна быть моей безраз-

дельно. Пойми меня правильно; когда я решил, что ты должна порвать все отношения с Холе, то сделал это не из ревности, а скорее ради чистоты. Так или иначе, там, в Швеции — или куда там его послал Мейрик, — ему ничего не грозит. — Браннхёуг коротко рассмеялся. — Почему ты так смотришь на меня, Ракель? Я ведь не царь Давид, а Холе не… как, ты сказала, звали того, кого царь Давид отправил на смерть?

— Урия, — пробормотала Ракель.

— Именно. Он погиб на войне, верно?

— Иначе не вышло бы красивой истории, — сказала она, уткнувшись в стакан.

— Замечательно. Но здесь никто не погибнет. А царь Давид и Вирсавия, если не ошибаюсь, жили относительно счастливо.

Браннхёуг сел рядом на диван и пальцем поднял ее подбородок.

— Скажи мне, Ракель, как это ты так хорошо помнишь библейские истории?

— Хорошее образование, — ответила она, мотнула головой и рывком сняла платье.

Браннхёуг сглотнул и посмотрел на нее. Она была прекрасна — в белом белье. Он сам попросил, чтобы она надела белое нижнее белье — оно подчеркивало ее золотистый загар. И не

подумаешь, что она рожала. Но то, что она рожала, кормила грудью ребенка, делало ее в глазах Браннхёуга еще привлекательнее. Она казалась безупречной.

— Нас ничто не подгоняет, — сказал он и положил руку на ее колено. На ее лице не отобразилось ничего, но Браннхёуг чувствовал, что внутри она оцепенела.

— Делай что хочешь, — ответила Ракель, пожав плечами.

— Показать тебе сначала письмо?

Браннхёуг кивнул на стол, где лежал коричневый конверт с печатью российского посольства. В коротком письме посол Владимир Александров извещал Ракель Фёуке, что ей не стоит являться в суд по поводу установления родительских прав на Олега Фёуке-Гусева, поскольку дело отложено на неопределенный срок по причине загруженности судов. Добиться этого было нелегко. Пришлось напомнить Александрову о паре услуг, оказанных тому Браннхёугом. И пообещать еще пару услуг из тех, какие главный советник норвежского МИДа вообще-то едва ли мог себе позволить.

— Я надеюсь на вас, — сказала Ракель. — Можно считать это дело законченным?

Когда рука Браннхёуга дотронулась до ее щеки, Ракель только моргнула. Она была обмякшая, как тряпичная кукла.

Браннхёуг, потирая руку, разглядывал ее.

— Ты неглупа, Ракель, — сказал он. — И я исхожу из того, что ты понимаешь, что это все временно, что еще через полгода дело начнется снова. Новая повестка может прийти когда угодно, стоит мне поднять трубку и набрать номер.

Ракель посмотрела на него, и он наконец увидел в ее мертвых глазах признаки жизни.

— Я думаю, что дождусь извинений, — сказал он.

Ее грудь поднялась и опустилась, губы дрожали, в глазах появились слезы.

— Ну? — потребовал он.

— Извини, — едва слышно сказала она.

— Говори громче.

— Извини.

Браннхёуг улыбнулся.

— Так, так, Ракель. — Он отер с ее щеки слезу. — Уже лучше. Просто учись вести себя со мной. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Понимаешь, Ракель?

Она кивнула.

— Точно?

Она всхлипнула и снова кивнула.

— Хорошо.

Браннхёуг встал и расстегнул ремень.

Ночь выдалась ледяная, и старик залез в спальный мешок. Он лежал на толстой подстилке из елового лапника, но холод от земли пронизывал тело. Ноги окоченели, и время от времени ему приходилось ворочаться с боку на бок, чтобы не онемело и тело.

Во всех окнах дома по-прежнему горел свет, но вокруг стало так темно, что старик почти ничего не видел в прицел. Но не так уж все безнадежно. Если хозяин сегодня вернется домой, то вернется в машине, а над воротами развернутого к лесу гаража горит лампа. Хотя свету от нее немного, его вполне хватит.

Старик повернулся на спину. Вокруг было тихо. Когда подъедет машина, он услышит. Только бы не уснуть. От этих приступов он совсем обессилел. Но он не заснет. Раньше он никогда не засыпал в карауле. Никогда. Нахлынула ненависть, и от нее словно стало теплее. Это была особая ненависть, не та, которая постоянно горела в нем низким негаснущим пламенем, выжигая ненужные мысли, чтобы те не заслоняли перспективу. Нет, эта ненависть была иной — она пылала так ярко,

что старик испугался, вдруг он не сможет совладать с этим чувством. Он знал, что импульсам поддаваться нельзя, нужно действовать хладнокровно.

Он смотрел на звездное небо между еловых стволов. Было тихо. Так тихо и холодно. Он умрет. Они все умрут. Это хорошая мысль, и он ухватился за нее. Потом его глаза закрылись, и он заснул.

Браннхёуг смотрел на хрустальную люстру под потолком. В хрустале отражался свет неоновой рекламы. Так тихо. Так холодно.

— Теперь можешь идти, — сказал Браннхёуг.

Он не посмотрел на Ракель, только услышал, как она отдернула одеяло, почувствовал, что она встала с кровати. Потом услышал, как она надевает одежду. Ракель не проронила ни слова. Ни когда он принялся за нее, ни когда он приказал ей отвечать ему тем же. Браннхёуг видел ее широко раскрытые черные глаза. Черные от страха. От ненависти. От этого Браннхёугу стало так не по себе, что он не…

Сначала он делал вид, что все в порядке, и ждал, когда придет это ощущение. Думал о своих прошлых женщинах, это всегда помогало. Но ощущение не приходило, и наконец он попросил ее оставить попытки. Браннхёуг не мог больше

терпеть такое унижение.

Она подчинялась ему, как робот. Просто выполняла свою часть сделки, ни больше ни меньше. Ничего, до истечения срока давности дела о родительских правах — полгода. Времени у него достаточно. Не стоит нервничать, впереди — другие дни, другие ночи.

Браннхёуг начал все сначала. Ему не стоило так много пить, он уже не чувствовал ни ее, ни свои ласки.

Он приказал Ракели пойти в ванную, сделал им обоим коктейль. Теплая вода, мыльная пена. Браннхёуг долго говорил о том, какая Ракель красивая. Она не сказала ни слова. Так тихо. Так холодно. И вода вскоре стала холодной, Браннхёуг вытер Ракель и снова потащил ее в постель. Он чувствовал ее тело — сухое и съежившееся от холода. Она вздрогнула, Браннхёуг понял, что она начала что-то чувствовать. Наконец-то. Его руки скользили по ее телу все ниже и ниже. Потом он снова увидел ее глаза. Большие, черные, мертвые. Она неподвижно смотрела на какую-то точку в потолке. И снова все было испорчено. Браннхёугу захотелось ударить ее, отвесить ей пощечину, чтобы кожа вспыхнула, чтобы в глаза вернулась жизнь.

Он услышал, как Ракель взяла со стола письмо, расстегнула сумку.

— В следующий раз не нужно будет пить так много, — сказал Браннхёуг. — Это и к тебе относится.

Она не ответила.

— На следующей неделе, Ракель. На этом же месте, в это же время. Не забудешь?

— Как я могу забыть, — ответила она.

Послышались шаги, открылась и закрылась дверь. Ракель ушла.

Браннхёуг поднялся, приготовил себе еще один коктейль. Содовая с «Джеймсоном» — единственное приличное… Он осторожно выпил его. Потом снова лег.

Было около полуночи. Браннхёуг закрыл глаза, но сон не шел. Из соседнего номера доносились какие-то звуки — должно быть, смотрели телевизор. Платный канал для взрослых. А может быть, и нет. Стоны вполне натуральные. За окном послышался визг полицейской сирены. Черт! Браннхёуг заворочался. На этой мягкой кровати спина всегда затекает. Ему никогда не нравилось спать здесь, не только из-за кровати. Эта желтая комната всегда была и оставалась гостиничным номером, чужим местом.

Браннхёуг сказал жене, что отправляется на встречу в Ларвике. На ее вопрос, в каком отеле они будут жить, он, как всегда, ответил, что в отеле «Рика». И добавил, что позвонит ей, если будет не слишком поздно. Но ты ведь знаешь, дорогая, что такое эти официальные ужины.

Впрочем, его жене не на что жаловаться, Браннхёуг обеспечил ей такую жизнь, на какую Эльса вряд ли могла надеяться, со своим-то прошлым. Она увидела мир, пожила в роскошных посольских гостиницах с огромным штатом прислуги, побывала в самых красивых городах мира, выучила языки. Ей в своей жизни не пришлось пальцем о палец ударить. Что бы она делала без мужа? Она, человек, никогда в жизни не работавший! Браннхёуг был для нее опорой в жизни, семьей, короче говоря, всем. И его не слишком заботило, что думает Эльса.

Однако в эту минуту Браннхёуг думал о ней. Сейчас ему хотелось быть с ней. Ощущать рядом ее знакомое, теплое тело, ее руку на своей груди.

Браннхёуг снова посмотрел на часы. Можно сказать, что ужин закончился рано, и он решил поехать домой. К тому же она будет рада, она так не любит оставаться ночью одна в их большом доме.

Браннхёуг лежал и слушал звуки из соседней комнаты.

Потом быстро поднялся и начал одеваться.

Старик уже не старик. Он танцует. Играет медленный вальс, она прижалась щекой к его шее. Они танцуют уже долго, они вспотели, ее прикосновения обжигают. Он чувствует, что она улыбается. Ему хочется танцевать и танцевать, пока дом не сгорит дотла, пока не начнется новый день, пока они не откроют глаза и не увидят, что оба теперь совершенно в другом месте.

Она шепчет ему что-то, но музыка играет слишком громко.

— Что? — спрашивает он.

— Просыпайся, — шепчет она ему в самое ухо.

Старик открыл глаза. Несколько раз сморгнул в темноте и услышал, как подъезжает автомобиль. Он перевернулся на живот, тихо вздохнул, с трудом вытащил из-под себя руку. Его разбудил щелчок гаражного замка. Старик увидел, как «вольво» въезжает в гараж, как за машиной смыкается темнота. Правая рука онемела. Через несколько секунд этот человек снова выйдет, при свете фонаря будет запирать гараж, а потом… будет слишком поздно.

Старик отчаянно дернул «молнию» спального

мешка, высвободил левую руку. В кровь брызнул адреналин, но сон по-прежнему окутывал сознание мягкой дымкой, скрадывая звуки и делая все вокруг мутным. Дверь гаража захлопнулась.

Теперь обе руки были свободны. Было светло от звезд, старик достал винтовку и стал прицеливаться. Быстрее, быстрее! Он прижался щекой к прикладу, посмотрел в прицел. Ничего не видно. Он сморгнул. Дрожащими пальцами размотал тряпку, которую накрутил на прицел, чтобы линза не обмерзла. Так! Опять щеку — к прикладу. Что теперь? Гараж не в фокусе, вероятно, сбилась настройка. Старик услышал, как щелкнул гаражный замок. Отрегулировав прицел, старик увидел в фокусе мужчину. Высокий, широкоплечий, в черном шерстяном пальто. Он стоял, повернувшись к старику спиной. Старик еще пару раз моргнул. Сон по-прежнему висел перед глазами легким туманом.

Старик хотел, чтобы мужчина повернулся к нему лицом, чтобы не вышло ошибки. Палец нащупал курок. С тем оружием, к которому он привык, было проще, тогда он целился и стрелял не задумываясь, как машина. Старик постарался дышать ровнее. Убить человека несложно. Если у тебя уже есть опыт. Когда в 1863 году началась

битва при Геттисберге, две роты новичков, стоя в пятидесяти метрах друг напротив друга, долго стреляли, но ни раненых, ни убитых не было. Не потому что не умели стрелять, а потому, что они стреляли поверх голов. Они попросту не могли переступить грань и убить человека. Но когда один солдат все же сделал это…

Мужчина у гаража повернулся. В прицел казалось, будто он смотрит прямо на старика. Без сомнения, это тот самый человек. Его торс занимал почти все перекрестье прицела. Туман перед глазами стал рассеиваться, старик задержал дыхание и осторожно нажал на курок. Попасть нужно с первого выстрела, потому что вне этой полоски света перед гаражом не было видно решительно ничего. Время замерло. Бернт Браннхёуг был покойником. Теперь сон ушел окончательно.

В какую-то тысячную долю секунды старику показалось, что он делает что-то не то. Курок остановился. Старик нажал сильнее, но курок не двигался дальше. Предохранитель. Старик знал, что теперь слишком поздно. Он нащупал предохранитель большим пальцем и поднял его. Потом уставился в прицел на пустую полоску света. Браннхёуг ушел, он направлялся к крыль-

цу, которое было с другой стороны дома, вниз по дороге.

Старик сморгнул. Сердце билось о ребра, как молоток. Он выдохнул воздух из ноющих легких. Проспал! Он снова сморгнул. Теперь все вокруг плыло в каком-то мареве. Слабак! Старик бессильно ударил кулаком по земле. Когда теплая слеза упала на тыльную сторону ладони, старик понял, что плачет.

Эпизод 73
Клиппан, Швеция, 11 мая 2000 года

Харри проснулся.

Через секунду он сообразил, где он. Запирая вчера вечером дверь на ключ, он сначала думал, что заснуть здесь будет невозможно. От улицы спальню отделяла только тонкая стена и окно с одинарным стеклом. Но как только закрылся магазин напротив, улица будто вымерла: ни машин, ни людей.

На ужин Харри разогрел в духовке купленную в магазине пиццу, внутренне посмеявшись: надо же — сидеть в Швеции и есть итальянскую еду, приготовленную в Норвегии. Потом он включил пыльный телевизор, который стоял в углу на ящике из-под пива. Телевизор барахлил: на всех лицах проступали зеленые пятна. Харри посмотрел документальный фильм, — где девушка рассказывает, как ее старший брат в 70-е годы отправился в кругосветное путешествие и слал ей письма изо всех уголков Земли: из Парижа, где он жил с клошарами; из израильского кибуца; из Индии, которую он объехал на поезде;

из Копенгагена, где дошел до отчаяния. Фильм был сделан нехитро. Чуть-чуть динамики, но большей частью — статическая картинка и меланхолический голос за кадром. Наверное, Харри приснился этот фильм, потому что, когда он проснулся, у него перед глазами все еще стояли эти лица и пейзажи.

Звук, что разбудил Харри, доносился из кармана его пальто, висевшего на спинке стула. Пустую комнату наполнял пронзительный писк. Хотя обогреватель работал на полную мощность, в комнате было холодно. Харри встал с дивана и вытащил из пальто мобильный телефон.

— Алло?

Молчание.

— Алло?

На том конце молча дышали в трубку.

— Это ты, Сестрёныш? — Только она могла позвонить ему посреди ночи. — Что-то случилось? С Хельге?

У Харри были сомнения, когда он решил оставить птицу сестре. Но Сестрёныш была так рада и пообещала, что будет ухаживать за Хельге. Но нет, это не сестра. Она так не дышит в трубку. И она бы ему ответила.

— Кто это?

По-прежнему молчание.

Он уже собирался положить трубку, но вдруг дыхание на том конце пресеклось, будто человек хотел разрыдаться. Харри сел на диван. Сквозь щелку между тонкими синими занавесками горела неоновая вывеска магазина напротив.

На столике рядом с диваном лежала пачка сигарет. Харри достал одну, закурил и лег на диван. На том конце начали тихо всхлипывать. Харри сделал глубокую затяжку.

— Ну-ну, — сказал он.

За окном проехал автомобиль. Наверняка «вольво», подумал Харри. Он укрыл ноги одеялом и начал рассказывать историю о девочке и ее старшем брате — как он ее запомнил. Когда Харри закончил, женщина на том конце больше не плакала, а когда он пожелал ей спокойной ночи, связь прекратилась.

Когда мобильный телефон зазвонил снова, был уже девятый час, на улице было светло. Харри нащупал телефон под ногами.

Говорил Мейрик. В его голосе слышалось волнение.

— Немедленно возвращайся в Осло, — сказал он. — Кажется, твоя мерклиновская винтовка засветилась снова.

Часть седьмая
В черной мантии

Эпизод 74
Главный государственный госпиталь, 11 мая, 2000 года

Бернта Браннхёуга Харри узнал сразу. Тот белозубо улыбался и смотрел на Харри широко раскрытыми глазами.

— Почему он улыбается? — спросил Харри.

— Не спрашивай, — сказал Клеметсен. — В каких только положениях не застывают мышцы лица. Бывает, родители не могут узнать собственных детей, настолько те меняются.

Труп лежал на операционном столе, посреди секционного зала. Клеметсен отдернул простыню, и присутствующие увидели тело целиком. Халворсен тут же отвернулся.

Харри, перед тем как войти в зал, предложил ему специальную мазь, чтобы не чувствовать трупного запаха, Халворсен отказался. Температура в секционном зале № 4 Института судебной медицины при Главном государственном госпитале была минус 12 градусов, так что запах был не самое страшное. Халворсен закашлялся.

— Согласен, — сказал Кнут Клеметсен, — зрели-

ще не из приятных.

Харри кивнул. Клеметсен был хорошим патологом и проницательным человеком. Он прекрасно понимал, что Халворсен — новичок, и не хотел ставить его в неловкое положение. На самом деле Браннхёуг выглядел не хуже других мертвецов. То есть он выглядел не страшнее близнецов, пролежавших неделю под водой, восемнадцатилетнего подростка, разбившегося на машине при попытке скрыться от полиции, или наркоманки, на которой не было ничего, кроме куртки, которую она подожгла. Харри видел много трупов, и Бернт Браннхёуг никак не входил в десятку худших. Но было ясно, что для человека, застреленного одной пулей в спину, Браннхёуг выглядел ужасно. Зияющее выходное отверстие в груди было настолько большим, что Харри мог просунуть в него кулак.

— Так эта пуля попала ему в спину? — спросил Харри.

— Между лопаток. Она прошла сверху вниз, на входе раздробила позвоночник, а на выходе — грудину. Как видишь, грудина раскрошилась, осколки нашли на сиденье.

— Сиденье?

— Да, он как раз открыл гараж и собирался ехать на работу, когда пуля прошила насквозь

его тело, переднее и заднее стекло автомобиля и застряла в задней стенке гаража. Вот так.

— Какая пуля это может быть? — спросил Халворсен, которому, кажется, стало полегче.

— Баллистики скажут тебе наверняка, — ответил Клеметсен. — Нечто среднее между пулей «дум-дум» и сверлом по бетону. Что-то похожее я видел только один раз — когда работал при миссии ООН в Хорватии в девяносто первом.

— Пуля сингапурского образца, — предположил Харри. — Она на полсантиметра ушла в стену. Гильза, которую нашли в лесу, похожа на ту, что я нашел зимой в Сильяне. Поэтому я здесь. Что еще ты можешь рассказать нам, Клеметсен?

Клеметсен рассказал не так много: о том, что, согласно предписанию, вскрытие было проведено в присутствии сотрудников КРИПОС, что причина смерти очевидна. И добавил: не считая пары мелочей, ничего интересного нет. В крови Браннхёуга обнаружен алкоголь, а под ногтями — остатки вагинального секрета.

— Его жены? — спросил Халворсен.

— Эксперты это выяснят, — сказал Клеметсен и посмотрел на молодого полицейского в очках. — Если захотят. Но они считают, что это имеет наименьшую ценность для следствия.

Может, сейчас ее не стоит расспрашивать о таких вещах.

Харри кивнул.

Они проехали по Согнсвейен и дальше по Педер-Анкерсвей и наконец подъехали к особняку Браннхёуга.

— Уродливый дом, — сказал Халворсен.

Они позвонили в дверь и стали ждать. Им открыла женщина лет пятидесяти с толстым слоем макияжа на лице.

— Эльса Браннхёуг?

— Я ее сестра. В чем дело?

Харри показал удостоверение.

— Опять допросы? — с чувством спросила женщина.

Харри кивнул, он знал, что сейчас будет.

— Да что это такое! У нее нет сил, она потеряла мужа, его уже не вернешь, и все, что вы…

— Прошу прощения, но нас сейчас беспокоит не ее муж, — прервал ее Харри, стараясь говорить вежливо. — Он мертв. Нас беспокоит, кто станет следующей жертвой. Ведь повторения этой трагедии можно избежать.

Женщина так и стояла с открытым ртом. Харри, решив помочь ей, спросил, переобуваться ли им при входе в дом.

Госпожа Браннхёуг выглядела отнюдь не такой измученной, как заявляла ее сестра. Хозяйка сидела на диване и смотрела в одну точку, но под диванной подушкой Харри заметил вязание. Нет, в том, чтобы заняться вязанием сразу после гибели мужа, не было ничего странного. Харри подумал, что это, пожалуй, даже естественно: сосредоточить свое внимание на каком-то занятии, когда рушится мир вокруг.

— Сегодня вечером я уезжаю, — сказала госпожа Браннхёуг. — К сестре.

— Я так понимаю, — сказал Харри, — вы попросили полицию предоставить вам охрану на случай…

— На случай, если они и меня захотят убить, — кивнула хозяйка.

— Вы думаете, они собираются это сделать? — спросил Халворсен. — И кто это — «они»?

Госпожа Браннхёуг пожала плечами. Она не сводила глаз с окна. День был серый.

— Я знаю, люди из КРИПОС уже побывали здесь и спрашивали вас об этом, — начал Харри. — Но все же, вы не знаете, вашему мужу не приходило никаких угроз после появления вчерашней статьи в «Дагбладет»?

— Сюда никто не звонил, — ответила хозяй-

ка. — Но ведь в телефонном справочнике стоит только мое имя. Так захотел Бернт. Спросите лучше в МИДе, звонили ли туда.

— Мы уже спрашивали, — сказал Халворсен и переглянулся с Харри. — Нам дали записи всех входящих звонков на его рабочий телефон за прошедшие сутки.

Халворсен задал еще несколько вопросов о возможных врагах Браннхёуга, но внятного ответа на них не получил.

Харри некоторое время сидел и молча слушал, потом вдруг спросил:

— Сюда вчера вообще кто-нибудь звонил?

— Да, пару раз, — ответила госпожа Браннхёуг.

— Кто звонил?

— Моя сестра. Бернт. И, если не ошибаюсь, из какого-то социологического опроса.

— О чем они спрашивали?

— Не знаю. Они спрашивали Бернта. У них там есть какой-то список, где указывается возраст и пол…

— Они спрашивали Бернта Браннхёуга?

— Да…

— В социологических исследованиях не фигурируют имена. Вы слышали на том конце какой-нибудь посторонний шум?

— Простите?

— Обычно они сидят в кабинете по нескольку человек.

— Да, слышала, — ответила госпожа Браннхёуг. — Только…

— Только что?

— Это был не тот шум, о котором вы говорите. Он был… другой.

— Во сколько вам позвонили?

— По-моему, около полудня. Я ответила, что он приходит с работы вечером. Я забыла, что Бернт собирался в Ларвик на деловой ужин Совета по экспорту.

— Но в телефонном справочнике стоит только ваше имя. Вы не подумали, что кто-то просто обзванивает всех по фамилии Браннхёуг, чтобы узнать адрес вашего мужа? И время, когда он возвращается домой?

— Сейчас даже и не знаю…

— Сотрудники социологических служб не звонят мужчинам трудоспособного возраста посреди рабочего дня.

Харри повернулся к Халворсену:

— Надо связаться с «Теленором» и узнать, с какого номера звонили.

— Извините, госпожа Браннхёуг, — сказал

Халворсен. — Я заметил у вас в коридоре новый телефонный аппарат «Аском». У меня дома такой же. Он сохраняет в памяти десять последних номеров, с которых вам звонили, и время звонка. Разрешите, я…

Харри с уважением посмотрел на коллегу. Халворсен встал, и сестра госпожи Браннхёуг повела его в коридор.

— Бернт был немного старомодным. — Хозяйка криво улыбнулась Харри. — Но ему нравилось покупать современные вещи, если от них был какой-нибудь прок. Телефоны и все в таком роде.

— А насколько старомодным был ваш муж в вопросах супружеской верности, госпожа Браннхёуг?

Хозяйка вздрогнула и посмотрела на Харри.

— Раз уж мы говорим с глазу на глаз, думаю, что могу вам кое-что сказать, — сказал Харри. — КРИПОС проверила ваши показания. Вчера ваш муж не был на деловом ужине и не встречался ни с кем из Совета по экспорту. Он не ездил в Ларвик. Вам известно, что у МИДа есть бронь в «Континентале»?

— Нет.

— Сегодня утром мне на это намекнул мой начальник из СБП. Оказывается, ваш муж вчера

был в этом отеле. Нам неизвестно, был он там один или с кем-то, но когда муж говорит жене, что задержится на деловой встрече, а сам едет в гостиницу, это наводит на определенные мысли.

Харри видел, как на ее лице одна эмоция сменяет другую: ярость, отчаяние, безнадежность и… смех. Этот смех был похож на тихие всхлипывания.

— Мне не стоило удивляться, — сказала она. — Если уж это вас так интересует, то в этом деле он был… вполне современным. Хотя я не понимаю, какое отношение это может иметь к делу.

— Его мог убить ревнивый муж, — предположил Харри.

— Его могла убить и я. По той же причине. Вам не приходило в голову, господин Холе? Когда мы жили в Нигерии, убийцу можно было нанять за двести крон. — Она рассмеялась все тем же горьким смехом. — Я-то думала, вы считаете, что его убили из-за того интервью «Дагбладет».

— Мы проверяем все возможные варианты.

— По работе он в основном встречался с женщинами, — сказала госпожа Браннхёуг. — Конечно, всего я не знаю, но как-то раз я поймала его с поличным. Я знала, что так он вел себя и раньше. Но застрелить его за это? — Она покачала голо-

вой. — Сейчас за такое уже не убивают, правда?

Харри не знал, что на это ответить. Через стеклянную дверь было слышно, как в коридоре разговаривает Халворсен. Харри откашлялся:

— Вы не знаете, были у него любовницы в последнее время?

Хозяйка покачала головой:

— Спросите в МИДе. Знаете, там такие своеобразные люди. Кто-нибудь обязательно захочет посплетничать.

Она говорила это без горечи в голосе, будто просто констатируя факт.

В комнату вернулся Халворсен. Эльса Браннхёуг и Харри посмотрели на него.

— Любопытно, — сказал Халворсен. — Госпожа Браннхёуг, вам звонили в двенадцать двадцать четыре. Но не вчера, а позавчера.

— Да? Наверное, я ошиблась, — ответила хозяйка. — Да, да, тогда это не имеет отношения к делу.

— Возможно, — проговорил Халворсен. — Я заодно позвонил в справочную, и мне сказали, что это номер телефона-автомата в ресторане «Шрёдер».

— В ресторане? — переспросила госпожа Браннхёуг. — Да, тогда я понимаю, что за шум слышался

в трубке. Вы думаете…

— Вовсе не обязательно, что звонок связан с убийством вашего мужа, — сказал Харри, вставая. — В «Шрёдере» ошивается много странных типов.

Хозяйка проводила полицейских до крыльца. Вечерело. Низкие серые тучи вяло ползли над грядой холмов.

Госпожа Браннхёуг стояла скрестив руки, как будто ей было холодно.

— Здесь так мрачно, — сказала она. — Вы заметили?

Когда Харри и Халворсен поднялись на холм, следственная группа все еще прочесывала местность вокруг шалаша, в котором нашли стреляную гильзу.

— Эй, там! — окликнул кто-то, когда Харри и Халворсен пролезали под желтой ограждающей лентой.

— Полиция, — объяснил Харри.

— Мало ли что! — крикнул тот же голос в ответ. — Придется потерпеть, пока мы не закончим.

Это был Вебер. На нем были высокие сапоги и забавный желтый плащ-дождевик. Харри и Халворсен вернулись за ленту.

— Эй, Вебер! — позвал Харри.

— Нет времени, — отмахнулся тот.

— На минутку.

Вебер широкими шагами направился к ним. Его лицо выражало явное недовольство.

— Что такое?! — крикнул он, не доходя двадцати метров.

— Сколько он прождал?

— Парень, который тут лежал? Без понятия.

— Погоди, Вебер. Еще кое-что.

— Этим делом занимается КРИПОС или вы?

— И те и другие. Мы никак не можем согласовать наши действия.

— И ты хочешь мне сказать, что вы пришли сюда, чтобы участвовать в расследовании?

Харри улыбнулся и закурил.

— Всегда восхищался твоей догадливостью, Вебер.

— Хватит подлизываться, Холе. Что это за малый?

— Халворсен, — ответил Харри, прежде чем Халворсен успел представиться сам.

— Слушай, Халворсен, — начал Вебер, продолжая смотреть на Харри с нескрываемым отвращением. — Курение — это свинская привычка и лишнее подтверждение тому, что человек ищет в

жизни только одно — удовольствие. Парень, который был здесь, оставил нам полупустую бутылку с восемью окурками внутри. Сигареты «Тедди», без фильтра. Людям, которые курят «Тедди», нужна в день не сигарета и не две. Я предполагаю, что он мог высидеть здесь максимум сутки. Для шалаша он срезал нижние ветки ели, до которых в дождь вода не достает. Тем не менее на крыше шалаша — дождевые капли. Последний дождь был вчера в три пополудни.

— Значит, вчера он пришел сюда между восемью и тремя? — спросил Халворсен.

— Думаю, Халворсен далеко пойдет, — бросил Вебер, по-прежнему не сводя глаз с Харри. — Особенно если подумать, какой конкурс он выдержал, чтобы попасть в полицию. Черт возьми, с каждым годом все хуже и хуже. Ты видел, кого сейчас принимают в полицейскую академию? По сравнению с этим сбродом, в педучилище учатся просто гении.

Вебер, оседлав любимого конька, начал долгую речь о том, как деградирует полиция.

— Кто-нибудь из соседей что-нибудь видел? — успел спросить Харри, когда Вебер остановился, чтобы перевести дыхание.

— Тут четверо наших ребят обходят все дома

в окрестностях, но люди в основном возвращаются домой поздно. Думаю, нового мы ничего не узнаем.

— Почему?

— Не думаю, что он показывался в округе. Сегодня мы пустили собаку по его следу — он на километр ведет в глубь леса, на тропинку — там собака скололась. Видимо, он пришел и ушел одним и тем же путем. Между озерами Согнсванн и Маридалсванн целая паутина этих лесных тропок. Он мог припарковать машину на какой-нибудь стоянке для туристов. Тут их много бывает, туристов, и половина из них ходит с рюкзаками. Ясно?

— Ясно.

— Теперь вы хотите меня спросить, удалось ли нам найти отпечатки пальцев.

— Ну…

— Ну-ну?

— А на той бутылке?

Вебер покачал головой:

— Никаких отпечатков. Ничего. Хотя он пробыл здесь и долго, но наследил на удивление мало. Мы продолжаем искать, но я на сто процентов уверен, что не найдем ничего, кроме следов его ботинок и кусочков ткани.

— Плюс гильза.

— Он оставил ее нарочно. Остальные следы он постарался замести.

— Хм. Может, это что-то вроде предупреждения? Как думаешь?

— Я? Я думаю, что у вас, молодых, в голове вообще ничего нет. Такое чувство, что сейчас в полиции все такие.

— Угу. Спасибо за помощь, Вебер.

— И бросай курить, Холе.

— С ним невозможно разговаривать, — сказал Халворсен, когда они возвращались в центр города.

— Бывает, — согласился Харри. — Но свою работу Вебер знает.

Эпизод 75
Кабинет Мёллера, 12 мая 2000 года

— Ну? — спросил Мёллер, когда Харри и Халворсен отпили из своих чашек и Харри, скорчив жуткую гримасу, высказал все, что он думает о кофе.

— По-моему, искать связь между газетной статьей и убийством не стоит, — сказал Харри.

— Почему? — Мёллер откинулся на спинку кресла.

— Вебер полагает, что убийца лежал в своем укрытии с утра, то есть самое большое — спустя пару часов после появления выпуска «Дагбладет». Но убийца действовал не импульсивно — покушение было тщательно спланировано. Этот человек давно собирался убить Браннхёуга. Он разведал местность, выяснил, когда Браннхёуг возвращается домой и уходит на работу, откуда лучше и безопаснее всего стрелять, как пройти к этому месту и как оттуда уйти, выяснил и сотни других мелких деталей.

— Значит, по-твоему, убийца купил винтовку Мерклина для этого?

— Может быть. А может быть, и нет.

— Спасибо, очень информативно, — язвительно сказал Мёллер.

— Я хотел сказать, что вероятность есть. Но с другой стороны, как-то получается несообразно. К чему заказывать контрабандой самую дорогую киллерскую винтовку, только чтобы убить высокопоставленного, но в принципе обычного бюрократа, у которого нет ни телохранителей, ни охраны дома. Убийца мог просто позвонить ему в дверь и пристрелить его в упор из пистолета. Это все равно что… что…

Харри начал активно жестикулировать.

— Стрелять из пушки по воробьям, — подсказал Халворсен.

— Именно, — сказал Харри.

— Хм. — Мёллер закрыл глаза. — А как ты оцениваешь свою функцию в расследовании, Харри?

— Суперагент, — улыбнулся Харри. — Я тот самый парень из СБП, который имеет право действовать самостоятельно, но по мере необходимости запрашивать помощь других отделов. Тот парень, что подчиняется непосредственно Мейрику и имеет доступ ко всем необходимым документам. Тот, кто задает вопросы и может не

давать ответы. И так далее.

— Ты забыл про лицензию на убийство, — сказал Мёллер. — И супераутомобиль.

— На самом деле я ничего не придумал, — ответил Харри. — Мейрик уже переговорил с начальником полиции.

— Начальником полиции?

— Так точно. Сообщение об этом вам пришлют сегодня по электронной почте. Делу об убийстве Браннхёуга с этого момента придано приоритетное значение, и начальник полиции хочет, чтобы ничто не осталось без внимания. Будем работать, как в ФБР — несколькими следственными группами, большими и малыми, чьи функции зачастую перекрываются. Это нужно, чтобы избежать однобокого подхода, который нередко возникает при расследовании больших дел. Вы же об этом читали?

— Нет.

— Штука в том, что хотя приходится дублировать некоторые функции и выполнять одну и ту же работу в нескольких следственных группах, результативность многократно возрастает оттого, что у людей разные подходы и углы зрения.

— Спасибо, — отозвался Мёллер. — И что из всего этого следует? Зачем ты пришел сюда?

— Я же сказал, что могу по необходимости…

— …запрашивать помощь других отделов. Это я уже слышал. Давай выкладывай, Харри.

Харри кивнул на Халворсена. Тот с беспомощным видом улыбнулся начальнику. Мёллер застонал:

— Имей совесть, Харри! Ты же знаешь, что с личным составом у нас в отделе туго.

— Обещаю вернуть его в хорошем состоянии.

— Нет, я сказал!

Харри промолчал. Некоторое время он сидел, разминая пальцы и разглядывая висящую над книжной полкой репродукцию картины Киттельсена «Замок чудес».

— Когда ты его мне вернешь?

— Как только дело будет закрыто.

— Как только… Так *я* могу сказать тебе, Харри. А не наоборот.

Харри пожал плечами:

— Извините, шеф.

Эпизод 76
Улица Ирисвейен, 12 мая 2000 года

Сердце в груди бешено забилось. Она сняла трубку.

— Здравствуй, Сигне, — сказал голос. — Это я.

Ей захотелось заплакать.

— Хватит, — прошептала она. — Прошу тебя, хватит.

— Верность и в смерти. Ты так сказала, Сигне.

— Я позову мужа.

Голос тихо рассмеялся.

— Его же нет дома, правда?

Сигне сжала трубку так, что руке стало больно. Откуда он знает, что Эвена нет дома? И почему он звонит, только когда Эвен уходит?

От следующей мысли у Сигне перехватило дыхание и потемнело в глазах. Может, с того места, откуда он звонит, виден их дом, и он видел, когда Эвен выходил из него? Нет, нет, нет. Она собралась с силами и постаралась дышать ровно. Медленно, глубоко и спокойно, повторяла она про себя. Так она говорила раненым солдатам, когда их, плачущих, изрешеченных пулями, с

ужасом в глазах, приносили к ним в лазарет из окопов. По шуму на том конце Сигне поняла, что там, откуда ей звонят, много народу. А в их округе — только жилые дома.

— Ты была такой красивой в халате медсестры, Сигне, — говорил голос. — Такой ослепительно чистой и белой. Белой, совсем как белый мундир Улафа Линдви. Помнишь его? Ты была так чиста, и я верил, что ты не предашь нас, что в твоем сердце нет измены. Верил, что ты как Улаф Линдви. Я видел вас рядом, Сигне, ты стояла и гладила его волосы при лунном свете. Вы с ним были похожи на двух ангелов, посланных с небес. Но я ошибся. Ведь есть ангелы, которые посланы не с небес, ты знала это, Сигне?

Она молчала. Мысли в ее голове закружились в беспорядочном вихре — что-то в его словах сразу показалось ей странным. Голос. Теперь она поняла. Он пытается говорить чужим голосом.

— Нет, — выдавила из себя Сигне.

— Нет? А должна была. Я — такой ангел.

— Даниель умер, — сказала она.

На том конце стало тихо. В трубке слышалось только тяжелое дыхание. Потом голос заговорил снова:

— Я пришел, чтобы судить. Живых и мертвых.

И он положил трубку.

Сигне закрыла глаза. Потом встала и прошла в спальню. Окна были занавешены. Сигне стояла и смотрела на себя в зеркало. Она дрожала, будто у нее был жар.

Эпизод 77
Старый кабинет, 12 мая 2000 года

Харри переехал в свой старый кабинет. На это у него ушло двадцать минут. Все необходимые ему вещи уместились в пластиковом пакете. Первым делом он вырезал из «Дагбладет» фотографию Бернта Браннхёуга и повесил ее на доску рядом с архивными фотографиями Эллен, Сверре Ульсена и Халлгрима Дале. Четыре пункта. Халворсена он отправил в МИД, чтобы выяснить, кем могла быть та женщина в «Континентале». Четыре человека. Четыре жизни. Четыре истории. Харри сидел в своем сломанном кресле, не отрывая взгляда от фотографий, но те пустыми взглядами смотрели сквозь него.

Он позвонил Сестрёнышу. Та сказала, что хотела бы еще хоть немножечко подержать Хельге у себя. «Мы так подружились», — объяснила она. Харри сказал, что не против, если только Сестрёныш не забывает кормить его.

— Хельге — это она, — сказала Сестрёныш.

— Да ну? Откуда ты узнала?

— Мы с Хенриком это выяснили.

Харри хотел было спросить, как это им удалось, но потом решил, что лучше не стоит.

— Ты разговаривала с отцом?

Сестрёныш ответила, что да, и спросила, собирается ли Харри опять встречаться с той девушкой.

— С какой девушкой?

— Ну, с той, с которой ты ходил на прогулки, ты сам рассказывал. У нее еще есть сын.

— А, с ней… Нет, не думаю.

— Очень глупо.

— Глупо? Но почему, Сестрёныш, ты ее ни разу не видела.

— Я думаю, что это глупо, потому что ты в нее влюбился.

Иногда Сестрёныш говорила такие вещи, что Харри не знал, что и ответить. Они договорились как-нибудь сходить в кино. Харри спросил, пойдет ли с ними Хенрик. А как же, ответила сестра.

Они попрощались, и Харри повесил трубку. Он подумал, что все-таки встречается с Ракелью — но только когда они сталкиваются в коридорах. Но ведь он знает, где ее кабинет. Харри собрался с силами и встал — нужно поговорить с ней сейчас, больше он ждать не мог.

Когда Харри вошел в приемную СБП, Линда улыбнулась ему:

— Уже возвращаешься, удалец?

— Мне только заглянуть к Ракели.

— Только и всего? Харри, я насмотрелась на вас на той вечеринке.

Харри почувствовал раздражение, когда увидел на лице Линды двусмысленную улыбку и услышал ее сухой смех.

— Но ты можешь поворачивать обратно, Харри. Ракели сегодня не было на работе. Болеет. Секундочку. — Линда подняла телефонную трубку: — Служба безопасности, говорите.

Харри уже собирался уйти, когда Линда окликнула его.

— Это тебя. Ответишь сейчас? — Она протянула ему трубку.

— Это Харри Холе? — услышал Харри в трубке женский голос, запыхавшийся или испуганный.

— Да, это я.

— Это Сигне Юль. Вы должны мне помочь, Холе. Он хочет убить меня.

Харри услышал на том конце собачий лай.

— Кто хочет вас убить, госпожа Юль?

— Сейчас он придет сюда. Я знаю, это он. Он… он…

— Успокойтесь, госпожа Юль. О чем вы говорите?

— Он попытался изменить голос, но на этот раз я его узнала. Он сказал, что видел, как я глажу Улафа Линдви по волосам в лазарете. Тогда я все и поняла. Господи, что мне делать?

— Вы одна?

— Да, — ответила она. — Одна. Совсем, совсем одна, понимаете?

Лай стал громче.

— Вы можете добежать до соседей и там дождаться нас, госпожа Юль? Кто этот…

— Он меня найдет! Он найдет меня везде!

У нее началась истерика. Харри, прикрыв трубку рукой, попросил Линду связаться с центром оповещения и сказать, чтобы они направили ближайшую патрульную машину к дому Юля, по Ирисвейен, в районе Берг. Потом, стараясь скрыть волнение, снова заговорил с Сигне Юль:

— Госпожа Юль, если вы останетесь дома, заприте дверь. Кто…

— Вы не понимаете, — перебила его Сигне Юль. — Он… он… — Гудки. Связь прервалась.

— Черт! Извини, Линда. Скажи им там, чтобы сделали все как можно быстрее. И были поосторожнее — преступник может стрелять.

Харри позвонил в справочную, узнал номер Юля и набрал его. Занято. Он кинул трубку Лин-

де.

— Если Мейрик будет меня спрашивать, я поехал к дому Эвена Юля.

Эпизод 78
Улица Ирисвейен, 12 мая 2000 года

Свернув на Ирисвейен, Харри сразу же увидел перед домом Юля полицейскую машину. Тихая улица с деревянными домами, лужицы талой воды, вялое мигание голубого маячка на крыше машины, любопытные дети на велосипедах — как будто повторяется сцена перед домом Сверре Ульсена. Господи, хоть бы сходство этим и закончилось.

Припарковавшись, Харри вышел из своего «форда» и побрел к воротам. Уже закрывая их за собой, он услышал чьи-то шаги на крыльце.

— Вебер? — удивился Харри. — Наши пути опять пересекаются.

— Похоже на то.

— Не знал, что ты ездишь в патруле.

— Ты прекрасно знаешь, что я не езжу. Но дом Браннхёуга — вверх по этому склону. И когда мы получили это чертово сообщение, то сели в машину и прикатили сюда.

— Что тут происходит?

— Я хотел тебя об этом спросить. В доме никого

нет. Но дверь была приоткрыта.

— Вы все тут осмотрели?

— От чердака до погреба.

— Интересно. Собаки, как я понимаю, тоже нет.

— Никого, ни псины, ни людей. Но в погребе как будто кто-то побывал, потому что в подвальной двери выбито стекло.

— Понятно. — Харри посмотрел вдоль Ирисвейен. Между домов он увидел теннисный корт.

— Она могла уйти к соседям, — предположил Харри. — Я просил ее об этом.

Вебер и Харри вошли внутрь. В коридоре стоял молодой полицейский и смотрел в зеркало над телефонным столиком.

— Ну, Муен, ты видишь признаки разумной жизни? — язвительно спросил Вебер.

Муен повернулся и коротко кивнул Харри.

— Ну… — протянул он. — Не знаю, насколько это разумно. Скорее, непонятно. — Муен указал на зеркало.

Харри и Вебер подошли ближе.

— Вот те на! — воскликнул Вебер.

На зеркале губной помадой крупным почерком было написано:

БОГ МОЙ СУДЬЯ.

У Харри пересохло в горле.

Вдруг с грохотом распахнулась входная дверь.

— Что вы тут делаете? — спросил человек, показавшийся на пороге, — против солнца его лица не было видно. — И где Бурре?

Это был Эвен Юль.

Харри сидел за столом напротив явно взволнованного Юля; Муен отправился расспрашивать соседей, не заходила ли к кому-нибудь из них Сигне Юль. Веберу вдруг понадобилось срочно уехать по каким-то делам, связанным с убийством Браннхёуга, и он отбыл в полицейской машине. Харри пообещал подвезти Муена на своем «форде».

— Обычно она предупреждала перед тем, как куда-нибудь уйти, — сказал Эвен Юль. — То есть предупреждает.

— На зеркале в коридоре — ее почерк?

— Нет, — ответил Юль. — По крайней мере, мне так не кажется.

— Надпись сделана ее помадой?

Юль смотрел на Харри, не говоря ни слова.

— Она чего-то боялась, когда я разговаривал с ней по телефону, — сказал Харри. — Она говорила, что кто-то хочет ее убить. Вы можете предположить, кто бы это мог быть?

— Убить ее?

— Так она сказала.

— Сигне никто не хочет убить.

— Значит, нет?

— Да вы с ума сошли!

— В таком случае получается, что у вашей жены неустойчивая психика. Может быть, она истеричка с манией преследования?

Эвен Юль не отвечал, и Харри решил, что он не расслышал его слов. Но тут хозяин покачал головой.

— Замечательно. — Харри встал. — Постарайтесь нам помочь. Обзвоните всех ее друзей и родственников, у которых она могла искать убежища. Я уже объявил ее в розыск, мы с Муеном проверим дома в округе. Пока мы больше ничего не можем сделать.

Когда Харри вышел за ворота, он увидел Муена, шагающего к нему навстречу. Молодой полицейский покачал головой.

— А какой-нибудь машины люди не видели? — спросил Харри.

— В это время дома сидят только пенсионеры и матери с грудными детьми.

— Пенсионеры обычно все подмечают.

— Наверное, к здешним это не относится. Если

здесь вообще произошло что-нибудь, заслуживающее внимания.

Заслуживающее внимания. Харри не понимал почему, но эти слова вызвали у него в подсознании странный резонанс. Дети на велосипедах уже куда-то уехали. Харри вздохнул:

— Поехали отсюда.

Эпизод 79
Полицейский участок, 12 мая 2000 года

Когда Харри вошел в кабинет, Халворсен разговаривал по телефону. По жесту коллеги Харри понял, что тот говорит с осведомителем. Если он по-прежнему пытается найти ту женщину из «Континенталя», значит, поход в МИД помог не особо. Бумаг в кабинете почти не было, кроме стопки архивных копий на столе Халворсена — «Дела о винтовке Мерклина».

— Нет так нет, — сказал Халворсен. — Если что узнаешь, позвони, о'кей?

Он положил трубку.

— Эуне звонил? — спросил Харри, садясь в свое кресло.

Халворсен кивнул и показал два пальца. Два часа. Харри посмотрел на часы. Эуне приедет сюда через двадцать минут.

— Достань мне фотографию Эдварда Мускена. — Харри взял трубку, набрал номер Синдре Фёуке и договорился встретиться с ним в три. Потом рассказал Халворсену об исчезновении

Сигне Юль.

— Думаешь, это может быть как-то связано с убийством Браннхёуга?

— Не знаю, поэтому мне и нужно поговорить с Эуне.

— Зачем?

— Затем, что я все больше уверяюсь в том, что мы имеем дело с сумасшедшим. А значит, нужен совет специалиста.

Эуне можно было назвать большим человеком по нескольким причинам: он страдал излишком веса, был ростом под два метра и считался лучшим психологом страны в своей области. Психопатология к этой области не относилась, но Эуне, будучи талантливым специалистом, помогал Харри и в этих вопросах.

У доктора Эуне было дружелюбное, открытое лицо, — Харри часто казалось, что он слишком мягкий и ранимый и боль другой души не проходит для него бесследно. Когда Харри спрашивал его об этом, Эуне отшучивался, что тяжело, конечно, но кому сейчас легко?

Сейчас Эуне напряженно и сосредоточенно слушал рассказ Харри. Об убийстве Халлгрима Дале, Эллен Йельтен и Бернта Браннхёуга. Об Эвене Юле, который сказал, что им нужно искать квис-

линговского легионера, и о том, что в поддержку этой версии говорило убийство Браннхёуга, совершенное на следующий день после интервью «Дагбладет». И в заключение — об исчезновении Сигне Юль.

Выслушав Харри, Эуне некоторое время сидел и думал, качая головой и похмыкивая.

— Боюсь, я особо вам помочь не смогу, — сказал он наконец. — Единственная зацепка, которую я вижу, — та надпись на зеркале. Это похоже на визитную карточку, что типично для серийных убийц. Особенно для тех, кто совершил уже несколько убийств, чувствует себя в безопасности и хочет для остроты ощущений подразнить полицию.

— Эуне, у этого человек есть отклонения в психике?

— Тут все относительно. Мы все с отклонениями. Вопрос в том, насколько мы способны соответствовать установленным в обществе нормам поведения. Никакой поступок сам по себе не является признаком ненормальности, нужно рассматривать его в контексте других действий. Скажем, большинству людей импульсы промежуточного мозга не позволяют убивать себе подобных. Установка на защиту собственного

вида продиктована эволюцией. Но если долго тренироваться, можно преодолеть этот внутренний тормоз. Тогда он ослабевает. К примеру, у солдат. Если мы с вами вдруг начнем убивать, отклонения у нас, скорее всего, появятся. Но возможно, не появятся, как не появляются они у наемных убийц или… у полицейских.

— Значит, если мы возьмем солдата, воевавшего, скажем, во Второй мировой войне — не важно, на чьей стороне, — ему, чтобы убить, нужно преодолеть значительно меньший порог, чем другому человеку? Притом что оба психически нормальные?

— И да и нет. Солдата научили убивать на войне, и, чтобы внутренний тормоз не срабатывал, он должен ощущать себя в том же контексте.

— Значит, он должен думать, что по-прежнему сражается на войне?

— В общем-то, да. Но если он так считает и продолжает убивать и убивать, в медицинском плане он не считается больным. Вернее — не более больным, чем любой солдат. В таком случае можно говорить только о расщепленном восприятии действительности, но тут мы с вами вступаем на зыбкую почву.

— Почему? — спросил Халворсен.

— Кто вам скажет, *что* есть действительность, мораль и этика на самом деле? Психологи? Судьи? Политики?

— Ну… — протянул Харри. — Во всяком случае, они говорят.

— Вот именно, — сказал Эуне. — Но если вы считаете, что у них есть на это право, ваше мнение либо необдуманное, либо ошибочное. Думая так, вы отказываете себе в праве на моральную оценку. Если кого-то, скажем, посадили в тюрьму за то, что он состоял в совершенно законной партии, ему захочется найти другого судью. Обжаловать дело, так сказать, в высшей инстанции.

— Бог мой судья, — вспомнил Харри.

Эуне кивнул.

— Что это, по-вашему, означает, Эуне?

— Возможно, таким образом он пытался объяснить свой поступок. Что, несмотря ни на что, ему важно, чтобы его поняли. Как и большинству других.

По дороге к Фёуке Харри заехал в ресторан «Шрёдер». Как и обычно, в это время посетителей не было, Майя стояла возле телеэкрана, курила и читала газету. Харри показал ей фотографию Эдварда Мускена, которую Халворсен добыл на удивление быстро — наверняка через автоин-

спекцию, ведь два года назад Мускену выдавали водительские права международного образца.

— Да, видела я эту сморщенную рожу, — кивнула Майя. — Но где и когда? Раз я его помню, значит, он наведывался сюда пару раз, но точно, что не часто.

— Кто-нибудь из других посетителей разговаривал с ним?

— Ну и вопросики у тебя, Харри!

— В эту среду в полпервого кто-то звонил с вашего телефона-автомата. Ты, конечно, не обязана все помнить, но *мог* ли это быть он?

Майя пожала плечами:

— Мог, а что же? А мог и Дед Мороз. Ты же знаешь, как оно иногда бывает, Харри.

По пути на Вибес-гате Харри позвонил Халворсену и попросил его наведаться к Эдварду Мускену.

— Задержать его?

— Нет-нет. Только проверь его алиби насчет убийства Браннхёуга и сегодняшнего исчезновения Сигне Юль.

Когда Синдре Фёуке открыл дверь, лицо его было серого цвета.

— Вчера ко мне заскочил приятель с бутылкой виски, — объяснил он, скорчив гримасу. — Мне

такое уже тяжеловато. Где мои шестьдесят лет…

Он засмеялся и пошел снимать с плиты кофеварку.

— Читал об убийстве той важной шишки из МИДа! — кричал он из кухни. — Там написано, что полиция исключает связь между убийством и его словами о норвежских легионерах. А газета «Верденс ганг» считает, что за этим стоят неонацисты. Вы в это верите?

— Может быть, в это верит «Верденс ганг». Мы ни во что не верим и ничего не исключаем. Как там ваша книга?

— Пока что дело мало продвинулось. Но если я ее закончу, она откроет людям глаза. Так, по крайней мере, я говорю сам себе, когда на меня нападает хандра. Как сегодня.

Фёуке поставил кофеварку на столик и сел в кресло. На кофеварку было намотано холодное полотенце. Старая военная хитрость, объяснил хозяин с лукавой улыбкой. Ему очень хотелось, чтобы гость спросил, в чем суть этой хитрости, но у Харри было мало времени.

— Пропала жена Эвена Юля, — сказал он.

— Ну и ну! Сбежала?

— Не думаю. Вы с ней знакомы?

— Лично не встречал, но слышал, какой был

переполох, когда Юль собирался жениться. Что она была фельдшерицей и все такое прочее. А что случилось?

Харри рассказал про телефонные звонки и внезапное исчезновение.

— Больше нам ничего не известно. Я думал, вы знакомы с ней, и надеялся, что вы подадите какую-нибудь идею.

— Прошу прощения, но… — Фёуке замолчал, глотнул кофе. Похоже, он что-то надумал. — Что, вы говорите, было написано на зеркале?

— Бог мне судья, — сказал Харри.

— Хм.

— О чем вы задумались?

— Я вообще-то не уверен… — Фёуке потер небритый подбородок.

— Просто скажите.

— Вы говорите, он, возможно, хотел объяснить свой поступок, сделать так, чтобы его поняли…

— Ну?

Фёуке встал, подошел к книжному шкафу, достал оттуда толстую книгу и начал ее листать.

— Точно, — сказал он наконец. — Так я и думал.

Он протянул книгу Харри. Это был словарь библейских имен.

— Посмотрите на «Даниил».

Харри пробежал страницу глазами и нашел это имя. «Даниил *(др. — евр.)* — Бог мой судья».

Он посмотрел на Фёуке, тот собирался налить в чашки еще кофе.

— Вы ищете привидение, Холе.

Эпизод 80
Улица Парквейен, Ураниенборг, 12 мая 2000 года

Юхан Крон принял Харри у себя в кабинете. Шкаф за спиной адвоката был битком набит делами разных лет, подшитыми в солидные коричневые кожаные папки, странно контрастирующие с детским лицом Юхана Крона.

— Рад увидеть вас снова. — Крон жестом пригласил Харри сесть.

— Вы меня помните? — спросил Харри.

— Память пока меня не подводит. Да. Сверре Ульсен. У вас тогда было сильное дело. Жаль, что городскому суду не удалось соблюсти все формальности.

— Я пришел по другому поводу, — сказал Харри. — Попросить вас об одной услуге.

— Попросить вы можете бесплатно. — Крон сложил ладони пальцами вверх. Он напоминал мальчишку, который пытается сыграть взрослого на сцене школьного театра.

— Я ищу оружие, которое незаконно ввезли в страну, и у меня есть основания полагать, что

Сверре Ульсен так или иначе мог быть в этом замешан. Учитывая, что ваш клиент уже умер, обязательство о неразглашении уже не мешает вам предоставить полиции нужную информацию. Этим вы помогли бы раскрыть убийство Бернта Браннхёуга, которого — мы в этом совершенно уверены — убили именно из этого оружия.

Крон криво улыбнулся:

— Думаю, что будет лучше, если вы предоставите *мне* право решать, когда истекают мои обязательства, господин следователь. Это не происходит автоматически после смерти клиента. А вам не кажется, что с вашей стороны это несколько бестактно — приходить сюда и делать подобные заявления после того, как вы же и застрелили моего клиента?

— Я стараюсь забыть о личном и помнить только о профессиональном, — ответил Холе.

— Так старайтесь лучше, господин следователь! — Голос Крона звучал еще писклявее, когда тот говорил на повышенных тонах. — Не слишком-то профессионально это у вас получается. Так же непрофессионально, как убивать человека у него же дома.

— Это была самооборона, — сказал Харри.

— Формальности, — ответил Крон. — Ваш полицейский был опытным. Он должен был знать, что у Ульсена нестабильная психика, и не вламываться так. Без сомнения, ваш сотрудник подлежит суду.

Не удержавшись, Харри ответил:

— Я с вами согласен: всегда неприятно, когда преступников отпускают из-за каких-то формальностей.

Крон два раза моргнул, прежде чем до него дошел смысл слов Харри.

— Юридические формальности — совсем другое дело, господин следователь, — сказал он. — Возможно, клятва, принесенная в зале суда, — это мелочь, но если мы будем пренебрегать судебным ритуалом…

— Господин инспектор, — поправил Харри. Он старался говорить медленно и тихо. — А из-за этого вашего «судебного ритуала» погибла моя коллега. Эллен Йельтен. Вбейте это в свою память, которой вы так гордитесь. Эллен Йельтен. Двадцати восьми лет. Самый талантливый следователь полиции Осло. Проломлен череп. Ужасная смерть.

Харри встал и своим стодевяностосантиметровым телом навис над письменным столом. Он

видел, как на тощей шее Крона прыгает кадык. Долгие две секунды Харри любовался страхом в глазах молодого адвоката. Потом бросил на стол визитную карточку.

— Позвоните, когда определитесь со своими обязательствами, — сказал он.

Харри уже собирался уйти, когда услышал голос Крона:

— Он звонил мне незадолго до смерти.

Харри повернулся к адвокату. Тот вздохнул:

— Он был чем-то напуган. Этот Сверре Ульсен всегда боялся. Ему было страшно и одиноко.

— Всем так, — буркнул Харри. — Так кого он боялся? — спросил он.

— Принца. Он называл его просто Принцем.

— Ульсен говорил, чего он боится?

— Нет. Говорил только, что этот Принц был что-то вроде старшего по званию и дал ему приказ совершить какое-то преступление. Ульсен хотел узнать, какое ему будет наказание, если он просто выполнит приказ. Несчастный идиот.

— Какой приказ?

— Этого он мне не говорил.

— Он сказал что-нибудь еще?

Крон покачал головой.

— Если решите сообщить нам еще что-нибудь,

звоните. В любое время суток, — сказал Харри.

— И еще, господин инспектор. Если вы думаете, что у меня на душе спокойно от того, что из-за меня освободили человека, который убил вашу коллегу, то вы ошибаетесь.

Но Харри уже ушел.

Эпизод 81
Пиццерия «У Герберта», 12 мая 2000 года

Харри позвонил Халворсену и предложил встретиться «У Герберта». Кроме них, в пиццерии почти никого не было. Они сели у окна. В дальнем углу, взгромоздив ноги в сапогах на соседний стул, сидел парень в длинной шинели, с усиками а-ля Адольф Гитлер. Похоже, он решил победить в конкурсе на самую кислую физиономию.

Халворсен встречался с Эдвардом Мускеном, но не в Драммене.

— Когда я звонил ему домой, он не отвечал. Поэтому я узнал в справочной номер его мобильного. Оказалось, что он в Осло. У него квартира на Тромсёгата в районе Руделёкка, где он живет, когда приезжает на Бьерке.

— Бьерке?

— Ипподром. Он бывает там каждую пятницу и субботу. Играет помаленьку, как он сам говорит. Короче, развлекается. У него и лошади там свои есть. Мы встретились в конюшне за ипподромом.

— Что еще он сказал?

— Что по утрам, когда бывает в Осло, он заходит в «Шрёдер». Что понятия не имеет, кто такой Бернт Браннхёуг, и тем более никогда не звонил ему домой. Кто такая Сигне Юль, он знает. Сказал, что помнит ее с фронта.

— Как у него с алиби?

Халворсен заказал пиццу со сладким перцем и ананасами.

— Мускен говорит, что всю неделю был один в своей квартире на Тромсёгата. Ходил только до ипподрома и обратно. Он был там и в то утро, когда убили Браннхёуга. И сегодня утром.

— Вот как. Насколько, по-твоему, это ответственное заявление?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ему поверил?

— Да… то есть нет… В каком смысле поверил?..

— Брось, Халворсен, не бойся ты так. Просто скажи, что ты думаешь. Я же не буду использовать это против тебя.

Халворсен молчал, уставившись в стол, и теребил в руках меню.

— Если Мускен и врет, — сказал он, — то он умело это скрывает. Это все, что я могу сказать.

Харри вздохнул:

— Ты мог бы мне помочь? Я хотел бы, чтоб у квартиры Мускена круглые сутки дежурили двое полицейских.

Халворсен кивнул и достал из кармана телефон. Харри услышал голос Мёллера и перевел взгляд на сидящего в углу неонациста. Или как они себя называют? Национал-социалисты. Национал-демократы. У Харри как раз была с собой распечатка университетского социологического исследования, где говорилось, что в Норвегии 57 неонацистов.

Принесли пиццу, Халворсен вопросительно посмотрел на коллегу.

— Ешь, ешь, — сказал Харри. — Я пиццу не люблю.

К шинели в углу подсела камуфляжная куртка. Оба подняли головы и посмотрели на полицейских.

— Да, кстати, — вспомнил Харри. — Линда из СБП рассказала мне, что в Кельне есть архив СС — часть его сгорела в семидесятые, но наши иногда обращаются туда за информацией о норвежцах, воевавших за Гитлера. Там хранятся приказы, сведения о наградах, статусе и все такое. Позвони туда и попробуй разузнать что-нибудь о Даниеле Гюдесоне. И Гюдбранне Юхансене.

— Хорошо, босс, — прожевал Халворсен. — Только с пиццей разберусь.

— А я пока разберусь с тем парнем. — Харри встал.

В своей работе Харри никогда не стеснялся использовать свое физическое превосходство для оказания психического давления. И хотя парень с гитлеровскими усиками пытался выглядеть спокойным, Харри знал, что за этим холодным взглядом скрывается тот же страх, что он видел у Юхана Крона. Только этот парень лучше умел его скрывать. Харри резко дернул к себе стул, на котором покоились сапоги «гитлера», и ноги с грохотом упали на пол.

— Прошу прощения, — сказал Харри. — Я думал, что место свободно.

— Козел! — буркнул «гитлер».

Выглядывавший из камуфляжной куртки бритый череп повернулся к Харри.

— Совершенно верно, — сказал Харри. — А еще урод. Мусор. Или «дядя». Нет, это, кажется, слишком вежливо. Как насчет слова «коп» — оно вроде понятно всем.

— Мы тебя чем-то обижаем или?.. — спросила «шинель».

— Да, обижаете, — ответил Харри. — Долго уже

обижаете. Передай привет Принцу и скажи ему, что Холе пришел и принес с собой неприятности. От Холе Принцу, поняли, нет?

«Камуфляжная куртка» смотрела, открыв рот и хлопая глазами. Потом «шинель» раскрыла пасть с редкими зубами и засмеялась, брызжа слюной.

— Ты, что ли, про Хокона Магнуса говоришь? — спросила «шинель»; «камуфляжная куртка» поняла его юмор и тоже заржала.

— Так, — сказал Харри. — Если вы просто рядовые, вы, конечно, не знаете, кто такой Принц. Тогда передайте сообщение своим командирам. Надеюсь, что пицца вкусная, ребята.

Чувствуя на спине их взгляды, Харри вернулся к своему столику. Халворсен замер с огромным куском пиццы в руке.

— Доедай быстрее, — сказал ему Харри. — И сваливаем, пока я снова не вляпался в очередное дерьмо.

Эпизод 82
Склон Холменколлена, 12 мая 2000 года

Этот весенний вечер был жарче всех предыдущих.

Окно в машине Харри было открыто, и ветерок нежно гладил его по лицу и волосам. Отсюда можно было увидеть Осло-фьорд с его островками, рассыпанными, будто бурые ракушки. Первый в этом году белый парус скользил к берегу. Два оленя мочились у края дороги, рядом с красным автобусом, с крыши которого из динамиков гремело: «*Won't — you — be my lover…*»[51]

Пожилая женщина в спортивных штанах и завязанной на поясе куртке трусцой бежала по дороге с блаженной усталой улыбкой.

Харри остановился возле дома Ракели. Ему не хотелось заезжать во двор, он даже не знал почему — может, ему просто не хотелось вторгаться на ее территорию. Смешно, конечно, — он ведь и так придет незваным и нежданным.

Когда он уже подходил к крыльцу, вдруг за-

---

[51] Примечания: 51
Композиция из репертуара группы «Фулз Гарден».

пищал мобильный телефон. Звонил Халворсен, который только что закончил свои поиски в Архиве государственных изменников.

— Ничего, — сказал он. — Если Даниель Гюдесон и вправду еще жив, то за измену родине его не судили.

— А Сигне Юль?

— Ей дали год тюрьмы.

— Но в тюрьме она не сидела. Еще что-нибудь интересное есть?

— Не-а. И сейчас меня, наверное, выставят отсюда, потому что им пора закрываться.

— Иди домой и ложись спать. Утро вечера мудренее.

Харри подошел к лестнице и уже собрался взлететь по ней одним прыжком, когда вдруг открылась дверь. Харри замер. На пороге стояла Ракель — в шерстяном свитере и синих джинсах, со взъерошенными волосами и еще более бледным лицом, чем обычно. Харри посмотрел ей в глаза, пытаясь увидеть в них хоть какой-то признак того, что Ракель рада этой встрече. Но не увидел. Однако не увидел он в них и той дежурной вежливости, которой больше всего боялся. В ее взгляде не было ничего вообще.

— Я услышала, кто-то разговаривает на ули-

це, — объяснила Ракель. — Заходи.

В гостиной сидел Олег в пижаме и смотрел телевизор.

— Привет, неудачник! — крикнул ему Харри. — Не пора потренироваться в тетрис?

Олег шмыгнул носом, но ничего не ответил.

— Постоянно забываю, что дети не понимают иронии, — сказал Харри Ракели.

— Где ты был? — сурово спросил Олег.

— Был? — Харри немного растерялся. — Что ты имеешь в виду?

Олег пожал плечами.

— Кофе будешь? — спросила Ракель.

Харри кивнул.

Пока Ракель возилась на кухне (на это ушло много времени), Харри с Олегом сидели в комнате и молча смотрели, как причудливые гну скитаются по пустыне Калахари (на это тоже ушло много времени).

— Пятьдесят шесть тысяч, — наконец выдал Олег.

— Да ты что? — сказал Харри.

— Я занимаю первое место в таблице рекордов!

— А ну-ка принеси!

Олег вскочил и побежал искать «геймбой». Тут

Ракель принесла кофе и села напротив Харри. Он дотянулся до пульта и убавил звук телевизора. Молчание нарушила Ракель:

— Чем собираешься заняться на семнадцатое мая?

— Работой. Но если ты хочешь куда-нибудь меня пригласить, я сделаю все возможное и невозможное…

Она засмеялась и замахала руками:

— Извини, я просто искала тему для разговора. Поговорим о чем-нибудь другом?

— Мне сказали, ты болеешь? — сказал Харри.

— Это долгая история.

— У тебя все такие.

— А почему ты вернулся?

— Из-за Браннхёуга. С которым я, как ни странно, сидел и беседовал в этой вот комнате.

— Да, жизнь состоит из абсурдных совпадений, — сказала Ракель.

— Настолько абсурдных, что ни у кого не получается сочинить правдоподобную небылицу.

— Ты не знаешь всего, Харри.

— Что ты имеешь в виду?

Она только вздохнула и стала размешивать сахар в своей чашке.

— Да что такое! — возмутился Харри. — Се-

годня вся семейка сговорилась загадывать мне шарады?

Ракель слабо засмеялась, потом шмыгнула носом. Весенняя простуда, решил Харри.

— Я… в общем…

Она попыталась начать предложение еще пару раз, но безуспешно. Чайная ложка все мешала и мешала сахар в чашке. За плечом Ракели Харри увидел гну, которую медленно и безжалостно тащил в реку крокодил.

— Все было так ужасно, — сказала Ракель. — И я так по тебе скучала.

Она повернулась лицом к Харри, и он впервые увидел, как она плачет. Слезы текли по щекам и капали с подбородка. Она даже не пыталась их остановить.

— Ну… — начал Харри, больше он ничего не успел сказать — Ракель бросилась к нему. Они вцепились друг в друга, как утопающий — в спасательный круг. Харри дрожал. Хотя бы так, думал он. Хотя бы только это. Просто держать ее в объятиях — вот так.

— Мама! — крикнул Олег со второго этажа. — Где «геймбой»?

— В комоде! — дрожащим голосом крикнула Ракель в ответ. — Посмотри в ящиках. Начни

с верхнего. Поцелуй меня, — прошептала она Харри.

— А если Олег…

— «Геймбой» не в комоде.

Когда Олег вернулся с «геймбоем», который все-таки нашел — в коробке с игрушками, то поначалу ничего не понял. Харри с огорченным видом хмыкнул, увидев новый результат в таблице, и мальчик весело рассмеялся. Но когда Харри уже почти сравнял счет, Олег спросил:

— Что это у вас лица такие странные?

Харри посмотрел на Ракель, та изо всех сил старалась сохранить серьезность.

— А то, что нам хорошо вместе. — Харри загнал длинную фигуру вправо и снял три линии. — Твоему рекорду крышка, неудачник.

Олег засмеялся и ударил Харри по плечу:

— У тебя нет шансов. Сам ты неудачник.

Эпизод 83
Квартира Харри, 12 мая 2000 года

Нет, когда Харри незадолго до полуночи вернулся домой и увидел красный огонек автоответчика, он вовсе не чувствовал себя неудачником. Сегодня, после того как Олег уснул и Харри отнес его в кровать, они с Ракелью еще посидели за чаем, и она сказала, что когда-нибудь расскажет Харри длинную историю. В другой раз — сегодня она слишком устала. Харри сказал, что ей нужен отпуск, и она согласилась.

— Мы можем поехать куда-нибудь втроем, — сказал ей Харри. — Когда с делом будет покончено.

Ракель погладила его по голове.

— Тебе не разрешали быть таким наглым, Холе.

— А кто тут наглый?

— Ну ладно, я все равно сейчас не могу об этом говорить, Холе.

Потом они целовались в коридоре. Харри до сих пор чувствовал вкус ее губ.

Не включая свет, он на цыпочках прокрался в

свою комнату и нажал на кнопку воспроизведения на автоответчике. Темноту наполнил голос Синдре Фёуке:

«Это Фёуке. Я тут подумал, что на вопрос о том, жив ли Даниель Гюдесон, может ответить только один человек. Тот, кто был вместе с Даниелем в карауле в ту новогоднюю ночь, когда Гюдесона, как мы думаем, подстрелили. Холе, вам нужно найти Гюдбранна Юхансена. Гюдбранна Юхансена».

Трубку положили, Харри услышал гудок, потом щелчок и новое сообщение.

«Это Халворсен. Сейчас полдвенадцатого. Мне только что звонили наши патрульные. Они прождали у квартиры Мускена до самой ночи, но домой он так и не пришел. Тогда они позвонили ему в Драммен — просто проверить, возьмет он трубку или нет. Но им никто не ответил. Один из наших ребят проехал до Бьерке, но там все было закрыто, и свет нигде не горел. Я сказал, чтоб они набрались терпения, и по рации объявил машину Мускена в розыск. Это… ну, просто чтоб ты знал, как обстоит дело. До завтра».

Опять гудок. Опять щелчок. Опять новое сообщение.

«Это снова Халворсен. Старею: про главное-то

я забыл! Кажется, мы наконец что-то нашли. В архиве СС в Кельне нет данных ни на Гюдесона, ни на Юхансена. Мне сказали позвонить в Центральный архив вермахта в Берлине. Там какой-то зануда вежливо втолковывал мне, что в регулярной немецкой армии норвежцев почти не было. Но когда я объяснил ему, в чем дело, он все-таки согласился пойти и посмотреть. Через какое-то время он перезвонил и сказал, что на Даниеля Гюдесона ничего нет. Но зато есть копии документов на имя норвежского легионера Гюдбранна Юхансена. Из них следует, что в сорок четвертом Юхансена из СС перевели в вермахт. И на копиях написано, что оригиналы летом сорок четвертого отослали в Осло, и это, по словам берлинского архивариуса, означает, что Юхансена перевели именно туда. Еще осталась переписка с врачом, выписавшим Юхансена из госпиталя. В Вене».

Харри нашел в темноте единственное в комнате кресло и сел.

«Врача звали Кристофер Брокхард. Он работал в госпитале Рудольфа II. Я справился в венской полиции: этот госпиталь действует до сих пор. Мне даже дали штук двадцать имен и телефонов тех людей, которые работали там в войну».

Уж кто-то, а немцы умеют вести архивы, подумал Харри.

«Я стал их обзванивать. Черт, как же паршиво я помню немецкий!»

В динамике затрещал смех.

«Я позвонил уже восьмерым, прежде чем нашел медсестру, которая помнит Гюдбранна Юхансена. Это женщина семидесяти пяти лет. Она сказала, что помнит его хорошо. Завтра я дам тебе ее адрес и телефон. А зовут ее Майер. Хелена Майер».

Потрескивающая тишина, гудок и щелчок — сообщение кончилось.

Во сне Харри видел Ракель, как она кладет ему голову на плечо, как она крепко его обнимает, как падают одна за другой тетрисные фигурки. Но в полночь его разбудил голос Синдре Фёуке. Харри показалось, что он увидел в темноте чей-то силуэт и услышал:

«Нужно найти Гюдбранна Юхансена».

Эпизод 84
Крепость Акерсхус, 13 мая 2000 года

Было полтретьего ночи, старик остановил машину возле товарного склада на набережной Акерсхус. Когда-то эта улица была одной из транспортных артерий Осло, но после открытия тоннеля «Фьеллиньен» движение здесь стало односторонним. Теперь в дневное время по ней ездили только те, кто работал в порту, а вечером здесь можно было встретить только проституток и их клиентов, которые искали укромный уголок. От залива улицу отделяли только складские постройки, с другой стороны был западный фасад крепости Акерсхус. Но, конечно, если бы кто-нибудь, стоя на Акер-Брюгге, смотрел в мощную подзорную трубу, он наверняка бы увидел то же самое, что и старик: мужскую спину в сером плаще — плащ дергался в такт движениям бедер мужчины — и сильно накрашенное и очень сильно пьяное лицо женщины — ее голова ритмично билась о каменную кладку. По обеим сторонам от парочки били прожектора, освещавшие стену и бойницы.

Акерсхус, бывшая тюрьма для военнопленных. Ночью она закрыта, и хотя он знал, как пробраться внутрь, риск слишком велик. Внутри, на месте казни, была мемориальная доска погибшим бойцам норвежского Сопротивления, но никому не известно, скольких здесь расстреляли в войну. Старик знал, что по крайней мере один из них был обычным предателем и заслужил наказание, с какой стороны на это ни взглянуть. И здесь же расстреляли Видкуна Квислинга и других, кого после войны приговорили к смерти. Квислинг сидел в Арсенальной башне. Старик часто думал, не в честь ли этого назвали книгу, где рассказывается о видах казни разных времен. Не было ли описание расстрела срисовано с казни Видкуна Квислинга? В тот октябрьский день предателя привели сюда, чтобы изрешетить его тело пулями. Наверное, ему, как и в книге, надели капюшон на голову и прикололи на грудь белый лоскут, чтобы легче было целиться. Выкрикнули четыре слова-приказа, послышались выстрелы. И опытные стрелки сработали так плохо, что врач, прослушав осужденного, сказал, что казнь нужно повторить. И ее повторили четыре или пять раз, пока тот не умер от потери крови, которая вытекла из его многочисленных мелких ран.

Старик вырезал описание казни из книги.

Мужчина в плаще управился наконец и пошел к своей машине. Проститутка осталась стоять у стены со спущенной юбкой. Потом закурила. Когда она затягивалась, сигарета вспыхивала в темноте. Старик ждал. Но вот проститутка бросила окурок на землю, раздавила его и пошла по грязной дорожке вокруг крепости — обратно в «контору» рядом с Банком Норвегии.

Старик поглядел на заднее сиденье. Женщина с кляпом во рту смотрела на него теми же испуганными глазами, как всякий раз, когда она приходила в себя. Кляп во рту задвигался.

— Не бойся, Сигне, — сказал старик.

Он наклонился к ней и приколол что-то ей на платье. Она хотела посмотреть, что это, но он не дал ей этого сделать.

— Пройдемся? — сказал старик. — Как раньше.

Он вышел из автомобиля, открыл заднюю дверь, вытащил Сигне и поставил ее перед собой. Она споткнулась и упала на колени в траву у обочины. Но, дернув за веревку, которой были связаны ее руки, старик снова поставил Сигне на ноги. Он поставил ее прямо перед прожектором, и свет бил ей в глаза.

— Стой спокойно, — сказал старик. — Забыл,

как называется вино… «Рибейрос», красное, помнишь? Стой спокойно, иначе…

Свет слепил ее, и старику пришлось поднести ей нож к самому лицу, чтобы она его увидела. И, несмотря на яркий свет, ее зрачки были такими огромными, что глаза казались почти черными. Старик отошел к машине и посмотрел вокруг. Ни души. Он прислушался: ничего, только ровный городской шум. Старик открыл багажник, отодвинул мешок для мусора в сторону. Труп собаки уже начал коченеть. Вот блеснула матовой сталью винтовка. Старик взял ее, сел в водительское кресло и наполовину опустил стекло. Подняв глаза, старик увидел, как на золотистой стене средневековой крепости пляшет гигантская тень Сигне. Эту тень, наверное, видно из соседнего района. Замечательно.

Старик повернул стартер, заработал мотор. Он в последний раз осмотрелся и прицелился. До Сигне было меньше пятидесяти метров, и весь прицел занимало ее пальто. Старик прицелился чуть правее и увидел в черном перекрестье то, что искал, — клочок белой бумаги. Выдохнув, старик положил палец на курок.

— До встречи, — прошептал он.

Часть восьмая
Откровение

Эпизод 85
Вена, 14 мая 2000 года

Харри сел в самолет «Тирольских авиалиний». Секунды три он просто отдыхал, ощущая под шеей и руками прохладу кожаного сиденья. Потом снова погрузился в размышления.

Внизу зелено-желтым лоскутным одеялом лежала земля. Гноящейся раной блестел Дунай. Стюардесса только что сообщила, что они приземляются в Швехате, и Харри пристегнул ремень.

Полеты никогда не воодушевляли Харри, а в последние годы он вообще боялся летать. Как-то Эллен спросила, чего он боится. «Того, что эта дура рухнет и я разобьюсь, чего же еще?» — ответил ей Харри. Тогда Эллен сказала, что вероятность разбиться в каком-то отдельном полете составляет одну тридцатимиллионную. Харри поблагодарил ее за информацию и сказал, что больше не боится.

Харри глубоко дышал, прислушиваясь к звуку моторов. Почему страх смерти с годами растет? Разве не должно быть наоборот? Сигне Юль было 79 лет, а на лице у нее был безумный ужас. Ее

нашел один из охранников крепости Акерсхус. Дежурному позвонил какой-то страдающий бессонницей миллионер с Акер-Брюгге, сообщил, что один из прожекторов у южной стены вышел из строя, и туда немедленно послали одного из молодых охранников. Два часа назад Харри заслушивал его показания: тот рассказал, что, подходя к прожектору, увидел на нем тело женщины. Сначала он принял ее за наркоманку, но, подойдя ближе и разглядев седые волосы и старомодную одежду, понял, что перед ним старушка. Охранник подумал было, что с ней случился приступ, пока не увидел, что руки у нее за спиной связаны. И только потом он заметил в пальто огромное отверстие.

— У нее хребет был перебит, — рассказывал охранник Харри. — Черт возьми, я видел это своими глазами!

Потом он рассказал, что отошел к стене, оперся на нее рукой, что его вырвало, что потом приехала полиция, и труп убрали, и только когда свет из прожектора вновь осветил стену, он понял, что испачкал руку чем-то склизким. И предъявил руку Харри, будто вещественное доказательство.

Приехала следственная группа, и Вебер подошел к Харри, который стоял, сонными глазами

глядя на Сигне Юль, и сказал, что тут судья не Бог, а кое-кто этажом пониже.

Единственный свидетель, сторож, обходивший складские постройки, сказал, что без четверти три видел машину, которая ехала по набережной Акерсхус на восток. Но дальний свет фар ослепил его, и сторож не различил ни марки, ни цвета машины.

Кажется, пилот прибавил скорости. Харри подумал, что, наверное, нужно срочно набрать высоту, потому что пилот увидел прямо перед собою Альпы. Тут самолет вдруг будто потерял опору под крыльями, Харри почувствовал, как внутри все переворачивается, и непроизвольно застонал — а самолет снова взмыл вверх. Первый пилот по громкой связи на английском и немецком сказал что-то насчет турбулентности.

Эуне говорил, если бы у человека не было чувства страха, он бы не прожил и дня. Вцепившись в подлокотники, Харри пытался утешить себя этой мыслью.

Кстати, именно из-за Эуне Харри решился лететь в Вену самолетом. Когда Харри сообщил ему все факты, Эуне сказал, что нельзя терять ни минуты.

— Если мы имеем дело с серийным убийцей, он

может выйти из-под контроля, — сказал Эуне. — Это не сексуальный маньяк, который, удовлетворяя свои желания, раз от разу все больше возбуждается. Очевидно, что у этого убийцы нет сексуальных мотивов, в его больной голове есть какой-то план, который он должен выполнить. Пока он действовал осторожно и рационально. Убийства идут одно за другим, и убийца пытается придать им символичный характер — как это убийство-казнь у крепости Акерсхус. Все это указывает на то, что убийца либо считает себя непобедимым, либо скоро его хватка ослабнет. Возможно, у него начнется психоз.

— А возможно, он по-прежнему себя вполне контролирует, — заметил Халворсен. — До сих пор у него не было промахов. Мы все еще не знаем, кого искать.

Да, это правда, черт возьми, Халворсен. Они не знают, кого искать!

Мускен нашел что ответить. Когда Халворсен после очередного отчета полицейских, карауливших квартиру Мускена, позвонил ему в Драммен, тот взял трубку. И сказал, что когда в пол-одиннадцатого ипподром в Бьерке закрыли, он отправился в Драммен и приехал туда в полдвенадцатого. Но как проверить, правда ли это?

А если он приехал туда в полчетвертого ночи? Тогда он мог убить Сигне Юль.

Без особой надежды Харри велел Халворсену расспросить соседей Мускена, не видел или не слышал кто-нибудь, как тот приезжал. Еще Харри попросил Мёллера поговорить с прокурором, чтобы им разрешили провести обыск в обеих квартирах Мускена. Харри и сам знал, что их аргументация сильно хромает, поэтому не удивился, когда прокурор сказал, что, прежде чем дать «зеленый свет», ему нужно увидеть что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее доказательство.

Они не знают, кого искать. Самое время для паники.

Харри закрыл глаза. Но перед ними по-прежнему стояло лицо Эвена Юля. Серое, непроницаемое. Тогда, на Ирисвейен, он сгорбившись сидел в кресле и держал в руке поводок.

Шасси коснулось асфальта, Харри понял, что снова оказался среди тридцати миллионов счастливчиков.

Полицейский, которого начальник венской полиции любезно предоставил Харри в качестве шофера, гида и переводчика, стоял в зале ожидания. На нем был черный костюм и темные очки, а в руках он держал лист бумаги формата А4 с

жирными буквами: «М-р ХОЛЕ».

Полицейский представился как «Фриц» (вот ведь имечко, подумал Харри) и провел гостя к синей «БМВ». Через несколько секунд они уже мчались по шоссе к центру, мимо дымящих заводских труб и вежливых автомобилистов, прижимавшихся к обочине, когда Фриц их обгонял.

— Жить будешь в шпионском отеле, — сказал Фриц.

— Шпионском?

— Да, в старом, добром «Империале». В «холодную войну» туда частенько наведывались и русские, и западные агенты. У вашего начальника полиции, должно быть, много денег.

Они выехали на улицу Кернтнер-ринг.

— Посмотри направо, — показал рукой Фриц. — Над крышами домов ты видишь колокольню собора Святого Стефана. Красиво, правда? А вот и отель. Ты регистрируйся, а я тут подожду.

Дежурный администратор в «Империале» улыбнулся, увидев, как Харри с удивлением рассматривает приемную.

— Мы потратили сорок миллионов шиллингов, чтобы все здесь стало как до войны. В сорок четвертом отель был почти разрушен бомбарди-

ровками. Несколько лет назад он был в ужасном состоянии.

Когда Харри вышел из лифта и пошел по коридору третьего этажа, ему казалось, что он ступает по моховому болоту — так пружинил под ногой толстый и мягкий ковер. Комната, куда его поселили, была не слишком большой, но в ней имелась кровать с балдахином, судя по виду, лет ей было не меньше ста. Когда Харри открыл окно, до него донесся запах сдобы из кондитерской напротив.

— Хелена Майер живет на Лацаретгассе, — сообщил Фриц, когда Харри вернулся в машину, и посигналил другому водителю, который перестроился в другую полосу, не включив поворотник. — Она вдова, у нее двое взрослых детей. После войны работала учительницей, потом вышла на пенсию.

— Ты с ней разговаривал?

— Нет, читал ее досье.

Нужный им дом на улице Лацаретгассе когда-то, вероятно, был изысканным. Но сейчас со стен осыпалась штукатурка, а эхо шагов на лестнице смешивалось со звуками капающей воды.

На четвертом этаже у порога своей квартиры гостей встречала Хелена Майер. У нее были жи-

вые карие глаза и радушная улыбка. Хозяйка извинилась за ужасное состояние лестницы и повела гостей в квартиру.

Внутри все было заставлено мебелью и разными безделушками, которых за долгую жизнь у людей накапливается немало.

— Присаживайтесь, — сказала хозяйка. — Я буду говорить по-немецки, но вы можете говорить по-английски — я понимаю, — добавила она, обращаясь к Харри.

Потом она принесла из кухни поднос с кофе и сдобой:

— Штрудель, угощайтесь.

— С удовольствием, — сказал Фриц, двигаясь поближе к столу.

— Значит, вы говорите, что знали Гюдбранна Юхансена? — спросил Харри.

— Да, конечно. То есть мы звали его Урией — он просил, чтобы его называли так. Сначала мы думали, что он немножко того из-за ранения.

— Какого ранения?

— В голову. И, конечно, в ногу. Доктор Брокхард даже хотел ее ампутировать.

— Но ведь летом сорок четвертого он выздоровел и его направили в Осло?

— Да, предполагалось, что так и будет.

— Как это — предполагалось?

— Он пропал. И в Осло, по-моему, не появился, так ведь?

— Насколько нам известно, не появился. Скажите, а как хорошо вы знали Гюдбранна Юхансена?

— Достаточно хорошо. Он был веселым парнем и умел рассказывать истории. Думаю, все наши медсестры были от него без ума.

— И вы?

Хелена Майер звонко рассмеялась:

— И я. Но я ему не нравилась.

— Почему?

— Нет, я тогда была очень красивой — но дело не в красоте. Урии нравилась другая женщина.

— Кто же?

— Ее тоже звали Хеленой.

— Хеленой? А полное имя?

Хозяйка наморщила лоб:

— Хелена Ланг, вот. Весь этот кошмар случился из-за их любви.

— Какой кошмар?

Старушка удивленно посмотрела на Харри, потом — на Фрица, потом — снова на Харри.

— Вы разве не из-за этого приехали? — спросила она. — Не из-за этого убийства?

Эпизод 86
Дворцовый парк, 14 мая 2000 года

Воскресенье, люди не спеша прогуливались, и старик вместе с ними шел по Дворцовому парку. Он остановился перед караульным помещением. Деревья были светло-зелеными, — его любимый цвет! Как все близко! Но высокий дуб посреди парка никогда не станет зеленее, чем сейчас. Разницу было видно уже теперь. Вскоре после того, как дерево очнулось от зимней спячки, живительный сок начал разливаться по стволу, наполняя ядом все артерии дерева. Сейчас яд уже дошел до каждого листика, и через пару недель они зачахнут, пожелтеют, опадут, и под конец — дерево умрет.

Они пока ничего не знают. Ничего. Изначально Бернт Браннхёуг в его план не входил. Старик понимал, что это убийство сбило полицию с толку. Интервью Браннхёуга оказалось просто забавным совпадением. Старик смеялся, когда читал его. Господи, он даже был согласен с Браннхёугом — проигравших нужно ставить к стенке, это закон войны.

А как же другие следы, которые он им оставил? Неужели даже казнь у крепости Акерсхус они не смогли связать с великим предательством? Неужели, чтоб они поняли, надо, чтобы в следующий раз выстрелила пушка на крепостном валу?

Старик прислонился к дереву. Береза. Как у Нурдала Грига, когда он пишет о том, как правительство и король бегут в Англию. «А над ними бомбовозы вражьи». От этого стихотворения старика тошнило. В нем предательский поступок короля изображался как благородное отступление, будто покинуть свой народ в тяжелый момент — благородно. А в Лондоне, в полной безопасности, король, как и все эти «их величества в изгнании», занимался только тем, что на званых обедах вел светские разговоры с дамочками и рассказывал, как он надеется однажды вернуться в свое маленькое королевство. А когда все было кончено и Норвегия встречала корабль, на котором возвращался наследник, люди на пристани кричали до сипоты, пытаясь перекричать позор, свой и своего короля. Старик закрыл глаза, не в силах смотреть на солнце.

Крик командира, чеканный шаг, стук прикладов о гравий. Смена караула.

Эпизод 87
Вена, 14 мая 2000 года

— Так вы не знали? — спросила Хелена Майер.

Она покачала головой, и Фриц достал телефон, чтобы позвонить в полицейский архив.

— Мы разберемся с этим убийством, — шепотом сказал он. Харри не сомневался.

— Значит, полиция решила, что Гюдбранн Юхансен убил собственного врача? — спросил Харри хозяйку.

— Да. Кристофер Брокхард жил один в одной из квартир при больнице. Полиция сказала, что Юхансен разбил стекло входной двери и убил Брокхарда, когда тот спал.

— И как…

Госпожа Майер картинно провела пальцем по горлу.

— Я сама это потом видела, — сказала она. — Можно было подумать, что это дело рук хирурга — до того точно рассечено.

— Хм. А почему полиция решила, что виноват Юхансен?

Старушка рассмеялась:

— Сейчас расскажу. Юхансен спрашивал у вахтера, в какой квартире живет Брокхард, и сторож той ночью видел, как у ворот остановилась машина, Юхансен вышел из нее и вошел в здание. Потом он выбежал из дома, запрыгнул в машину и уехал в сторону Вены. На следующий день его нигде не было, никто не знал, где он. Знали только, что был приказ о переводе его в Осло через три дня. Там он должен был служить в полиции. Но там он так и не появился.

— А не помните, кроме свидетельства вахтера, у полиции были доказательства?

— Еще бы не помню! Сколько лет мы вспоминали это убийство! Кровь на стекле была его группы. Потом, полиция нашла в спальне Брокхарда те же отпечатки пальцев, что и на ночном столике и больничной кровати Урии. К тому же был ясен мотив преступления…

— Даже так?

— Да. Гюдбранн с Хеленой любили друг друга. Но она должна была достаться Кристоферу.

— Они были обручены?

— Нет, нет. Но Кристофер с ума сходил по Хелене — это все знали. Хелена была из богатой семьи, — они разорились, когда ее отца посадили в тюрьму, и выгодное замужество помогло

бы Хелене и ее матери поправить дела. Да вы же знаете: у всякой девушки есть перед семьей определенные обязательства. Во всяком случае, у Хелены были.

— Вы не знаете, Хелена Ланг еще жива?

— Пожалуйста, попробуйте штрудель, — оборвала его старушка.

Харри откусил большой кусок, прожевал его и одобрительно кивнул хозяйке.

— Не знаю, — ответила госпожа Майер. — Когда узнали, что в ночь убийства она была с Юхансеном, на нее тоже завели дело, но ничего не нашли. Она уволилась из госпиталя, переехала в Вену, открыла там ателье и шила одежду. Да, она была сильной и деятельной женщиной. Иногда мы с ней встречались на улице. Но где-то в середине пятидесятых она продала ателье, и после я о ней ничего не слышала. Говорят, она уехала за границу. Но я знаю, кого вам надо спросить. Если, конечно, она еще жива. Беатрису Хофман — она была служанкой у Лангов. После того убийства Лангам пришлось ее уволить, некоторое время она работала в нашем госпитале.

Фриц снова достал телефон.

В оконное стекло с отчаянным жужжанием билась муха. Ее микроскопический разум, не спо-

собный объять большего, заставлял ее без конца колотиться о стекло.

— А штрудель?..

— В другой раз, госпожа Майер, сейчас у нас мало времени.

— Почем у? — удивилась хозяйка. — Это все произошло полвека назад и никуда от вас не убежит.

— Ну… — Харри посмотрел на черную муху за кружевными занавесками.

По дороге в участок Фрицу позвонили, и он тут же развернул автомобиль и поехал обратно. Такое нарушение правил вызвало негодование окружающих водителей.

— Беатриса Хофман еще жива, — сказал Фриц, поддавая газу на перекрестке. — Она сейчас в доме престарелых по Мауэрбахштрассе. Это в Венском лесу.

Двигатель «БМВ» радостно взвизгнул. За окном кирпичные дома сменились фахверковыми, те — старыми трактирами и — лиственным лесом. Лучи заходящего солнца играли в листве буков и каштанов, создавая ощущение сказки.

Сиделка повела их по большому парку.

Беатриса Хофман сидела на скамейке под могучим узловатым дубом. Под огромной соломенной

шляпой виднелось маленькое, сморщенное лицо. Фриц обратился к ней по-немецки и объяснил, зачем они пришли. Старуха кивнула и улыбнулась.

— Мне девяносто лет, — дрожащим голосом сказала она. — И все равно, когда я вспоминаю о фройляйн Хелене, слезы на глаза наворачиваются.

— Она живет? — Харри не говорил по-немецки со школы. — Знаете вы, где она есть?

— Что он говорит? — спросила Беатриса, поднося к уху руку.

Фриц объяснил ей.

— Да, — сказала она. — Я знаю, где Хелена. Она — там, наверху.

Старуха указала пальцем на крону дерева.

Вот он, подумал Харри. Маразм. Но старуха еще не закончила:

— У Святого Петра. Ланги были добрыми католиками, но из них всех Хелена была просто ангелом. Я как вспомню, — как говорится, слезы на глаза наворачиваются.

— Вы помните Гюдбранна Юхансена? — спросил Харри.

— Урию. Я видела его только один раз, — ответила Беатриса. — Красивый и очень милый молодой

человек. Жалко, что больной. Кто бы мог подумать, что такой вежливый и добрый мальчик может убить? Они с Хеленой слишком любили друг друга. Бедная, она так и не нашла его. И полиция его не нашла. И хотя Хелену ни в чем не обвиняли, Андре Брокхард сделал все, чтоб ее выгнали из больницы. Она переехала в город и стала работать у архиепископа, — бесплатно помогать ему. Но потом семье понадобились деньги, и она начала свое дело. Открыла швейную мастерскую. Через два года у нее уже работало четырнадцать швей. Ее отец вышел из тюрьмы, но работу найти не смог — из-за того скандала с евреями-банкирами. Фрау Ланг тяжелее всех переживала за семью. Она болела, долго, и в пятьдесят третьем умерла. В том же году, осенью, герр Ланг разбился на машине. В пятьдесят пятом Хелена продала свою мастерскую и, ни слова никому не сказав, уехала за границу. Я запомнила, это было пятнадцатого мая, в День освобождения.

Заметив на лице Харри удивление, Фриц объяснил:

— В Австрии все несколько иначе. У нас празднуют не день гитлеровской капитуляции, а вывод из страны войск союзников.

Беатриса рассказывала, как ей стало известно о

смерти Хелены Ланг:

— Двадцать лет — даже больше — мы от нее весточки не получали. И тут приходит мне письмо из Парижа. Она писала, что отдыхает там с мужем и дочкой. Я так поняла, это была ее последняя поездка. Она не писала ни о том, где живет, ни о том, за кого вышла замуж, ни о том, чем болеет. Писала только, что недолго ей осталось. Да просила свечку за нее поставить в соборе Святого Стефана. Она была не такой, как все, наша Хелена. Было ей семь лет, когда она зашла ко мне на кухню, посмотрела на меня серьезными глазами и сказала, что Бог создал человека для любви.

По морщинистой щеке сбежала слеза.

— Никогда этого не забуду. Семь лет. Думаю, она уже тогда решила, как проживет жизнь. И хотя жизнь оказалась вовсе не такой, какой она думала, и трудностей всяких на ее долю выпало немало, я уверена — всю свою жизнь она свято верила, что Бог создал человека для любви. Вот какая она была.

— У вас осталось это письмо?

Беатриса утерла слезу и кивнула.

— У меня в комнате. Дайте мне еще немного посидеть, повспоминать, и пойдем. Кстати, ночью сегодня будет жарко.

Они сидели и молча слушали шепот ветра в кронах деревьев и песни птиц солнцу, которое садилось за гору Софиенальпе. Каждый думал об умерших близких ему людях. В лучах света под деревьями мельтешила мошкара. Харри заметил птичку — он готов был поспорить на что угодно, что это мухоловка: он видел ее на картинке в определителе. Ему вспомнилась Эллен.

— Пойдемте, — сказала Беатриса.

Ее комната была маленькой и простенькой, зато светлой и уютной. Над кроватью висело множество фотографий. Беатриса выдвинула ящик из комода и начала рыться в бумагах.

— У меня тут все по порядку лежит, я сейчас найду, — сказала она. Разумеется, подумал Харри.

Тут он увидел фотографию в серебряной рамке.

— Вот это письмо, — сказала Беатриса.

Харри не отвечал. Он смотрел на фотографию и не отвечал, пока не услышал голос Беатрисы прямо за спиной.

— Хелена на этой фотокарточке — медсестра в госпитале. Она была красавица, правда?

— Правда, — откликнулся Харри. — Кажется, я где-то ее видел.

— Еще бы, — ответила Беатриса. — Вот уже две

тысячи лет ее рисуют на иконах.

Ночь и вправду выдалась жаркой. Жаркой и душной. Харри ворочался в кровати, сбросил на пол одеяло, скомкал простыню, но все никак не мог уснуть — донимали мысли. В какое-то мгновение он захотел выпить, но вспомнил, что ключ от мини-бара он отцепил и оставил внизу, у администратора. Он услышал голоса в коридоре, кто-то взялся за ручку двери. Харри повернулся в кровати. Никто не вошел. Теперь голоса были внутри. Харри почувствовал горячее дыхание на своей коже. Услышал треск рвущейся материи. Но, открыв глаза и увидев вспышки света, понял, что это молния.

Гром ударил снова, он гремел, будто далекие взрывы — то в одной части города, то в другой. Харри опять заснул. Он целовал ее, снимал с нее ночную сорочку, чувствовал ее белую кожу — потную, дрожащую от холода и страха. Он обнимал ее, долго, долго, пока она не согрелась и не расцвела в его объятиях, как цветок, который снимали на камеру всю весну, а потом прокрутили пленку за несколько секунд.

Харри продолжал целовать ее, ее шею, ее руки, живот. Не жадно, не похотливо, но осторожно, утешающе-нежно, как будто боясь, что в любой

момент ему придется уйти. И когда она, поколебавшись, последовала за ним, решив, что там безопаснее, он отправился дальше, пока они не пришли к тому месту, которого не знал он сам. И когда он обернулся, было слишком поздно. Она бросилась в его объятия, проклиная его, и умоляя его, и разрывая его на части своими сильными руками.

Харри проснулся от звука собственного дыхания, перевернулся на другой бок — точно ли он один в постели. Потом все снова погрузилось в водоворот мрака, грома и снов. Харри проснулся посреди ночи — в окно барабанил дождь. Он подошел к окну и посмотрел вниз. По улицам бежала вода, чья-то бездомная шляпа плыла по течению.

Наконец его разбудил телефонный звонок. Было утро. Улицы уже успели высохнуть.

Харри посмотрел на часы на ночном столике. До самолета Вена — Осло оставалось два часа.

Эпизод 88
Улица Тересес-гате, 15 мая 2000 года

Желтые стены кабинета доктора Столе Эуне были сплошь увешаны картинами Эукруста и полками с литературой по психологии.

— Присаживайтесь, Харри, — сказал доктор Эуне. — Хотите — в кресло, хотите — на диван.

Стандартная формула для того, чтобы начать разговор, и Харри в ответ слегка улыбался уголком рта, будто говоря: «Забавно, но мы это уже слышали». Когда Харри звонил из аэропорта в Гардермуене, Эуне ответил, что, конечно, с радостью примет его, но коротко, потому что сегодня ему предстоит открывать в Хамаре семинар психологов.

— Тема: «Проблемы диагностики алкоголизма», — сказал Эуне. — Ваше имя названо не будет.

— Поэтому вы так прифрантились? — спросил Харри.

— Одежда может сказать о нас больше, чем все остальное. — Эуне провел рукой по лацкану пиджака. — Твидовая одежда говорит о муже-

ственности и уверенности в себе.

— А галстук-бабочка? — поинтересовался Харри, вытаскивая блокнот и ручку.

— Дерзость ума. Серьезность с налетом самоиронии, если вам так угодно. Больше, чем нужно, чтобы понравиться руководству и подчиненным.

Эуне сложил руки на животе и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

— Лучше расскажите мне про раздвоение личности, — сказал Харри. — Про шизофрению.

Эуне недовольно скривился:

— За пять минут?

— Значит, расскажите самое важное.

— Ну, во-первых, вы назвали раздвоение личности шизофренией — это общее укоренившееся заблуждение. Слово «шизофрения» обозначает целый ряд различных душевных расстройств и не имеет ничего общего с раздвоением личности. Конечно, само слово «схизис» по-гречески означает «расщепление», но доктор Эйген Блейлер[52] имел в виду расщепление психических процессов мозга. И если…

Харри показал на часы.

---

[52] Примечания: 52

Блейлер Эйген (1857–1939) — швейцарский психиатр, в своей работе ввел термин «шизофрения». (*Прим. перев.*)

— Понимаю, — сказал Эуне. — Раздвоение личности, о котором вы говорите, иначе называется СРЛ — синдром расщепления личности. То есть в одном человеке сосуществуют две личности, и проявляются они поочередно. Как в истории о докторе Джекиле и мистере Хайде.

— Значит, сосуществуют?

— Да. Но это бывает редко, гораздо реже, чем в голливудских фильмах. За двадцать лет, что работаю психологом, мне ни разу не посчастливилось наблюдать случай СРЛ. Но все равно я имею о них кое-какое представление.

— И что же это такое?

— СРЛ практически всегда бывает связано с потерей памяти. То есть одна личность больного может проснуться с утра с похмельем, не подозревая о том, что другая личность вчера вечером напилась. И вообще, первая личность может быть трезвенником, а вторая — алкоголиком.

— Ну не в буквальном смысле?

— В самом буквальном.

— Но ведь алкоголизм — это физическое заболевание.

— Да, и именно это в СРЛ самое призамечательное. Я читал об одном пациенте с СРЛ, одна личность которого была заядлым курильщиком,

а другая сигареты в рот не брала. И когда просыпалась его первая личность, кровяное давление становилось на двадцать процентов выше. А о женщинах с СРЛ я читал, что у них чаще происходят менструации, поскольку у каждой личности свой цикл.

— Выходит, такие люди меняют свое состояние физически?

— В какой-то мере — да. История о Джекиле и Хайде недалека от истины, и в нее можно было бы даже поверить. Доктор Ошерсон описывает случай, когда одна личность человека была гетеросексуальна, а другая — гомосексуальна.

— У этих личностей могут быть разные голоса?

— Да, именно по различиям в голосе легче всего определить, когда происходит смена личности.

— А голоса могут разниться настолько, что даже человек, хорошо знакомый с больным, не узнает его другого голоса? Например, по телефону.

— Да, если этот знакомый не знает о другой личности. А если он плохо знаком с больным, то может не узнать его, даже находясь с ним в одной комнате — настолько меняются мимика и жесты.

— Вы допускаете, что родственники больного могут не знать о расщеплении личности?

— Допускаю. Частота, с которой меняются личности, индивидуальна. А некоторые к тому же могут сами управлять этой сменой.

— Но в таком случае эти личности должны знать о существовании друг друга?

— Да. И в этом нет ничего необычного. И, как и в романе о Джекиле и Хайде, между этими личностями может идти отчаянная борьба, потому что у них разные цели, разные представления о морали, различное отношение к одним и тем же людям и так далее.

— И человек начинает писать чужим почерком, верно?

— Почему чужим? Харри, скажите, на протяжении дня вы — один и тот же? Нет. Когда вы возвращаетесь домой с работы, в вас происходит масса незаметных перемен: в голосе, жестах и прочем. Странно, что вы назвали почерк. У меня есть книга — как-нибудь дам вам ее полистать, когда время будет, — в ней есть фотография письма, которое написал пациент с расщеплением личности. У него было семнадцать различных почерков.

Харри занес некоторые опорные слова в блокнот.

— Разные менструальные циклы, разные почер-

ки — любопытная болезнь, — пробормотал он.

— Вот видите, Харри. Надеюсь, что чем-то вам помог, а сейчас мне нужно бежать.

Эуне вызвал такси, и они с Харри вместе вышли на улицу. Эуне спросил, какие у Харри планы на семнадцатое мая.

— Мы с женой хотим с утра пригласить друзей, — объяснил доктор. — Будем очень рады, если вы придете.

— Спасибо, конечно, но неонацисты собираются «разобраться» с мусульманами, которые семнадцатого будут справлять ид, и меня назначили руководить охраной мечети в Грёнланне, — ответил Харри, одновременно обрадованный и смущенный таким неожиданным приглашением. — Нас всегда запрягают в праздники.

— Ну, вы могли бы зайти к нам совсем ненадолго. У других наших гостей ведь тоже какие-то планы на завтрашний день.

— Спасибо. Я постараюсь и, если смогу, позвоню вам. А кто ваши друзья?

Эуне еще раз поправил галстук.

— Вроде вас, — ответил он. — Но у жены есть и приличные знакомые.

В эту секунду подъехало такси. Харри открыл доктору дверь, Эуне забрался внутрь, но перед

тем, как он уехал, Харри вдруг спросил:

— А отчего у человека появляется СРЛ?

Эуне внимательно посмотрел на Харри:

— Зачем это вам?

— Точно не знаю. Но это может быть важно.

— Хорошо. У большей части больных СРЛ в детстве имела место травмирующая ситуация. Но душевную травму они могли получить и позже. Люди создают себе иную личность, чтобы уйти от проблем.

— О каких душевных травмах можно говорить, если речь идет о взрослом человеке?

— Ну, подумайте. Возможно, он пережил природный катаклизм, потерял любимого, подвергся насилию или долго жил в страхе.

— Как, например, солдат на войне?

— Да, такая травма вполне может быть у солдат.

— Или у партизан.

Последнюю фразу Харри сказал сам себе, потому что такси с доктором Эуне уже уехало.

— В «Скотсман», — сказал Халворсен.

— Ты собираешься провести семнадцатое мая в пабе «Скотсман»? — Харри сделал недовольное лицо и поставил сумку за вешалкой.

Халворсен пожал плечами:

— А есть другие предложения?

— Ну, если обязательно должен быть паб, выбрал бы что-нибудь поприличнее. Или тоже вариант: попроси начальство, чтобы тебя записали на дежурство. Приличная надбавка за работу в праздник, и никакого похмелья.

— Я над этим подумаю.

Харри плюхнулся в кресло.

— Когда ты его починишь? Оно так ужасно скрипит.

— Его невозможно починить, — проворчал Харри.

— Пардон. Как там с Веной?

— Сейчас. Сначала расскажи, как у тебя?

— Я проверял, есть ли у Эвена Юля алиби. Он утверждает, что в день исчезновения жены был в городе, сидел в кафе на Уллеволсвейен, но не встречал никого из знакомых, кто бы мог подтвердить это. В кафе мне сказали, что у них слишком много посетителей, чтобы запоминать их в лицо.

— Кафе находится через дорогу от «Шрёдера», — заметил Харри.

— И что с того?

— Так, к сведению. А что Вебер?

— У них ничего. Вебер говорит, что если Сигне

Юль привезли к крепости в машине, которую видел сторож, то у нее на одежде должны быть волокна ткани с заднего сиденья, либо земля или масло, если ее везли в багажнике. В общем, что-то должно быть.

— В том автомобиле были подстелены мешки для мусора, — сказал Харри.

— Вебер говорит то же самое.

— Помнишь, у нее на платье были сухие травинки?

— А как же. *Возможно* — из конюшни Мускена. Или откуда-нибудь еще. Таких мест — миллион.

— Это не просто травинки. Это сено.

— Какая разница, что это может быть, Харри? Сено — та же сухая трава. Не стоит ворошить.

— Черт, — буркнул Харри и посмотрел в окно.

— Так что там с Веной?

— Пустое, тоже не стоит ворошить… Халворсен, ты умеешь варить кофе?

— Чего?

— Эллен любила сама варить кофе. Она покупала его где-то здесь, в Грёнланне. Может…

— Нет! — ответил Халворсен. — Я не собираюсь варить для тебя кофе.

— Попробуй. — Харри встал. — Скоро буду. Через пару часиков.

— Это все, что ты хотел мне рассказать о Вене? Не стоит ворошить?

Харри покачал головой:

— Увы, тут тоже тупик. Привыкай.

Что-то изменилось. Харри шел по Грёнланслейру, пытаясь понять, что же именно. Какая-то перемена произошла в людях за тот день, что он был в Вене. Дойдя до Карл-Юханс-гате, Харри наконец понял, *что* изменилось. Наступило лето. Впервые в этом году Харри чувствовал запах асфальта, цветов в цветочном магазине в Гренсене. А дойдя до Дворцового парка, он почувствовал запах скошенной травы — настолько сильный, что не мог не улыбнуться. Мужчина и девушка в рабочей одежде о чем-то оживленно беседовали, качая головами и глядя на кроны. Девушка сняла куртку и повязала ее вокруг талии, и Харри заметил, что, когда она смотрела вверх, мужчина украдкой поглядывал на ее облегающую футболку.

На Хегдехёугсвейен модные и не слишком модные магазины одежды делали последние отчаянные попытки нарядить горожан к семнадцатому мая. В киосках продавались галстуки и флаги, вдалеке слышались звуки старого егерского марша — шли последние репетиции. Назавтра

обещали тепло и ливневые дожди.

Харри взмок, пока наконец дошел до дома Синдре Фёуке.

Фёуке не слишком радовался по поводу Дня Конституции:

— Все это суета: флаги, флаги. Неудивительно, что Гитлер говорил о духовном родстве наших народов. Мы тоже националисты. Только признаться не хотим.

Он взял кофеварку.

— Гюдбранн Юхансен был в лазарете в Вене, — сказал Харри. — В ночь перед тем, как уехать в Норвегию, он убил врача. После его никто не видел.

— Ну вот. — Фёуке громко отхлебнул из чашки. — Так я и знал, что с этим парнем что-то не так.

— А что вы можете рассказать об Эвене Юле?

— Многое. Если нужно.

— Да. Нужно.

Фёуке поднял кустистую бровь.

— Холе, вы уверены, что сейчас идете по верному следу?

— Я вообще ни в чем не уверен.

Фёуке в задумчивости подул на кофе.

— Хорошо. Если это действительно необходи-

мо, хорошо. Наши с Юлем отношения во многом напоминали отношения Гюдбранна Юхансена и Даниеля Гюдесона. Я заменил Эвену отца. Он ведь сирота. (Харри застыл с чашкой в руке.) Немногие это знали — Эвен хорошо умеет притворяться. В его придуманном детстве столько людей, мест, событий и дат, сколько не в состоянии запомнить обычные дети. По официальной версии, он вырос в семье Юлей в семейном доме неподалеку от Грини. На деле же его детство прошло в разных приемных семьях и в детских домах по всей Норвегии, пока его в двенадцатилетнем возрасте не усыновили Юли.

— Откуда вам это известно, если вы говорите, что он всегда притворялся?

— Это интересная история. Как-то ночью мы с Юлем стояли в карауле у нашего штаба в лесу, к северу от Харестуа. В то время мы еще не были близкими друзьями, и я очень удивился, когда он ни с того ни с сего начал рассказывать, как плохо с ним обращались в детстве и как никто не хотел брать его к себе, а один эпизод вообще нельзя было слушать без слез. Некоторых людей, у которых он был, надо… — Фёуке поежился. — Давайте прогуляемся, — предложил он. — Я слыхал, сегодня на улице просто замечательная погода.

Они пошли вдоль Вибес-гате к Стенспаркену.

— Не знаю почему, но той ночью Эвен Юль казался совсем другим человеком, — сказал Фёуке. — Это было странно. Но страннее всего то, что на следующий день он притворялся, будто ничего не произошло. Будто он забыл, о чем мы с ним разговаривали.

— Вы говорите, что тогда еще не были с ним близкими друзьями. Но вы рассказывали ему о том, что видели на Восточном фронте?

— Да, конечно. Знаете, что мы делали в лесу? Убегали от немцев, потом подкрадывались к немцам, а в основном ждали. И рассказывали друг другу всякие байки.

— Вы часто рассказывали о Даниеле Гюдесоне?

Фёуке внимательно посмотрел на Харри:

— Значит, вы пришли к выводу, что Эвен Юль решил, что он Даниель Гюдесон?

— Пока это только предположение, — ответил Харри.

— Да, я часто рассказывал о Даниеле, — сказал Фёуке. — Даниель Гюдесон был вроде человека-легенды. Эдакий свободный, сильный и удачливый — такого нечасто встретишь. Эвену нравились истории о нем, он просил меня рассказывать их по нескольку раз. Особенно ту, про

русского, которого Даниель похоронил.

— Эвен знал, что Даниель бывал в Зеннхайме?

— Конечно. Эвен помнил все о Даниеле, до мелочей. Иногда, когда я сам забывал их, он мне подсказывал. Ну да, было похоже, что Эвену нравилось считать себя кем-то вроде Даниеля. Хотя я не могу представить себе двух более непохожих людей. Однажды Эвен, изрядно выпив, велел нам звать его Урией, совсем как Даниеля. И, если хотите знать, по-моему, он неслучайно положил глаз на Сигне Алсакер, когда увидел ее в суде.

— Что?

— Когда он узнал, что будут судить невесту Даниеля Гюдесона, он решил во что бы то ни стало прийти в суд. Он просидел в зале целый день — только чтоб увидеть ее. Будто решил во что бы то ни стало заполучить ее.

— Потому что она была девушкой Даниеля?

— Думаете, это важно? — Фёуке быстро зашагал в гору, Харри едва поспевал за ним.

— Очень.

— Не знаю, стоит ли мне это говорить, но лично мне кажется, что Эвен Юль больше любил миф о Даниеле Гюдесоне, чем о Сигне Юль. Уверен, восхищение Даниелем Гюдесоном стало основной причиной, почему он не вернулся после войны

к медицине, а стал изучать историю. Конечно, он специализировался на истории оккупации и «Норвежского легиона».

Они дошли до вершины холма, и Харри отер пот со лба. А Фёуке почти не задыхался.

— Эвен Юль так быстро сделал себе имя в историографии, потому что как боец Сопротивления оказался идеальным инструментом для переписывания военной истории Норвегии. В новой истории должно как можно меньше говориться о реальных масштабах коллаборационизма и как можно больше — о таком мелком явлении, как движение Сопротивления. Например, в книге Юля потоплению «Блюхера»[53] посвящено пять страниц, но нигде не говорится о том, что после войны за сотрудничество с немцами были осуждены почти сто тысяч норвежцев. И ведь это работает — люди до сих верят, что народ якобы сплотился тогда перед лицом нацизма.

— Вы об этом хотите написать, Фёуке?

— Я просто хочу рассказать правду. Эвен знал: то, что он пишет, если не ложь, то, по крайней мере, искажение правды. Он говорил, что это во имя цели сплочения нации. Единственное, что

---

[53] Примечания: 53

Немецкий крейсер «Блюхер» был потоплен английским флотом в Северном море во время Первой мировой войны.

ему не удалось представить в желаемом героическом свете, — это бегство короля. Эвен был не единственным среди сопротивленцев, кто в сороковом почувствовал себя обманутым, но ни в Сопротивлении, ни среди квислинговцев я никогда не встречал человека, который бы так яростно осуждал это бегство. Надо помнить, что всю жизнь Эвена предавали те, кого он любил, на кого надеялся. Думаю, в глубине души он ненавидел всех и каждого, кто тогда уехал в Лондон. На самом деле.

Они присели на скамейку, внизу был виден Фагерборг: церковь, крыши домов — а вдалеке лазурью блестел Осло-фьорд.

— Красиво, — сказал Фёуке. — Так красиво, что иногда кажется, за это и впрямь не жалко умереть.

Харри пытался связать все воедино, но ему не хватало одной маленькой детали.

— До войны Эвен начал изучать медицину в Германии. Вам известно, где именно?

— Нет, — ответил Фёуке.

— Может, он говорил, кем хотел стать?

— Да, он говорил, что мечтает пойти по стопам своего отчима и его отца.

— И кем же они были?

— Вы не знаете, кем были врачи Юли? Хирургами.

Эпизод 89
Грёнланслейр, 16 мая 2000 года

Бьярне Мёллер, Халворсен и Харри бок о бок шли по улице Мотцфельдтс-гате. Они были в самом сердце Маленького Карачи, пакистанского района, где и запахи, и одежда, да и сами люди столь же мало напоминали о Норвегии, как кебабы, которые купили полицейские, — о привычных жареных сосисках. По тротуару вприпрыжку бежал курносый паренек, одетый на пакистанский манер, но с праздничным бантом в честь 17 мая на куртке с золотым узором и с норвежским флагом в руках. Харри читал в газетах, что мусульмане решили устроить для детей празднование Дня Конституции шестнадцатого числа, чтобы весь следующий день посвятить Ид аль-Адхе.

— Ур-ра! — Мальчик белозубо улыбнулся полицейским и побежал дальше.

— Эвен Юль — это вам не кто-нибудь, — продолжил разговор Мёллер. — Он у нас, пожалуй, самый именитый историк, пишущий о войне. Если ваша версия подтвердится, будет скандал.

А уж если окажется, что мы ошибаемся… Что *ты* ошибаешься, Харри…

— Я всего лишь прошу разрешения заслушать его в присутствии психолога. И ордер на обыск его квартиры.

— А я всего лишь прошу хоть какое-нибудь мало-мальское основание для этого: улику или свидетеля, — кипятился Мёллер. — Юль — известная личность, и никто его и близко от места преступления не видел. Ни разу. Как, например, обстоят дела с твоим любимым заведением, откуда позвонили Эльсе Браннхёуг?

— Я показывал фотографию Эвена Юля женщине, которая там работает, — начал Халворсен.

— Майе, — вставил Харри.

— Она не помнит, чтобы когда-нибудь видела его, — закончил Халворсен.

— Я о чем и говорю! — вздохнул Мёллер, отирая соус с губ.

— Да, но я показал фотографию одному из посетителей, — продолжил Халворсен, бросив быстрый взгляд на Харри. — Там сидел пожилой человек в пальто — он кивнул и сказал: «Да, это он. Заберите его».

— В пальто, — задумчиво повторил Харри. — Это Могиканин. Конрад Оснес, в войну был на

флоте. Да, пожалуй, о нем еще можно сказать, что он человек… Но как свидетель, боюсь, он не слишком надежен. Но все равно. Юль говорит, что ходит в кафе напротив. Там телефона нет. Значит, если ему нужно было позвонить, он, конечно же, зашел бы в «Шрёдер».

Мёллер скривился и с подозрением посмотрел на кебаб, от которого только что откусил кусочек. К этому произведению кулинарного искусства у него изначально душа не лежала.

— Харри, ты действительно веришь во все эти рассказы о раздвоении личности?

— Я понимаю, шеф, это звучит неправдоподобно, но Эуне говорит, такое возможно. А он хочет нам помочь.

— И ты веришь, что Эуне сможет загипнотизировать Юля, вызвать личность Даниеля Гюдесона и выбить у нее признание?

— Вовсе не обязательно, что Эвен Юль знает, что сделал Даниель Гюдесон, а поэтому поговорить с ним просто необходимо, — сказал Харри. — Эуне говорит, что люди с расщеплением личности сильно подвержены гипнозу, поскольку сами себя все время гипнотизируют.

— Замечательно. — Мёллер поднял глаза к небу. — А зачем тебе еще ордер на обыск?

— Как вы сами сказали, у нас нет ни улик, ни свидетелей, а на психологические эксперименты суд, скорее всего, не купится. Но если мы найдем винтовку, то все — мы у цели, больше нам ничего и не нужно!

— Хм. — Мёллер остановился. — А мотив? — (Харри посмотрел на него удивленными глазами.) Насколько мне известно из практики, даже у сумасшедших преступников есть какой-то мотив. А у Юля я его не вижу.

— У Юля его и не должно быть, шеф, — ответил Харри. — Он есть у Даниеля Гюдесона. Сигне Юль так или иначе переметнулась на сторону врага. Его мотив — месть. И эта надпись на зеркале «Бог мой судья» означает, что он расценивает все эти убийства как часть своеобразного крестового похода, что он считает себя правым, хотя знает, что другие его осудят.

— Ну а другие убийства? Бернт Браннхёуг и — если ты считаешь, что это дело рук одного и того же человека, — Халлгрим Дале?

— Не знаю, какие у него тут мотивы. Но ведь Бернта Браннхёуга убили из винтовки Мерклина, а Халлгрим Дале был знаком с Даниелем Гюдесоном. И, как показало вскрытие, глотка у Дале была перерезана вполне хирургически. Может,

Юль решил убить Дале, потому что тот понял, что он выдает себя за Даниеля Гюдесона.

Халворсен кашлянул.

— Что такое? — недовольно спросил Харри. Он уж успел как следует изучить Халворсена и понял, что сейчас начнется критика.

— Тебя послушать, получается, что в момент убийства Халлгрима Дале Эвен Юль был Эвеном Юлем. Ведь Даниель Гюдесон не был хирургом!

Харри проглотил последний кусок кебаба, вытер рот салфеткой и огляделся, ища глазами урну.

— Ну, — протянул он, — в общем, я имел в виду, что пока ответить на все вопросы мы не можем. Я понимаю, что для прокурора наших доказательств недостаточно. Но ни нам, ни ему не следует забывать, что подозреваемый может совершить очередное убийство. Шеф, вы боитесь, что будет скандал, если мы разоблачим Эвена Юля. Но представляете, какой скандал будет, если он убьет еще кого-нибудь? А когда выяснится, что мы его подозревали, но не помешали ему…

— Да, да, да, я все это знаю! — сказал Мёллер. — Значит, по-твоему, он продолжит убивать?

— Многое в этом деле мне непонятно, — ответил Харри. — Совершенно ясно только одно: он

еще не выполнил всех пунктов своего плана.

— И почему же это тебе «совершенно ясно»?

Харри похлопал себя по животу и ухмыльнулся:

— Тут у меня — маленький телеграф, и он постоянно отстукивает мне морзянку. О том, что у преступника была причина купить самую дорогую в мире киллерскую винтовку. Вы знаете, шеф, имя Даниеля Гюдесона было легендой — среди прочего потому, что он превосходно стрелял. И сейчас мой телеграф стучит, что этот крестовый поход приближается к логическому завершению. Преступник решил увенчать свою работу чем-то, что обессмертит имя Даниеля Гюдесона.

На секунду сквозь летнее тепло, поднимая в воздух пыль и мусор, по Мотцфельдтс-гате пронесся порыв ледяного ветра — последнее дуновение зимы. Мёллер закрыл глаза, вздрогнул и поплотнее запахнул пальто. В Берген, подумал он. В Берген.

— Я попробую что-нибудь сделать, — сказал он. — Ждите моего звонка.

Эпизод 90
Полицейский участок, 16 мая 2000 года

Харри и Халворсен ждали звонка. Ждали так сильно, что, когда телефон зазвонил, оба вскочили на ноги. Харри сорвал трубку и заорал в нее:

— Холе слушает!

— Кричать уже не обязательно, — ответила ему Ракель. — Для этого и придумали телефон. Что ты там говорил про семнадцатое?

— Что? — Харри потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить. — Что я буду на дежурстве?

— Нет, другое, — сказала Ракель. — Что ты сделаешь все возможное и невозможное…

— А, ты в этом смысле. — Харри ощутил в груди странное, но приятное тепло. — Вы решили провести этот день со мной, если кто-нибудь согласится подежурить за меня?

Ракель рассмеялась:

— Ты такая прелесть, Харри! Хочу тебе сразу сказать, что твоя кандидатура была не первой в списке. Но раз уж отец отказался, сказав, что

хочет в этот раз побыть один, то да, мы решили провести этот день с тобой.

— А что Олег?

— Это было его предложение.

— Да? Какой славный парень!

Харри был рад. Так рад, что ему хотелось кричать от радости. Он подмигнул Халворсену, который сидел за столом, широко улыбаясь.

— Ну что, договорились? — вкрадчиво спросила Ракель.

— Если у меня получится со всем разобраться, то да. Я перезвоню.

— Хорошо, или можешь зайти вечером поужинать. Если, конечно, будет время. И желание.

Эти слова были сказаны настолько непринужденно, что Харри сразу понял, что Ракель заготовила их до звонка. Внутри бурлил смех, голова была легкой, будто от наркоты, и ему уже хотелось ответить «да», когда он вдруг вспомнил ее слова за обедом в «Диннере»: «*Я знаю, что одним разом дело не кончится*». Она приглашает его не на ужин.

«*Если, конечно, будет время. И желание*».

Вот оно. Харри охватила паника.

— Извини, Ракель, у меня звонок по другой линии. Можешь немножко подождать?

— Конечно.

Харри нажал на белый квадрат кнопки и услышал голос Мёллера.

— Ордер на арест у нас уже есть. Ордер на обыск — будет. Тебя уже ждет Том Волер с двумя автомобилями и четырьмя вооруженными полицейскими. Надеюсь только, что телеграф у тебя в животе работает исправно, Харри.

— Иногда он выдает не ту букву, но это нисколько не вредит работе в целом. — Харри жестом показал Халворсену, чтобы тот надевал куртку. — До скорого. — Он положил трубку.

Когда они с Халворсеном уже стояли в лифте, Харри вдруг вспомнил, что Ракель все еще сидит с трубкой в руке и ждет ответа. Непонятно почему, но Харри был в этом уверен.

Эпизод 91
Улица Ирисвейен, Осло, 16 мая 2000 года

Первый по-летнему теплый день сменила прохлада. Полицейский автомобиль въехал в притихший жилой район. Харри было не по себе. Не оттого что он запотел под бронежилетом. Нет, ему не нравилась эта тишина. Харри смотрел на аккуратно постриженные живые изгороди, на окна особняков — нигде ни малейшего движения. Атмосфера вестерна, где героев поджидает засада.

Вначале Харри не хотел надевать бронежилет, но Том Волер — ответственный за операцию — предложил ему выбор: либо наденешь жилет, либо останешься дома. На аргумент, что пули из мерклиновской винтовки пробивают стены так же легко, как горячий нож в известной поговорке режет масло, Волер просто пожал плечами.

Полицейских автомобилей было два. Другой, в котором сидел Волер, должен был ехать по улице Согнсвейен и дальше мимо Уллевол-Хагебю и прибыть к месту с другой стороны, с запада. Харри

слышал по рации голос Волера. Спокойный и уверенный. Спрашивал местонахождение, повторял инструкции и призывал каждого полицейского делать то, что от него требуется.

— Если он профессионал, он наверняка установил на воротах сигнализацию. Значит, нам нельзя в них входить. Придется лезть через забор.

Он дельный полицейский, даже Харри вынужден это признать, — было очевидно, что другие полицейские в машине уважают Волера.

Харри указал на красный деревянный дом:

— Это здесь.

— «Альфа», прием, — сказала женщина на переднем сиденье в рацию. — Мы вас не видим.

Из рации послышался голос Волера:

— Мы за углом. Старайтесь, чтобы вас не заметили из дома, пока не увидите нас. Прием.

— Поздно, мы уже у дома. Прием.

— Хорошо, оставайтесь пока в машине, подъезжаем. Конец связи.

В следующую секунду вторая машина выехала из-за поворота. Проехав еще пятьдесят метров, первая машина остановилась, перекрыв выезд из гаража. Вторая машина остановилась прямо перед воротами.

Выскакивая из машины, Харри услышал ленивый, приглушенный стук теннисного мяча. Солнце уже садилось за вершины холмов, в воздухе запахло свиными котлетами.

С первой секунды началось цирковое представление. Двое полицейских с автоматами «МП-5» наготове перепрыгнули через изгородь и побежали вокруг дома: один — направо, другой — налево.

Женщина-полицейский из машины Харри осталась на месте: ее задачей было обеспечивать радиосвязь с центром оповещения и не подпускать случайных прохожих. Волер и еще один полицейский дождались, пока двое первых добегут до места, потом закрепили рации на груди и, высоко подняв табельные пистолеты, тоже перескочили через ограду. Харри и Халворсен стояли за машиной и наблюдали происходящее.

— Как насчет сигаретки? — спросил Харри женщину-полицейского.

— Нет, спасибо, — улыбнулась та.

— Я имел в виду: сигареты не найдется?

Она перестала улыбаться. Сама не курит и другим не дает, сердито подумал Харри.

Волер и четвертый полицейский встали на лестнице слева и справа от входной двери. Вдруг

у Харри зазвонил мобильный телефон.

Харри посмотрел на сотрудницу в машине — та подняла глаза к небу. Видимо, думала: вот непрофессионал!

Харри собрался выключить телефон, но сперва глянул, не звонит ли Ракель. Номер на экране был знакомый, но не ее. Волер уже поднял руку, чтобы дать команду к началу операции, когда Харри сообразил, чей это номер. Он выхватил из рук сотрудницы рацию:

— «Альфа»! Стоп! Подозреваемый прямо сейчас звонит мне на мобильный. Слышите?

Харри посмотрел на Волера, тот кивнул. Харри нажал кнопку и прижал к уху мобильник:

— Холе.

— Алё! Алё! — Харри удивился, говорил не Эвен Юль. — Это Синдре Фёуке. Извините, что отвлекаю, но я сейчас дома у Эвена Юля и думаю, что вам нужно сюда приехать.

— Зачем? И что *вы* там делаете?

— Мне кажется, он задумал что-то неладное. Он позвонил мне час назад и сказал, чтобы я приезжал к нему. Говорил, что ему что-то угрожает. Я приехал — дверь настежь, но Эвена нигде не было. А сейчас я боюсь, что он заперся в спальне.

— Почему вы так решили?

— Дверь в спальню заперта, а когда я посмотрел в замочную скважину, то увидел, что с той стороны торчит ключ.

— Хорошо. — Харри обошел машину и пошел к калитке. — Слушайте внимательно. Стойте там, где стоите, если у вас есть что-то в руках, положите это на пол, держите руки так, чтобы мы их видели. Мы будем через две секунды.

Харри прошел через калитку, поднялся по лестнице, прошел мимо удивленных Волера и его коллеги, нажал на дверную ручку и вошел в дом.

Фёуке стоял в коридоре с телефонной трубкой в руке и круглыми от изумления глазами смотрел на полицейских.

— О господи, — только и вымолвил он, увидев Волера с револьвером. — Быстро же вы…

— Где спальня? — спросил Харри.

Фёуке молча указал на лестницу.

— Покажите нам, — сказал Харри.

Фёуке провел полицейских к двери.

— Вот здесь.

Харри толкнул дверь — она действительно была заперта. В замке торчал ключ, но дверь им открыть было невозможно.

— Я забыл сказать, что попробовал открыть ключом от другой спальни, — сказал Фёуке. — Ну,

бывает ведь, что замки одинаковые.

Харри вынул ключ из замка и заглянул в замочную скважину. Через нее он увидел в комнате кровать и ночной столик. На кровати лежало что-то похожее на люстру. Волер тихо разговаривал по рации. Харри снова прошиб пот. Что-то не то с этой люстрой.

— Кажется, вы сказали, что с той стороны тоже торчал ключ?

— Торчал, — подтвердил Фёуке. — Пока я не вытолкнул его, пытаясь вставить другой ключ.

— А как же мы туда попадем? — спросил Харри.

— Сейчас попадем, — сказал Волер.

На лестнице послышался топот тяжелых сапог. Прибежал один из полицейских, оставшихся снаружи. Он принес ломик.

— Здесь. — Волер указал на дверь.

Затрещало дерево, дверь открылась.

Харри вошел внутрь. Он услышал, как Волер велел Фёуке подождать у двери.

Первым, что заметил Харри, был поводок. Эвен Юль повесился на собачьем поводке. Он умер в белой рубашке с расстегнутым воротом, черных брюках и клетчатых носках. У шкафа за его спиной лежал опрокинутый табурет. Под табуретом

аккуратно стояли туфли. Харри посмотрел на потолок. Действительно, поводок был привязан к крюку от люстры. Харри не хотел смотреть на лицо Эвена Юля, но не смог удержаться. Один глаз Юля таращился куда-то в сторону, другой — прямо на Харри. Будто они были независимы друг от друга. Как у двухголового тролля из детской сказки, у которого по глазу на каждой голове, подумал Харри. Он прошел через комнату и посмотрел в окно. Окно выходило на восток. По Ирисвейен колесили любопытные мальчишки на велосипедах — уже пронюхали, стало быть, что приехала полиция. Подобные слухи обычно распространяются по округе с поразительной быстротой.

Харри закрыл глаза и задумался. «Главное — первое впечатление. Когда с чем-то сталкиваешься, самая верная мысль — первая». Так говорила Эллен. Его ученица учила его сосредоточиваться на том, что испытываешь в первую очередь, когда приходишь на место преступления. Поэтому сейчас Харри не оборачивался, чтобы проверить, лежит ли на полу у двери ключ от комнаты, не пытался найти в комнате чьи-то отпечатки пальцев, не выяснял, пытался ли кто-нибудь пробраться в дом. Просто потому, что и

убийца, и жертва сейчас висели под потолком. Двухголовый тролль казнил себя сам.

— Позвони Веберу, — сказал Харри Халворсену, который только что подошел и теперь смотрел на висящего в петле Юля. — Наверное, он скажет, что у него завтра и так дел по горло, но ты его успокой, скажи, что тут ничего сложного не предвидится. Эвен Юль догадался, кто убил его жену, и поплатился за это жизнью.

— И кто же этот убийца? — спросил Волер.

— Точнее, кем он был. Он тоже умер. Он называл себя Даниелем Гюдесоном и жил в голове у самого Юля.

Когда они шли по коридору, Харри попросил Халворсена передать Веберу, чтобы тот позвонил, если найдет винтовку.

Харри остановился на крыльце и посмотрел на улицу. Удивительно, у скольких соседей вдруг появились дела в саду. Сейчас они стояли на цыпочках и смотрели поверх изгородей. Волер тоже вышел из дома и встал рядом с Харри.

— Я не совсем понял, что ты там говорил, — сказал Волер. — Ты имеешь в виду, что этот тип совершил самоубийство из-за чувства вины?

Харри покачал головой:

— Нет, я имею в виду то, что я сказал. Они убили

друг друга. Эвен убил Даниеля, чтобы остановить его. А Даниель убил Эвена, чтобы тот не выдал его. На этот раз их интересы совпали.

Волер кивнул, но по его лицу было видно, что он ничего не понял.

— Этот старик мне кажется знакомым, — сказал он. — Тот, который живой.

— Ну, это отец Ракели Фёуке. Если ты, конечно…

— Да, конечно, она работает в СБП. Вместе с тобой.

— Закурить не найдется? — спросил Харри.

— Нет, не найдется, — ответил Волер. — Все дальнейшее — на тебе, Холе. Я тороплюсь, так что, если тебе нужна помощь, скажи прямо сейчас.

Харри отрицательно покачал головой, и Волер зашагал к калитке.

— Да, кстати, — сказал Харри. — Если у тебя завтра нет никаких важных дел, то мне нужен опытный полицейский, который бы за меня подежурил.

Волер рассмеялся, продолжая шагать.

— Нужно будет только координировать охрану мечети в Грёнланне на время службы! — крикнул Харри. — Я знаю, у тебя к такому талант. Наша задача — не дать бритоголовым побить мусульман,

пока они будут справлять Ид.

Уже дойдя до калитки, Волер вдруг остановился:

— И ответственным назначили тебя? — спросил он через плечо.

— Я отвечаю за свою часть, — ответил Харри. — Две машины, четыре человека.

— И надолго?

— С восьми до трех.

Волер повернулся. На его лице была широкая улыбка.

— А знаешь что? — сказал он. — Я тут подумал. Ведь если я отдежурю за тебя, мы будем в расчете. Отлично, я согласен.

Волер взял под козырек, сел в машину и уехал.

«В расчете за что?» — подумал Харри, прислушиваясь к глухому эху ударов с теннисного корта. Но тут его мысли оборвал звонок мобильного телефона. На этот раз на экране был номер Ракели.

Эпизод 92
Улица Холменколлвейен, 16 мая 2000 года

— Это мне?

Ракель всплеснула руками и взяла букет ромашек.

— Не успел в цветочный магазин, так что это цветы из твоего сада. — Харри перешагнул порог. — Мм… пахнет кокосом? Что-то тайское?

— Да. Поздравляю с новым костюмом.

— А что, заметно?

Ракель рассмеялась и провела рукой по отвороту пиджака.

— Превосходная шерсть.

— Супер-сто десять.

Харри понятия не имел, что такое «Супер-110». Костюм он купил совершенно случайно: ни с того ни с сего зашел в модный бутик на Хегдехёугсвейен перед самым закрытием. Там ему подобрали костюм (единственный, который годился на его долговязую фигуру). Конечно, семь тысяч крон было намного больше, чем Харри собирался потратить, но в своем старом костюме он смотрелся

бы как актер погорелого театра. Так что Харри, зажмурив глаза, расплатился кредитной картой и постарался больше об этом не думать.

Они прошли в столовую. На столе был накрыт обед на двоих.

— Олег уже спит, — объяснила Ракель, прежде чем Харри успел ее спросить.

Повисло молчание.

— Я не имею в виду… — начала Ракель.

— Нет? — улыбнулся Харри. Раньше он ни разу не видел, чтобы Ракель краснела. Он прижал ее к себе, вдохнул свежий запах ее волос и почувствовал, что она слегка дрожит.

— Ужин… — прошептала она.

Харри отпустил ее, Ракель исчезла в кухне. Окно в сад было открыто, и Харри видел, как в лучах солнечного света белыми конфетти кружатся бабочки, которых вчера еще не было. В доме пахло зеленым мылом и мытым деревянным полом. Харри закрыл глаза. Он знал: понадобится много таких дней, прежде чем он забудет вид Эвена Юля, висящего под потолком. Но сейчас картинка чуть поблекла. Вебер и его ребята не нашли винтовку Мерклина, зато нашли Бурре, собаку. Бурре нашелся в холодильнике — с перерезанной глоткой в мешке для мусора. А в ящике для

инструментов — три ножа, на каждом — следы крови. Харри предположил, что одним из них был убит Халлгрим Дале.

Ракель крикнула из кухни, чтобы Харри помог ей принести поднос. Картинка перед глазами погасла.

Эпизод 93
Улица Холменколлвейен, 17 мая 2000 года

Играл оркестр, и ветер доносил обрывки музыкальных фраз. Харри открыл глаза. Все кругом было белым. Белый свет солнца, мигающий между дрожащими на ветру белыми занавесками, белые стены, белый потолок и белое постельное белье; мягкое, оно холодило горячую кожу. Харри повернулся на бок. Ракели не было, но подушка еще хранила отпечаток ее головы. Харри посмотрел на свои часы. Пять минут девятого. Ракель с Олегом ушли на Крепостную площадь, откуда должна была начаться детская процессия. Они договорились встретиться в одиннадцать перед караульным помещением у Королевского дворца.

Харри закрыл глаза и еще раз вспомнил эту ночь. Потом встал и прошлепал в ванную. И там тоже все было белым: белая плитка, белый фарфор. Харри встал под ледяной душ и замурлыкал старую песню:

– *…a perfect day*![54]

Потом он взял заботливо положенное для него Ракелью толстое махровое полотенце — белое — и стал растираться, разглядывая свое лицо в зеркале. Сейчас он счастлив, разве нет? Именно сейчас. Харри улыбнулся зеркалу. Зеркало улыбнулось ему в ответ. Как у Экмана и Фризена. Улыбнись миру…

Харри громко засмеялся, обмотался полотенцем и, осторожно ступая мокрыми ногами по коридору, вернулся в спальню. Харри понял, что вошел не в ту спальню, только через пару секунд, потому что и здесь все было белым: стены, потолок, безупречно застеленная и покрытая старомодным вязаным покрывалом двуспальная кровать и комод с семейными фотографиями на нем.

Харри уже повернулся было, чтобы уйти, как вдруг замер. Он стоял, не зная, что делать: будто одна половина его мозга приказывала забыть обо всем и выйти из комнаты, а другая — вернуться и удостовериться, что он увидел именно то, что и думал. Вернее сказать — то, чего боялся. Чего именно он боялся и почему, он не понимал. Понимал он только одно: как все прекрасно, как

---

[54] Примечания: 54
…замечательный день! (*англ.*)

не хочется ничего менять — даже к лучшему. Ничего. Но было поздно. Конечно, поздно.

Харри перевел дыхание, повернулся и подошел к комоду.

Черно-белая фотография стояла в простенькой золоченой рамке. У женщины на фотографии было худое лицо, высокие скулы и спокойный, смеющийся взгляд. Женщина смотрела чуть повыше камеры, очевидно, на фотографа. В ее взгляде ощущалась сила. Поверх простой блузки висел серебряный крестик.

«Вот уже две тысячи лет ее рисуют на иконах».

Нет, не поэтому Харри с первого взгляда увидел что-то знакомое в том лице на фотографии.

Сомнений не оставалось. Это была та же женщина, которую он видел на фотографии в комнате Беатрисы Хофман.

Часть девятая
Судный день

Эпизод 94
Осло, 17 мая 2000 года

Я пишу это, чтобы тот, кто найдет мои записи, смог понять, зачем я сделал то, что сделал. Часто в жизни мне приходилось выбирать из двух зол — и меня можно судить, с учетом этого. Но учтите к тому же, что я никогда не пытался уйти от выбора, никогда не уходил от своего нравственного долга, предпочитая пусть ошибиться, но не жить трусом, как молчаливое большинство, что прячется за чужой спиной и позволяет делать выбор за себя. И свой последний выбор я сделал, потому что хочу с чистым сердцем предстать перед Господом и вновь встретиться с Хеленой.

— Черт!

Харри ударил по тормозам — по пешеходному переходу на перекрестке устремилась пестрая толпа, кто в деловом костюме, кто в национальном наряде. Похоже, весь город уже на ногах. Казалось, зеленый свет не загорится никогда. Наконец Харри отпустил сцепление и нажал на газ. Найдя место для парковки на Вибес-гате, Харри

вышел из машины и, подойдя к двери многоквартирного дома, где жил Фёуке, позвонил. Мимо пробежал мальчуган на роликовых коньках и так громко дунул в пластиковый рожок, что Харри вздрогнул.

Фёуке не отвечал. Харри вернулся к машине и достал фомку, которая всегда лежала у него под задним сиденьем, поскольку замок багажника был сломан. Потом снова подошел к двери и обеими руками нажал на оба ряда кнопок на панели звонка. Ему ответил нестройный хор возмущенных голосов, — разумеется, момент неподходящий: кто как раз рубашку наглаживает, кто начищает ботинки. Харри сказал, что он из полиции, и кто-то, должно быть, ему поверил, потому что вдруг послышался жуткий писк, и дверь открылась. Прыгая через три ступеньки, Харри добежал до четвертого этажа. Сейчас сердце билось еще сильнее, чем все эти пятнадцать минут — с тех пор, как он увидел фотографию в спальне.

Цель, которую я перед собой поставил, уже стоила жизни нескольким ни в чем не повинным людям, и по-прежнему остается опасность, что погибших станет еще больше. Так всегда бывает на войне. Поэтому судите меня как солдата, вы-

бор у которого невелик. Вот и все, о чем я прошу. Но если вы станете осуждать меня, знайте, что вы — всего лишь грешные люди, такие же, как и я, потому что, в конце концов, Судия у нас только один — Бог. Вот мои воспоминания.

Харри стукнул кулаком по двери Фёуке и выкрикнул его имя. Не получив ответа, он подсунул под замок фомку и навалился со всей силы. С третьей попытки дверь подалась. Харри перешагнул порог. В квартире было тихо и темно, и почему-то это напомнило Харри спальню, в которой он только что был, — здесь тоже было пусто, и ощущалась покинутость. Войдя в гостиную, Харри понял: квартира в самом деле покинута. Все бумаги, что были разбросаны по полу, книги на покосившихся полках, чашки с недопитым кофе — все это пропало. Мебель была сдвинута в угол и накрыта белыми покрывалами. Луч солнца падал из окна на связку листов посреди комнаты.

Когда вы это прочтете, надеюсь, меня уже не будет в живых. Надеюсь, нас никого не будет в живых.

Харри присел на корточки рядом со связкой.

«*Великое предательство*, — было напечатано на первом листе. — *Воспоминания солдата*».

Харри развязал веревку.

Следующая страница:

Я пишу это, чтобы тот, кто найдет мои записи, смог понять, зачем я сделал то, что сделал.

Харри пролистал пачку — похоже, здесь несколько сотен страниц плотно напечатанного текста. Харри взглянул на часы. Полдевятого. Он нашел в блокноте номер Фрица из Вены и позвонил ему по мобильному. Фриц как раз возвращался домой после ночного дежурства. После минутного разговора с ним Харри позвонил в справочную, где его соединили с нужным номером.

— Вебер у телефона.

— Это Холе. С праздничком, так сказать!

— Пошел ты! Зачем звонишь?

— Ну… Наверное, у тебя на сегодня какие-то планы…

— Да. У меня были планы запереть дверь и окна и почитать газеты. Выкладывай, что тебе нужно!

— Снять кое-какие пальчики…

— Замечательно. Когда?

— Прямо сейчас. Возьми с собой чемодан, чтобы можно было послать их прямо отсюда. И еще: мне нужен табельный пистолет.

Харри дал ему адрес. Потом взял с пола пачку листов, сел в накрытое, будто саваном, кресло и начал читать.

Эпизод 95
Окрестности Ленинграда, 12 декабря 1942 года

Огни вспыхивают в сером ночном небе, и оно похоже на грязную парусину палатки, растянутую над этой бесчувственной голой землей. Может, русские начали наступление или просто делают вид, что начали его, — сейчас это нельзя знать наверняка. Даниель снова показал себя великолепным стрелком. Если бы он уже не был легендой, он обессмертил бы свое имя сегодня. Он увидел и застрелил русского с полукилометра. Потом он в одиночку отправился на ничейную полосу и по-христиански похоронил убитого. Никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь делал что-нибудь подобное. После чего он забрал в качестве трофея шапку русского солдата. Потом он, как обычно, был в ударе, пел песни и всех радовал (кроме, наверное, некоторых завистников). Я очень горжусь, что у меня есть такой замечательный и храбрый друг. Хотя порой кажется, что войне никогда не настанет конец и наших погибло уже очень много, такие люди, как Даниель Гюдесон,

вселяют в нас надежду, что мы все-таки остановим большевиков и вернемся домой, в свободную Норвегию.

Харри посмотрел на часы и перевернул страницу.

Эпизод 96
Окрестности Ленинграда, ночь на 1 января 1943 года

Когда я увидел испуганные глаза Синдре Фёуке, мне пришлось его немного успокоить, чтобы усыпить его бдительность. На пулеметной позиции были только мы двое, остальные вернулись в койки. Тело Даниеля лежало на ящиках с боеприпасами и коченело. Я соскребал кровь Даниеля с патронной ленты. Светила луна, шел снег — чудесная ночь. И я думал, что сейчас собираю вместе разбросанные кусочки Даниеля, чтобы он ожил, встал и повел нас за собой. Синдре Фёуке этого не понимал — беспринципный приспособленец и предатель, он вставал на сторону тех, кто, по его мнению, побеждал. И в день, когда в самом деле пришлось туго нам всем, мне, Даниелю, он решил предать и нас. Я проворно зашел ему за спину, легко схватил его за лоб и достал штык. Чтобы сделать глубокий и аккуратный порез, нужно действовать быстро. Я перерезал ему глотку и сразу отпустил его — дело было сделано. Он медленно обернулся и посмотрел на

меня своими поросячьими глазками. Казалось, он силился закричать, но горло у него было перерезано, и из зияющей раны вышло только глухое шипение. И кровь. Обеими руками он схватился за горло, будто пытаясь удержать в себе жизнь, но тут кровь тонкими струйками потекла сквозь его пальцы. Я бросился на землю и откатился в сугроб, чтобы кровь не попала мне на одежду. Если «дезертирство» Синдре Фёуке станут расследовать и найдут на моей форме свежую кровь, получится скверно.

Когда он перестал дергаться, я перевернул его на спину и оттащил к ящикам, на которых лежал Даниель. По счастью, у них похожее телосложение. Я вытащил у Фёуке документы. Они всегда при нас, днем и ночью, потому что если нас остановят и у нас не окажется бумаг, в которых сказано, кто мы и что мы (пехота, направление «Север», дата, печать и так далее), нас могут расстрелять на месте как дезертиров. Я свернул документы Синдре трубочкой и засунул их в походную фляжку у меня на поясе. Потом стянул с головы Даниеля мешок и обмотал вокруг головы Синдре. Затем взвалил Даниеля на спину и вынес на ничейную полосу. Там я похоронил его в снегу, как Даниель похоронил Урию, русского. На память

о Даниеле я сохранил русскую шапку. Спел псалом «Велик Господь». И «Посмотри на костер».

Эпизод 97
Окрестности Ленинграда, 3 января 1943 года

Мягкая зима. Все шло по плану. 1 января, в первое утро нового года, пришли ребята из похоронной команды, взяли труп с ящиков, думая, что это Даниель Гюдесон, и на санях увезли на участок «Север». Когда я об этом вспоминаю, мне по-прежнему хочется смеяться. Снимали с его головы мешок, прежде чем кинуть труп в могилу, или нет — меня нисколько не беспокоило — они ведь не знали ни Даниеля, ни Синдре Фёуке.

Беспокоило меня только то, что Эдвард Мускен заподозрил, что Фёуке не дезертировал, что его убил я. Но что он может сделать? Тело Синдре Фёуке уже сгорело (а его душа пусть горит вечно) и лежит среди сотен таких же неузнаваемых останков.

Но этой ночью, стоя в дозоре, я решился на самое отчаянное предприятие. В конце концов я понял, что Даниелю нельзя лежать там в снегу. Если зима будет теплой, труп в любой момент может вылезти из-под снега, и тогда я буду

раскрыт. А как я ночью представил себе, что с телом Даниеля сделают лиса и хорек весной, когда снег оттает, то тут же решил выкопать труп и оттащить его в братскую могилу — все равно земля там освящена капелланом.

Конечно, я больше боялся наших караульных, чем русских, но, по счастью, у пулемета дежурил Халлгрим Дале — тупой приятель Фёуке. К тому же и небо было облачным, и — что намного важнее — я ощущал, что Даниель со мной, да, что он — во мне. И когда я наконец затащил труп на ящики с боеприпасами и начал повязывать ему на голову мешок, Даниель улыбнулся. Я знаю, что недосып и голод часто играют с мозгами злую шутку, но я сам видел, как его застывшее мертвое лицо преобразилось прямо на глазах. Странно, но я не испугался, а, напротив, обрадовался и почувствовал себя увереннее. Потом я прокрался в укрытие и заснул, как дитя.

Не прошло и часа, как Эдвард Мускен разбудил меня. Случилось то, что я и думал, и я постарался изобразить искреннее удивление, услышав, что труп Даниеля появился снова. Но Мускена я не убедил. Он был уверен, что там лежит Фёуке, что я убил его и положил на ящики, надеясь, что ребята из похоронной команды решат, что

в первый раз забыли его забрать, и вернутся за телом. Когда Дале снял мешок и Мускен увидел лицо Даниеля, они с Дале только рты разинули. А я изо всех сил удерживался от смеха, чтобы не выдать нас. Даниеля и меня.

Эпизод 98
Лазарет на участке «Север», окрестности Ленинграда, 17 января 1944 года

Граната, сброшенная с русского самолета, ударила Дале по шлему и упала на лед. Она лежала на льду и крутилась, а мы пытались отползти подальше. Я лежал ближе всех и был уверен, что мы погибнем все втроем: я, Мускен и Дале. Чудно', но моей последней мыслью было то, что по иронии судьбы я только что спас Эдварда Мускена, которого чуть не застрелил Халлгрим Дале. Бедняга, я, видно, продлил его жизнь на каких-то две минуты. Но, по счастью, гранаты у русских дрянные, и мы выжили все трое. Правда, мне повредило ногу, да еще один осколок пробил мне шлем и врезался в лоб.

По странному совпадению меня привезли в палату к Сигне Алсакер, невесте Даниеля. Сначала она меня не узнала, но вечером подошла и заговорила со мной по-норвежски. Она очень красивая, и я чувствую, что хочу, чтобы она стала моей невестой.

В этой же палате лежит и Улаф Линдви. На

вешалке рядом с кроватью висит его белый мундир — я не знаю зачем, может, для того, чтобы, как только ему залечат раны, он смог сразу же идти исполнять свой долг. Сейчас как раз нужны люди его закалки — я слышу, что артиллерия русских подходит все ближе. Как-то ночью мне показалось, его мучил кошмар, потому что он закричал, и в палату вошла сестра Сигне. Она сделала ему какой-то укол, наверное, морфий. Когда он снова заснул, я видел, как она погладила его по волосам. Она была так красива, что мне захотелось подозвать ее к своей кровати и рассказать ей, кто я такой, но я не хотел ее пугать.

Я чувствую, что нога болит уже меньше. Сегодня сказали, что меня отправляют на запад, потому что сюда медикаменты не доходят. Русские наступают, и я знаю, что это единственный путь к спасению.

Эпизод 99
Венский лес, 29 мая 1944 года

Самая красивая и умная женщина, которую я видел. Можно ли любить двух женщин одновременно? Выходит, можно.

Гюдбранн сильно изменился. Поэтому я взял прозвище Даниеля — Урия. Хелене это имя нравится больше. Она считает, что «Гюдбранн» звучит чудно́.

Когда другие спят, я пишу стихи, хотя поэт из меня плохой. Стоит ей показаться в дверях, как сердце у меня в груди начинает колотиться, но Даниель говорит, что нужно вести себя спокойно, да, почти холодно, если хочешь завоевать женское сердце. Это как муху ловить. Нужно сидеть совершенно спокойно и смотреть в другую сторону. А потом, когда муха уже не будет тебя бояться, сядет на стол прямо перед тобой и подползет поближе, будто упрашивая, чтоб ты поймал ее, — тогда надо действовать молниеносно — решительно и с верой в себя. Вера важнее всего. Потому что мухи ловятся не быстротой, а верой. У тебя только одна попытка, а значит,

ты должен быть готов. Так говорит Даниель.

Эпизод 100
Вена, 29 июня 1944 года

…сном младенца, когда я покинул объятия моей любимой Хелены. Бомбежка давно кончилась, но была глубокая ночь, и людей на улицах почти не было. Нашу машину я нашел, где мы ее и оставили, — у ресторана «Три гусара». Заднее стекло было разбито, на крыше — вмятина от кирпича, но, к счастью, в остальном машина не пострадала. Как мог быстро я поехал обратно к больнице.

Я знал, что теперь поздно делать что-либо для Хелены или меня. Нас двоих просто подхватил водоворот событий, и мы не смогли из него вырваться. Хелена слишком любит свою семью, и она сама себя приговорила к свадьбе с этим доктором, Кристофером Брокхардом, грязным типом, оскорбившим самую суть любви своим безграничным эгоизмом (его он называл любовью!). Разве он не видит, что его так называемая любовь ничуть не похожа на любовь, которая движет Хеленой? Мне придется пожертвовать своей мечтой. Пусть мы с Хеленой не будем вме-

сте, но я хочу, чтобы ее жизнь стала если не счастливой, то хотя бы свободной; Брокхарду не удастся унизить Хелену.

Мысли проносились в моей голове с такой же скоростью, с какой я несся по улицам, извилистым, как сама жизнь. Но мои руки и ноги направлял Даниель.

…почувствовал, что я сел на край его кровати, и недоверчиво посмотрел на меня.

– Что ты здесь делаешь? — спросил он.

– Кристофер Брокхард, ты предатель, — прошептал я. — И я приговорил тебя к смерти. Ты готов?

Не думаю, что он был готов. Люди никогда не готовы умирать, им кажется, они будут жить вечно. Надеюсь, он успел увидеть, как фонтан крови брызнул до потолка, надеюсь, он успел услышать, как брызги упали на его одеяло. Но главное, я надеюсь, он успел понять, что умирает.

В шифоньере я нашел костюм, пару ботинок и рубашку. Схватив все это под мышку, я побежал обратно. Сел в машину, завел…

…все еще спала. По дороге я попал под внезапный дождь и насквозь промок. Мне было холодно, я залез к ней под одеяло. Она была горячая, как

печка, а когда я прижался к ней, тихо застонала во сне. Я попытался прижаться телом к каждой клеточке ее кожи, пытался представить себе, что так будет вечно, пытался забыть о времени. До отправления моего поезда оставались считаные часы. И считаные часы оставались до того, как в Австрии меня объявят в розыск как убийцу. Они не знают ни когда я отправляюсь, ни какой дорогой поеду, но они знают, где я должен оказаться — меня будут поджидать в Осло. Я стиснул Хелену в объятиях так сильно, как обнял бы собственную жизнь.

Харри услышал звонок. Будильник? Но нет, позвонили несколько раз. Харри отыскал домофон и открыл Веберу.

— Ненавижу! — прорычал Вебер, вваливаясь внутрь и с грохотом ставя на пол свой огромный чемодан. — Большая гадость, чем семнадцатое мая, только спортивные репортажи! В стране всеобщая попойка на почве национальной гордости! Дороги перекрыты! Чтобы добраться куда-нибудь, приходится нарезать круги по городу! Господи! Ну, что тут такое?

— Превосходные отпечатки пальцев ты точно найдешь на кофеварке на кухне, — ответил Харри. — Я поговорил с коллегой из Вены — он уже

ищет отпечатки пальцев, взятые в сорок четвертом. У тебя ноутбук со сканером при себе?

Вебер похлопал по чемодану.

— Прекрасно. Когда отсканируешь отпечатки, выйдешь через мой мобильник в интернет и отправишь пальчики по адресу, который значится в списке как «Фриц из Вены». Он сразу же проведет анализ и пришлет ответ. Вот в таком плане. А сейчас мне надо дочитать кое-какие бумаги. Буду в гостиной.

— Что за…

— Внутренние дела СБП, — отрезал Харри. — «Совершенно секретно».

— Ах вот как! — Вебер закусил губу и недоверчиво посмотрел на Харри. Тот глядел ему прямо в глаза и молчал. — Знаешь что, Холе? — наконец сказал Вебер. — Хорошо, что еще кто-то в этой стране ведет себя как профессионал.

Эпизод 101
Гамбург, 30 июня 1944 года

Написав письмо Хелене, я открыл фляжку, вытряхнул оттуда документы Синдре Фёуке и положил вместо них письмо. Потом штыком нацарапал имя и адрес Хелены и вышел на улицу. Была ночь. Как только я вышел за дверь, меня обдало жаром. Ветер рвал с меня одежду, небо нависало грязно-желтым пологом, в реве пожара слышался звон лопающегося стекла и крики людей, которым некуда больше бежать. Примерно так я представлял себе ад. Бомбы больше не падали. Я шел по улице, которую уже нельзя было назвать улицей — просто полоска асфальта, идущая по пустырю между руин. Единственным, что осталось на этой «улице», была ива, протягивающая свои обгорелые руки к небу. И горящий дом. Крики слышались оттуда. Подойдя так близко, что горячий воздух обжигал мне легкие, я развернулся и пошел к пристани. Тогда я и увидел ее, маленькую девочку с черными испуганными глазами. Она потянула меня за куртку, крича при этом:

– Meine Mutter! Meine Mutter![55]

Я не останавливался. Я ничем не мог помочь — я уже видел в огне второго этажа человеческий скелет, вцепившийся в оконную раму обгорелыми костями. Но девочка все шла за мной, отчаянно крича, чтобы я спас ее маму. Я попытался ускорить шаг, но девочка ухватила меня за пояс своими ручонками и не хотела отпускать. И я унес ее от дома к огромному огненному морю. Так мы и шли, будто прикованные друг к другу, навстречу гибели.

Я плакал, да, плакал, но слезы высыхали, не успев выступить. Не знаю, кто из нас двоих остановился и поднял девочку на руки, но я развернулся, и отнес ее в спальню, и укрыл ее моим одеялом. Потом стянул с других кроватей матрацы и лег на полу рядом с ней.

Я так и не узнал ни как ее зовут, ни что с ней стало, потому что наутро она исчезла. Но я знаю, что она спасла мне жизнь. Она вселила в меня надежду.

Я проснулся в гибнущем городе: кое-где еще бушевал пожар, от пристани не осталось и следа, и кораблям, подошедшим, чтобы доставить

---

[55] Примечания: 55
Мама! Моя мама! (*нем.*)

продовольствие или забрать раненых, негде было причалить.

Только к вечеру расчистили место, куда корабли смогли подойти для погрузки и разгрузки, и я поспешил туда. Я ходил от корабля к кораблю и наконец нашел что искал — корабль, идущий в Норвегию. Судно называлось «Анна» и везло цемент в Тронхейм. Место назначения меня вполне устраивало, так как меня навряд ли станут там разыскивать. Вместо обычного немецкого порядка повсюду царил хаос, и разобраться, кто есть кто, было сложно. Две буквы «S» у меня на воротнике производили должное впечатление, и у меня не возникло трудностей с тем, чтобы попасть на борт и убедить капитана, что согласно приказу (который я предъявил) мне надлежит попасть в Осло так скоро, как только возможно, а при сложившихся обстоятельствах это означает добраться на борту «Анны» в Тронхейм, а оттуда — поездом до Осло.

Путь занял три дня. Едва оказавшись в Норвегии, я предъявил свои документы и тут же проследовал на поезд до Осло. Ехал четверо суток. Прежде чем сойти в Осло, я зашел в туалет и сменил одежду на ту, что взял в шкафу у Кристофера Брокхарда. К первому испытанию я был

готов. Я шел по Карл-Юханс-гате, моросил дождь, теплынь. По улице рука об руку шли две девушки. Проходя мимо меня, они громко засмеялись. Казалось, кромешный ад Гамбурга — где-то на другой планете. Сердце пело. Я вернулся в мою любимую страну, родился заново.

Администратор в отеле «Континенталь» придирчиво просмотрел предъявленные мной документы и, глядя на меня поверх очков, сказал:

– Добро пожаловать, господин Синдре Фёуке.

Лежа на кровати в золотистом гостиничном номере, глядя в потолок и слушая городской шум на улицах, я думал о своем новом имени. Синдре Фёуке. Непривычно, конечно. Но и с ним можно жить.

Эпизод 102
Нурмарка, 12 июля 1944 года

...человеком по имени Эвен Юль. Как и другие ребята из Сопротивления, он с недоверием отнесся к моей истории. А впрочем, как иначе им к ней относиться? В правду о том, что я солдат, которого разыскивают за убийство, поверить куда сложнее, чем в то, что я дезертир с Восточного фронта, перебравшийся в Норвегию через Швецию. К тому же они проверили по своим каналам и выяснили, что человек по имени Синдре Фёуке и вправду предположительно перебежал к русским. Умеют же эти немцы вести архивы!

Я говорю на достаточно нейтральном букмоле — наверное, потому что вырос в Америке. Но никто не удивляется, как это я, Синдре Фёуке, вдруг так быстро избавился от своего гюдбрансдальского говора. Родился я в крохотном норвежском городке, но даже если бы мне довелось встретиться с кем-нибудь, кто знал меня в юности (Юность! Господи, она была всего три года назад, а кажется, что целую вечность!), уверен, меня бы не узнали — настолько сильно я изменился!

Чего я действительно боюсь, так это вдруг встретиться с кем-нибудь, кто знает настоящего Синдре Фёуке. По счастью, он родом вообще с какого-то горного хутора, но вдруг мой обман раскроет кто-нибудь из его родственников?

Эти переживания не отступали от меня. Поэтому легко представить себе мое удивление, когда сегодня мне приказали убить одного из моих (Фёуке) собственных братьев-квислинговцев. Это задумывалось как проверка, действительно ли я перешел на сторону Сопротивления или был послан, чтобы внедриться в их ряды. Мы с Даниелем едва сдерживали смех — да лучше и придумать было невозможно, меня просили просто-напросто убрать с дороги тех, кто может меня выдать! Я прекрасно понимаю, что командиры этих лесных вояк высоко ценят братские узы, несмотря на войну. Но я решил поймать их на слове, пока они не передумали. Как только стемнеет, я поеду в город, возьму свой пистолет, который вместе с военной формой лежит на вокзале в камере хранения, и тем же поездом отправлюсь на север. Я помню, как называется ближайший от дома Фёуке поселок, а там порасспрошу.

Эпизод 103
Осло, 13 мая 1945 года

Такой удивительный день. Людей по-прежнему пьянит ощущение свободы, а сегодня еще в Осло возвращается принц Олав вместе с представителями правительства. Я не пошел встречать корабль, но слышал, что на пристани собралось пол-Осло. Сегодня я решил пройтись по Карл-Юханс-гате в гражданском, хотя мои «боевые друзья» не понимают, почему я не захотел, как они, щеголять в «форме» солдата Сопротивления и слушать хвалебные слова. Для дамочек «форма» — как мед для мух. Если не ошибаюсь, они с таким же восторгом бегали в сороковом за легионерами в эсэсовских мундирах.

Я шел к Дворцу, чтобы посмотреть, выйдет ли наследник на балкон, сказать пару слов. У Дворца уже собралось много народу. Когда я подошел, как раз была смена дворцового караула. Жалкая копия немецких воинских ритуалов, но народу это безумно нравилось.

Надеюсь, принц поостудит пыл всех этих так называемых добрых норвежцев, которые пять

лет отсиживались, не пошевелив и пальцем, а теперь, надсаживая глотки, требовали возмездия для предателей родины. Я надеюсь именно на принца Олава, поскольку, если верить слухам, он единственный из всего королевского окружения проявил тогда стойкость, пожелав остаться с народом и разделить его судьбу. Но министры отговорили его, ведь тем самым он выставил бы их и короля в очень невыгодном свете.

Да, я надеюсь, что молодой наследник (который, в отличие от этих «святых последних дней», знает, как носить военную форму!) сможет объяснить народу истинную заслугу норвежских легионеров. Особенно после того, как сам поймет, какую угрозу на востоке для нас представляли (и по-прежнему представляют!) большевики. Уже в 1942 году, когда мы, легионеры, только готовились к отправке на Восточный фронт, принц должен был встретиться с президентом Рузвельтом и выразить озабоченность насчет намерений русских по поводу Норвегии.

Махали флагами, пели песни. Листва на старых деревьях Дворцового парка казалась зеленее обычного. Но наследник на балкон так и не вышел. Значит, придется запастись терпением.

— Позвонили из Вены. Отпечатки совпадают.

Вебер стоял в дверях гостиной.

— Хорошо, — кивнул Харри, не отрываясь от чтения.

— Тут кого-то стошнило в мусорное ведро, — продолжал Вебер. — Кого-то очень больного: там больше крови, чем рвоты.

Харри послюнявил палец и перевернул страницу:

— Угу.

Молчание.

— Если тебе нужна еще какая-нибудь помощь…

— Спасибо, Вебер, больше ничего не нужно.

Вебер кивнул, но с места не сдвинулся.

— Ты не собираешься объявить его в розыск? — наконец спросил он.

Харри поднял на Вебера рассеянный взгляд:

— Зачем?

— А я почем знаю? — ответил Вебер. — Это же у вас «совершенно секретно»!

Харри улыбнулся — похоже, он не ожидал от старика Вебера подобных заявлений:

— Нет, не сейчас.

Вебер постоял еще немного, но Харри ничего не говорил.

— Как хочешь, Холе. У меня тут «смит-вессон».

Заряженный. И еще запасная обойма. Лови!

И Вебер кинул Харри черную кобуру, которую тот еле успел поймать. Харри открыл кобуру и достал револьвер. Он был смазан, начищенная сталь тускло блестела. Разумеется. Это же личное оружие Вебера.

— Спасибо за помощь, Вебер, — сказал Харри.

— А, забудь!

— Попробую. Удачного тебе… дня.

Вебер шмыгнул носом. Когда он, громко топая, ушел из квартиры, Харри снова погрузился в чтение.

Эпизод 104
Осло, 27 августа 1945 года

Предательство, предательство, это все предательство! Я был не в силах пошевелиться. Я сидел в заднем ряду, и моей девушке было меня не видно, когда ее ввели в за л. Она села на скамью подсудимых и быстро и недвусмысленно улыбнулась Эвену Юлю. Этой улыбкой было сказано все, а я сидел, будто гвоздями прибитый к скамейке, и только смотрел и слушал, что происходит. И страдал. Предательская душонка! Эвен Юль ведь прекрасно знает, кто такая Сигне Алсакер — я сам рассказывал ему о ней. Но его не в чем винить — он думает, что Даниель Гюдесон умер. Но она! — она же поклялась сохранять верность, даже если Даниель умрет! Да, я повторю снова и снова: «Предательство!» А принц ни слова не сказал. Никто не сказал ни слова. Людей, которые жизнью рисковали за Норвегию, расстреливают в крепости Акерсхус. Эхо выстрелов слышится надо всем городом. А потом снова становится тихо. Даже тише, чем раньше. Будто ничего не произошло.

На прошлой неделе мне в письме сообщили, что мое дело рассматриваться не будет, что своими подвигами я целиком загладил свою вину перед родиной. Выходит, расправа с четырьмя безоружными гюдбрансдальскими крестьянами — это подвиг, которым я загладил то, что преступно защищал под Ленинградом свою родину! Я швырнул о стену табуретку, вошла хозяйка, и мне пришлось просить прощения. От этого можно с ума сойти.

По ночам я вижу во сне Хелену. Только ее. Нужно постараться забыть о ней. А принц ни слова не сказал. Мне кажется, это невозможно вынести.

Харри снова посмотрел на часы. Потом продолжил листать страницы, пока не наткнулся на знакомое название.

Эпизод 105
Ресторан «Шрёдер», 23 сентября 1948 года

…свое дело, и перспективы у него неплохие. Но сегодня случилось то, чего долго боялся.

Я сидел и читал газету, когда вдруг почувствовал, что кто-то стоит рядом с моим столиком и пристально смотрит на меня. Я поднял взгляд, и у меня кровь застыла от ужаса! Судя по виду, он был на мели. Грязная одежда, и осанка не та, что была раньше. Как будто он потерял что-то важное в жизни. Но я сразу узнал нашего командира, одноглазого Эдварда Мускена.

– Гюдбранн Юхансен, — сказал он. — А говорили, ты погиб. В Гамбурге.

Я не знал, что делать или говорить. Я знал только то, что человек, который сейчас сел напротив меня, может добиться, чтобы меня судили за измену родине, и — что было бы еще хуже — за убийство!

У меня во рту пересохло, но я ответил ему, что да, я жив, и, чтобы выиграть время, рассказал, как оказался в венском лазарете с ранениями в

голову и ногу. И спросил, что произошло с ним. Мускен ответил, что его отправили домой, и он оказался в лазарете в Синсене (забавно — ведь туда направляли меня). Как и остальных, Мускена судили за измену родине, дали три года тюрьмы и выпустили через два с половиной.

Мы поговорили о том о сем. Постепенно я успокоился, заказал ему пива и рассказал, что решил заняться стройматериалами. Я откровенно признался, что таким, как мы, лучше начать собственное дело, поскольку большинство предприятий (особенно те, что в войну сотрудничали с немцами) не хочет принимать на работу бывших легионеров.

– И тебя тоже? — удивился Мускен.

Пришлось объяснить ему, что мне не сильно помогло то, что я потом воевал за «правое дело» — все равно я успел поносить немецкую форму.

Все время нашего разговора Мускен едва заметно улыбался и под конец не выдержал и начал рассказывать о том, как долго пытался найти меня, но все следы обрывались в Гамбурге. И он уже почти сдался, когда вдруг увидел в статье о борцах Сопротивления имя Синдре Фёуке. Он заинтересовался, где Фёуке работает, и позвонил

туда. Кто-то посоветовал поискать меня в ресторане «Шрёдер».

Мне снова стало не по себе, я решил, что сейчас все и начнется. Но Мускен сказал совсем не то, что я ожидал:

– Я ведь так толком и не поблагодарил тебя за то, что ты спас меня, когда Халлгрим Дале чуть меня не убил. Ты спас мне жизнь, Юхансен.

В ответ я смог только пожать плечами.

Мускен сказал, что я в тот раз повел себя как благородный человек. Мол, у меня были причины желать ему смерти. Если бы тело Синдре Фёуке нашли, Мускен мог бы подтвердить, что убийца — я! Я только кивнул. Тогда он посмотрел на меня и спросил, неужели я его боюсь. И я решил, что ничего страшного не случится, если я расскажу ему все, что со мной на самом деле произошло.

Мускен слушал меня, иногда покачивая головой, иногда поглядывая на меня своим циклоповым глазом, будто проверяя, говорю ли я правду, — но он понимал, что лгать я ему не собираюсь.

Я закончил говорить и заказал еще пива. Мускен рассказал о себе, о том, что, пока он сидел в тюрьме, его жена нашла другого человека, который смог позаботиться о ней и ребенке. Мускен не осуждал ее. Да и для Эдварда-младшего так,

пожалуй, было лучше. Кажется, Мускен со всем смирился. Он сказал, что хотел бы заняться перевозками, но никто не берет его водителем.

– Сам купи себе грузовик, — посоветовал я. — Начни свое дело, как я.

– У меня нет таких денег, — ответил он, мельком посмотрев на меня. У меня появилась идея. — А в банке мне кредита не дают. Считают, что бывшие легионеры — все, как один, бандиты.

– У меня есть кое-какие сбережения, — сказал я. — Давай я буду твоим кредитором.

Он отказался, но я сказал, что это дело решенное.

– Ну, конечно, я буду получать проценты! — заявил я. Мускен просветлел. Но потом снова посерьезнел и сказал, что это, наверное, будет слишком дорого, пока он не встанет на ноги. Пришлось успокоить его, что проценты будут небольшими, почти символическими. Потом мы выпили еще пива и, перед тем как разойтись, обменялись рукопожатиями в знак того, что мы договорились.

Эпизод 106
Осло, 3 августа 1950 года

В почтовом ящике письмо из Вены. Я положил его на стол и просто смотрел на него. На обратной стороне стояло ее имя и домашний адрес. В мае я послал письмо в госпиталь Рудольфа II в надежде, что кто-нибудь знает местонахождение Хелены и передаст письмо ей. Опасаясь, что письмо попадет не в те руки, я не стал писать ни о чем, что могло бы вызвать неприятности у меня или Хелены. И конечно, я писал не от своего имени. Но все равно я не осмеливался ждать ответа. Я даже не знаю, хотел ли я получить его. Что она напишет мне? Что вышла замуж, родила детей. Нет, такого ответа я не хотел.

Боже, мы были тогда так молоды! Ей было всего девятнадцать! И сейчас, когда я держал в руках ее письмо, оно почему-то казалось мне невероятным, будто почерк на конверте не имел никакого отношения к той Хелене, о которой я мечтал шесть лет. Дрожащими пальцами я распечатал письмо, приготовившись к худшему. Оно было длинное, но хотя я в первый раз прочи-

тал его всего несколько часов назад, я уже могу пересказать его наизусть.

«Дорогой Урия!

Я тебя люблю. Неудивительно, что я буду любить тебя до самой смерти, но странно — мне кажется, я любила тебя всю свою жизнь. Когда я получила твое письмо, я плакала от счастья, мне...»

Не прекращая читать, Харри пошел на кухню, нашел в шкафчике над мойкой молотый кофе и поставил на плиту кофеварку. Он прочел о том, как влюбленные встретились в парижском отеле, о том, каким счастливым, но вместе с тем горьким было их воссоединение. На следующий день они обручились.

С этого момента Гюдбранн все меньше и меньше писал о Даниеле. Казалось, тот исчез совсем.

Вместо этого он писал о том, что из-за убийства Кристиана Брокхарда влюбленные по-прежнему не могут забыть о преследователях. Хелена и Гюдбранн тайно встречаются в Копенгагене, Амстердаме и Гамбурге. Гюдбранн рассказывает Хелене о том, что живет под чужим именем. Но рассказывает ли он ей об убийстве на фронте и расправе с семьей Фёуке? Похоже, что нет.

Они обручились уже после того, как из Австрии ушли войска союзников, а в 1955 году Хелена покидает родину, где, она уверена, к власти вернутся «военные преступники, антисемиты и фанатики, которые ничему не научились на своих ошибках». Влюбленные обосновываются в Осло, где Гюдбранн (по-прежнему под именем Синдре Фёуке) продолжает вести свое дело. В том же году они просят католического священника обвенчать их. Свадьба происходит в их саду на Холменколлсвейен, где влюбленные на деньги, вырученные Хеленой от продажи ателье в Вене, покупают огромный дом. Они счастливы, пишет Гюдбранн.

Горелка зашипела, и Харри с удивлением обнаружил, что кофе бежит через край.

Эпизод 107
Главный государственный госпиталь, 1956 года

Хелена потеряла столько крови, что я даже испугался, что она может умереть. Но, к счастью, врачи успели вовремя. Ребенка мы потеряли. Конечно, Хелена безутешна, хотя я постоянно повторяю ей, что она еще молода и ребенок у нас будет. К сожалению, доктор не разделяет моего оптимизма. Он сказал, что матка…

Эпизод 108
Главный государственный госпиталь, 12 марта 1967 года

Дочь. Мы назовем ее Ракелью. Я плакал и никак не мог остановиться, а Хелена гладила меня по щеке и говорила, что пути Господни…

Харри вернулся в гостиную и провел рукой по глазам. Как же это ему сразу в голову не пришло, когда он увидел ту фотографию Хелены в комнате Беатрисы? Мать и дочь. Все-таки он не в себе! Точно не в себе. Ракель мерещилась ему везде: на улицах — в лицах проходящих мимо женщин, по телевизору — когда он быстро переключал каналы, за стойкой кафе. Поэтому он и не обратил внимания, когда на фотографии красивой женщины узнал именно Ракель!

Может, позвонить Мускену, чтобы тот подтвердил все, что написал Гюдбранн Юхансен, он же Синдре Фёуке? Но нужно ли? Нет, не сейчас.

Харри снова посмотрел на часы. Зачем он это сделал? Он ведь никуда не опаздывает, с Олегом и Ракелью он встречается в одиннадцать. Эллен бы наверняка все объяснила, но теперь ее рядом

нет, а у Харри нет времени задумываться над ответом. Именно — нет времени. Совсем..

Быстро пролистав страницы, он увидел запись от 1999 года. 7 октября. Листок почти в самом низу стопки. Харри почувствовал, как потеют его ладони. Сейчас с ним творилось то же самое, что и с отцом Ракели, когда тот получил письмо от Хелены — страх в конце концов столкнуться с неизбежным.

Эпизод 109
Осло, 7 октября 1999 года

Я умру. Смешно будет после всего, через что я прошел, умереть от какой-то болезни. Как сказать об этом Ракели и Олегу? Я шел по Карл-Юханс-гате и чувствовал, что, хотя после смерти Хелены эта жизнь потеряла для меня всякое значение, умирать я сейчас не хочу. Не потому что я больше не скучаю по тебе, Хелена, но потому, что я так надолго забыл о своем земном предназначении, а сейчас времени уже почти не остается. Я шел по тому же склону, что и 13 мая 1945 года. Принц так и не вышел на балкон, чтобы сказать, что он нас понимает. Зато он понимает всех остальных, у кого есть проблемы. Не думаю, что он выйдет. Мне кажется, он предал нас.

Потом я заснул под деревом, и мне приснился чудесный сон — будто откровение. И когда я проснулся, со мной проснулся мой старый спутник. Даниель вернулся. И я знаю, чего он хочет.

«Форд» тяжело стонал, когда Харри с остервенением дергал рычаг передач — с первой на вторую и обратно. А когда он выжал до упора педаль газа,

«форд» взревел, как раненый зверь. Чуть не сбив парня в праздничном эстердальском наряде на перекрестке Вибес-гате с Богстадвейен, Харри выехал на Хегдехёугсвейен. Автомобили, едущие в сторону центра, стояли в пробке, и Харри выехал на встречную полосу, отчаянно сигналя и надеясь, что у встречных водителей хватит ума в него не врезаться. Развернувшись на газоне перед каким-то кафе, Харри вдруг увидел перед собой ярко-голубую стену. Трамвай!

Останавливаться было слишком поздно, Харри еще раз крутанул руль, слегка нажимая на тормоз, — машина уже неслась по мостовой. Трамвай был уже рядом, слева, он ехал навстречу. Боковое зеркало, отлетело, едва хрустнув, но слышать визг дверной ручки, прочертившей на боку трамвая длинную полосу, было невыносимо.

— Черт! Черт!

Но вот он снова свободен. «Форд» радостно выехал на асфальтированную дорогу и промчался до следующего перекрестка.

Зеленый, зеленый, желтый.

Харри сильнее нажал на газ, одной рукой продолжая сигналить, тщетно надеясь, что звук убогого гудка привлечет в центре Осло в 10.15 семнадцатого мая хоть какое-то внимание. С воплем

Харри ударил по тормозам. «Форд» попытался устоять на месте, цепляясь за землю-матушку, — а вперед полетели коробки из-под кассет, пустые сигаретные пачки и Харри Холе собственной персоной. Он ударился головой о ветровое стекло, когда машина уже остановилась. По пешеходному переходу пронеслась кричащая и размахивающая флагами толпа детей. Харри потер шишку на лбу. Он сейчас был рядом с Дворцовым парком, все подходы к Королевскому дворцу забиты людьми. Из открытого кабриолета, стоявшего неподалеку, Харри услышал прямую радиотрансляцию. Каждый год — одно и то же:

«А сейчас члены королевской семьи с балкона машут рукой людям, собравшимся на Дворцовой площади. С особой радостью народ приветствует наследника престола, недавно вернувшегося из поездки по США. Наследник…»

Харри выжал сцепление и, осторожно добавляя газ, медленно поехал по тротуару.

Эпизод 110
Осло, 16 октября 1999 года

Я снова рассмеялся. Конечно, это смеялся Даниель. Я не написал об этом, но первое, что он сделал, когда проснулся, — это позвонил Сигне. Мы позвонили из телефона-автомата в «Шрёдере». И это было настолько потешно, что на глазах выступили слезы.

Сегодня ночью я снова буду обдумывать свой план. Проблема в том, что я не знаю, где раздобыть себе оружие.

Эпизод 111
Осло, 15 ноября 1999 года

...было улажено, когда вдруг появился он — Халлгрим Дале. Неудивительно, что он спился. Я долго надеялся, что он меня не узнает. Наверное, до него доходили слухи, что я погиб во время бомбежки в Гамбурге, потому что он принял меня за привидение. Он понял, что я от чего-то скрываюсь, и хотел, чтобы я ему немного заплатил за молчание. Но этот Дале и за все деньги мира не смог бы держать язык за зубами. И я позаботился о том, чтобы он никому ничего не разболтал. Это не доставило мне никакой радости, но я почувствовал определенную удовлетворенность, убедившись, что не потерял навыка.

Эпизод 112
Осло, 6 февраля 2000 года

Вот уже больше пятидесяти лет мы с Эдвардом регулярно встречаемся в ресторане «Шрёдер». Шесть раз в году: в первый четверг каждого второго месяца. Мы по-прежнему называем это «штабными» встречами, как в те времена, когда ресторан стоял на Юнгсторгет. Я часто думал о том, что же нас связывает. Мы же совершенно друг на друга не похожи. Может, просто общая судьба. Нам пришлось пройти через одно и то же: оба побывали на Восточном фронте, оба потеряли жен, у обоих уже взрослые дети. Не знаю, но почему бы и нет? Самое важное — я ни насколько не сомневаюсь в преданности Эдварда. Разумеется, он никогда не забудет, как я выручил его после войны, но я помогал ему и потом. Например, в конце 60-х, когда он потратил все на выпивку и бега, и на его судьбе можно было бы поставить крест, если б я не заплатил за него долги.

Нет, Мускен уже далеко не тот уверенный в себе боец, которым был под Ленинградом, но в последние годы он понял, что жизнь далеко не та-

кая, какой он ее себе представляет, и старается взять от нее все, что может. Теперь у него есть своя беговая лошадь, он заботится о ней, больше не пьет и не играет и время от времени дает мне советы, на кого ставить на ближайших скачках.

Кстати о советах: именно Мускен рассказал мне, что Эвен Юль как-то спросил его, возможно ли, чтобы Даниель Гюдесон по-прежнему был жив. В тот же вечер я позвонил Эвену и спросил, не начинается ли у него маразм. На это Эвен рассказал мне, как несколько дней назад снял трубку второго телефона в спальне и нечаянно подслушал разговор его испуганной до смерти супруги с человеком, выдающим себя за Даниеля. Этот человек заявил, что позвонит в следующий четверг. Эвен сказал, что слышал на том конце звуки, будто звонили из какого-нибудь кафе, и теперь решил прочесывать по четвергам городские кафе, пока не найдет телефонного террориста. В полицию он обращаться не стал — они такими пустяками заниматься не будут. И Сигне ничего не сказал, чтобы его не остановила. Я закусил кулак, чтобы не расхохотаться, и пожелал этому старому идиоту удачи.

После переезда в Майорстуа я еще не виделся с дочерью, но мы разговариваем по телефону.

Кажется, нам обоим уже надоели ссоры. Я устал говорить ей, какое сильное оскорбление она нанесла мне и своей матери, когда вышла замуж за этого русского, сына старых большевиков.

– Знаю, тебе это кажется предательством, — говорит она. — Но это все в прошлом, и хватит об этом.

Нет, это не в прошлом. Ничто не в прошлом.

Олег про меня спрашивает. Он славный мальчик, Олег. Надеюсь только, что он не будет таким же упрямым и своенравным, как его мать. Это у нее от Хелены. Они так друг на друга похожи, что, когда я пишу эти строки, у меня на глаза наворачиваются слезы.

На следующей неделе Эдвард разрешил мне пожить в его дачном домике. Там я и испробую свою винтовку. Даниель радуется.

Загорелся зеленый, Харри нажал на газ. Передние колеса уперлись в край тротуара, «форд» тряхнуло, автомобиль весьма неэлегантно подпрыгнул и оказался на газоне. На тротуаре было слишком много народу, и Харри продолжил движение по траве. «Форд» прополз между прудом и четырьмя подростками, устроившимися на пикник. В зеркале Харри увидел мигание полицейского маячка. Толпы народу были везде

— до самой караулки. Харри остановил машину, выпрыгнул из нее и побежал к полицейским заграждениям.

Громко крича: «Полиция!» — Харри прокладывал себе дорогу в людской массе. Тех, кто встал сегодня с рассветом, чтобы занять место поближе к оркестру, приходилось буквально расталкивать. Когда Харри перепрыгивал через заграждения, какой-то гвардеец попытался остановить его, но Харри оттолкнул его в сторону, помахал удостоверением перед носом и неуверенно пошел по свободной от народа площадке. Под ногами хрустел гравий. За спиной под фальшивые звуки мелодии «I'm just a Gigolo» проходили школьные оркестры из Шлемдаля и Волеренги. Королевская семья махала им руками. Харри смотрел на сплошную стену сияющих, улыбающихся лиц и красно-бело-синих флагов, пробегая глазами ряды зрителей: пенсионеры, фотографы, отцы семейств с чадами на плечах, но нигде не было Синдре Фёуке. Гюдбранна Юхансена. Даниеля Гюдесона.

— Черт! Черт!

Харри охватила паника.

Вдруг он увидел у заграждений знакомое лицо. На посту в гражданском, в руках — рация, на гла-

зах — зеркальные очки. Значит, он последовал совету и пошел стоять в заграждении, пожертвовав «Скотсманом».

— Халворсен!

Эпизод 113
Осло, 17 мая 2000 года

Сигне мертва. Три дня назад я казнил ее как изменницу, пуля прошла сквозь ее лживое сердце. Я так долго был уверен в себе, но едва раздался выстрел, как Даниель покинул меня. Он оставил меня в замешательстве, и сомнения начали терзать меня. Той ночью я спал беспокойно. И еще тяжелее было от боли внутри. Я принял три таблетки из тех, что доктор Буер сказал мне принимать по одной, но боль по-прежнему была невыносимой. В конце концов мне удалось заснуть, и когда на следующее утро я проснулся, Даниель опять был со мной, он был полон новых сил. Цель уже близка, и мы бесстрашно сделали к ней еще один шаг.

Посмотри на костер, как он светит
золотисто-червонным огнем,
в этом пламени – воля к победе,
верность долгу и ночью и днем.

Он близится, тот день, когда за Великое Предательство последует возмездие. Я не боюсь.

Конечно, самое главное — чтобы о Предательстве узнали люди. Если эти воспоминания попадут не в те руки, их могут уничтожить или скрыть от народа. На всякий случай я постарался оставить нужные улики одному молодому полицейскому из Службы безопасности. Остается надеяться на его сообразительность, но я нутром чувствую, что с мозгами у него все в порядке.

В последние дни было столько переживаний.

Все началось в тот день, когда я решил, что пора расправиться с Сигне. Я позвонил ей и сказал, что приду за ней. Когда я выходил из «Шрёдера», то через стеклянную стену кафе напротив увидел лицо Эвена Юля. Я сделал вид, что не заметил его, и пошел дальше. Но я знал: он сообразит что к чему, если хорошенько подумает.

Вчера ко мне заходил полицейский. Я думал, что улики, которые я ему дал, не настолько явные, чтобы он смог в них разобраться до того, как я исполню задуманное. Но оказалось, что он наткнулся на след Гюдбранна Юхансена в Вене. Я понимал, что мне нужно выиграть время — по крайней мере, сорок восемь часов. И я рассказал ему ту небылицу про Эвена Юля, которую придумал специально для подобного случая. Я сказал,

что Эвен был несчастным бедолагой с израненной душой и в него вселился Даниель. Во-первых, эта небылица выставила бы Юля виновником всего происшедшего, в том числе убийства Сигне. А во-вторых, сделала бы инсценированное самоубийство, заготовленное мной для Юля, более правдоподобным.

Как только полицейский ушел, я сразу же приступил к действию. Казалось, Эвен Юль не слишком удивился, когда сегодня открыл дверь и увидел на пороге меня. Может быть, он хорошенько подумал, а может, просто был больше не в силах удивляться. Он уже был похож на мертвеца. Приставив ему нож к горлу, я пообещал: если он дернется, то прирежу его, как прирезал его псину. А чтобы у него не оставалось в этом сомнений, открыл взятый с собой мешок для мусора и показал труп этой твари. Мы поднялись в спальню, он послушно забрался на табурет и привязал под потолком собачий поводок.

– Не хочу, чтобы полиция раньше времени получила еще какие-нибудь улики, поэтому нужно, чтобы все выглядело как самоубийство, — сказал я. Но он не отвечал. Казалось, ему все равно. Кто знает, может, я даже оказывал ему услугу?

Затем я стер отпечатки пальцев, положил ме-

шок с собакой в холодильник, а ножи — в подвал. Дело было сделано, я в последний раз осмотрел спальню, как вдруг услышал за окном шум и увидел на дороге полицейскую машину. Она остановилась, будто кого-то поджидая, и я понял, что мне грозит опасность. Конечно, Гюдбранна охватил страх, но, по счастью, Даниель взял все в свои руки и не стал медлить с действиями.

Я взял ключи от двух других спален — один из них подошел к той, где висел Эвен. Я положил его на пол за дверью, взял тот ключ, который уже у меня был, и запер дверь снаружи. Потом вынул этот и вставил в замок другой ключ, который не подходил. И наконец вставил самый первый ключ в замок другой спальни. На все это ушло несколько секунд, затем я спокойно спустился на первый этаж и позвонил на мобильный телефон Харри Холе.

А в следующую секунду он вошел.

Хотя в душе я чуть не лопнул от смеха, думаю, у меня получилось сделать удивленное лицо. Наверное, потому что я и вправду был немного удивлен. Одного из полицейских я видел раньше. Той ночью в Дворцовом парке. Но, думаю, он не узнал меня. Наверное, потому что сегодня он увидел Даниеля. И еще: я не забыл стереть с ключей

мои отпечатки».

— Харри! Почему ты здесь? Что-то случилось?

— Слушай, передай нашим по рации, чтобы…

— Что?

Мимо под гремящую музыку прошла очередная колонна детей.

— Я говорю!.. — крикнул Харри.

— Что?! — крикнул Халворсен.

Харри выхватил у него рацию:

— Эй, вы, слушайте там все. Все, я сказал. Разыскивается мужчина, семьдесят девять лет, рост — метр семьдесят пять, глаза голубые, волосы седые. По всей вероятности, вооружен. Повторяю: вооружен и очень опасен. Есть подозрение, что он хочет совершить покушение, так что проверьте все крыши и открытые окна вокруг. Повторяю…

Халворсен в недоумении смотрел на него. Харри повторил сообщение и вернул рацию ему.

— Дальше твоя работа, Халворсен. Останови праздник.

— О чем ты говоришь?

— Ты при исполнении, а у меня сейчас вид, как… у алкоголика. Они меня и слушать не станут.

Халворсен посмотрел на Харри: небритый подбородок, мятая, криво застегнутая рубашка,

ботинки на босу ногу.

— Кто «они»?

— Ты что, еще не понял, о чем я говорю? — рявкнул Харри и указал ему трясущимся пальцем.

Эпизод 114
Осло, 17 мая 2000 года

Завтра. Расстояние — четыреста метров. Раньше у меня получалось. Зеленый весенний парк наполнится жизнью, и в нем не останется места для смерти. Но путь для пули теперь свободен. На мертвом дереве не будет листьев. Выстрел раздастся с небес, будто Божья длань покарает потомство предателя, и все увидят, что Он делает с теми, кто не чист сердцем. Предатель говорил, что любит свою страну, а сам предал ее. Он просил нас избавить ее от интервентов с Востока, а сам потом заклеймил нас как предателей.

Халворсен побежал к входу во Дворец, а Харри остался на месте. Он начал ходить кругами, как пьяный. Понятно, что королевская семья покинет балкон не сразу. Нужно, чтобы на это были весомые основания: 17 мая не станут отменять только из-за того, что деревенский следователь услышал что-то от своего коллеги, который и сам ни в чем не уверен. Харри шарил взглядом по толпе вверх-вниз, не сознавая, что ищет.

Выстрел с небес.

Харри поднял глаза. Зеленые деревья. Нет места для смерти. Стволы такие высокие, а листва такая густая, что даже с хорошим прицелом стрелять из соседнего дома невозможно.

Харри закрыл глаза. Помоги мне, Эллен.

Путь для пули свободен.

Почему вчера, когда Харри шел по парку, те двое рабочих, казалось, были чем-то удивлены? Дерево. На нем не было листьев. Он снова открыл глаза и посмотрел на кроны: вот он — коричневый мертвый дуб. Сердце бешено заколотилось. Харри обернулся, дождался, пока пройдет барабанщик, и кинулся к Дворцу. Оказавшись на линии между балконом и мертвым дубом, Харри остановился и посмотрел в сторону дерева. За голыми ветками возвышался синий стеклянный гигант. Отель «Рэдиссон САС». Ну конечно! Так просто. Одна пуля. 17 мая никто не обратит внимания на выстрел. Убийца спокойно спустится в переполненный холл, проскользнет мимо портье, выйдет на улицу и смешается с бесконечной толпой. А дальше? Что потом?

Времени на раздумья не оставалось, нужно было действовать. Нужно действовать. Но он так устал. Больше всего Харри вдруг захотелось уйти

отсюда подальше, уйти домой, лечь в кровать и проспать весь день, а наутро узнать, что ничего не произошло, что все ему просто приснилось. Сквозь пелену оркестровой музыки прорезался вой сирены «скорой помощи» на Драмменсвейен, и Харри очнулся.

— Черт! Черт!

Он бросил еще один взгляд на отель и побежал.

Эпизод 115
Гостиница «Рэдиссон САС», 17 мая 2000 года

Старик сидел, прислонившись к оконной раме, поджав ноги под себя и обеими руками сжимая винтовку. Звук сирены на улице становился все тише и дальше. Поздно спохватились, подумал старик. Они все умрут.

Его снова вырвало. Сплошная кровь. Тогда он от боли чуть сознание не потерял, а потом лежал, скорчившись, на полу в ванной и ждал, когда начнут действовать таблетки. Четыре штуки. Постепенно боль улеглась, но ударила напоследок, будто напоминая, что она еще вернется. Ванная снова приобрела обычные очертания. Та ванная, в которой он лежал, — с джакузи. Или с сауной? Во всяком случае, там был телевизор, и когда старик включил его, по всем каналам играли гимны и песни в честь короля и нарядные журналисты рассказывали о детской процессии.

Теперь старик снова был в гостиной. Солнце огромным фонарем висело на небе, освещая все вокруг. Старик знал, что ему с его куриной слепо-

той не стоит смотреть на этот свет, иначе можно не заметить русских снайперов, ползущих по снегу нейтральной полосы.

— Я его вижу, — прошептал Даниель. — Тридцать градусов, на балконе, прямо за мертвым деревом.

За деревом? Но ведь здесь, на изрытой бомбами земле, не было никаких деревьев.

Наследник вышел на балкон, но ничего не говорит.

— Он ушел! — с досадой бросил кто-то. Похоже, Синдре Фёуке.

— Ну уж нет, — ответил Даниель. — Ни один большевистский дьявол не улизнет отсюда.

— Он знает, что мы его увидели, и залег в траншею.

— Ну уж нет, — повторил Даниель.

Старик положил винтовку на край рамы. Чтобы открыть это окно, ему пришлось выкрутить винты — иначе окно полностью не открывалось. Что там говорила ему девушка за стойкой? Что это нужно, чтобы у гостей «не возникло разных глупых мыслей». Старик посмотрел в прицел. Люди внизу казались такими маленькими. Он выставил расстояние. Четыреста метров. Когда стреляешь сверху вниз, надо принимать во вни-

мание, что тяжесть пули меняет траекторию ее полета. Но Даниель это знал. Даниель знал все.

Старик посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Пора. Он прислонился щекой к тяжелому холодному прикладу, левой рукой перехватил ложе винтовки. Снова слегка прищурил левый глаз. Весь прицел заполнила балюстрада балкона. Потом черные фраки и цилиндры. Старик нашел нужное лицо. Как оно было похоже на то, молодое лицо в сорок пятом!

— Ну уж нет, — повторял Даниель все тише и тише, все пытаясь прицелиться. Вскоре слова облачками пара вовсе перестали выходить у него изо рта.

Перед балконом расплывался дуб, тыча в небо черными пальцами. На одну из ветвей села птица. Прямо на линии прицела. Старик занервничал. Ее же там не было. Скоро она опять улетит. Он выпустил из рук винтовку и еще раз набрал воздуху в саднящие легкие.

Хррр… хррр…

Харри ударил по рулю и повернул ключ зажигания снова.

Хррр… хррр…

— Да заводись ты, развалюха старая! А то завтра будешь на свалке!

«Форд» взревел и, выбрасывая из-под колес траву и землю, рванул вперед. Харри круто повернул у пруда. Ребята, спокойно сидевшие на земле, с громкими криками вскочили на ноги, подхватив бутылки с пивом. Харри ехал к гостинице. Заслышав неистовый рев мотора на первой передаче и непрекращающиеся гудки клаксона, людская масса рассыпалась, освобождая Харри путь. Внезапно рядом с детским садом в самом конце парка из-за дерева появилась детская коляска. Харри резко повернул влево и едва не въехал в ограду оранжереи. Автомобиль съехал на Вергеланнсвейен и оказался прямо перед украшенным норвежскими флагами и березовыми листьями такси, — таксист едва успел затормозить, Харри поддал газу и, маневрируя между встречными машинами, помчался на Хольбергс-гате.

Остановив «форд» перед вращающейся дверью, Харри выпрыгнул из машины и кинулся в отель. Когда он ворвался в людный холл, посетители на секунду притихли, ожидая, что сейчас произойдет что-нибудь необычное. Но нет, это был всего лишь мужчина, выпивший слишком много в День Конституции, — такое они уже видали. И холл снова заполнился ровным гулом. Харри подошел к одной из этих идиотских стоек-«ост-

ровков».

— Мы рады вас приветствовать этим утром, — услышал Харри женский голос.

Дежурный администратор, девушка с высокими бровями и светлыми, похожими на парик кудерьками, смерила его взглядом с головы до ног. Харри посмотрел на значок у нее на груди.

— Бетти Андресен, сейчас я буду говорить вполне серьезно, так что слушайте внимательно. Я из полиции. В вашей гостинице — человек, готовящий покушение.

Бетти Андресен посмотрела на этого высокого, небрежно одетого мужчину с красными глазами, по которым сразу было видно, что он пьян, или сошел с ума, или и то и другое. Она внимательно изучила предъявленное им удостоверение. Потом снова посмотрела на полицейского.

— Как его зовут? — наконец спросила она.

— Синдре Фёуке.

Ее пальцы пробежали по клавиатуре.

— К сожалению, в нашем отеле не останавливался никто с таким именем.

— Черт! Тогда наберите: «Гюдбранн Юхансен».

— Никакого Гюдбранна Юхансена тоже нет, господин Холе. Может быть, вам нужна другая гостиница?

— Нет! Он здесь, он сейчас в своем номере.

— Так вы с ним говорили?

— Нет, нет, я… это долго объяснять. — Харри провел рукой по лицу. — Так, так, так… Надо подумать… Ему нужен номер на верхнем этаже… Сколько у вас в гостинице этажей?

— Двадцать два.

— А сколько людей живут выше десятого этажа?

— Боюсь, что очень много.

Харри потряс кулаками в воздухе и посмотрел на администратора.

— Ну, конечно, — прошептал он. — Это дело рук Даниеля.

— Простите?

— Поищите в списке Даниеля Гюдесона.

А что будет потом? Этого старик не знал, «потом» для него не существовало. Во всяком случае, до нынешнего момента он об этом не задумывался. На подоконнике стояло четыре патрона. Темное золото гильз сверкало на солнце.

Старик снова посмотрел в прицел. Птица еще не улетела. Он узнал ее по ржаво-красному пятну на горле. Его тезка. Он направил прицел в толпу. Посмотрел на людей, стоящих у заграждений. И вдруг — знакомое лицо. Неужели?.. Он настроил

резкость. Да, вне сомнения, это Ракель. Но что она делает на Дворцовой площади? А вот и Олег. Кажется, он только что выбежал из детской процессии. Ракель взяла его на руки. Ракель сильная. У нее сильные руки. Как у матери. Вот они пошли к караульному помещению. Ракель посмотрела на часы. Она как будто ждет кого-то. На Олеге та самая куртка, которую он подарил ему на Рождество. «Дедова куртка», так они ее прозвали. Кажется, мальчик уже из нее вырос.

Старик тихо рассмеялся. Значит, осенью надо будет подарить ему новую.

Боли вернулись — на этот раз без предупреждения. Старик скорчился, беспомощно хватаясь за воздух.

Вспышка озарила окоп, и он увидел бледные лица других солдат и их тени, что, казалось, ползли к нему по стенам окопа.

Стало темно, и старик почувствовал, что стоит ему провалиться в эту тьму, и боли отступят. Винтовка упала на пол, насквозь потная рубашка липла к телу.

Старик выпрямился и снова положил винтовку на подоконник. Птица улетела. Он снова прицелился.

В прицеле снова показалось это лицо. Обычное

мальчишеское лицо. Мальчик уже свое отучился. А Олегу надо учиться. Это последнее, что старик сказал Ракели. Это было последнее, что он сказал сам себе перед тем, как застрелить Браннхёуга.

В тот день, когда заехал на Холменколлвейен за книгами, Ракели дома не было, так что старик открыл дверь своим ключом, вошел и случайно увидел на столе конверт. В конверте было письмо на бланке российского посольства. Прочитав и отложив его в сторону, старик посмотрел в окно. В саду еще кое-где лежал снег, уцелевший после весеннего ливня, — предсмертная агония зимы. Старик принялся один за другим открывать ящики стола. В них были еще письма: на бланках норвежского посольства, на обычной бумаге, на салфетках и вырванных из блокнота листках. И всюду стояла подпись Бернта Браннхёуга. Старик вспомнил о Кристофере Брокхарде.

Ни одному русскому черту не позволено так запросто стрелять по нашим.

Старик снял винтовку с предохранителя. Его охватило удивительное спокойствие, оттого что вдруг вспомнилось то, как легко было перерезать глотку Кристоферу Брокхарду и застрелить Берн та Браннхёуга. «Дедова куртка», новая «дедова куртка». Он выдохнул и положил палец на ку-

рок.

Крепко сжимая в руке универсальную магнитную карточку, Харри добежал до лифта и успел просунуть ногу между уже закрывающимися дверями. Двери снова открылись. Пассажиры лифта в недоумении уставились на него.

— Полиция! — закричал Харри. — Всем выйти!

Через секунду в лифте уже практически никого не было — как в классе после звонка на большую перемену — и только один мужчина лет пятидесяти, с черной козлиной бородкой, в синем полосатом пиджаке, с пышным праздничным шарфом и налетом перхоти на плечах, не торопился уходить:

— Любезнейший, это вам не полицейское государство. Мы с вами в Норвегии.

Обойдя его, Харри зашел в лифт и нажал на кнопку «22». Но человек с козлиной бородкой не унимался:

— Я жду аргументов, почему я как налогоплательщик должен…

Харри достал револьвер Вебера:

— Слушай, налогоплательщик, тут у меня целых шесть аргументов. Вон отсюда!

Время бежит и бежит, скоро начнется новый

день. Когда взойдет солнце, мы сможем разглядеть его получше и увидеть, друг это или враг.

Враг, враг. Так или иначе я все равно его пришибу.

А как же «дедова куртка»?

Замолчи, «потом» для тебя не наступит!

Лицо в прицеле такое серьезное. Улыбнись, мальчик.

Предательство, предательство, это все предательство!

Курок дошел почти до предела, нейтральная полоса пройдена. Не думать ни о звуке, ни об отдаче, пусть все будет как будет.

Раздался выстрел. Старик не был к этому готов. На долю секунды стало совсем, совсем тихо. Потом послышался рокот эха. Звуковая волна полетела над городом. В ту же секунду тысячи остальных звуков оборвались.

Харри бежал по коридорам двадцать второго этажа, когда вдруг услышал выстрел.

— Черт! — прошипел он сквозь зубы.

Навстречу неслись стены, Харри казалось, будто его засасывает в какую-то воронку. Двери. Картины, синие, кубизм. Толстый ковер делал его бег почти бесшумным. Хорошие гостиницы славятся звукоизоляцией. А хорошие полицей-

ские — тем, что знают, что нужно делать. Черт! В голове все путалось. Номер 2254, 2256. Снова выстрел. Вот — номер люкс.

Сердце отчаянно барабанило о грудную клетку. Харри остановился у двери и провел магнитной карточкой по замку. Послышался тихий гудок. Потом щелчок, на замке загорелась зеленая лампочка. Харри осторожно повернул ручку.

Действия полиции в подобных ситуациях четко расписаны. Харри изучал их еще в академии. Но тогда он не думал, что эти знания ему придется когда-либо применять.

Обеими руками держа перед собой пистолет, Харри ворвался в номер и застыл на пороге гостиной. Яркий свет ослепил его. Открытое окно. Солнце, будто нимб, висело над головой седого старика, который медленно повернулся к полицейскому.

— Полиция! Бросай оружие! — крикнул Харри. Зрачки сузились, и Харри различил силуэт направленной на него винтовки. — Бросай оружие, — повторил он. — Ты сделал свое дело, Фёуке. Задание выполнено. Все кончено.

Но вдруг на улице заиграл оркестр, как будто ничего не случилось. Старик поднял винтовку и прижался щекой к прикладу. Харри уже привык

к яркому свету и теперь разглядывал дуло винтовки Мерклина, которую раньше видел только на фотографиях.

Фёуке что-то пробормотал, но его голос утонул в новом грохоте, еще более громком.

— Что за… — прошептал Харри.

За окном за спиной Фёуке показалось облачко дыма, будто из комиксов. Оно поднималось со стороны крепости Акерсхус. Праздничный салют. Так это был праздничный салют! По толпе прокатилось: «Ур-ра-а-а!» Он потянул носом. Порохом в комнате не пахнет. Так, значит, Фёуке не стрелял. *Еще* не стрелял. Харри вцепился в рукоятку револьвера и поглядел на морщинистое лицо, мертвыми глазами смотревшее на него поверх мушки. Сейчас речь шла не только о жизни Харри и этого старика. Харри знал, что нужно делать.

— Я только что с Вибес-гате, я читал твой дневник, — сказал Харри. — Гюдбранн Юхансен. Или сейчас передо мной Даниель?

Харри стиснул зубы и начал нажимать на курок.

Старик снова что-то пробормотал.

— Что? Я не слышу?

— Passwort, — сказал старик. Его голос был сиплым, Харри даже не узнал его, когда услышал.

— Не надо, — проговорил Харри. — Не вынуждай меня.

Капля пота, сбежав по лбу и переносице, в нерешительности повисла на самом кончике носа Харри. Он перехватил револьвер поудобнее.

— Passwort, — повторил старик.

Харри видел его палец на курке. Сердце застыло от страха.

— Не надо, — сказал Харри. — Еще не поздно.

Но он знал, что это неправда. Уже поздно. Старик уже по ту сторону. По ту сторону рассудка, этого мира, этой жизни.

— Passwort.

Скоро мир исчезнет для них обоих, и в эти последние секунды время снова пошло медленно, как в новогоднюю ночь перед…

— Олег, — сказал Харри.

Дуло винтовки все это время было направлено на него. На улице послышался гудок машины. Лицо старика дернулось.

— Пароль: «Олег», — повторил Харри.

Палец на курке замер.

Старик открыл рот, собираясь что-то сказать.

Харри задержал дыхание.

— Олег, — проговорил старик. Его голос прозвучал как шелест ветра.

Харри не смог бы этого объяснить, но он понял: в ту же секунду старик умер. И в следующее мгновение на Харри из-за морщин глянуло лицо ребенка. Дуло винтовки больше не было нацелено на Харри. Он опустил револьвер. Потом осторожно протянул руку и положил ее старику на плечо.

— Ты обещаешь? — еле слышно спросил старик. — Что им не…

— Обещаю, — сказал Харри. — Я лично позабочусь о том, чтобы имена не оглашали. Олег и Ракель не пострадают.

Старик смотрел на Харри. Винтовка со стуком упала на пол; старик тихо осел рядом.

Харри вынул из винтовки магазин и положил оружие на диван. Потом набрал номер дежурного администратора и попросил Бетти вызвать «скорую помощь». Затем позвонил Халворсену и сказал, что опасность миновала. После этого он положил старика на диван и сел в кресло.

— Я все-таки до него добрался, — прошептал старик. — Он долго прятался. В траншее.

— Добрался? До кого? — Харри жадно затянулся сигаретой.

— До Даниеля. В конце я его одолел. Хелена была права. Я всегда был сильнее.

Харри затушил сигарету и посмотрел в окно.

— Я умираю, — прошептал старик.

— Я знаю, — ответил Харри.

— Он стоит у меня на груди. Видишь?

— Кто?

— Хорек.

Но Харри не видел никакого хорька. Он видел одинокое белое облачко на беззаботном чистом небе, солнце, норвежские флаги на крыше каждого дома и пролетающую мимо маленькую серую птичку.

Часть десятая
И воскреснут

Эпизод 116
Уллеволская больница, 19 мая 2000 года

Бьярне Мёллер нашел Харри в приемной онкологического отделения.

Начальник сел рядом с Харри и подмигнул маленькой девочке, которая тут же нахмурилась и отвернулась.

— Мне сказали, что все уже кончено, — произнес Мёллер.

Харри кивнул:

— Еще ночью. В четыре часа. Ракель все это время была здесь. А Олег и сейчас здесь. А вы зачем пришли?

— Так, хотел с тобой кое о чем поговорить.

— Курить хочется, — сказал Харри. — Пойдемте на улицу.

Они нашли скамейку под деревом. По небу бежали легкие облака. День обещал быть жарким.

— Так, значит, Ракель ничего об этом не знает? — спросил Мёллер.

— Ничего.

— Получается, что все известно только мне,

Мейрику, начальнику полиции, министру юстиции и главе правительства. Ну и, конечно, тебе.

— Шеф, вы лучше меня знаете, что кому известно.

— Да. Конечно. Просто мысли вслух.

— Так что вы хотели мне сказать?

— Знаешь, Харри, порой мне хочется работать где-нибудь в другом месте. Подальше от политики и организованной преступности. Например, в Бергене. Но иногда — в такие дни, как этот, — когда смотришь в окно в спальне и видишь фьорд, острова и заливы, и слышишь, как поют птицы, и… понимаешь? И тогда вдруг понимаешь, что не можешь променять это ни на что. — Мёллер посмотрел на божью коровку, ползущую по штанине его брюк. — Я хочу сказать, Харри, что лучше пусть все будет, как оно есть.

— Что значит «все»?

— Ты знаешь, за последние двадцать лет на каждого американского президента было совершено не менее десяти покушений. И ни одна поимка преступника не получила освещения в прессе. Харри, если все узнают, что на главу государства готовилось покушение, от этого не выиграет никто. Особенно с учетом того, что это покушение в теории могло удаться.

— В теории, шеф?

— Это не мои слова. Суть в том, что все это надо запереть в сейф. На замок. Чтобы не нарушать секретности. И не демонстрировать бреши в нашей системе безопасности. Это тоже не я придумал. Покушения почти так же заразны, как…

— Я понимаю. — Харри выпустил дым через ноздри. — Но главное, секретности хотят те, что за все это непосредственно отвечают. Те, что должны были вовремя бить тревогу. Верно?

— Н-да, — сказал Мёллер. — А иногда мне кажется, что Берген — это очень хороший вариант.

Некоторое время оба сидели молча. Мимо них с важным видом прошествовала какая-то птица, помахала хвостом, поискала что-то в траве и настороженно посмотрела вокруг.

— Трясогузка, — сказал Харри. — *Motacilla alba*. Очень осторожная птаха.

— Что?

— «Справочник юного орнитолога». А что нам делать с теми убийствами, которые совершил Гюдбранн Юхансен?

— Ну, ведь мы же уже раскрыли эти убийства?

— Что вы имеете в виду?

Мёллер начал ерзать:

— Если мы сейчас станем во всем этом рыть-

ся и бередить старые раны, то в конце концов кто-нибудь любопытный докопается до всего остального. Ведь мы же уже закрыли эти дела.

— Закрыли. Дело Эвена Юля. И Сверре Ульсена. А как быть с Халлгримом Дале?

— Об этом можешь не беспокоиться. Ведь Дале был…

— Всего лишь старым алкоголиком, на которого всем было наплевать?

— Харри, умоляю, не надо раздувать проблем на пустом месте. Ты же знаешь, я этого не люблю.

Харри загасил сигарету о подлокотник скамейки и положил окурок обратно в пачку.

— Шеф, мне пора. Я должен быть там.

— Значит, можно считать, что мы с тобой договорились?

Харри только улыбнулся:

— Кстати, мне тут говорили, кому перейдет моя должность в СБП. Это правда?

— Да, разумеется, — ответил Мёллер. — Том Волер уже подал заявление. Мейрик хочет создать целую группу по борьбе с неонацизмом. Так что твоя должность может превратиться в настоящий карьерный трамплин. Но я все равно порекомендую Волера. Ты, думаю, будешь только рад, если он уберется из отдела убийств? У нас

появится новая инспекторская вакансия.

— В награду за мое молчание?

— Харри! Ну почему ты так все выворачиваешь? Нет, просто ты нужнее всего в отделе убийств. И ты еще раз это доказал. Думаю, мы можем рассчитывать на тебя?

— Знаете, каким делом мне хотелось бы заняться?

Мёллер пожал плечами:

— Харри, убийство Эллен раскрыто.

— Не совсем. Кое-что нам по-прежнему неизвестно. В частности: куда подевались двести тысяч крон, полученных при покупке оружия? Может, посредников было несколько?

Мёллер кивнул.

— Хорошо. Даю вам с Халворсеном на все два месяца. Если за это время вы ничего не найдете, дело закрывается.

— Весьма справедливо.

Мёллер уже собирался уходить, когда вдруг спросил:

— Да, и еще. Харри, как ты угадал, что пароль: «Олег»?

— Ну… Эллен всегда говорила, что первая мысль, которая приходит ей в голову, всегда самая правильная.

— Неплохо, — кивнул Мёллер. — И первое, что пришло тебе в голову, было имя его внука?

— Нет.

— Нет?

— Я же не Эллен. Мне нужно было подумать получше.

Мёллер пристально посмотрел на него:

— Смеешься?

Харри улыбнулся. Потом кивнул на трясогузку:

— Я читал в энциклопедии, что до сих пор неизвестно, почему трясогузка трясет хвостом, даже стоя на месте. Это тайна. Единственное, что можно сказать наверняка, — это то, что она не может им не трясти…

Эпизод 117
Полицейский участок, 19 мая 2000 года

Едва Харри положил ноги на стол, зазвонил телефон. Харри так долго устраивался в новом кресле, что теперь, наконец-то удобно в нем расположившись, не стал из него вылезать и рывком подъехал к столу, едва не свалившись, и кончиками пальцев дотянулся до трубки.

— Холе слушает.

– *Harry? Esaias Burne speaking. How are you?*[56]

– *Esaias? This is a surprise*[57].

— Правда? Я звоню, только чтобы сказать тебе «спасибо», Харри.

— Спасибо? За что?

— За то, что ты не стал этого всего делать.

— Не стал делать? А что я должен был делать?

— Ты меня прекрасно понимаешь, Харри. Спасибо, что ваши дипломаты не стали просить о помиловании и всем таком прочем.

---

[56] Примечания: 56
Харри? Это Эсайас Бёрн. Как дела? (*англ.*)

[57] Примечания: 57
Эсайас? Вот так неожиданность! (*англ.*)

Харри не отвечал. Этого звонка он не ждал. Кресло больше не казалось ему удобным. Харри вспомнил молящий взгляд Андреаса Хохнера. И дрожащий голос Констанции Хохнер: «Вы обещаете, что сделаете все возможное, господин Холе?»

— Харри?

— Да, я слушаю.

— Приговор огласили вчера.

Харри посмотрел на фотографию Сестрёныша на стене. Кажется, в том году лето выдалось на редкость жарким? Они купались даже в дождь. Харри вдруг стало невыносимо грустно.

— Смертная казнь? — услышал он собственный голос.

— Без права апелляции.

Эпизод 118
Ресторан «Шрёдер», 1 июня 2000 года

— Какие планы на лето, Харри?

Майя стояла рядом и пересчитывала мелочь.

— Не знаю. Мы договорились снять дачный домик где-нибудь тут, в Норвегии. Мальчику надо учиться плавать и все такое.

— У тебя есть дети? Я и не знала.

— Да нет. Это долгая история.

— Вот как? Надеюсь, как-нибудь ты ее мне расскажешь.

— Посмотрим, Майя. Мелочь можешь оставить себе.

Майя сделала книксен и, ухмыльнувшись, удалилась. Посетителей в ресторане было немного — даже не верилось, что сегодня пятница. В такой теплый вечер большинство предпочитало посидеть на Санктхансхёуген в ресторане под открытым небом.

— Ну? — сказал Харри.

Старик сидел, уставившись в стакан, и молчал.

— Он умер. Тебе нужно радоваться, Оснес.

Могиканин поднял голову и посмотрел на

Харри.

— Кто умер? — спросил он. — Никто не умер. Только я. Я последний из мертвецов.

Харри вздохнул и с газетой под мышкой вышел на улицу. Жара стояла невыносимая.